

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Б-336

АФРИКА:

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ОТСТАЛОСТИ
И ПУТИ
РАЗВИТИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АФРИКИ

А Ф Р И К А : ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОТСТАЛОСТИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОСКВА
1974

*Под редакцией Ю. М. КОБИЩАНОВА,
Л. Е. КУББЕЛЯ (ответственный редактор) и И. В.
СЛЕДЗЕВСКОГО*

Сборник содержит статьи, посвященные особенностям исторического развития стран Африки, которые обусловили возникновение так называемой отсталости африканских обществ в экономической, политической и социальной сферах. Рассматриваются такие вопросы, как складывание общественного разделения труда в обществах, ведущих натуральное хозяйство; историческая специфика перехода от доклассового к классовому обществу в Тропической Африке; ход и особенности формирования колониальной экономики как особого типа экономической структуры; некоторые формы эксплуатации в бывших французских колониях Африки.

А $\frac{10603-057}{013(01)-74}$ 35-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемая вниманию читателей книга не является ни коллективной монографией в традиционном смысле слова, ни сборником статей, более или менее разнообразных по теме, отбору материала и т. д. Это очерки, объединенные общностью рассматриваемых проблем и принципиальным единодушием в их решении или, иначе говоря, единством концепции и замысла, при значительной свободе авторов в выборе конкретного объекта исследования во времени и пространстве. Ни один из очерков не претендует ни на полный охват материала по всему Африканскому материку, ни на исчерпывающее освещение темы, однако все они ставят одни и те же ключевые вопросы социально-экономического развития Африки в тот или иной период ее истории. Рассматривая такие вопросы, Ю. М. Кобищанов концентрирует свое внимание на Северо-Восточной Африке и Тропической Африке южнее экватора, Е. П. Дятел — на отдельных народах Южной и Восточной Африки, И. В. Следзевский — на Западной Африке, В. В. Анненков — на Сенегале. Ю. М. Кобищанов использует преимущественно материал доколониального времени, тогда как остальные авторы привлекают в основном материал колониального и пост-колониального периодов.

Монографическое, а не очерковое исследование причин исторической отсталости Африки в целом в настоящее время невозможно из-за фрагментарности наших знаний в области социальной истории этого материка и из-за недостатка конкретно-исторических и статистико-экономических работ.

В центре внимания всех очерков находится проблема формационного анализа африканских обществ как до, так и после их порабощения колониальными державами. Ставятся вопросы социально-экономического развития Африки в колониальный период, в частности исследуется сущность колониальной монополии и ее влияние на развитие мелкотоварного уклада в африканских обществах, ана

лизируется характер этого уклада (на примере Сенегала). Вместе с тем авторы считают, что понять причины отсталости современной Африки и найти пути ее преодоления можно, лишь рассмотрев механизм социально-экономического развития, сложившийся в Африке под влиянием колониализма, диспропорций в общественном воспроизводстве и специфических типов многоукладности, включающей и традиционные структуры, ведущие свое происхождение от доколониальных времен. В связи с этим подвергнуты исследованию причины особой застойности первобытных обществ Африки и рассматриваются вопросы характера и темпов развития Африки в доколониальный период и особенностей становления феодальной формации в Тропической Африке.

При изучении всего этого сложного комплекса проблем авторы неизбежно должны были коснуться основных понятий политэкономии первобытнообщинной и феодальной формаций и капиталистической формации в ее колониальном варианте. В решении этих вопросов авторы неизменно руководствуются учением марксизма-ленинизма как единым диалектическим целым, ибо лишь таким образом можно дать достойный отпор как ревизионизму, так и догматизму.

Марксистско-ленинский анализ социально-экономических проблем исторического развития африканских обществ требует также и преодоления не изжитого до конца формального подхода к изучению общественных явлений, при котором конкретные закономерности развития дедуктивно выводятся из общих понятий; явления, типичные для одних структур, произвольно переносятся в другие структуры и т. п.

Авторы надеются, что с выходом книги в свет продолжится плодотворное обсуждение поднятых в ней вопросов, начатое советскими историками в последние годы, что будет способствовать более глубокому анализу актуальных проблем развивающихся стран.

Ю. М. Кобищанов

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ ИСТОРИИ АФРИКИ

История создается людьми внутри определенной конкретно-исторической сферы, пределы которой обусловлены уровнем развития данного общества или совокупности обществ. Конкретно-историческая сфера, или исторический мир,— это такая совокупность обществ, в которой происходят исторические события, совершаются исторические факты, влияющие на жизнь данного общества. Например, начало культивации маиса, помидоров, табака, американских сортов хлопчатника и фасоли были важными событиями истории доколумбовой Америки. Однако фактами африканской истории они стали лишь после целой цепи событий, происходивших за пределами Африканского материка и до поры до времени не оказывавших абсолютно никакого влияния на жизнь африканских народов. Сначала это было развитие производства у народов доколумбовой Америки и Южной и Западной Европы, затем открытие Нового Света Колумбом, его колонизация европейцами, начало португальского, а затем голландского и английского проникновения в Африку и т. д. Лишь установив через португальцев и других европейцев связь с Новым Светом, африканцы соединили свой исторический мир с этим историческим миром, лежащим по другую сторону Атлантики.

Пределы исторического мира, или конкретно-исторической сферы, менялись с течением времени, от одной

эпохи к другой. В основном это был процесс постепенного расширения конкретно-исторических сфер и слияния их между собой.

Узок и примитивен был исторический мир людей первобытнообщинной формации; изолированные от большинства человечества, что было неизбежно при тех. средствах передвижения и тех общественных отношениях, которые у них были, эти люди знали о существовании лишь собственной общины и немногих других соседних общин, оказывавших некоторое влияние на их жизнь. Они не имели ни объективных возможностей, ни побудительных причин расширить свой кругозор, чрезвычайно бедный идеями и знаниями об ойкумене. В их искусстве и религии лишь случайно отражались контакты с более далекими народами, даже если эти последние обладали значительно более развитой культурой, но запечатлевались (чаще всего в фантастической форме) такие события всемирно-исторического значения, как установление родового строя, переход к земледелию, приручение диких животных и т. д.

Не широк и не 'Сложен был и традиционный мир африканских крестьян, которые вели мелконатуральное потребительское хозяйство. Однако управлявшие ими и эксплуатировавшие их феодалы были связаны с правителями государств, во владениях которых эти крестьяне жили; при дворах правителей, в городах находились купцы, посещавшие чужие земли или прибывавшие из далеких стран. Эти правители имели мирные либо военные политические отношения с целым рядом ближайших и более отдаленных государств и т. д.

В настоящее же время исторический мир любого народа охватывает всю Землю, а с развитием космонавтики вышел и за ее пределы.

Исторический мир, таким образом, есть понятие историческое. Он представляет собой систему обществ и цивилизаций, тесно связанных друг с другом, которые сами являются фактами историческими. Цивилизацией мы называем, принимая определение, предложенное Л. Н. Гумилевым, суперэтническую общность [104, стр. 150; 105, стр. 114; 106, стр. 98 и сл.], характеризующуюся известным социально-экономическим и культурным единством, находящим выражение в самосознании ее членов. Таким образом, цивилизация — это система

обществ, складывавшаяся исторически. Меньшую степень единства мы находим в системах цивилизаций, хотя на практике не всегда можно определить, имеем ли мы дело с одной цивилизацией или с целой системой, либо со складывающейся системой цивилизаций. Цивилизации и системы цивилизаций зарождались, развивались и сливались друг с другом либо распадались и гибли. Обширнейшую и наиболее развитую систему цивилизаций уже с середины I тысячелетия до н. э. представлял собой евразийский мир, протянувшийся от Западной Европы до Дальнего Востока и захвативший Северную Африку.

Как справедливо заметил Д. А. Ольдерогге, Африку южнее Сахары нельзя считать «всего лишь окраиной Старого Света, народы которой лишь пользовались достижениями великих культур Древнего Востока» [193, стр. 180]. Это автономный исторический мир с ярко выраженными особенностями развития производства (например, преобладание мотыжного земледелия на протяжении тысячелетий вплоть до настоящего времени), социальной структуры, форм политической организации, духовной культуры. Определенное, хотя и ограниченное единство Тропической Африки, историческая общность судьбы ее народов нашли одно из своих выражений в известном антропологическом единстве этого исторического региона. Другое выражение этого единства — определенное, также ограниченное сходство уровня социально-экономического развития основных народов Тропической Африки, близость его путей и темпов.

Известная, хотя и ограниченная общность африканских цивилизаций не может быть объяснена одним только спонтанным и изолированным развитием в сходных экологических условиях, особенно если учесть не только сходство, но и разнообразие этих условий. Эта общность является результатом взаимодействия трех главных исторических моментов: 1) генетической общности основных народов Тропической Африки, связанной с их расселением по просторам материка из общих центров и поддерживаемой постоянными контактами с соседними более или менее родственными народами;

2) ' контактов с евразийской системой цивилизаций, притом главным образом с одними и теми же ближайшими

к Тропической Африке странами, отчасти — с Индией: и Европой, в средние века — с арабо-мусульманским миром и т. д., и, кроме того, контактов многих африканских народов с ведущими цивилизациями самой Тропической Африки (мероитской, христианско-нубийской, аксумской, христианско-эфиопской, западносуданской, йорубской, суахилийской, цивилизацией Зимбабве и др.); 3) дальнейшего развития африканских обществ и культур, включающих в себя сходные автохтонные и заимствованные элементы в сходных экологических и исторических условиях.

Основные законы социального развития общи для всего человечества, и пути развития обществ Африки южнее Сахары в основном не отличались от путей человеческого прогресса в остальных частях ойкумены. Поэтому нет ничего искусственного в принципе сопоставления африканских обществ с иеафриканскими и объяснения первых из вторых и наоборот. Только путем такого сопоставления мы можем выявить местные особенности. В то же время некоторые черты африканских культур обладают неповторимым своеобразием и функционально компенсируют отсутствие или неразвитость иных черт, характерных для цивилизации Евразии. При таком сопоставлении мы неизбежно приходим к выводу об относительном отставании Тропической Африки, составляющей основную часть Африки южнее Сахары, от системы цивилизаций Евразии — Северной Африки. Ниже будут показаны формы и временные рамки этого отставания. При этом некоторые черты африканских обществ и культур нельзя объяснить одной только отсталостью, а, скорее, развитием в своеобразных условиях. Следует подчеркнуть, что отсталой Тропическая Африка и вся Африка южнее Сахары являлась лишь по сравнению с Евразией, но не с доколумбовой Америкой, Сибирью до русской колонизации, Океанией и тем более Австралией.

ПРИНЦИПЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Историческая регионализация закономерна, поскольку она пытается выявить общности более широкие или более узкие, чем отдельное общество. Регионализацию

можно проводить по какому-то одному признаку (этнолингвистическому, расовому, духовно-культурному, материально-культурному). Но в этом случае мы увидим, что контуры карт, построенных по какому-либо одному, даже весьма существенному, признаку, не совпадают или мало совпадают друг с другом. Можно проводить регионализацию по совокупности ряда признаков, как это обычно делают этнографы. В таком случае обнаружится ограниченное соответствие между признаками, «негрская раса», «бантоидные языки», «мотыжное земледелие», «негро-африканская музыка» и пр. Подобные совпадения обусловлены исторически, но они весьма ограничены, так как зависят от сочетания многих конкретных исторических условий.

Более перспективным нам представляется другой путь — выделение исторических регионов и центров на основании каких-то основных исторических общностей. Эти общности — контактные зоны, иначе — системы цивилизаций (культур), внутри которых происходит взаимовлияние разных цивилизаций и хозяйственно-культурных типов.

Наиболее общие подразделения обусловлены самой природой.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ РЕГИОНЫ

Африка находится в восточном полушарии Земли, или в Старом Свете, большую часть которого занимает огромный материк Евразии. Африканский материк (наименее расчлененный из континентов) и расположенный далеко на восток от него огромный островной мир Аустронезии примыкают к Евразии с юга, отделенные от нее широкими морями и соединенные с ней узкими перешейками: соответственно Суэцким и Кра. Америка же отделена как от Африки, так и от Евразии и Аустронезии просторами двух величайших океанов: Тихого и Атлантического. До эпохи великих географических открытий, за которой последовали эпохи работорговли и колонизации, Африка если и была связана с Америкой, то весьма слабо, несравненно меньше, чем с Евразией. Исторические контакты с этой последней имели для Африки огромное значение.

На континенте Евразии четко выделяются четыре огромных полуострова: Западная Европа, Левант вместе с Аравийским и Малоазиатским полуостровами, Индостан, Индокитай. К Леванту по своим физикотеографическим условиям приближаются лежащие непосредственно на запад от него территории Северной и Северо-Восточной Африки вместе с Эфиопским нагорьем и равнинами Африканского Рога (Сомали). От Леванта эту часть Африки отделяют только неширокие Средиземное и Красное моря и Аденский залив, от Южной Европы — только Средиземное море. Исторически страны Северной и Северо-Восточной Африки были тесно связаны не столько с внутренними районами континента, сколько с Левантом и Южной Европой. Из Леванта в эти страны по морям и по суше совершались переселения народов: семитоязычных финикийцев, сабеев, евреев, арабов; из Европы — индоевропейских по языку древних греков, римлян, вандалов, аланов, византийцев и др. Впрочем, византийцы, как позднее мамлюки и турки, происходили частью из Европы, частью — из Леванта.

В отличие от островной Аустронезии и сравнительно богатых полуостровами и островами Евразии и Америки, Африка очень слабо расчленена морями и заливами. Четыре главных полуострова: Магриб, Африканский Рог, Западная Африка и Южная Африка, очень слабо обозначены. Островов мало. Мадагаскар, Коморские острова и прибрежные острова Сахеля — единственные в африканской части Индийского океана — по своей истории принадлежат не столько Африке, сколько Аустронезии и Евразии. Канарские острова и о-в Фернандо-По до европейской колонизации представляли собой заповедные уголки неолита, изолированные от континента. Другие же архипелаги не были заселены. Таким образом, история Африки носила сугубо континентальный характер. Водные преграды преодолевались преимущественно не со стороны этого материка, а из других регионов мира (Южной Азии, Аустронезии, Китая, Европы, а также из Северной Африки). Поэтому для самой Африки они играли роль четко обозначенных рубежей.

Другого рода естественные преграды — пустыни

¹ В данном случае имеется в виду не только экологическая зона абсолютной пустыни, но и зоны кустарниковых пустынь, злаковокустарниковых пустынь, полупустынь и опустыненных саванн.

протянувшиеся в районе северного тропика поперек материка от берега Атлантического океана до берега Красного моря и Аденоского залива, а в районе южного тропика глубоко врезающиеся в глубь материка от берегов Атлантики, — делят Африку на три субконтинента: Северную Африку, лежащую между Сахарой и Средиземным морем, Южную Африку, расположенную южнее пустынь Намиб и Калахари, и Тропическую Африку — между ними. Тропическая Африка — самый большой и самый гетерогенный из этих трех субконтинентов. Каждому из них соответствует особая ботаническая область: Северной Африке — Голарктическая, занимающая также большую часть Европы и Азии; Южной Африке — Капская область (по мнению некоторых ученых, она представляет собой лишь подобласть следующей области); Тропической Африке — Эфиопская область. Труднопроходимый влажный тропический лес (гилея), протянувшийся в экваториальной полосе от берегов Атлантики до области Великих африканских озер, представляет собой еще одну естественную преграду, разделяющую Тропическую Африку почти пополам. В то же время вместе с обрамляющими пояс гилеи листопадно-вечнозелеными лесами эта лесная экваториальная область составляет один из главных естественных регионов материка². В итоге естественные преграды делят Африканский материк на семь естественных регионов, каждый из которых представляет совокупность нескольких близких между собой экологических зон: 1) африканское Средиземноморье; 2) северные пустыни (Сахара, Аравийская, Нубийская, Данакильская, Сомалийская); 3) северные саванны, речные долины и нагорья; 4) экваториальные леса; 5) южные саванны и речные долины; 6) южные пустыни (Намиб, Калахари); 7) Капская область. Эти регионы располагаются на карте Африки в широтном направлении, заходя друг в друга «языками» и «пятнами». Так, отдельные «языки» и «пятна» экваториальных лесов (влажных тропических и смешанных листопадно-вечно

² На заре истории зона лесов занимала большую часть Тропической Африки и представляла собой еще менее преодолимый барьер, чем зарождавшаяся Сахара. Горные леса Эфиопии смыкались с болотами Верхнего Нила и Чада, большая часть Восточной Африки и Западного Судана являлась лесной территорией.

зеленых) заходят далеко на северо-запад вдоль северного берега Гвинейского залива, а также частично сох-, раняются до сих пор или существовали в историческое время на берегах Индийского океана. «Языки» и «пятна» северных пустынь в виде полупустынь и опустыненных саванн проникают в глубь Восточной Африки далеко на юг, в виде Данакильской и Сомалийской пустынь, засушливых саванн Южной Эфиопии, Кении, Танзании. Тропические саванны на востоке материка образуют естественный «мост» между третьим, пятым и седьмым регионами. Еще один такой «мост» — долина Нила—соединяет первый регион с третьим; роль «моста», соединяющего последний с Аравией, играет также узкое Красное море.

Второй, четвертый и шестой регионы лежат в малоблагоприятных для производственной деятельности людей природно-климатических зонах, так как включают в себя безлюдные и труднопроходимые пространства абсолютной, кустарниковой и злако-кустарниковой пустынь, полупустыни и гилей; первый и седьмой регионы включают в себя экологические зоны наибольшего благоприятствования, а третий и пятый — зоны среднего и выше среднего благоприятствования хозяйственной деятельности человека.

Внутри основных естественных регионов выделяются субрегионы. Так, на северо-востоке Тропической Африки внутри естественного региона пустынь четко выделяются области Нубийской, Данакильской и Сомалийской пустынь, а внутри региона саванн, речных долин и нагорий —■ долина Нила, Эфиопское нагорье, Сомалийское Двуречье, нагорье Кении, нагорья Дарфура и Вадаи, саванны Верхнего Нила и др. Внутри субрегионов возможны дальнейшие членения. Так, долина Нила подразделяется на части порогами, Эфиопское и другие нагорья — сбросовыми впадинами, горными хребтами и другими особенностями рельефа, порой резко меняющими всю экологию пространства; саванны Верхнего Нила подразделяются на части долинами рек с их галерейными лесами и обширными просторами болот; оазисы в долинах Нила, Гаша, Бараки, **Аваша**, Сомалийского Двуречья, Ногаля — пустынями (полупустынями и опустыненными саваннами) и т. д.

Границы экологических зон — и вместе с ними есте

ственных регионов — не были стабильными. В течение исторического периода пустыни наступали на саванны и горные леса, саванны — на листопадно-вечнозеленый лес и гилею. Этому немало способствовала производственная деятельность людей.

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВА НА ПРИРОДУ

В течение последних пяти тысячелетий на севере материка появилась полоса пустынь с характерными биотопами абсолютной, кустарниковой, злаково-кустарниковой пустыни и полупустыни. Южнее пустынь пролегла полоса опустыненных саванн, отдельные «языки» и «пятна» которой проникли в глубь материка — на востоке до мыса Гвардафуй на берегу Индийского океана и вдоль Рифт-Валли — до Кении и Танзании, на западе — до правобережья Нигера на границе Верхней Вольты и Мали.

Вокруг пустынь и сухих степей образовались саванны, окружавшие тропические леса и обильно орошаемые нагорья. Влажный тропический лес — древнейшая в Африке и вообще на Земле форма ландшафта — отступал и продолжает отступать перед саванной, а саванна — перед пустыней. Это естественный процесс, в который, однако, активно вмешивается человек, движимый сознательными или бессознательными мотивами. И это вмешательство тем заметнее, чем выше уровень развития производства.

Как отмечает С. В. Калесник, «на земном шаре к настоящему времени почти не осталось ландшафтов, не затронутых воздействием человеческого общества». Однако цели и характер этого воздействия различны на разных ступенях общественного развития [130, стр. 410, 424—425 и сл.]. Бродячие охотники-собиратели Африки, такие, как пигмеи и бушмены, не намеревались, да и не могли, существенно переделывать окружающую их среду. Экологические условия их существования менялись лишь в результате естественных процессов или в случае переселения на новые места. Однако, выжигая участки леса при «щоте огнем», они вносили в природную среду изменения, медленно обратимые в условиях «усыхания» материка. В частности, такие

пожары способствовали изменению состава лесов за счет распространения деревьев-«огнелюбов». Мотыжные земледельцы-скотоводы внесли более заметный вклад в описанный выше процесс «высыхания» Африки. Они уничтожали отдельные деревья в саваннах и целые леса частью на топливо (как это было в Сахаре), частью для увеличения площади пастбищ и пашен (на границе саванны и лесов), частью для того и другого (в Эфиопии). Несомненно, многие обширные территории в бассейне Верхнего Нила, в районе (Великих африканских озер, на берегу Индийского океана, на юге Конго и в Замбии, получавшие достаточно осадков для древесной растительности, были превращены в саванну благодаря производственной деятельности людей. Африканское подсечно-огневое земледелие требует уничтожения дикой растительности на значительно большей площади, чем засеивается в данный сезон. Огонь ежегодно уничтожает огромное количество деревьев в африканских лесах и саваннах. Дикие копытные животные, видовое разнообразие которых в Африке не имеет себе равных, размножались на отвоеванных у леса участках вместе с домашним скотом и вместе с ним препятствовали восстановлению леса. Африканская саванна по сравнению с тропическим лесом производит на единицу площади больше белков, хотя и меньше клетчатки и общей биомассы. Для человеческих обществ саванна имеет уже поэтому огромное преимущество перед лесом. Однако чрезмерная эксплуатация земель методами подсечно-огневого земледелия и примитивного некоего скотоводства могла привести к разрушению почв и гибели их плодородия. В то же время само развитие производства и порожденной им цивилизации не только разрушало природу, но и внушало человеку стремление ее восстановить.

Первые шаги в этом направлении предпринимали еще бродячие охотники-собиратели, регулируя сроки охоты (в частности, на тотемных животных)¹, а также совершая магические обряды размножения диких животных и вызывания дождя. Эти реальные и фантастические способы контроля над природой сохранились и после становления производящего хозяйства. Кроме того, они были дополнены новыми, такими, как переложная система земледелия, при которой обрабатываемые уча

стки на долгие годы забрасываются под пар, выпас скота на полях после уборки урожая для удобрения их навозом, кочевое скотоводство, когда передвигающийся по многим пастбищам скот не истощает их полностью.

Один из самых ярких примеров равновесия этноса и ландшафта мы наблюдаем у доробо, небольшой этнической группы, населяющей горные леса на северо-западе и севере Кении. Доробо еще в недалеком прошлом вели бродячий образ жизни охотников-собирателей. В настоящее время его сохранила лишь небольшая часть доробо. В хозяйственной деятельности большинства этого народа охота и собирательство отступили на второй план по сравнению с мотыжным земледелием, скотоводством и особенно пчеловодством, которое составляет едва ли не главное занятие доробо. Крупный рогатый скот имеется далеко не у каждой семьи, в отличие от соседних народов; коз у доробо также не очень много, и они не истощают пастбищ; земельные участки невелики и забрасываются после каждого урожая, благодаря чему скоро восстанавливают свое плодородие. Доробо стремятся не допустить истощения ресурсов леса, в котором они живут. Прирожденные охотники и собиратели, они как никто знают родную природу и удивительно точно предсказывают погоду, намного точнее, чем их соседи, скотоводы-земледельцы нанди. В отличие от последних, доробо никогда не выжигают сухие травы и кустарники для обновления пастбищ и расчистки новых участков земли под посев. Они боятся, что огонь перекинется на деревья и вызовет лесной пожар либо так или иначе повредит цветущим растениям, с которых пчелы берут нектар. Доробо очень редко рубят деревья. Если человек срубил одно-два дерева для своих нужд, это считается нормальным. Но если он рубит больше, общественное мнение его осуждает. Изучавший доробо Дж. У. Хантингфорд считает возможным говорить даже об особенной любви доробо к деревьям, как у соседних с ними народов — к скоту [351, стр. 602—606, 614— 629; 350, стр. 55—61, 70].

У полuosедлых скотоводческих народов Восточной Африки, прежде всего у пилотских и паранилотских, видовое однообразие домашнего скота (обычно два-три вида, больше лишь у народов, граничащих с кушитскими) при ограниченных размерах постоянных пастбищ

вело бы к быстрому и катастрофическому разрушению почв, если бы не смягчалось беспрецедентным отношением этих «примитивных» пастухов к диким копытным животным. Скотоводческие нилотские и паранилотские народы, в отличие от земледельцев ланго, ачоли, акам-ба и других, почти не занимаются охотой на этих животных. Поэтому дикие копытные в их странах в недавнем прошлом были чрезвычайно многочисленны, не боялись людей, паслись и передвигались вместе с домашними коровами, овцами, козами. Пастухи же нисколько не препятствовали такому симбиозу и даже, как западные динка, рассматривали зебр и жирафов в качестве неременной принадлежности своих стад. Покушение на жирафов со стороны европейских и суданских охотников они почти приравнивали к посягательству на своих коров.

Таким образом до известной степени сохранялось естественное разнообразие копытных животных. К тому же засуха, эпизоотии, нападения хищных зверей почти одинаково (если отвлечься от большей восприимчивости домашнего скота к болезням и большей защиты их пастухами) регулировали численность диких и домашних стад.

Однако подобное равновесие было нарушено в новое время. Потеряв большую часть скота, многие нилотские, паранилотские, а также кушитские народы перешли в основном к экстенсивному подсечно-огневому земледелию. Те, кто сохранил свои стада, доводит их численность до чрезмерной величины, чему способствует введение достижений европейской ветеринарии. В итоге многие земли начинают истощаться. Обычай сжигать сухую траву для более быстрого возобновления свежей растительности в сезон дождей часто наносит саванне большой ущерб. При сильном ветре огонь быстро пробегает по саванне, очищая ее от мертвой травы. Но при безветрии или слабом ветре огонь распространяется медленно, «застаиваясь» на одном месте, в результате чего выгорают дерновины. В ближайший влажный сезон покров полностью не восстанавливается. Почва частью подвергается эрозии, частью зарастает более выносливыми, чем травы, кустарниками. Таким образом кустарниковая саванна (буш) вытесняла в Африке травянистую саванну.

Этот процесс ускорился благодаря истреблению слонов, жирафов, антилоп. Еще в III—I тысячелетиях до н. э. Северная и Северо-Восточная Африка стала поставщиком слоновой кости для внешнего мира, -включая Египет. Во II в. до н. э. к этому прибавился массовый отлов живых слонов для дрессировки и использования в военных целях. А уже к III в. н. э., как свидетельствует «Пери-пл Эритрейского моря», слоны и носороги были почти полностью -истреблены в прибрежных районах Эфиопии и Судана и сохранились лишь в глубине материка [41, стр. 265]. Между тем саванные слоны, хотя порой и вытапывают посевы, питаются в основном ветвями и листьями кустарников, уничтожая буш. Чем больше пасется в саванне слонов, тем больше кустарник уступает место траве. Уже в древности некоторые государства Африки приняли меры по охране слонов, охота на которых была объявлена «королевской охотой». На побережье Красного моря и Аденского залива, где возникли поселения эллинистического Египта, правители этой страны уплачивали компенсацию местным племенам за отказ от охоты на -слонов [46, стр. 255]. Эти животные были нужны Птолемеям для использования на войне. Возможно, аналогичные меры принимали мероитские цари. По-видимому, цари Аксума также взяли слонов под свою охрану. Византийский посол Ноннос видел в VI в. н. э. на плато Северной Эфиопии, в местности Ауа, на полпути между Адулисом и Аксумом, огромное стадо слонов, численностью до 5 тыс. Они паслись в «поле», причем никто из местных жителей не *смел* даже приблизиться к ним [58, стр. 179]. Цари Каф-фы в Юго-Западной Эфиопии вплоть до конца XIX в. пользовались монопольным правом охоты на слонов [85, стр. 159], что способствовало сохранению этих животных.

Жирафы и жирафовидные газели (геренуки) также «борются» с зарослями кустарника, поедая листву; однако они не истребляют кустарник так эффективно, как это делают слоны.

Больше всего воздействие сельскохозяйственного производства на природу³ сказалось в Северо-Восточной

³ Воздействие других сфер деятельности в доколониальной Африке привело лишь к частичному истощению запасов золота в некоторых районах на севере и северо-востоке материка.

Африке, особенно в долине Нила, в Сахаре и Нубийской пустыне. Египет, Средняя и Верхняя Нубия, долины Ат-бары и Гаша, оазисы Сахары — все это, в сущности, ландшафты, уже давно созданные производственной деятельностью людей. В меньшей степени это относится к тем районам Африки, где существовало интенсивное постоянное земледелие с террасированием и искусственным орошением, в еще меньшей степени — к районам экстенсивного подсечно-огневого земледелия и полукочевого скотоводства и в наименьшей степени — к зонам кочевого скотоводства и охотничье-собираческого хозяйства.

В колониальных, а также полуколониальных и постколониальных обществах Африки воздействие производства на природу приобрело невиданные прежде размеры. Первыми плодами этого процесса еще в XIX в. были засоление почв Дельты Нила и эрозия почв южноафриканского вельда, а также поразительно быстрое истребление диких животных в различных районах материка. Вскоре к этому прибавилось хищническое истребление лесов, сначала в горах Атласа и средней долины Нила (в Судане), затем в разных странах Тропической Африки. В настоящее время природной среде Африки, прежде всего земельным угодьям, угрожает катастрофически быстрое разрушение, а традиционным типам общественного хозяйства ■ — деградация не только в силу социально-экономических причин, но и вследствие резкого изменения экологических условий.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ—СИСТЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. И ОБОСОБЛЕННЫЕ ЧАСТИ ИХ

Естественные регионы и ограничивающие их природные преграды оказали несомненное воздействие на формирование исторических общностей, исторических регионов Африки. Границы экологических зон и естественных регионов препятствовали распространению культурных растений, домашних животных и культуры вообще (см. ниже). Вместе с тем они мешали передвижению масс людей (переселения народов, вторжения армий). Поэтому отдельные общества, культуры и цивилизации складывались в основном в пределах определенных естест

венных регионов. Границы последних определяли границы исторических общностей (исторических регионов), внутри которых развивались отдельные цивилизации и системы цивилизаций. Однако полного совпадения никогда не происходило. В Тропической Африке ни одна цивилизация не охватывала целого естественного региона; в то же время крупнейшие цивилизации местами выходили за пределы определенного региона.

При всем сходстве культур саванной и гвинейской лесной Западной Африки эта часть материка не принадлежала какой-то одной цивилизации. То же самое относится к Тропической Африке южнее экватора, занимающей зоны экваториального леса, южных и восточных саванн, острова и населенной родственными по языку и отчасти культуре народами банту. Лишь африканское Средиземноморье вместе с Египтом и прилегающими частями пустынь уже около 2500 лет входит в состав мировых цивилизаций (эллинистической, римской, романо-коптско-византийской, исламской, или арабско-мусульманской).

В истории Африки мы видим почти все стадии формирования таких систем. Отдельные очаги цивилизации и государственности зарождались в разных частях материка с древнейших времен (Египет) до XIX в. (зулусы, басуто, бечуаны, матебеле, некоторые нилотские народы и др.). При этом раньше всего очаги цивилизации появились на северо-востоке материка, затем — далее к западу и югу и в дальнейшем возникали тем позднее, чем далее на юг и юго-запад находился тот или иной регион или субрегион Африки. Можно проследить по источникам, как цивилизованные африканские народы заселяли все новые территории или вовлекали в орбиту своей культуры соседние племена. «Пятна» отдельных цивилизаций постепенно растекались по карте Африки, обрастали дочерними цивилизациями и сливались в более или менее обширные зоны. Цивилизации, первоначально весьма изолированные друг от друга, устанавливали контакты, вовлекались в международную и мировую торговлю, политику, духовно-культурные движения, образуя системы цивилизаций.

Еще во II—I тысячелетиях до н. э. вся Северная Африка (и Нубия) вошла в систему цивилизаций Средиземноморья — Ближнего Востока. Около середины

I тысячелетия до н. э. в результате греческой колонизации и эллинизации Северной Африки и распространения: здесь элементов древнеегипетской и финикийской культур началось формирование первой в истории человечества мировой цивилизации — эллинистической, первоначально «протоеллинистической». Этот процесс получил мощный стимул и новые составные элементы с образованием первой мировой державы — персидской империи Ахеменидов. В империи Александра Македонского, эллинистических государствах и эллинизированной Карфагенской державе происходило дальнейшее формирование культурной общности Средиземноморья, продолжавшееся и в римский период. Средиземноморская общность, африканцев продолжала существовать как романо-коп-то-византийская цивилизация, а затем была преобразована и еще больше интегрирована в ходе арабизации и исламизации всего региона. Что касается Северо-Восточной Африки, то она еще в древности (Нубия — со II тысячелетия до н. э., Северная Эфиопия — с V в. до н. э.) вошла в ту же систему цивилизаций, однако дальнейшее развитие здешних культур шло параллельно развитию цивилизаций Средиземноморья, не сливаясь с ним. В средние века к этой системе цивилизаций, охватившей большую часть Азии и всю Европу, присоединилась Южная и Восточная Эфиопия, область Африканского Рога, восточноафриканское побережье, Западный и Центральный Судан, позднее — уже в новое время — вся Восточная Африка до земель ваяо и Восточного Конго и почти вся Западная Африка до государства Бамум в Камеруне. Несомненно, к этой же системе принадлежали и более южные районы, вошедшие в сношения с европейцами или просто затронутые работорговлей. Таким образом еще до империалистического раздела Африки почти весь континент вошел или начинал входить в единую мировую систему цивилизаций, складывавшуюся к тому времени. Однако этот процесс тогда не завершился. Следует отметить, что в ходе присоединения отдельных африканских стран к мировой системе цивилизации Африка никогда не выступала как какое-то единое целое даже в пределах естественных регионов; в этот процесс постепенно включались отдельные народы и цивилизации, небольшие системы цивилизаций, по меньшей мере столь же часто входя в контакт

с неафриканскими, как и соседними африканскими цивилизациями. В этой крайней раздробленности сказывалось относительное отставание Тропической и Южной Африки от передовых регионов мира.

Таким образом, в Африке на первое место выступала не связь отдельных цивилизаций друг с другом внутри возникавшей мировой системы цивилизаций, а связь их с цивилизациями внешнего мира внутри той же системы.

Однако если Тропическая Африка настолько отставала от передовых регионов мира, что могла лишь по частям присоединяться к системам цивилизаций, включая мировую систему цивилизаций, то наиболее передовые ее регионы достигли достаточного развития, чтобы в них образовались не только отдельные очаги цивилизаций, но и небольшие системы.

Вероятно, на западе Судана собственная система цивилизаций сложилась еще до проникновения сюда мусульманских купцов и присоединения этого региона к цивилизациям внешнего мира. Точно так же цивилизации области Гвинейского залива образовывали некоторую, еще слабосвязанную систему до прихода сюда европейцев.. Другая система образовалась в африканском Межозерье, третья, более обширная, но связанная слабее,— в области южных саванн и речных долин. Черты самостоятельной системы обнаруживают цивилизации Северо-Восточной Тропической Африки, хотя здесь связь так называемых азанийских культур с Южной Эфиопией довольно слаба [424, стр. 27—35; 425; 426], а связь Восточной Эфиопии и Нубии с арабским миром была намного значительнее, чем связь их между собой (до XVII в.) или с Южной Эфиопией и даже с Северной Эфиопией. Лишь с XVI в. Сеннарский султанат в Судане установил тесную связь с Эфиопской империей.

Каждая система цивилизаций составляет исторический регион. Такими регионами являются Западный Судан, область Гвинейского и Бенинского заливов, или (в новое время) вся Западная Африка в целом; Северо- Восточная Африка; Межозерье (иначе —район Великих африканских озер); область южных саванн, от Мономотапы на востоке до государств Конго и Ангола на западе. В особые исторические регионы следует выделить изолированные части мировой системы цивилизаций, такие, как суахилийская Восточная Африка, Мадагаскар

и Коморы, ранние европейские колонии и племена метисов в Капской области. Особые исторические регионы составляют также обширные территории, не знавшие (государственности или только создающие ее, лежащие либо между некоторыми системами цивилизаций, такие, как область Верхнего Нила, Великий экваториальный лес, доколониальная Южная Африка, либо между историческими регионами внутри мировой системы цивилизаций, как Сахара или (в новое время) области южных -и юго-западных банту. Регионы последнего рода — отнюдь не чисто условная категория. Территории исторических регионов, между которыми они простираются, защищаются государствами, тогда как народы, населяющие регионы описанного типа, не располагают военной и дипломатической силой государств. Поэтому внутри системы цивилизаций наблюдается большая устойчивость рубежей, территорий, путей сообщения, чем внутри «промежуточных» регионов. По этой же причине, а также в силу более высокого уровня развития производства, более изощренных материальных и духовных потребностей внутри каждой системы цивилизаций наблюдается большая интенсивность контактов, чем с нецивилизованными племенами. В то же время, хотя внутри -«промежуточных» регионов наблюдались более интенсивные переселения народов, экономические и культурные связи в их пределах были обычно слабее, чем с более развитым, цивилизованным «внешним миром».

Отдельные исторические регионы могли сливаться между собой, поглощая «промежуточные». Это происходило в ходе развития разного рода контактов и расширения границ цивилизаций, причем менялся хозяйственно-культурный тип у одних народов, другие народы сливались с более развитыми, третьи изгонялись или истреблялись, уступая место пришельцам.

В каждой системе цивилизаций нетрудно обнаружить наиболее передовой центр, откуда распространяются различные влияния и где завязывается главный узел экономических, политических, культурных и иных связей. Часто подобный центр находился на перекрещивании важнейших путей сообщения, хотя порой такие пути прокладывались к уже существующим центрам. Столь же часто исторический центр цивилизации или -системы цивилизаций находился в области, наиболее

богатой производительными силами, хотя порой в почете либо избранный центр насильственно переселялось население, строились ирригационные сооружения, города и т. д.

Превратности истории, как правило, приводили к перемещению таких центров тяготения, к их «блужданию» в пределах исторических регионов, что выражалось в перенесении столиц.

Не ясно положение в зоне южных саванн. Здесь в средние века и в новое время лишь складывалась система цивилизаций. Может быть, в связи с этим процессом, а также с действиями европейцев в Конго и Мономотапе – в новое время наблюдался наряду с упадком некогда блестящих географически периферийных цивилизаций (Конго, Зимбабве) расцвет географически центральных государств (Баротсе, Лунда, Луба, Куба, или Бушонго)..

Итак, в Африке накануне эпохи колонизации можно выделить следующие основные исторические регионы ® субрегионы:

1. Северная Африка.
2. Северо-Восточная Африка (субрегионы: Нубия, Нубийская пустыня, Вадаи и Дарфур, Северная Эфиопия, Южная Эфиопия, область Африканского Рога, область Верхнего Нила).
3. Западная Африка (субрегионы: Западный Судан, Верхняя Вольта, область побережья Гвинейского и Бенинского заливов, Центральный Камерун).
4. Страны банту (субрегионы: Восточная Африка, область Великих озер, область южных саванн, область экваториального леса и др.). Ввиду сравнительно большей исторической отсталости этого региона от предыдущих в странах банту можно выделить значительно большее число субрегионов, чем приведено выше, а названные выше субрегионы считать особыми историческими регионами.
5. Южная Африка. Этот регион некогда включал и» большую часть предыдущего, как страна бушменов, древнейших обитателей южных и юго-восточных саванн.
6. Мадагаскар с его своеобразной исторической судьбой составляет особый исторический регион Африки.

Следует отметить, что исторические регионы Тропической Африки, в противоположность Северной и Юж-

•ной, а также Мадагаскару, в дело составляют определенное единство, о происхождении которого говорилось выше.

РОЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Наиболее развитые цивилизации Северо-Востока расположены в средней долине Нила и на плодородных плато Эфиопии. Следующие ступени занимают цивилизации нагорий Судана и равнинных саванн к западу от Вадаи, затем — восточных и южных саванн. Самый низкий уровень социального развития мы находим у народов зоны экваториальных лесов и в пустынях юго-запада.

Условия обитания и производственной деятельности человека весьма различны в речных долинах на границе пустынь, на прохладных и плодородных нагорьях, в кустарниковых саваннах, тропических лесах, пустынях. Наиболее благоприятны они в первых двух природных зонах, наименее благоприятны — в двух последних.

Однако такого рода естественные различия сами по себе могут играть решающую роль лишь на сравнительно ранних этапах развития производства, давно пройденных большинством африканских народов. Еще в глубокой древности в различных частях Африки возникли самостоятельные очаги земледелия (отчасти и скотоводства) с более или менее богатым набором культивируемых здесь растений. Наряду с искусственно разводимыми и вполне культурными почти везде возделывались полудикие, особенно древесные и кустарниковые, виды. В зоне экваториальных лесов развился собственный очаг земледелия, другие очаги — в зоне саванн, целая группа очагов земледелия и скотоводства — на Эфиопском нагорье, в средней долине Нила и в со- • седних землях [1394, стр. 207].

Почему же в одинаково благоприятных для обитания зонах речных долин среднего Нила, Сенегала, верхнего и среднего Нигера и других уровень производственного и социального развития населявших их народов был столь различен? То же самое относится к народам нагорий Эфиопии, Дарфура и Вадаи, Кении, Нигерии и Камеруна и др. Очевидно, дело не в одних природных условиях, а в сочетании ряда причин. Из них два фактора принадлежат к числу географических: природно

климатические условия и обусловленное географическим положением относительно основных центров мировых цивилизаций наличие связей с ними. Для докапиталистических форм производства важно именно сочетание этих двух факторов. Хотя переход к земледелию совершался почти везде самостоятельно, контакты с внешним миром приводили к обмену видами и сортами культурных растений вместе с навыками по их культивации. Что касается животноводства, то все его основные отрасли, кроме разведения ослов, пришли в Африку в разное время извне [[279, стр. 64 и сл.]. То же самое относится и к ряду ремесел (см. ниже). Все эти заимствования обогащали производительные силы африканских обществ, - подготавливали и обуславливали социальный прогресс. Немалое значение имели и социальные последствия торговли, развивавшейся в максимальной степени там, где африканские общества наиболее близко соседствовали с высокими цивилизациями внешнего мира.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА АФРИКАНСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Древнейшие в Тропической Африке очаги производящего хозяйства возникли в горах Сахары, в долине Нила, позднее — на Эфиопском нагорье и в лесах Конго.

Первые очаги цивилизации (классового общества, государства и городской жизни) появляются в древности на северо-восточных окраинах Тропической Африки — в Нубии и Северной Эфиопии. Позднее в саваннах к югу от Сахары расцветают культуры гангара (в Мавритании) и Нок (в Нигерии) и их наследники — Гана, Гао, Борну, Ифе.

Первоначально это были единичные культурные очаги, отделенные друг от друга обширными территориями менее развитых обществ. С течением времени эти очаги расширяются и к позднему средневековью сливаются в сплошную, полосу, протянувшуюся от Аденовского залива до берегов Атлантического океана.

К югу от нее в средние века появляются новые очаги цивилизации: на нижнем Нигере и к западу от него, на океанском побережье Восточной Африки, в междуречье Замбези и Лимпопо, к северу от Замбези, в районе Великих африканских озер, в низовьях Касаи и

ОКоинго. С течением времени они частью разрушаются (как во внутренних районах восточной половины Африки), но большей частью расширяются. В новое время эти очаги почти сливаются своими границами либо друг с другом (в южных саваннах от устья Конго и Анголы до побережья Индийского океана, а также на юге Западной Африки от Инденье в Береге Слоновой Кости до Камеруна), либо с полосой цивилизаций северных саванн и нагорий. В частности, города и торговые пути ■суахили становятся своего рода мостом, соединяющим полосу цивилизаций северных саванн и нагорий, начинающуюся от Зейлы и Харара, с цивилизациями южных саванн и Межозерья, а также с азиатскими странами и Мадагаскаром, куда вели трансокеанские пути.

Можно отметить две характерные особенности этой исторической карты Африки. Во-первых, очаги цивилизации появляются прежде всего на периферии субконтинента и в общем тяготеют к его северо-восточной, северной и восточной границам. Во-вторых, в Африке средний уровень развития цивилизаций понижался в направлении с севера на юг и с северо-востока на юго-запад — по мере удаления от высоких цивилизаций Северной Африки и Азии. На побережье Атлантического океана мы находим либо сравнительно малоразвитые народы, либо поздних пришельцев с севера и востока.

Уже одно такое историческое и географическое распределение африканских цивилизаций заставляет предполагать важную, может быть решающую, роль внешних факторов, какими могли явиться контакты с древними высокоразвитыми культурами Северной Африки, Азии и Европы.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ВАРВАРСТВА

Характерное для доколониальной Африки сосуществование в пределах одних и тех же регионов стадияльно разных хозяйственно-культурных типов можно рассматривать как близкое соседство цивилизации и «варварства». Неравномерность исторического развития всегда и везде выражалась не только в отставании одних регионов по сравнению с другими, но и в отставании одних народов по отношению к другим внутри одного и

того же региона. Помимо влияния более развитых народов на менее развитые, благотворного для последних,, соседство цивилизации и варварства могло иметь катастрофические последствия для цивилизованных народов..

В периоды ослабления политической и военной мощи, африканских государств их территория подвергалась нашествиям отсталых племен, при которых уничтожалась масса производительных сил и порой происходила замена социально более развитого населения менее развитым.

По нашему убеждению, варварские нашествия имели в основном отрицательное значение для истории человечества. Ни в одном случае они не привели к прогрессивной смене общественно-исторических формаций, зато всегда сопровождались бессмысленным уничтожением производительных сил, культурных центров, еще слабых ростков наиболее прогрессивных общественных отношений. Одновременно в развитые общества вносился отсталый общественный элемент, на ассимиляцию которого требовались иногда многие века. Характерный пример — великое переселение народов в Северо-Восточной Африке в конце средних веков (особенно значительны его волны на протяжении XVI в.). Нельзя забывать о том, что варварские нашествия начинались обычно вслед за ослаблением африканских государств в борьбе с цивилизованными иноземцами (например,, Нубии с арабами и мамлюками, Эфиопии с Адалом и турками, Адала и цивилизаций южных саванн: Конго,. Мономотапы с португальцами и т. д.).

АФРИКА—ЖЕРТВА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Еще более катастрофические последствия, как известно, имело проникновение европейцев в эпоху великих географических открытий, которая становится в то же время эпохой первоначального накопления капитала, когда европейцы, прежде всего португальцы и испанцы,, распространяют свои владения на большую часть мира.

Принято считать, что конкистадоры и работорговцы эпохи первоначального накопления были носителями сравнительно прогрессивных раннекапиталистических

■отношений. Их деятельность приносила известные выгоды Европе, так как «морские приключения», дальние плавания и завоевательные походы, особенно же работорговля, были важными элементами мировой торговли эпохи первоначального накопления. Богатства, награбленные за океанами, строительство военных и торговых судов, доставлявших эти богатства, производство снаряжения для них и специальных товаров для продажи в колониях и для обмена их на рабов в Африке — все это ■способствовало процветанию многих городов Европы. Еще большее значение имела работорговля для некоторых стран Северной и Южной Америки, богатство которых было более чем наполовину создано трудом нег-ров-рабов. Хлопок, столь необходимый для текстильного производства, Азия, Африка и доколумбова Америка выращивали руками крестьян-общинников, мелких производителей, ведших натуральное в основном хозяйство. В этих странах развивалась кустарная промышленность, и Европа вывозила из Индии, Мексики, Гватемалы и Перу, а также из стран Северной и Западной Африки не хлопок-сырец, а готовые ткани, созданные от начала до конца деревенскими ткачами и полученные колонизаторами без какой-либо затраты средств, в качестве натурального оброка. Но капиталистическая промышленность Европы не желала обходиться только шерстью, шелком и льном, она требовала более дешевого сырья, чем то, которое давало ее собственное сельское хозяйство. И вот, на атлантическом берегу Северной Америки появились хлопковые плантации, где «белое золото» для мануфактур выращивали чернокожие рабы. Чтобы добыть рабочие руки для американских плантаций, работорговцы разоряли целые области Тропической Африки. Затем дешевый хлопок Америки, созданный рабским трудом, перерабатывался на мануфактурах Европы, превращаясь в необычно дешевые ткани. Часть их потреблял капиталистический (европейский и восточноамериканский) рынок, но другая часть вывозилась в старые хлопководческие страны от Японии и Цейлона до Африки и Центральной Америки. Здесь благодаря своей дешевизне (но не качеству!) европейские ткани успешно конкурировали с местными, кустарными, что вело к разорению «цветных» ткачей. Товарность хозяйства африканских, азиатских, южноамериканских крестьян, кото-

рые выращивали хлопок, пряли его и ткали, не увеличивалась, а уменьшалась. Точно так же вымирала туземная металлургия. Деревенские ремесла гибли, вместо того чтобы стать основой капиталистического товарного производства, тогда как в Европе гибель кустарной промышленности компенсировалась развитием капиталистических мануфактур и фабрик.

Таким образом, для Западной Европы эпоха первоначального накопления представляла несомненный прогресс; в Восточной Европе она подготовила «второе издание крепостничества» и падение роли городов; в Азии она привела к уничтожению местного мореходства, мануфактур и отчасти ремесел, к экономическому и культурному застою; в Америке она прежде всего знаменовала разгром древних индейских цивилизаций, уничтожение большей части населения, позднее — плантационное рабство и рабовладельческие плантации; в Африку все эти бедствия пришли вместе.

Итак, для стран с неевропейским по происхождению населением эпоха навязанного извне первоначального накопления отнюдь не означала прогресса. Разве можно назвать «прогрессом» уничтожение целых цивилизаций, истребление миллионов людей, деморализацию целых обществ? Латинская Америка более чем наполовину сменила свое население и перешла от раннего феодализма (а кое-где и первобытного общества) в поздний феодализм энкомьенд, асьенд и пеонажа. Но разве с дальнейшим развитием капитализма она стала от этого «прогрессивнее» Азии? Кто знает, как много потеряло человечество в целом, не в XVI в., а в широкой исторической перспективе, от гибели самобытных цивилизаций доколумбовой Америки? Такая же участь грозила африканским цивилизациям, и если она миновала их в XVI—XVIII вв., то лишь благодаря силе сопротивления африканцев колонизации.

Напротив, мирные контакты оказывались чрезвычайно благотворными, и расцвет африканских цивилизаций в X—XV вв. несомненно связан с их контактами с арабским миром.

Завоевание со стороны неафриканской державы или | колонизация ею районов Тропической Африки до XIX в. | редко служили формообразующими факторами развития, чаще же являлись причиной застоя и упадка.

При мирных контактах либо военных столкновениях обществ неодинакового уровня развития сама историческая практика сравнивает не только их пространственные отношения (географическое положение одного из них в отношении другого, а также удаленность каждого из них от центра контактов), но и отношения времени, выражающиеся в уровнях развития одного из обществ относительно другого. От путешественника, оказавшегося в той или иной, в частности африканской, стране, можно слышать более или менее обоснованное мнение о том, что он попал из XX в. (или XIX в.) в средневековье, и т. п. При этом имеется в виду средневековье не данной африканской страны, а страны, из которой происходит путешественник, либо некий общеисторический эталон, а именно западноевропейский. Таким образом, здесь подразумевается сравнение двух обществ, различных во времени и пространстве, вполне допустимое, поскольку оба они находятся примерно на одном уровне развития. Сравнение возможно и тогда, когда уровень развития этих двух обществ принципиально различен, так как только таким путем мы можем выявить их стадийные особенности. Можно сравнивать как два конкретных общества, так и любое из них с абстрактной, по необходимости, упрощенной моделью, содержащей в себе основные отличительные черты обществ данного уровня развития, данного места и времени и пр. Это не избавляет нас от ошибок, если мы пользуемся для сравнения недоброкачественными исходными данными либо игнорируем процесс развития. Характерный пример последнего рода — софистический тезис А. Тойнби о том, что вся история человечества занимает настолько незначительный отрезок времени по сравнению с естественной историей вселенной, что все исторически существовавшие цивилизации можно рассматривать в одной временной плоскости, как современные. Здесь недопустимым является игнорирование такой «ничтожно малой» для вселенной, но огромной для нас временной величины, как общественный прогресс с последовательной сменой общественно-исторических формаций. Процесс развития — необходимое условие допустимости сравнений. Только анализируя законы раз

вития африканских и неафриканских обществ, мы можем и установить соотношение уровней их развития и судить об относительном отставании одних от других. Важно уточнить, в какой временной плоскости мы сравниваем традиционные африканские общества, существовавшие в разные века и даже разные тысячелетия, но все же по определенным признакам принадлежащие к одной и той же эпохе либо находящиеся где-то на грани двух великих эпох. Поэтому уточним, какое понимание времени присутствует в употребляемых нами определениях «первобытные», «традиционные», или «доколониальные», и «колониальные» и «постколониальные» общества Африки.

СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Жизнь человечества отмеряют разные системы времени: природные — космическая, геологическая, биологическая и другие, а также социальная, историческое время в собственном смысле слова. Каждой системе соответствует определенный вид материи: космической — вся материя, начиная с неживой, геологической — Земля и ее обитатели из растительного и животного мира, биологической — живая материя, исторической системе времени — только общество. В целом космическая, геологическая, биологическая и другие подобные системы времени по отношению к исторической могут выступать как единая природная система времени [261, стр. 149 и сл.].

Историческое, или социальное, время имеет много точек соприкосновения с космическим (отсчет времени, построенный на смене дня и ночи, солнечном или лунном годе, смене сезонов и т. д.) и геологическим (ледниковые периоды и т. д.), в то время как понятие о возрастах и поколениях специально объединяет социальное время с биологическим. Но, сверх того, социальное время имеет ярко выраженную специфику.

Оно в высшей степени относительно и особенно зависит от пространства (по-видимому, это общий закон временной системы). Любое историческое явление, будь оно из области материальной или духовной культуры ■или же из области экономики, политики, идеологии,

возникает в одном обществе или одновременно в нескольких обществах, а затем распространяется на другие.

Отдельные явления вместе с тем знаменуют новый час в жизни общества — для археологов они как бы «меченые атомы» истории. Каждому такому часу археолог или историк волен присвоить любое наименование: «периода», «эпохи», «эры». Есть эпоха меди, эпоха бронзы, эпоха железа; эпоха эллинизма, эпоха христианства» ислама, Возрождения (специально для западноевропейского Ренессанса, влияние которого достигло и Эфиопии в XV—XVI вв., тогда как Возрождение в Китае, Японии, Иране или в Закавказье происходило в иных хронологических рамках) [155, стр. 119 и сл., 201 и сл.; 240 и сл.1; «эпоха пара» и «эра электричества» и т. д.

Однако наиболее общие, таксономические эпохи — это общественно-экономические формации, учение о которых составляет главное научное открытие Карла Маркса в исторической науке. Общественно-экономические формации — это стадии развития общественного производства, прежде всего производственных отношений, обусловленных развитием производительных сил общества и, в свою очередь, вызывающих к жизни определенную надстройку над экономическим базисом общества. Вместе с тем в развитии производительных сил марксизм признает особые стадийные градации, равно как и тесную связь их с формациями.

ТИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА—СТАДИИ В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

В понятие «производительные силы общества» мы включаем наряду с прочими элементами также и ячейки производства, оформляющие элементы производительных сил в производственные единицы. Кроме того, ниже будет показано, что общественное разделение труда может рассматриваться как фактор развития производительных сил.

Нельзя недооценивать значение человеческого фактора производительных сил. А. Ф. Анисимов в специальном разделе своей работы, озаглавленном «Забываемые аспекты проблемы исторического изучения производи

тельных сил», указывает на огромную роль на ранних стадиях развития общества производственных навыков, опыта, физической тренировки и способности к сверхусилию в определенные моменты [71, стр. 199—211]. Л. Н. Гумилеву принадлежит важное наблюдение о способности этнического коллектива в известный период его существования производить экстраординарные усилия, преобразуя ландшафт. Героическая способность к сверхнапряжению стимулирует массовый творческий процесс [103, стр. 104 и сл.]. Несомненно, и этот момент должен учитываться в истории производительных сил общества.

Представление о том, что последние в своем развитии проходят определенные стадии, было введено в науку основоположниками диалектического и исторического материализма. Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» подчеркивает стадияльное отличие присваивающего хозяйства от производящего [12, стр. 28—33, 159—161]. К. Маркс в «Капитале» неоднократно указывал на не менее важное стадияльное различие между мелким натуральным производством и крупным товарным индустриальным производством, причем даже мануфактуру не считал вполне относящейся к последней стадии, а лишь переходной формой [2, стр. 379—381]. Таким образом, Маркс и Энгельс выделяли следующие основные стадии в развитии производительных сил общества: 1) присваивающее хозяйство, 2) мелкое натуральное производство и 3) крупное товарное производство, не считая переходных этапов. Чтобы не смешивать эти стадии с общественно-историческими формациями, их можно условно обозначить как «типы общественного хозяйства».

Как следует из наименования этих стадий в «Капитале», важными отличительными чертами каждой из них являются особый тип ячейки производства (мелкий, крупный) и преобладающий тип связей между ячейками (натуральность либо товарность, т. е. связь через посредство рынка).

Прогресс производительных сил общества в пределах одной и той же стадии их развития осуществляется путем накопления количественных изменений как эволюционного характера (рост народонаселения, совершенствование производственных навыков, расширение площади культурных земель, рост поголовья скота и улуч

шение его породы, рост ячеек, очагов и центров производства и пр.), так и скачкообразного (появление новых форм и методов земледелия, новых видов и сортов культурных растений, видов и пород домашних животных, новых ремесел, промыслов, научно-технических знаний, инструментов и машин, использование новых источников и видов энергии и пр.). Однако на известном этапе прогресс производительных сил приобретает качественно новый характер, вызывая качественные изменения в типе оформляющей их ячейки производства и в способе соединения рабочей силы со средствами производства.

Исторически элементы производительных сил появляются не одновременно и, постепенно возникая и развиваясь, изменяют заключающую их форму — ячейку производства, или хозяйствования (см. ниже).

Первые элементы производительных сил (орудия и навыки труда), являющиеся вместе с тем первыми элементами производства, возникают с рождением человеческого общества и становлением самого человека на ранних этапах антропогенеза. Однако только с качественным преобладанием элементов производства над элементами простого присвоения естественных продуктов природы, с рождением и развитием сельского хозяйства в собственном смысле слова, земледелия и скотоводства, связано превращение общественного хозяйства из присваивающего в производящее. Потребовалось много столетий, прежде чем земледелие и скотоводство в сочетании с ремеслом заняли ведущее место в общественном производстве, знаменуя начало новой эры, новой стадии в развитии производительных сил общества. Переход от присваивающего хозяйства к производящему составляет сущность представления Гордона Чайлда о «неолитической революции», принятого современной археологией.

Присваивающее хозяйство, основанное на охоте и собирательстве,— единственная стадия в развитии общественного производства, которую прошли все без исключения народы мира либо их предки. В Африке на этой стадии находятся пигмеи, бушмены, тиндига (хадзапи) и вахи Танзании, вабони Кении и Сомали, манджо, вату и манна в Южной Эфиопии, немади в Мавритании и некоторые другие. На высшей ступени присваивающего хозяйства сравнительно недавно находились народы

Старого и Нового Света, перешедшие к относительной оседлости и занимающиеся регулярным собиранием урожая дикорастущих растений, охотой и рыбной ловлей (Ernetevölker, harvesting peoples Юлиуса Липса) 13631, а также оседлые рыболовы-охотники.

Представление о коренном стадийном различии между охотой и собирательством, с одной стороны, и земледелием и скотоводством — с другой, давно принято археологами и этнографами. Большинство из них называют первую из этих стадий «присваивающим хозяйством»⁴. Совершенно прав В. М. Бахта, когда замечает: «Подлинный секрет доземледельческой революции заключался в том, что земледелие — ив этом-то его всемирно-историческое значение — дало в руки человека новое, могущественное средство производства — землю. В земледельческой практике человечество столкнулось с необходимостью искусственного изготовления совершенно нового средства труда, ничем не похожего на прежде известные. Даже у весьма специализированных групп собирателей вроде „рубщиков саго“ — племени маринд-аим из Новой Гвинеи или североамериканских индейцев — собирателей болотного риса—земля выступает в качестве естественного, данного им прежде природой средства производства. И наоборот, у самых примитивных земледельцев почва как средство труда создана человеком с помощью целого комплекса других средств труда, прежде всего различных механических орудий труда и огня» [77, стр. 275]. К этому следует лишь добавить, что свое качество естественно данного природой средством производства земля не вполне утрачивает и при земледельческом хозяйстве (до появления гидропонного метода и пр.), но ее исторически новое качество продукта труда тем значительнее, чем выше земледельческая техника в данном обществе.

Самое появление земледелия и животноводства не обязательно означает победу производящих форм хо-

⁴ В. М. Массон предпочитает именовать ее «присваивающим хозяйством» [92, стр. 5—99] и «архаичной экономикой» [175, стр. 151 и сл.]; один из авторов этой книги, Е. П. Дятел, специально исследуя производительные силы общества на этой стадии их развития, показывает, что представление о «простом присвоении готовых продуктов природы» бушменами, пигмеями, тиндига и другими стадийно близкими им народами чрезмерно упрощает действительность.

зяйства; длительное время они сосуществуют с охотой, рыболовством и собирательством. Порой лишь развитие поливного земледелия или отгонного скотоводства знаменовало окончательный переход к сельскому хозяйству, тогда как на более ранних стадиях элементы примитивного кочевого земледелия были еще слишком похожи на сезонное собирательство. Приручение собаки лишь усилило производящий элемент в охотничьем хозяйстве народов, находящихся в деле на стадии присваивающего хозяйства.

Безусловно, существуют немалые различия между жизнью, скажем, высокоразвитых земледельцев Египта, особенно в последние четыре тысячелетия, и кочующих лесных земледельцев Экваториальной Африки; однако в смысле господствующего типа общественного хозяйства и те и другие — крестьяне эпохи господства мелконатурального производства, сельские мелконатуральные производители.

Всякое значительное изменение в состоянии производительных сил общества вызывает соответствующее ему изменение в области производственных отношений, которое влечет за собой революцию в жизни всего общества.

Какой же качественный скачок в развитии человеческого общества может соответствовать указанному выше скачку в развитии производства? М. В. Колганов считал, что переходу от присваивающего хозяйства к производящему соответствует переход от пользования к владению в сфере собственности и от «дородового» общества к «родовому» (первобытнообщинному) строю в сфере общественной организации. Различая три типа общин: родовую матриархальную, родовую патриархальную и сельскую, он не признавал общиной локальную группу, что, по нашему мнению, неверно. Именно локальная группа, где господствует наибольшее в истории человечества экономическое и правовое равенство, где, несмотря на крайнюю примитивность общественного разделения труда, организации производства и общественного управления, уже есть элементы всех этих форм социальной организации, представляет собой исходный и основной тип первобытной общины. Большесемейная община и развитый родоплеменной строй появляются на позднем этапе первобытного, доклассового

общества; они становятся старшими современниками классового общества и государства⁵.

Этих же взглядов придерживается Н. А. Бутинов, с одной чрезвычайно важной поправкой. Считая локальную группу первобытной общиной (кровной, или первобытнокоммунистической), он видит в ней, в полном согласии с накопленным в настоящее время этнографическим материалом, исходный и основной тип, последующим развитием которого является родовая община, безразлично — матриархальная или патриархальная. То общество, которое М. (В. Колганов и Н. А. Бутинов называют родовым, по нашему мнению, является первобытнообщинным в наиболее чистом виде. С развитием производства кровная община перерождается в родовую, затем — в гетерогенную. М. В. Колганов и И. А. Бутинов вполне справедливо связывают такое перерождение общины с переходом от присваивающего хозяйства к производящему, т. е. сельскому хозяйству в собственном смысле слова⁶. Таким образом, родовое общество — первый этап перехода от первобытнообщинного строя к раннеклассовому, этап, еще целиком остающийся в пределах первобытнообщинной формации.

В таком случае, может быть, становлению мелкого натурального производства соответствует переход от раннего к позднему первобытнообщинному строю? Однако в основном характер общественных отношений при этом последнем переходе не изменился так радикально, как характер производительных сил при переходе от присваивающего к производящему хозяйству. Радикальная перемена в производственных отношениях, а затем и в общественной надстройке, произошла лишь с началом разделения общества на классы, с зарождением и развитием эксплуатации, государства, цивилизации.

Отсюда явствует, в каком отношении находятся типы общественного хозяйства к основным таксономическим

⁵ Ср. [146, стр. 37, 122 и сл.]. На стадии родового общества, по мнению М. В. Колганова, находятся тасманийцы, австралийские аборигены, бушмены, семанги, ботокуды, эскимосы (см. там же, стр. 30 и сл.).

⁶ Ср. [146, стр. 114, 117, 134]. Переход к земледелию и скотоводству, т. е. к сельскому хозяйству, по М. В. Колганову, составляет рубеж между периодами «дикости» и «варварства» [146, стр. 89 и сл.].

стадиям в истории человеческого общества — общественно-историческим формациям. Присваивающему хозяйству соответствует первобытнообщинная формация; крупному товарному производству — капитализм. Относительно стадии мелконатурального производства мнения расходятся, так как споры вызывает вопрос о количестве и характере формаций, существовавших между первобытнообщинной и капиталистической. Историческое существование этих двух формаций, равно как и феодальной, не вызывает сомнений. Часть историков признают существование рабовладельческой формации, многие — «азиатского» способа производства⁷, выделялись концепции «варварского» или «раннеклассового» (в специальном смысле) общества и др. Однако никто не отрицает значения мелкого натурального производства при феодализме, поэтому мы имеем право исследовать законы развития мелкого натурального производства (воспроизводства мелконатурального хозяйства) в связи с воспроизводством феодальных отношений, не дискутируя здесь спорного вопроса об историческом существовании тех или иных докапиталистических формаций (кроме феодальной и первобытнообщинной).

В Тропической Африке, где даже первые элементы капиталистических отношений появились лишь вместе с европейской колонизацией, все доколониальные общества — докапиталистические, их история полностью принадлежит докапиталистическим эпохам. Традиции доколониальной Африки, постепенно деградируя, отчасти сохраняются в современных традиционных обществах этого континента, которые, однако, входят как важная, но подчиненная составная часть в колониальные и пост-колониальные общества. Как будет показано ниже, большинство традиционных африканских обществ находилось до колонизации (и продолжало оставаться в колониальный период) на разных ступенях перехода от первобытнообщинной формации к феодальной; лишь наиболее передовые из них вступили на стадию развитого феодализма. Поэтому история традиционных африканских обществ относится к эпохе феодальной формации от ее зарождения до расцвета.

⁷ Взгляды автора по этому вопросу см. в кратком изложении доклада [138, стр. 42—47].

Но подобно тому, как внутри колониальных обществ Африки существовали традиционные, так и внутри последних кое-где сохранялись островки первобытнообщинного строя, прежде всего у народов, находившихся на стадии присваивающего хозяйства. Первые письменные сведения о них относятся к глубочайшей древности (древнеегипетские, древнегреческие и римские известия о пигмеях области истоков Нила и других стадияльно близких им народах Северо-Восточной Африки) либо к эпохе великих географических открытий (сообщения португальцев и итальянцев о бушменах Южной Африки и пигмеях бассейна Конго), однако сколько-нибудь подробные социологические описания этих народов появились лишь в XIX—XX вв. К этому времени все эти «первобытные» общества уже испытали многовековое влияние соседних народов, находившихся на разных ступенях перехода к классовому обществу, и порой были экономически, социально и политически подчинены последним (см. ниже). Разумеется, называть их «первобытными» можно лишь в том смысле, что они продолжали постепенно деградирующую традицию первобытнообщинного строя.

Сказанное выше в какой-то мере иллюстрирует относительность исторического времени, о которой шла речь выше.

«МЕСТНОЕ» И ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Формации и их фазы показывают [«местное» время любой цивилизации, любого человеческого общества. Но вместе с тем существует и общечеловеческое, или всемирно-историческое, время.

Человеческие общества развиваются неравномерно. Изоляция обществ друг от друга усиливает неравномерность их развития, а контакты между ними ее ослабляют, так как в результате любых контактов происходит интенсивный обмен плодами труда и гения человечества, повышается уровень производительных сил в отсталых обществах, развиваются производственные отношения, все общество поднимается на новую ступень общественного развития. Чем меньше связи между отдельными обществами, тем неравномернее темпы их

развития. И наоборот, усиление связей нивелирует уровень развития общества по мерке более развитых из них. Кроме того, усиление связей между обществами ведет к интенсивному обмену культурной информацией и появлению более или менее общей для них культуры. Устанавливается относительная общность судьбы многих цивилизаций, выражающаяся во всемирно-историческом процессе. Одни и те же явления проникают во многие общества, становятся фактами их истории.

Как показано выше, раньше всего в мировую систему цивилизаций вошла северо-восточная оконечность Тропической Африки. Уже в древности и в IV—VIII вв. в политике, идеологии, искусстве Нубии и Северной Эфиопии мы наблюдаем факты, несомненно связанные с аналогичными фактами тогдашней всемирной истории. Принятие этими странами (единственными в Тропической Африке) христианства в IV—VI вв. явилось выражением общности их исторической судьбы с системой цивилизаций Евразии — Северной Африки и в то же время укрепило эту общность. В IX—X вв. арабско-мусульманский мир открывает для себя и для мировой системы цивилизации обширные районы западноафриканских саванн. Сюда проникает ислам, который с XI в. становится религией правящих династий Ганы, Мали, Гао, Канема, части Восточной Африки и укрепляет исторические связи этих государств и районов с арабским миром. Подобно тому, как Нубия и Эфиопия были втянуты в религиозные споры между разными направлениями христианства, возникшими за пределами этих стран, так и страны Западного и Центрального Судана были вовлечены в борьбу мусульманских сект и толков. Регулярная караванная торговля, которую они вели с Северной Африкой, ставила эти страны, как и Северо-Восточную Африку, в зависимость от политических событий на мировых торговых путях, находящихся далеко за пределами Тропической Африки, от постоянного или переменчивого спроса на отдельные товары на чрезвычайно узком тогда мировом рынке и т. д. В менее обширном районе на востоке материка, охватывающем Южную и Восточную Эфиопию, Сомали и лежащее далее на юг побережье Индийского океана, в течение всего средневековья постепенно распространяется ислам (под арабским влиянием) и христианство (под влиянием Се

верной Эфиопии), устанавливается относительная общность исторической судьбы с внешним миром. Гораздо менее плодотворным для развития африканских цивилизаций явилось открытие их португальцами в XV—XVII вв., хотя оно охватило (более обширные территории. ■Однако с ростом внешней торговли, а затем с европейской колонизацией многие прежде изолированные районы Африки включались в мировую историю.

Таким путем устанавливалась известная общность •социального времени и «местное» время африканских народов приходило в соответствие с мировым. Но не только отдельные события, но и вся совокупность контактов с их важнейшим элементом — заимствованием достижений материальной и духовной культуры — поддерживала ту же тенденцию. Стимулируя прогресс общественного производства, мирные контакты между цивилизациями способствовали переходу их на сравнительно более высокие ступени развития: формации или стадии внутри формаций.

Однако эта тенденция «выравнивания» в стадиях развития контактирующих друг с другом обществ во многих случаях могла лишь смягчить действие противоположной тенденции —■ неравномерности развития обществ. Последняя является всеобщим законом общественного развития (как и всякого развития вообще). Помимо отдельных сопоставимых фактов — явлений материальной и духовной культуры, экономических, социальных, политических и иных общественных структур — неравномерность общественного развития выражается в различии темпов развития производства и общества в целом, а также в функциональных особенностях общественных структур (см. ниже).

ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ

Темпы развития общественного производства (и общества в целом) слагаются из следующих переменных величин: 1) темпа самостоятельного развития в благоприятном для прогресса естественном и общественном окружении; 2) темпа заимствования недостающих элементов чужой культуры (в частности, культурных растений, земледельческой техники и навыков, домашних

животных и пр.); 3) темпа развития новой синкретической культуры, обогащенной заимствованиями. Затем к слагаемому могут присоединяться темпы заимствования ит.д.[^]

Темп заимствования может быть более или менее быстрым в зависимости от: 1) различия в уровне развития, хозяйственно-культурной, идеологической и этнической близости контактирующих обществ, 2) масштаба контактов, 3) влияния надстройки общества на этот процесс. Последнее может быть положительным, отрицательным или нейтральным. В общем, темп заимствования тем выше (а объем тем больше), чем меньше разрыв в уровне и развития контактирующих обществ. Кроме того, на темпы развития влияет способность народа ж сверхуеилию [103, стр. 104], которое поощряется или гасится той или иной общественной структурой (прогрессивной либо реакционной в данных условиях).

Но только ли в этом заключаются причины исторического отставания Африки южнее Сахары? Мне кажется, сама по себе относительность этого отставания позволяет поставить вопрос иначе. Почему Евразия (вместе с Северной Африкой) развивалась быстрее других континентов, а Тропическая Африка, как и остальной мир, не поспевала за ее прогрессом? Почему Западная Европа дважды — в римский период и в позднем средневековье и далее в новое время—вырвалась в своем развитии вперед, обгоняя другие регионы?

Евразия — Северная Африка имеет прежде всего природные преимущества перед остальными регионами земли: здесь расположена крупнейшая на нашей планете климатическая зона (или, вернее, группа климатических зон), наиболее благоприятная для производственной деятельности людей, особенно в допромышленный период. Эта зона включает субтропики, плодородные черноземные степи и лесостепи, долины рек с умеренно тропическим климатом, умеренно теплые области при- атлантической Европы. Количество усилий, необходимых для подготовки почв к посеву, борьбы с сорняками, поддержания в порядке дорог и пр., здесь намного меньше, чем в Тропической Африке (а также в Юго-Восточной Азии, Меланезии, Амазонии). Сама величина Евразии и Северной Африки и множественность обществ, существовавших на ее территории непрерывной цепью в

сходных экологических условиях, давала ей, по теории вероятности, больше возможностей в том, что где-то на ее просторах появятся и разовьются более прогрессивные общества. Так оно и произошло.

Во времена господства присваивающего хозяйства и первобытнообщинного строя уровень общественного развития разных частей человечества долгое время был примерно одинаков. Сходство всех обычаев и трудовых навыков самых различных народов, находящихся на этой стадии и живущих в разных концах земли, во много раз больше, чем сходство в общественных, государственных, идеологических структурах и всей -культуре менее удаленных друг от друга народов в эпоху, например, раннего или развитого феодализма. Крайне низкая производительность труда, минимальный пороговый барьер существования⁸ и специфические оптимальные требования к орудиям труда ставили почти непреодолимый предел росту производства. Сам по себе первобытнообщинный строй — наиболее консервативная сила общественного развития, враждебная всяким переменам. Любые реформы, любой прогресс даются в первобытном обществе невероятно трудно, и темпы общественного развития на этой стадии наиболее низкие.

Значительный прогресс наступил в неолите при переходе к производящим формам хозяйства, прежде всего к земледелию. Этот переход, естественно, произошел в первую очередь в зонах наиболее благоприятных для производственной деятельности, лежащих в субтропическом и умеренно тропическом поясе. В Старом Свете это была Евразия — Северная Африка (вместе с древней Сахарой, -которая пять-шесть тысяч лет назад отнюдь не являлась пустыней). Экспансия земледельческих и скотоводческих народов и влияние их на -соседей распространили производящие формы хозяйства на огромные просторы; самостоятельно же земледелие и скотоводство зарождались и развивались медленнее. При этом субтропики Австралии и Южной Африки (до прихода готтентотов и банту) в силу меньшей площади и удаленности от основной зоны, наиболее благоприятной для производственной деятельности, оказались в менее

⁸ Об этом -понятии см. ниже статью Е. П. Дятла (стр. 46 —84 настоящего сборника).

выгодном положении. Проникнуть сюда прогрессивные элементы производства (культурные растения и животные, методы их культивации и пр.) могли, лишь преодолев тройной природный барьер: обширные расстояния океанов и пустынь, северную и южную границы тропической и субтропической зон; чем больше было таких, барьеров, тем более замедлялась передача культурно- хозяйственных достижений в новые регионы. Это касается не только распространения на Тропическую Африку элементов производства с севера, но и распространения в Евразии и Северной Африке тропических элементов.

В следующую за эпохой присваивающего хозяйства эпоху мелкого натурального производства, которой в области общественных отношений соответствуют поздний первобытнообщинный (родовой) строй, античное общество (с его весьма сложным производственным базисом,, каковой, нам кажется, нельзя свести к господству рабовладельческих отношений) и феодализм, темпы общественного развития значительно повышаются. При всем консерватизме земледельческой общины и феодализма' прогресс теперь происходит все же намного быстрее,, чем прежде, хотя и неизмеримо медленнее, чем в последующую эпоху машинной техники и крупного товарного производства.

Тропическая Африка в основном еще в древности и в средневековье перешла на стадию мелкого натурального производства, хотя местами сохранялись большие или малые острова присваивающего хозяйства. Этот переход она, как и Сибирь и Аустронезия, особенно Меланезия, совершила с опозданием по сравнению с наиболее благоприятной для производства зоной Евразии — Северной Африки. По той же самой причине дальнейший медленный прогресс мелкого натурального производства происходил в Тропической Африке со все усиливающимся запозданием. С течением времени это отставание могло лишь увеличиться.

ПРОГРЕСС, РЕГРЕСС И ВОСПРОИЗВОДСТВО ОТСТАЛОСТИ

Из всего изложенного выше следует, что историческое, или социальное, время протекало неодинаково в. разных африканских обществах доколониального периода. Максимально «застойным» оно было в общинах.

охотников-собирателей: бушменов, пигмеев, тиндига, вахи и других, наиболее «прогрессирующим» [261, стр. 160 и сл., 168 и ел.]—в больших городах на севере материка. В колониальную эпоху социальное время также протекало с различной скоростью в разных регионах Африки. Арабские страны Северной Африки, которые в доколониальный период были наиболее развитыми, продолжали и в колониальное время развиваться более органично, чем тропические страны материка. Некоторые прежде отсталые районы: Южная Африка, «Белое нагорье» Кении, северное побережье Гвинейского залива и другие значительно обогнали в экономическом развитии области Западного и Центрального Судана, Нубию, Эфиопию и др. В то же время во многих глубинных районах, пострадавших от работорговли и весьма близкой к ней принудительной «добровольной» контрактации рабочих на плантации и в рудники, наблюдался несомненный регресс. Наконец, были и такие районы, где колониальный режим сказывался сравнительно слабо. Новые темпы развития наложился на старые, значительно усложнив и без того сложную схему. К концу колониального периода наиболее развитыми в Африке были «белые» районы ЮАР и некоторых других стран, а также арабская Северная Африка и прибрежные области, а наиболее отсталыми — внутренние районы материка, особенно же глубинные лесные и пустынные территории, населенные пигмеями, бушменами, тиндига и другими социально близкими им народами. С описания социально-экономической структуры этих народов, представителей древнейшего типа общественного хозяйства и первобытнообщинной формации, мы и начнем исследование социально-экономического развития Африки и форм ее «отсталости». Последующие разделы будут посвящены, во-первых, традиционным африканским обществам, преимущественно стран банту и Северо-Востока Тропической Африки, и, во-вторых, колониальным и постколониальным обществам Тропической Африки. Авторы видят основу развития всех этих обществ в отношениях воспроизводства и ищут корни их относительной отсталости в особенностях развития этих обществ на том или ином этапе развития экономики согласно законам той или иной общественно-исторической формации.

Е. О. Дятел

**ПРИСВАИВАЮЩЕЕ ХОЗЯЙСТВО У ПИГМЕЕВ, БУШМЕНОВ И ТИМДИГА:
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИТИЯ**

Проблема отсталости и развития африканских стран имеет два важных аспекта. Один из них связан с прогрессирующим отставанием африканских обществ от развития капиталистического мира, другой касается неравно мер пости развития самих этих обществ, которая еще более усилилась в колониальный период. В то время как среди одних африканских народов получили распространение товарные и капиталистические отношения, другие народы продолжают жить в условиях традиционного общества.

С выяснения некоторых причин относительной застойности традиционных общественных структур к югу от Сахары и следует начать анализ специфического содержания отсталости африканских стран и тенденций к ее воспроизводству.

На самой низкой ступени развития хозяйства и общества на континенте стоит небольшая группа народов, находящихся на стадии присваивающего хозяйства, т. е. господства охоты и собирательства. И хотя не эти народы определяют уровень развития традиционных африканских обществ, однако они так мало изучены и столь важны с точки зрения общих проблем генезиса экономики и человеческого общества, что возникает необходимость познакомиться с ними поближе.

Основной задачей настоящего очерка является в целом анализ отношений воспроизводства первобытной

общины, включая их природную и техническую обусловленность. В значительной части работы описываются способ деятельности членов такой общины, естественно выросшее разделение труда и т. д.

Сейчас не вызывает сомнений, что присваивающее хозяйство, основанное на непосредственном использовании готовых продуктов природы, резко отличается от хозяйства производящего, берущего начало в развитии земледелия. Однако очень часто к отношениям присваивающего хозяйства подходят с категориями и мерками сложившегося общественного производства. Не находя в первобытном обществе всех условий материального производства «ли обнаруживая их в зачаточном состоянии, многие исследователи склонны расценивать охоту и собирательство в первобытной общине как простое присвоение продуктов природы, исключительно примитивное, граничащее чуть ли не с полуживотным состоянием, или же эти виды деятельности рассматриваются только как преддверие, исходная ступень развития материального производства. Этому взгляду на хозяйство первобытной общины соответствует и распространенное среди некоторых историков и этнографов мнение, что движущей силой первобытной формации являются кровнородственные и брачно-семейные (а не экономические) отношения в чистом виде и что эта формация является в целом «неэкономическим» обществом. Не изменяет существа этих взглядов и такая, например, характеристика первобытной экономики: «Превращение естественной экономической формы труда в производство и выразилось раньше всего не в воспроизводстве естественных запасов пищи посредством земледелия и скотоводства, а в своеобразном расширении хищнического хозяйства — охоте, рыболовстве» [117, стр. 25]. Верно указав на различие форм производящего и присваивающего хозяйства, М. П. Жаков останавливает свое внимание только на их качественной характеристике, не исследуя конкретные закономерности развития каждой из этих форм.

Отсюда может возникнуть стремление выделить для анализа лишь отдельные, пусть даже и наиболее общие черты первобытного общества, например родовую организацию, рассматривая ее в качестве основного критерия и фактора развития первобытной формации. Пере

ход к более высоким формам хозяйства при этом может быть объяснен только с позиций разложения родовых связей.

Такой взгляд (в отношении сложившегося первобытного строя) представляется нам принципиально неверным. И дело не только в том, что охотничье или собирательское хозяйство первобытной эпохи знает основное экономическое условие общественного труда и общественной жизни — воспроизводство человека с его трудовыми навыками. Дело также и в том, что это воспроизводство требовало определенного минимума природных благ, который (как показывает пример африканских первобытных охотников и собирателей) определяется, с одной стороны, степенью изобилия природных благ, а с другой — затратами и потребностями человеческого труда, т. е. наряду с природными также и экономическими факторами. На этом двустороннем характере отношений между природой и человеком в первобытной африканской общине, имеющем большое значение для понимания содержания социальных отношений в ней, мы и остановимся, подводя исследование вплотную к границе экономического и социального анализа. Из проблем, связанных с историческим развитием бушменов, пигмеев и т. д., мы выделяем здесь экономический аспект—

■ 'Природные и экономические условия застойности присваивающего хозяйства у этих народов.

■ Говоря об экономических отношениях в первобытной общине, нужно в то же время учитывать их 'специфический характер в условиях присваивающего хозяйства. Поэтому многие политэкономические понятия, такие, как способ производства, собственность, разделение труда и т. д., нуждаются в определенной модификации или требуют введения дополнительных абстракций, отражающих эту специфику.

Например, с точки зрения общей структуры воспроизводства для охотничьей и собирательской общины в большей мере, чем для производящего хозяйства, характерны единство всего хозяйственного цикла, слияние в единый экономический процесс присвоения природных благ, распределения и потребления. В этой связи нам представляется более правильным и точным говорить не о способе производства в первобытной общине, а о *способе существования* или *способе деятельности* ее чле

нов. Нуждается в известном уточнении и понятие '«присваивающего хозяйства» (см. ниже).

Огромная роль в первобытном обществе воспроизводства самого человека, природная обусловленность большинства экономических процессов требуют также и особых количественных оценок условий жизнедеятельности и развития охотничьих и собирательских коллективов. Большое значение в этом смысле имеет понятие *уровня существования*, определяемого количеством потребляемых индивидом благ.

Разумеется, на уровень существования очень сильно влияет развитие методов производительной деятельности. Мы считаем одной из важнейших задач исторического исследования проследить этот процесс на конкретном материале, в частности на примере охотничьей общины некоторых африканских народов. Вместе с тем необходимо помнить, что удовлетворение естественных потребностей первобытной общины в пище, воде и жилище обуславливается в целом господствующими природными условиями. Уровень существования индивида при этом резко колеблется в зависимости от стихийных изменений в природе. Природные же условия воспроизводства индивида (воздух, пища, питьевая вода, климатические условия, характер окружающей местности и т. д.) влияют на уровень существования по-разному. В связи с недостатком отдельных ресурсов значение других резко возрастает. Не являются редкостью случаи, когда ограниченность природных благ выступает регулятором воспроизводства индивида, и всей общины. Например, © определенные времена года в первобытной общине может быть избыток пищи (ход лосося, поимка кита эскимосами, лет саранчи и т. д.), но численность населения и ряд других факторов хозяйственного развития зависят от количества пищи в наихудших условиях.

Поэтому уровень существования при всей определенности количественной оценки потребляемых благ выражает вместе с тем и относительную количественную важность этих благ для человека и их относительную недостаточность. Отсюда не так просто измерить уровень существования. С одной стороны — это сравнительно несложный подсчет потребляемых индивидом количественных благ, с другой — результат их влияния на всю совокупность показателей воспроизводства инди

вида. Поэтому определение уровня существования возможно или непосредственно, путем подсчета ряда его исходных количественных параметров, — на практике это приводит к определению так называемого уровня жизни, — или путем определения самих конечных показателей воспроизводства индивида, отражающих уровень его воспроизводства (существования) в целом.

Ограниченность природных ресурсов не только вообще имеет значение для воспроизводства индивида. Для понимания условий развития или стагнации первобытной общины большое значение имеет определение низшей границы существования, когда наличия пищевых ресурсов достаточно лишь для биологического воспроизводства определенного числа индивидов.

Уже давно было замечено, что численность населения первобытной общины находится в строго определенном соответствии с естественными ресурсами охотничьей территории. Но законы этого соответствия до сих пор не сформулированы четко. Многие исследователи задаются вопросом: почему африканская саванна, так же как и североамериканские прерии, насыщенная колоссальными стадами животных, имела, так же как и эти прерии, несоизмеримую, казалось бы, с охотничьими возможностями необычайно низкую плотность населения? Почему, скажем, на берегах Амура число жителей было в сотни раз меньшим, чем на берегах Ганга?

Ответ, конечно, следует искать в экономическом развитии первобытного общества, в общих условиях перехода от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству. Но сам по себе факт развития первобытного общества еще не объясняет тесной связи между демографическими и хозяйственными условиями роста. Можно объяснить, почему изменяется численность населения, но не почему она строго определена. Это ответ на вопрос, как человечество перешло от эксплуатации девственной природы к производству продуктов, но еще не решение проблемы — чем определяются границы присвоения природных благ в данном конкретном обществе. Требуется специальный анализ взаимодействия определенной естественной среды, биологического воспроизводства человека и способа его хозяйственной деятельности (а через последний — и характера человеческой общности). Чтобы подчеркнуть теснейшую связь этих

элементов в условиях присваивающего хозяйства и рассмотреть зависимость между ними, мы вводим понятие «минимальное пороговое воздействие», или сокращенно МИН [113, стр. 8].

Как понятие МИН можно определить следующим образом: минимальное пороговое воздействие окружающей среды, необходимое для воспроизводства определенного индивида или группы индивидов.

Отсутствие или наличие подходящего материала для производства орудий, одежды, жилища и т. д. регулируют границы воспроизводства. Да и количество пищевых ресурсов не просто определяет биологические возможности воспроизводства человека, численность населения в данном районе. Необходимость добыть достаточное количество пищи для себя и для членов семьи заставляет индивида напрягать свои силы, сокращая их запас для других областей деятельности. Недаром многие путешественники характеризуют первобытных охотников и собирателей как «дикарей», беспрерывно занятых поиском пропитания. На это направлены вся их энергия и помыслы. Так действительно бывает в голодные периоды, когда первобытная община вынуждена бросать свои приобретения, жилища и даже орудия, отправляясь на поиски пищи.

Необходимость определения МИН как количественной оценки условий существования, порождающих общественно определенного индивида, назрела давно. Но здесь же встает трудность подобного определения: количественная оценка условий существования не может быть произведена 'безотносительно к объекту, который они порождают, т. е. к самому индивиду. Данное понятие необходимо рассматривать только конкретно, как отношение определенной природной среды к определенному человеку. Такое отношение во многом определяет конкретные пути развития первобытной общины.

Величина МИН есть равнодействующая влияния разных факторов. Среди них нужно различать, с одной стороны, природные, «пассивные» условия воспроизводства (наличие дичи, площадь охотничьего участка и т. д.) и, с другой — «активные», общественно обусловленные факторы (продолжительность охоты или собирательства, их результативность, число охотников и т.д.). Количественные характеристики этих факторов

в каждый данный момент различны, поэтому абсолютно точный учет их, как случайных величин, практически невозможен.

(Вместе с тем МИН — это не просто давление природы на человека, лимитирующее возможности его существования. Будучи порожден ограниченностью ресурсов, МИН не только требует для своего поддержания затраты физических усилий, внимания, изобретательности, но и дает толчок развитию человеческих способностей. Именно в борьбе за МИН первобытный человек создает орудия, развивает охоту, земледелие и т. д. И своей деятельностью он расширяет границы существования, осваивает новые природные ресурсы и тем самым отрицает прежний МИН.

Удивительно, насколько постоянны численность населения первобытной общины, применяемые орудия труда, характер взаимоотношений между индивидами в самых различных природных условиях. Отсюда возникает «естественное» стремление объяснить все эти обстоятельства только внутренними закономерностями общественной жизни, сохраняющимися в любом биотопе. Определяющая роль материального производства в таком контексте теряется, оно выступает лишь как функция общественного организма, сама по себе развивающаяся, а стимулы ее развития находят в каком-нибудь одном факторе, например в орудиях труда. Но достаточно очевидно, что одно только развитие орудий труда в первобытной общине не способно привести к качественному скачку. И в то же время при подобном ограничении стимулов развития утрачивается самый смысл понятия материального производства как преодоления сопротивления природы.

Нельзя, конечно, абсолютизировать значение МИН как фактора общественного развития. Сами по себе природные условия не определяли зарождения и развития общественных отношений, однако, они влияли на развитие человеческого общества, поэтому их и надлежит учитывать.

Так, необходимость добывать минимум мясной пищи и постоянно бороться за его увеличение привела к определенным навыкам и организации трудовой деятельности, первичному разделению труда, правилам распределения орудий. Соответственно увеличивающаяся до

быча позволяла высвобождать ресурсы труда для других областей деятельности.

Здесь мы затрагиваем лишь часть тех больших проблем, которые возникают при определении понятия МИН.. Задача нашего исследования — конкретно-историческая. Но анализ процесса развития первобытного общества постоянно ставит проблемы общетеоретического значения. Хочется привлечь особое внимание к главной из них (не всегда оцениваемой в должной мере) — к роли экономических форм общественного бытия первобытного человека. Сравнительно редко поднимается вопрос об определенности человеческого бытия в его неорганических (т. е. природных) условиях, объективировании человека в процессе труда и природных предпосылках,, роли их для развития человеческого общества. Как правило, способ преодоления МИН (соответственно способ объективирования индивида и характер природных предпосылок) вызывает определенную техническую, социальную и психическую деятельность человека. Но только устойчивое развитие способов преодоления МИН — залог постоянного прогресса человечества. Поэтому необходим анализ конкретной величины МИН, вырастающей из взаимодействия и развития факторов, определяющих воспроизводство первобытной общины. Иными словами, понятие МИН должно выразить динамику развития производительных сил и производственных отношений в первобытной формации и рост их за пределы последней.

СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Общая характеристика. Наиболее крупными африканскими народами, сохранившими и до середины XX в. охотничий и собирательский образ жизни, являются пигмеи, бушмены, тиндига (хадзапи).

Пигмеи рассеяны на обширной площади около 160 тыс. кв. км, преимущественно в бассейне Конго. Они делятся по классификации М. Гузинде на восточную, южную и западную группы. Их численность составляет около 170 тыс. человек [332, стр. 27, 29].

Бушмены занимают юго-западную пустынную и полупустынную оконечность материка, куда они, возмож

но, пришли с севера, но это было несколько тысячелетий назад, судя по наскальным рисункам [414, стр. 80—81]. Численность их около 34 тыс. человек [431, стр. 250]. Бьерре говорит о 50 тыс. [87, стр. 85].

Тиндига живут на сравнительно небольшой территории (5 тыс. кв. км), близ озера Зяси в Восточной Африке. Численность их невелика — всего около 300 человек [356, стр. 37—38]¹. В районе их проживания преобладают сухие степи.

Многие из пигмеев и бушменов утратили свою самобытность, ассимилировавшись с окружающими племенами банту. Родственники тиндига, сандаве, в Танзании также переняли быт и обычаи соседних племен. Время от времени к подобному способу существования вынуждены прибегать также более развитые племена [333, стр. 136—137; 350, стр. 135—139]. Однако, на наш взгляд, способ существования адекватно определяет общественные отношения только в том случае, когда он господствует у данного народа в течение достаточно долгого времени. А этому условию отвечают только пигмеи, бушмены и тиндига.

Вопрос об их «действительной» первобытности остается дискуссионным для многих этнографов. Ряд из них считают несомненным, что бушмены, а также пигмеи были вытеснены завоевателями в худшие места обитания [343, стр. 106—1107; 432, стр. 2]. В связи с этим высказывается мнение об их вторичной первобытности. Но здесь, очевидно, идет речь не о первобытной общине как особой общественной форме, а об автохтонности упомянутых народов. Во всяком случае, только такой вывод возможен на основе смутных сведений о происходивших миграциях. А он далеко не может заменить конкретного анализа общественных отношений. Тем более что те же авторы говорят о подавляющем влиянии окружающих природных условий на способ существования и весь образ жизни этих народов².

Известный исследователь В. Ниппольд указывает, что все карликовые народы (включая негриллей Юго-

¹ Л. Коль-Ларсен дает и другую цифру — 350 человек; а вместе с сородичами вахи — 450 человек [151, стр. 14].

² «Девственный лес сформировал пигмеев. Без него пигмеев не было бы» [343, стр. 106; ср. также указание Ф. Бальсана: стр. 11].

Восточной Азии) имеют много общего в обычаях и социальной структуре. В то же время соответствующие различия обусловлены характером окружающей природы и контактами с более развитыми соседями [386, стр. 13].

Районы нынешнего расселения этих народов довольно неблагоприятны для жизни. Ни влажный тропический лес (пигмеи), ни сухие степи и полупустыни (бушмены) не оказались подходящим местом для самостоятельного зарождения и развития земледелия и скотоводства у перечисленных народов. Чтобы перейти к земледелию в этих районах, нужны такие затраты труда и технические средства, которых у данных народов не было. Возможность зарождения скотоводства автору данной статьи кажется еще более гипотетичной. Во всяком случае, МИН как у пигмеев и бушменов, так и тиндига определяется, скорее, наличием растительной пищи, которая составляет большую часть их дневного рациона. Революционный переход к скотоводству, к резкому увеличению доли мяса в пропитании требует каких-то дополнительных условий, более высоких ступеней развития. Поэтому здесь трудности поддержания МИН в известной степени консервируют развитие общины, живущей в состоянии равновесия с окружающей природой. «Эти люди собирают свое ежедневное пропитание не про запас, а чтобы тотчас съесть. Они живут буквально из руки в рот (*von der Hand in den Mund*), так как лес постоянно обеспечивает их дневную потребность в питании» [408, стр. 4]. В свою очередь, достаточно длительное расширение территориальных пределов существования может быть быстро исчерпано увеличением численности населения³.

Способ добывания пищи и численность населения. Равновесие с окружающей природой, которое поддерживает община охотников и собирателей, колеблется около некоего среднего уровня. Факторами, определяющими этот уровень, являются: природная обусловленность —ограниченность пищевых ресурсов, местоположение, климат; взаимоотношения с окружающим населением; но главным образом — уровень развития про

³ Данные о рождаемости у пигмеев см. у М. Гузинде [332, стр. 74], данные о числе детей у бушменов есть у В. Леббельтера [360, стр. 19—20] и Ж- Модюи [375, стр. 18].

изводительных сил. Можно выделить и суммарный -внешний показатель развития каждого народа — плотность населения в данном районе. Она характеризует отношение населения к природным ресурсам, степень их освоения, при данном уровне развития производительных сил. По расчетам Ратделя, население, занимающееся охотой и рыболовством (например, эскимосы), могло прокормиться, если плотность его не превышала 0,05 человека на 1 кв. км. Охотничьи народы степей (например, бушмены, патагонцы, австралийские аборигены) должны были сохранять плотность населения не выше 0,09 человека на 1 кв. км. Только охотничьи народы с зачатками земледелия (например, американские индейцы, папуасы, наиболее бедные африканские племена) могли жить при плотности населения 0,2—0,1 человека на 1 кв. км [цит. по: 63, стр. 42].

Для наших подсчетов плотности -населения у пигмеев мы, разумеется, не можем использовать данные, сообщаемые М. Гузинде, так как часть пигмеев, о которых он писал, уже перешла к полуседлому хозяйствованию или к непосредственному обслуживанию банту. Например, тва (собирательное батва) в Руанде занимаются гончарством и «скоморошеством» [332, стр. 46]. Цифры, характеризующие плотность населения в охотничьем обществе, можно получить, соотнеся число членов отдельной охотничьей группы и размеры участка, на котором она охотится. Используя данные П. Шебесты и В. Нип- польда, мы получили от 0,07 до 0,17 человека на 1 кв. км. По-видимому, различия в плотности населения в известной степени соответствуют различию в пищевых ресурсах и их доступности. Вместе с тем отношения естественной общности, которые объединяют банту -и пигмеев, безусловно расширяют пределы существования последних.

Исследуемые нами народы уже поднялись на высшую ступень развития охотничьего хозяйства, которая характеризуется достаточно развитым разделением труда, оптимальными для данного вида деятельности орудиями и т. д. В конкретных видах деятельности участвует определенное число лиц, и, следовательно, им соответствует в конечном счете определенный размер локальной охотничьей группы.

Производственный цикл обуславливает размеры по

селения и время его существования, обычно не более шести недель. Во время охоты пигмеи остаются на одном месте примерно две недели [408, стр. 126—129], а во время лета термитов группа распадается на семьи, каждая из которых проводит самостоятельно несколько дней у своего термитника. Кроме того, срок обитания ограничивается до санитарным соображениям, так как скапливается много отходов. Стоянка и все хижины покидаются также после смерти кого-либо из членов рода. Поселение состоит из нескольких хижин, в каждой из которых живет от 6 (иногда и менее) до 10 человек.

Представление о составе группы и ее производственных возможностях дают следующие данные, взятые у В. Лебцельтера [360, стр. 19] и относящиеся к койсан-ским народам Южной и Юго-Западной Африки в конце 20-х — начале 30-х годов нашего века.

	Локальная группа 1	Локальная группа 2	Локальная группа 3	Локальная группа 4
Мужчины	9	7	4	10
Старики	—	—	4	1
Женщины, способные к деторождению . . .	10	12	13	9
Пожилые женщины . .	4	9	7	6
Грудные дети	6	6	7	3
Малыши:				
мальчики от 1 до 4 лет	2	3	8	3
девочки от 1 до 4 лет	3	4	6	1
Дети:				
мальчики от 5 до 10 лет	4	4		7
девочки от 5 до 10 лет	3	2	э	?
Юноши	5	—	■	?
Девушки	5	3		?
Итого	51	50		?

Из приведенных данных видно, что значительный процент охотничьей группы составляет население, находящееся в нетрудоспособном возрасте. Средний размер сохранившихся групп — от 30 до 100 человек. Бывают и отклонения, например Л. Коль-Ларсен сообщает о группе численностью 200 человек [356, стр. 38].

Во временном поселении могут жить сразу несколько родов, и тогда его размеры резко увеличиваются. Ше-беста пишет, что в одном из лагерей количество хижин за один месяц возросло с 37 до 58. Такое необычно большое скопление возможно в течение двух-трех меся-

дев в особо благоприятных для жизни местах [408, стр. 127—129].

Необходимо отметить, что изобилие ресурсов в какое-либо время года, выходящее за рамки потребностей владельцев, используется и соседними группами [360, стр. 19]. Диалогичные факты известны у австралийских аборигенов — сбор земляники в определенных местах, добыча камня для орудий и пр. В этих условиях отдельная группа не может отстоять избыток против нескольких других групп. Да и по своей сути это было бы бессмысленной затеей, поскольку излишек невозможно использовать для дальнейшего существования данной группы. В охотничьем хозяйстве пока еще не создается постоянного прибавочного продукта, превышающего биологические потребности. Очевидно, это является одной из причин строгого соблюдения границ родовой охотничьей территории даже в голодный период [356, стр. 101; 375, стр. 85].

Размеры охотничьих угодий группы остаются постоянными. У пигмеев, например, они составляют от 360 до 430 кв. км [385, стр. 4].

Общественный характер труда. Если численность группы или размер МИН зависят от производительной силы общины при данном способе производства, то нужно выяснить, какой именно вид деятельности оказывает определяющее влияние на величину группы, а может быть, и характер ее развития в целом.

Практически все авторы единогласно отмечают, что доля животной пищи в рационе группы составляет не более 30% [408, стр. 11—13; 332, стр. 48 и др.]. Даже у тиндига, живущих в богатом дичью районе, охота проводится далеко не каждый день и не всегда удачно, в чем можно убедиться, приняв во внимание хотя бы распорядок дня [356, стр. 113—114]. Определяющую роль в биологическом воспроизводстве группы играет, следовательно, наличие растительной пищи.

Способ добывания пищи в решающей мере определяет хозяйственную организацию бушменов, пигмеев и тиндига. Их хозяйство с полным правом может быть названо потребительским, если понимать под этим использование продуктов природы прежде всего в целях личного потребления. Производственное потребление пищевых продуктов, посев зерна и т. д. отсутствуют.

Как правило, способы хранения продуктов им неизвестны. Однако и в этом хозяйстве потребление носит двоякий характер. Наряду с личным потреблением (пользованием) продуктов природы существует и их потребление (использование) в процессе труда. Следовательно,, налицо двуединный процесс пользования продуктами природы: личное и производственное потребление. Это значит, что и воспроизводственный процесс здесь обладает всеми исходными чертами экономической системы.

Есть, впрочем, различные точки зрения на существование труда в первобытном обществе. Одна ведет свое начало от К. Бюхера, немецкого историка народного хозяйства, который отрицал существование как труда, так и хозяйства вообще в первобытную эпоху. Он называл эту эпоху периодом индивидуального добывания пищи [88, стр. 22—23]. В какой-то степени К. Бюхер стал жертвой самообмана: определение хозяйства, которое он дает [88, стр. 23], почти целиком относится к буржуазному обществу. Только в охоте он обнаруживает признаки «известной организации труда» [88, стр. 23].

Представляется гораздо более правильной точка зрения большинства советских ученых о наличии достаточно развитых трудовых отношений в первобытном обществе⁴. В ряде работ дается анализ экономической стороны производительной трудовой деятельности. Мы имеем в виду анализ Г. Ф. Хрустовым непосредственно общественного характера труда в первобытном обществе [248, стр. 24] и работу В. М. Бахты, где он исследует различные виды деятельности в первобытном обществе (охота, земледелие, собирательство, скотоводство, рыболовство, различные ремесла и т. д.) [76, стр. 60, 64—65]’ и приходит к выводу об их определенной экономической идентичности.

Хозяйство пигмеев Шебеста определяет как i«Wild-beuterschaft» — «охотничье хозяйство», но перевод несовершенен, теряется оттенок, который можно передать словом «промысловый». Учитывая, что в «охотничьем хозяйстве» занимаются и собирательством, мы вынуж

⁴ См. дискуссию в журн. «Советская этнография»: В. С. Сорокин, Об одной ошибочной концепции в вопросе происхождения человечества, 1958, № 1; Г. Хрустов, Категория скачка и проблема становления человеческого общества, 1958, № 1 и др.

дены предложить для русского языка термин «промысловое хозяйство».

Шебеста подчеркивает, что такое хозяйство не является «хищническим хозяйством», «охотники удовлетворяют свои ежедневные потребности именно планомерным и упорядоченным промыслом». По его словам, и собирательство также промысел, «организованная эксплуатация» дикорастущих растений [408, стр. 7]. Разумеется, говорить с известным правом о планомерности охотничьего хозяйства можно только по отношению к ограниченному кругу природных ресурсов, составляющих МИН. Увеличение добычи пропитания дело случая.

Базой воспроизводства общины являются не только природные факторы, но также уровень развития производительных сил, общественные отношения в процессе труда, индивидуальные способности ее членов. Поэтому понятие МИН выражает именно тесную взаимозависимость природных и общественных факторов воспроизводства человека в первобытной общине, единство уровня развития производительных сил и производственных отношений в первобытную эпоху.

(Перейдем теперь к анализу конкретных видов экономической деятельности в африканских первобытных общинах и наличных ресурсов для их постоянного воспроизводства и развития.

Пищевые ресурсы. Собирательство. Охота. Потребляемое количество пищи колеблется изо дня в день в больших пределах. Главную роль в этих колебаниях играет природная среда: времена года, наличие животных, даже погода и др. Имеет значение и характер пищи, предпочтение отдается мясу. Как указывалось, животная пища составляет не более 30% ежедневного рациона пигмеев. Причем сюда включаются небольшие животные, термиты и другие продукты собирательства, составлявшие «львиную долю животной пищи у пигмеев» [408, стр. 11—13].

Тем не менее регулярная добыча мяса осуществляется благодаря охоте. Сбор термитов, саранчи производится в определенное время года и занимает сравнительно небольшой период. Общественное признание получают прежде всего охотничье умение и охотничьи успехи. Даже если роль охоты мала в получении средств пропитания, то велико ее значение в формировании

сильного и смелого мужчины, защитника семьи, исполнителя духовных функций, организующего элемента естественной общности.

Прочие виды пищи добываются собирательством или рыбной ловлей — растительная пища, насекомые, мед, рыба, или посредством обмена — бананы, соль и др.

Сферы добывания пищи строго разграничены. Охота — занятие мужчин, собирательство — женщин и детей. Как мы увидим дальше, разделение видов деятельности содержит в себе качественные различия в характере труда.

'Собирательство носит в основном одинаковый характер у бушменов, пигмеев и тиндига. Некоторые различия определяются природными условиями, например пигмеи не занимаются собирательством, когда выпадает дождь или обильная роса. Некоторые исследователи различают также определенные формы или стадии развития собирательства, выделяя беспорядочное, вынуждаемое голодом собирательство, планомерное собирание урожая и др. [247, стр. 9, 11—12]. Собирательство имеет свои границы и закономерности как определенный способ деятельности. Его особенности находят выражение в характере природных ресурсов, орудий труда, самого трудового процесса и в важности этой деятельности для воспроизводства группы.

Ведущую роль играет сбор растительной пищи (несколько десятков видов растений, созревающих в разное время) и всякой живности, попадающейся по пути следования.

Особый характер имеет собирание такой пищи, как термиты и саранча. Особняком стоит рыбная ловля.

Собирательство обычно имеет целью обеспечить пропитание на один день [385, стр. 3; 260, стр. 121], вечернюю и утреннюю трапезу. Продолжительность сбора пищи определяется как природной средой — количеством питательных веществ на гектар, преодолимостью зарослей и др., так и в меньшей степени плотностью населения. Эта продолжительность примерно одинакова у исследуемых народов и, по подсчетам различных авторов, равна 6 часам (обычно с 10 до 16 часов). Затраты труда в процессе собирательства требуют одинакового времени от каждого и примерно одинаковы по качеству [408, стр. 326].

Важным компонентом собирательства являются орудия труда: палка-копалка, используемая однажды; нож, получаемый пигмеями от соседей — банту; примитивная корзина — она требуется на короткое время, и женщины изготавливают ее сами. Корзины длительного пользования! для переноски вещей требуют особого мастерства при их изготовлении⁵.

Мы можем оценить значение собирательства по его роли в биологическом воспроизводстве группы. Растительная продукция собирательства составляет около 70% общего количества пищи и служит основой ежедневного пропитания. Следует также отметить, что собирательством занимается большая часть группы: женщины, дети, молодежь. Способ деятельности у пигмеев, бушменов и тиндига, т. е. главным образом способ добывания пищи, влияет на всю общественную структуру. Собирательство в значительной мере определяет основную предпосылку воспроизводства — размер группы.

Труд женщин определяется необходимостью поддержания МИН. Поэтому важной чертой собирательства является то, что личное воспроизводство в известной мере определяет рамки общественного, так же как общественная производительность труда определяется индивидуальной. Производительность труда в коллективе временами повышается, но за известными пределами увеличение коллектива начинает действовать отрицательно на индивидуальную производительность. Те усилия, которые прилагает женщина, остаются постоянными, а количество продуктов питания, приходящихся на одного человека, уменьшается. Можно увеличить район поисков пищи, но это поведет к чрезмерному росту индивидуальных усилий. В таком случае даже при наличии по соседству незанятых территорий происходит распад группы на несколько частей. Только тогда, когда возможен интенсивный рост производства продуктов питания, увеличиваются плотность населения или размер группы.

Разумеется, сфера добывания пищи в любых условиях имеет какие-то пределы, и растущие затраты труда в этих пределах дают все уменьшающуюся прибавку.

⁵ У бушменов главную роль также играет палка-копалка — кирри. Ввиду изоляции части бушменов железные орудия достаются им с большим трудом.

В отдельных случаях трудовые усилия группы могут не покрываться размерами добычи, и тогда происходит ликвидация наименее дееспособных членов до восстановления равновесия между числом членов группы и МИН.

Таким образом, природные факторы определяют не только производительность труда при данном способе производства, но и в целом количество труда, необходимого в процессе собирательства. Следовательно, одна из задач, которую необходимо решить для подъема уровня существования охотничьей группы, это увеличение возможностей производительного приложения труда.

Охота проводится у первобытных народов по-разному. Например, пигмеи в густом тропическом лесу применяют сети, копья; бушмены широко используют охотничьи яды и т. д.

Трудно перечислить все виды дичи, на которые ведется охота. Это — антилопы, бегемоты, буйволы, обезьяны и вообще все виды животных, начиная от мелких и кончая слонами. Однако, в отличие от собирательства, охота требует не столь однообразных затрат энергии. Вступая¹ в единоборство с животным, охотник часто встречает такое сопротивление, что успех охоты не может быть обусловлен только личными данными человека, его умом и ловкостью — необходимы производительная сила коллектива и орудия труда.

Поэтому интересно рассмотреть производственную сторону существующих различных видов охот. Мы будем придерживаться описания охоты у пигмеев, данного П. Шебестой [408, стр. 32—108].

Существуют следующие основные виды охот: 1) «ежедневная», 2) на тяге (выслеживание), 3) псовая, 4) «бегбе», 5) охота с сетью, 6) «жама», 7) охота с огнем и дымом, 8) охота на слонов. Различия между ними обуславливаются составом участников, орудиями труда и видом дичи. Примерно те же виды охот распространены у бушменов и тиндига. Правда, здесь отсутствует охота с сетью, но бушмены, например, по сообщениям различных авторов, пользуются ловушками [413, стр. 13, 58]. У тиндига наиболее распространена малая охота, в которой участвуют два-три человека [356, стр. 63].

Охотничья производственная деятельность различается следующими компонентами:

а) составом участников. Число охотников колеблется от одного до нескольких десятков человек и более, В «ежедневной» охоте участвуют два-три и более человек, в псовой охоте - пять-восемь человек, в охоте на тяге и охоте па слонов—один-два человека, в охоте «бегбе» п охоте с сетью требуется возможно больше участников. В некоторых охотах («бегбе», с применением сети) участвуют и женщины;

б) орудиями труда. Во всех видах охот мужчины используют лук и стрелы. Нож может быть и у женщины. Копье обычно применяется во время охоты на слонов и реже в других коллективных охотах;

в) размерами добычи. Обычно в охоте типов 1, 2, 6, 7 добывается мелкая дичь, в псовой охоте — мелкая и средняя, в коллективных родовых охотах — несколько видов дичи и в специальном виде охоты — слоны.

Данные компоненты играют строго определенную роль в производственной характеристике охоты. Они находят свое отражение в правилах распределения добычи. Все компоненты взаимосвязаны, но в отдельных случаях можно выделить некоторые из них, определяющие развитие методов охоты. Движущей силой выступает прежде всего развитие орудий труда.

Некоторые виды охот П. Шебеета считает более древними, реликтовыми—например, охоту с огнем и дымом и др. [408, стр. 100—103]. Процесс труда в них не сложен и требует для своего осуществления только примитивных орудий. Например, при охоте «бегбе» можно обойтись случайно поднятыми палками и камнями. Содержание ее заключается в том, что все женщины нескольких родов, собравшись в одно место, с шумом и криком гонят дичь на мужчин-охотников. Здесь осуществляется половое разделение труда и начинают выделяться некоторые функции, например функция предводительницы загонщиц у женщин. Но определяющее значение имеют в охоте <«бегбе» большое число участников и изобилие дичи. Поэтому охота «бегбе» может повторяться лишь несколько раз в год.

Охота с сетью, распространенная не повсеместно, может рассматриваться как модификация предыдущей. Здесь появляется новое орудие труда — сеть, которую имеет обычно каждый из охотников, длина общего заграждения из сетей достигает нескольких десятков мет

ров. И в охоте «бегбе», и в охоте с сетью применяются и более совершенные орудия и методы охоты: лук и стрелы, собаки и др. Однако, несмотря на перемены технического порядка, экономический характер обеих охот изменился мало.

Среди коллективных охот представляет интерес охота на бегемотов у тиндига. В ней участвуют до пятнадцати человек. Хотя зверя способен убивать и один охотник, вооруженный копьем и отравленными стрелами, ■ нужно много людей, чтобы освежевать и перенести добычу [356, стр. 90—91]. Самая крупная дичь часто поедается на месте. Еще до начала охоты она (крупная добыча) уже считается безусловной собственностью общины⁶.

К числу наиболее крупных сдвигов в развитии охоты нужно отнести изобретение лука и стрел. Оно резко расширило возможности каждого индивида, привело к появлению новых видов охот. Например, если охота «жама» (одиночная охота на мелких животных) была доступна и до введения лука, то охота на тяге, или охота с выслеживанием добычи (обезьян), которой занимаются преимущественно старики, была невозможна до появления лука. Так изобретение лука привело к разделению труда на основе дифференциации охотничьей деятельности, когда молодые, более сильные члены группы занимаются одними («ежедневная» и др.) видами охот, а старики — другими. Определенная индивидуализация охоты наблюдается и у тиндига. Наиболее распространена у них охота вдвоем, троим, чтобы добыть мясо для своей семьи [356, стр. 101—102].

Дальнейшее развитие методов охоты связано с появлением охотничьей собаки. Собака — единственное домашнее животное пигмеев — стала одним из необходимейших условий их существования. Псовая охота развивалась из «ежедневной», и последняя сейчас проводится гораздо реже, так как менее эффективна.

Охота, как мы уже упоминали, не всегда бывает удачной даже в таком богатом дичью районе, где живут тиндига. Продолжительность охоты может быть раз-

⁶ У пигмеев при охоте на слонов это уже не наблюдается. Искать причину происшедших изменений следует не только в развитии орудий труда и методов охоты, но и в изменении характера естественной общности

йой и зависит бт ее характера. Часто она начинается С рассветом и кончается в сумерках. Охота в принципе может быть ежедневной [332, стр. 43—44], но иногда проводится реже.

Нельзя не упомянуть яды. Различные железные орудия и железо пигмеи получают от народов банту, из него делают наконечники для стрел, ножи и копья трех видов. Появление копья сделало возможной охоту на слонов. Выделение этой охоты также знаменует зарождающееся разделение труда между охотниками. Охотники на слонов — люди, обладающие особыми данными и таким далеко не всем доступным орудием, как копье.

Появление новых видов охоты означало некоторое расширение пределов существования. Это расширение может быть исчерпано ростом 'населения, увеличением его плотности, но в любом случае должны воспроизводиться новые условия существования — затраты труда на производство орудий и форма этих затрат — разделение труда. На исход охоты влияет и состав участников— не только его численное изменение, но функций отдельных лиц, разделение труда между ними.

Нужно учитывать также складывающиеся в процессе разделения труда отношения распределения. Г1. Ше- беста, В. Ниппольд, Р. П. Триль, Л. Коль-Ларсен и другие уделяют большое внимание распределению добычи и приводят обычные правила ее раздела. Эти правила меняются от охоты к охоте. Например, при охоте «бег- бе» все роды, участвовавшие в охоте, имеют свою долю в добыче [87, стр. 100]. Об уравнительном распределении при охоте с сетью сообщает Э. Патнем [198, стр. 40].

Однако в других видах охоты существуют иные правила распределения. Прежде всего не каждая охота доступна любому члену группы. А среди самих охотников выделяются носители различных функций. Закрепленной можно считать только функцию старейшины, который осуществляет раздел добычи; кроме того, выделяется предводитель охоты, человек, ранивший дичь первым, и др. Закрепление последних функций происходит в малой степени, хотя и обусловлено личными качествами.

Общественная производительность охоты повышается за счет ряда факторов, в первую очередь благодаря разделению труда. Разделение же труда и повышение

его производительности осуществляются через индивидуальные действия. И в сознании первобытных охотников соответствующим образом идентифицируются принадлежность дичи и права на нее. Например, дичь считается принадлежащей в первую очередь убитому ее охотнику, а также владельцу оружия или собаки. Повышенные трудовые затраты индивида, в том случае если они оказались успешными, а также просто большая эффективность его деятельности (в силу обладания оружием, опытом и др.) находят выражение в доле получаемой добычи. Другими словами, затраты труда каждого из участников получают общественное признание в зависимости от эффективности и выражаются в распределении добычи [см. подробнее 116, стр. 15—18].

Бесполезные затраты энергии не вознаграждаются. «Охотник, который потерял след раненого зверя, следовательно, ничем не способствовал успеху охоты, теряет все права на добычу» [385, стр. 16]. Можно видеть, что отношения распределения обеспечивают воспроизводство активных общественных факторов (воспроизводство охотничьей общины), необходимых для успеха охоты.

На этом распределение добычи не заканчивается. Отношения естественной общности и естественно выросшего разделения труда в рамках всей общины диктуют необходимость дальнейшего распределения добычи, но оно происходит за пределами производственного процесса охоты.

Особое место у пигмеев занимает охота на слонов. В современных условиях ее необходимо рассматривать как результат контактов между пигмеями и банту. Чтобы охотиться на слонов, нужно иметь в первую очередь соответствующее оружие — копье и особые личные качества. Охотники за слонами в своей общине и за ее пределами считаются людьми выдающимися и пользуются почетом, однако эффективность их деятельности выражается также и в материальном благополучии — они богаты и позволяют себе, в отличие от большинства пигмеев, иметь две-три жены.

Характер охоты у бушменов и тиндига имеет свои особенности. Они определяются различием флоры и фауны, исторического развития и окружения.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

Широко распространено представление о том, что

бушменам труднее добывать себе пищу вообще и животную в частности. По-видимому, это положение в целом верно, но, 'к сожалению, оно, как правило, присутствует уже в исходных посылах исследования и легко становится выводом. Теоретические выводы иногда делаются по следующему принципу: такие-то орудия, особенности общественной и культурной жизни и т. д. не могут наблюдаться у данного народа, так как они не типичны для первобытнообщинного строя. Например, железные орудия не могут производиться в первобытной общине, а следовательно, наличие железных орудий не позволяет нам классифицировать эту общину как первобытную.

Таким образом совершается методологическая ошибка, когда правильный, но ограниченный объем наших знаний переносится на более широкую совокупность явлений действительности.

Между тем для первобытной общины производство орудий труда не играет такой роли, как для общества, основанного на производящем хозяйстве. Трудовая деятельность охотников и 'собираателей заключается главным образом в непосредственном поиске и добычании пищи, обеспечении необходимой величины МИН. Производство орудий труда, создавая условия для повышения уровня существования, вместе с тем не определяется непосредственно потенциально возможным более высоким уровнем существования. Дело в том, что необходимые в этом случае дополнительные затраты труда (для производства более совершенных орудий охоты) не компенсируются в силу общих уравнилельных условий распределения животной пищи. Эти условия необходимы, чтобы обеспечить основную предпосылку существования первобытной общины — воспроизводство самих людей. Но тем самым неизбежно ограничивается и база воспроизводства активных общественных факторов — например, ограничиваются затраты труда на изготовление орудий, поскольку эти затраты недостаточно возмещаются.

Поэтому можно сказать, что МИН определяет все области воспроизводства первобытной общины, т. е. воспроизводство всех ее членов со всеми их способностями, орудиями труда и запасом сил.

Не меньшее значение (с точки зрения возможностей

перехода к более высокому уровню существования) имеет также исторически складывающийся характер потребностей членов первобытной общины. Невозможно вырвать биологические потребности первобытного охотника или собирателя из всей ткани общественной жизни группы. Например, орудия охоты служат и для защиты группы. Животная пища при ее недостатке приобретает особую общественную ценность, что выражается в известной перестройке разделения и распределения труда членов общины, всей ее производственной жизни (см. об этом подробнее ниже). Основное же заключается в том, что и в первобытной общине потребности человека определяются в целом характером хозяйственной деятельности, возможностями расширения исторических рамок этой деятельности и, в свою очередь, влияют на динамику общественно-экономического развития общины.

Это теоретическое отступление необходимо для того, чтобы уточнить понятие МИН и перейти к некоторым другим сторонам воспроизводства в охотничьем коллективе.

Выше мы определили МИН как минимальное пороговое воздействие окружающей среды, необходимое для воспроизводства определенного индивида или группы индивидов. Однако в конкретном анализе мы рассматривали воздействие окружающей среды преимущественно как данный, природно-биологический фактор, другими словами, принимали за искомую величину МИН то минимальное количество средств к существованию, которое необходимо для биологического воспроизводства человека. Тем самым удается выделить *нижнюю* границу МИН, которая имеет большое значение в жизни первобытной общины, особенно на ранних стадиях ее развития и вообще при недостатке необходимых пищевых ресурсов.

Но кроме низшей границы МИН нужно учитывать еще и его высший предел, который определяется существующим способом присвоения, распределения и потребления материальных благ. Высшей границей МИН является то оптимальное количество потребительских благ, которое возможно при данном способе деятельности и отражает развитие человеческого труда.

В этом широком смысле МИН представляет собой

величину динамическую, историческую, оно фиксирует ту сумму общественных и природных условий, которая необходима для воспроизводства присваивающего хозяйства в оптимальных границах и для перехода к более высоким ступеням производственной деятельности.

Таким образом, если низшая граница МИН отражает относительно *пассивное* приспособление первобытного человека к окружающей среде, физическое воспроизводство всех членов охотничьей группы, то высшая граница существования предполагает *активное* расширение (до определенных пределов) базы воспроизводства, усиление роли трудовых, социальных моментов в жизнедеятельности общины. Достижение высшей границы МИН, превращение ее в исходный уровень воспроизводства ведет к активному вмешательству в сложившееся относительное равновесие человека и природной среды, к отрицанию прежнего МИН. Происходит завоевание новых областей производства.

Для понимания экономических причин застойности и отсталости общества бушменов, пигмеев и т. д., по нашему мнению, большое значение имеет выяснение возможностей «расширения» прежнего МИН (т. е. повышения верхнего «потолка» воспроизводства) в конкретных условиях (природных и общественно-экономических) обитания этих народов. На этом вопросе мы остановимся ниже.

Вернемся теперь к орудиям труда бушменов. Наиболее характерный факт, который бросается в глаза, состоит в том, что почти все технические достижения (включая и применение железа, которое поступает к ним от бантуязычных соседей) используются для совершенствования охотничьих орудий, иначе говоря, способствуют повышению МИН только в одной сфере хозяйственной деятельности.

Орудия у бушменов примерно те же, что и у пигмеев: лук и стрелы. Нож и копья редки. Охота производится как в одиночку, так и группой. О повышении уровня существования бушменов преимущественно в сфере охоты говорят такие признаки, как увеличение возможностей индивида по сравнению с возможностями группы в результате совершенствования оружия, специализация мужчин преимущественно на занятии охотой, а также в известной мере складывающееся разде-

Ленне труда в коллективной охоте. В большймстве Случаев в охоте участвуют лишь те лица, чья деятельность безусловно необходима.

Как мы видели, в каждой охоте участвует строго определенное число людей. Количество охотников и их функции преследуют цель максимально повысить эффективность охоты.

Повышению МИН в сфере охоты способствует растущая концентрация женского труда в сфере собирательства. Женщина должна собирать большую часть продуктов питания, чтобы кормить мужчину—добытчика мясной пищи и защитника рода.

Почему же в условиях существования бушменов, пигмеев, тиндига наиболее перспективным оказывается повышение «порога существования», увеличение МИН именно в сфере охоты, тогда как другие отрасли хозяйства (примитивное земледелие, производство орудий труда) развиваются относительно медленно и в целом занимают подчиненное место в традиционной экономике первобытной охотничьей общины?

Это ограничение рамок воспроизводства можно объяснить, конечно, трудными, чрезвычайно жесткими климатическими условиями, в которых обитают эти народы и которые делают не только наиболее доступными, но и наиболее экономичными, оптимальными (с точки зрения соотношения затрат и результатов труда) именно занятия охотой. Но это лишь частичный ответ на поставленный вопрос.

Нужно учитывать также обратное влияние всеподчиняющего развития охоты на структуру воспроизводства, разделение труда, характер орудий труда, а вместе с ними и на возможности экономического прогресса присваивающего хозяйства.

ХАРАКТЕР ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Различия в трудовой деятельности мужчин и женщин. Мы рассмотрели способ добывания пищи и характер ее первоначального распределения. Оба полюса этого процесса, производственное потребление индивида и его личное потребление, имеют свои особенности как в

бхоте, та,к и в собирательстве. Наиболее сильно оiii-1 проявляются в характере затрат труда.

В охоте вся добыча может быть потеряна, если в какой-либо момент не будет приложена максимальная энергия. В собирательстве же снижение интенсивности труда ведет лишь к уменьшению добычи и может быть компенсировано увеличением продолжительности труда, что доступно для женщин, да и для сопровождающих их детей. Характеру физической деятельности мужчин, которая определяется не только общей затратой сил, но и максимальной интенсивностью затрат энергии, противостоит физическая деятельность женщин, результат которой в первую очередь зависит от общих затрат энергии.

Участие женщин в некоторых видах охот необходимо, когда требуются большие общие затраты труда. Нужная интенсивность труда достигается объединением сил большого числа участников в этот момент. Причем их количество должно быть нерационально велико, как нерационально велики общие затраты труда, которые нужны не только для полезной деятельности, но и для передвижения индивида.

Негативная сторона этих видов охот заключается также и в том, что они отрывают женщин от естественных занятий и при частом повторении подрывают их силы.

[Мы уже отмечали уравнительное распределение, господствующее в коллективной охоте. Оно Отвечает характеру процесса, увеличение эффективности которого в общем соответствует увеличению числа участников. Различие индивидуальных вкладов в трудовой процесс в общем компенсируется увеличением общих затрат энергии. Большая эффективность деятельности индивида за счет разделения труда при меньшем числе охотников в данном -случае в целом не оправдывает себя по сравнению с увеличением числа участников вообще. А это последнее возможно только благодаря привлечению женщин через систему уравнительного распределения, которая оказывает обратное влияние на способ охоты, тормозит развитие разделения труда.

Как мы видели, в дальнейшем совершенствование мужской формы деятельности, охоты, идет не по пути увеличения числа участников, а за счет накопления

навыков, первичного разделения труда, применения орудий.

Женщины по характеру своего труда в сравнении с мужской деятельностью не имеют свободного времени, которое можно было бы направить на изготовление сложных орудий и т. д. Собирательство, обеспечивая ежедневную потребность в пище, должно проводиться постоянно, а кроме него на женщине лежат другие обязанности. В то же время процесс труда при собирательстве довольно однообразен и мало поддается специализации. Активные факторы сводятся к трем: передвижение в поисках пищи, собирательство, доставка пищи. Возможности для проявления индивидуальных качеств ограничены, от всех требуются одинаковые действия. Скорость передвижения группы и интенсивность деятельности в целом лимитируются возможностями наиболее слабой из участниц, в противном случае группа распалась бы. Вольно или невольно происходит или равнение на слабейшего участника в процессе труда, или уравнильное распределение добычи. Избыток растительной пищи сверх МИН, добываемый иногда отдельным индивидом, не играет особой роли как в силу случайности его получения, так и в силу незначительной физиологической важности. Для того чтобы этот излишек сыграл свою роль в разделении и дифференциации группы, необходимы его постоянное получение и эффективная реализация либо в личном потреблении, либо в обмене с соседями-банту. Регулярное получение излишка тормозится частым отвлечением женщин от собирательства, необходимостью больших затрат труда в охоте.

Можно утверждать поэтому, что увеличение МИН в сфере охоты оказывает обратное влияние на возможности экономического роста в других отраслях хозяйственной деятельности.

Орудия труда и общий характер воспроизводства. Существует мнение, что многие предметы и орудия труда заимствованы пигмеями и бушменами у соседних народов. В. Ниппольд говорит к тому же, что ни один из карликовых народов не изобрел самостоятельно огня [386, стр. 15].

Действительно, пигмеи находятся в прямой экономической зависимости от своих соседей — народов банту.

Они получают от них все железные орудия, охотничьих собак, бананы, соль и т. д. Заимствования, а тем более прямой обмен влияют как на хозяйственную жизнь, так и на социальную структуру пигмеев. Но образ жизни бушменов, пигмеев и тиндига консервативен, он определяется способом добычи средств существования — собирательством и охотой, которые мало изменяются с введением более совершенных орудий. Невелика сама гибкость производства, так как она обуславливается узкими границами повышения МИН.

Уже сама по себе кочевая жизнь, какую ведут в большинстве своем бушмены и пигмеи, ограничивает количество вещей, которые можно иметь. «Каждый обладает помимо нескольких мелочей только тем, что безусловно необходимо для жизни и борьбы» [386, стр. 14].

Далее необходимо отметить, что ранние формы хозяйства — охота и собирательство — не имеют (по крайней мере с технической стороны) самодовлеющих стимулов развития. Оптимум их развития вовсе не обязательно является условием более высокой хозяйственной ступени развития. Трудовые усилия, которые охотник или собиратель прилагает, чтобы овладеть МИН, слагаются как из той части, которая затрачивается на поимку добычи и собирательство, так и из той, которая необходима для изготовления и транспортировки орудий. Эти усилия отнимают большую часть рабочего времени охотника. Поэтому изготовление предметов, потенциально очень полезных, но трудоемких, в условиях слабого разделения труда и его низкой производительности может оказаться бессмысленным. В небольшой охотничьей группе, где каждый индивид выполняет определенную производственную функцию, затрата чрезмерных усилий на изготовление орудия грозит нарушить весь хозяйственный процесс. В то же время хозяйственный цикл, нерегулярность добычи пищи определяют численность населения и необходимость коллективного участия в охоте или собирательстве, что, со своей стороны, тормозит развитие разделения труда.

Поскольку охотничьи племена входят в контакт с окружающим населением, у них появляются различные предметы, в первую очередь оружие, которое они не могут изготовить сами. Предметы собственного производства имеются у всех, и они практически равноценны,

Предметы от СОбеДей-банту — лишь у отдельных ЛИЦ. Они поступают в результате разделения труда между охотниками и окружающим населением, а разница в обладании вещами внутри группы отражает определенное внутриобщинное разделение труда. Орудия труда используются для добывания, хранения и переноски пищи и имущества, изготовления одежды и орудий для строительства жилищ. Но в целом круг орудий незначителен, и они достаточно четко подразделяются на орудия, принадлежащие мужчинам (лук и стрелы, нож, охотничья сеть, иногда копья) и женщинам (палка-копалка, корзина для собирательства, кожаная петля для переноски грудного ребенка и др.).

«Женщина не помогает при изготовлении оружия, не берет она в руки также и охотничье оружие» [408, стр. 32]. Изготовление оружия и его использование — монополия мужчин. С экономической точки зрения монополия на оружие совпадает с естественным разделением труда между полами. Уже в ранних видах охоты (см., например, охоту «бегбе») мужчина играет более активную роль. Чтобы убить зверя, охотник должен использовать все свои физические качества в сочетании с умением владеть орудиями труда. Поэтому мы вправе рассматривать первые орудия как прямое продолжение человеческих органов.

Но эта характеристика пригодна с теми или иными оговорками и для более поздних ступеней общественного развития. В первобытном же обществе 'Орудие оказывается и в абсолютном отношении продолжением человеческих органов. Оно выступает как непосредственное развитие человеческой индивидуальности, необходимое для победы над животным. Более того, оно словно срастается с определенным индивидом и во многих случаях не может перейти ни к кому другому¹.

Процесс развития орудий долог и сложен. В первобытной общине его еще можно в какой-то степени сравнить с развитием физиологических функций — согласно общему закону развивается то, что упражняется.

Однако целевая функция орудий, как и стимулы их развития, еще почти целиком лежит вне сферы их производства. Это не значит, что в охотничьей общине не

¹ Вплоть до уничтожения в случае смерти владельца.

Могут возникнуть орудия, Типичные для более высокой ступени производства. Но возникновение этих орудий должно быть вызвано внешней необходимостью, внешней причиной; оно не являлось результатам саморазвития охотничьих орудий. Скорее можно утверждать, что оптимальное развитие охоты тормозит переход к (более высоким формам производительной деятельности. Характерный пример: -мы относимся как к привычному факту к тому, что именно в первобытном обществе созданы такие орудия труда, как лук и стрелы, бумеранг, различные ловушки, которые с точки зрения известного автоматизма своего действия стоят даже выше орудий труда, употребляемых в сельском хозяйстве. А ведь почти парадоксально, что ни эти совершенные орудия, простейшие автоматы, ни даже принципы их действия не нашли в дальнейшем никакого применения в производительной деятельности.

Это свидетельствует не только о различии орудий труда, употребляемых в охоте и, скажем, в сельском хозяйстве, но и о качественном различии характера труда в охоте и (в течение долгого времени) в остальных областях хозяйственной деятельности.

Поэтому серьезным препятствием дальнейшему развитию орудий труда становится сам способ охотничьей деятельности в целом. Совершенствование охоты способствует повышению уровня существования, но вместе с тем устанавливает одновременно его верхний предел, так как резко ограничивает круг типов орудий, которыми может располагать охотник. Само развитие способа деятельности здесь, по существу, ставит границы для перехода к более прогрессивным формам производства, а тем самым и к более прогрессивным орудиям труда. Как мы видели, сам способ охотничьей деятельности не является препятствием для технического совершенствования орудий. Наоборот, его развитие ведет к созданию изумительных по совершенству и законченности орудий. Они максимально целесообразно используют имеющуюся человеческую энергию, но, к сожалению, не приводят к овладению новыми источниками энергии и появлению у орудий новых хозяйственных функций, а следовательно, и новых типов орудий.

Орудия труда долгое время формируются непосредственно под активным воздействием среды и удовлетво-

рземых потребностей. Ведущим стимулом развития была их целевая функция, их назначение, а не экономия труда при производстве орудий⁸. Да и само понятие экономии здесь, пожалуй, еще не применимо.

С той поры, когда создание орудий становится специальной отраслью деятельности, возникает новая и очень важная составная часть их развития — технология ремесленного производства. Функция произведенных орудий прежняя — удовлетворение определенных потребностей, но в рамках технологии производства целевая функция наполняется и новым содержанием — целью становится сохранение и совершенствование функциональных свойств орудия при экономии затрат труда и материала.

Для развития хозяйственной деятельности и орудий труда большое значение имеют неодинаковые условия разделения труда в присваивающих и производящих отраслях хозяйства.

Затрата индивидом личных сил в процессе производства, его производственное потребление сознательно или бессознательно имеют целью потребление индивидом продуктов природы. И чем длиннее этот путь, чем больше число операций, на которые распадается изготовление орудия, тем больше вероятность разделения операций по его изготовлению между отдельными индивидами. Эта возможность максимальна в производящем хозяйстве и минимальна в собирательстве.

Затрату человеком сил на изготовление орудия, весь путь от производственного потребления индивида к личному можно рассматривать как неразрывный процесс, происходящий в рамках естественно выросшего разделения труда. Качественный скачок в развитии хозяйства происходит, когда разделение труда начинает обуславливаться передачей изготовленного орудия в другие руки, т. е. определенной отраслевой специализацией. Это создает такие условия воспроизводства, при которых развитие общества начинает все более определяться темпом развития орудий производства и связанных с ними

⁸ Это хорошо видно на примере мотыжных орудий, характерных для различных районов Африки. Налицо колоссальное количество разнообразных типов мотыг, весьма целесообразных, приспособленных наилучшим образом для какой-либо определенной функции.

'грудовЫх навЫКй, Чтб резко раздвигает грайиЦЫ суЩе-¹
сгзования самого человека.

В охоте разделение труда также осуществляется в форме разделения деятельности, но между отдельными индивидами, а не отраслями производства. Путь от производственного потребления человека к личному опосредствован, с одной стороны, обменом деятельностью в поимке добычи, с другой — характером распределения.

При разделении труда в сфере изготовления орудий происходит уже обмен вещами. Зачаточную форму его мы видим в оплате заимствованного оружия, если оно будет использовано эффективно, с пользой для охотника. Это условие весьма показательно. Оно свидетельствует о том, что на начальном этапе отчуждение вещи еще не приобретает самостоятельной формы обмена. Вещь как бы сохраняет отпечаток личности дающего, она еще должна доказать свою эффективность как субстанция затраченных им сил. Но такой характер обмена сохраняется только в рамках естественной, семейной и родо-племенной общности, которая подчиняет себе в определенных условиях и 'более высокую ступень развития разделения труда. Например, изготовление железного оружия для тиндига считается исключительной привилегией их высокорослых соседей-иссанзу. Однако в том случае, когда «ремеслениики»-иссанзу живут в какой-то группе тиндига, они работают безвозмездно для своей группы и получают плату от членов соседней группы [356, стр. 70].

Орудия и разделение труда в охотничьей общине как экономические предпосылки естественной общности. До этого момента мы ограничивались сугубо экономическим анализом африканской охотничьей общины, абстрагируясь от ее социальной структуры и лежащих в ее основе отношений естественной общности. Экономический анализ позволяет, однако, с одной стороны, лучше представить себе, почему производственные отношения в первобытном коллективе выступают в своей «естественной» — кровнородственной и половозрастной — форме, а с другой — выделить отношения кровного родства как важную предпосылку воспроизводства индивида и группы индивидов в первобытном обществе.

Охота выступает как реализация в производстве биосоциальной общности мужчин с целью добычи пропита

ния; в собирательстве реализуется такая же общность женщин. Охотничья группа составляет, следовательно, естественную общность мужчин, женщин и детей с целью воспроизводства путем размножения, воспитания, прокормления.

Подобная общность выступает как предпосылка и порождение естественно выросшего разделения труда. Поэтому отношения по воспроизводству орудий, возникающие при господстве естественно выросшего разделения труда, долго развиваются в рамках этой общности, поскольку сохраняется способ производства и обусловленная им общность. Так как орудия труда должны обеспечивать существование всей группы, они могут быть использованы (в рамках естественно выросшего разделения труда) любым охотником. Поскольку же использование орудий труда должно возместить силы, затраченные на их изготовление, оно потенциально выступает антагонистом естественной общности, так как последняя реализуется в иной, непродуцирующей форме трудового процесса — охоте и собирательстве. Но до тех пор, пока не произошло разделения труда по производству орудий, они изготавливаются в рамках единого процесса добычи средств существования, и любая затрата сил одного индивида входит в не прерываемый обмен процесс коллективного труда. Это определяет замедленный темп развития орудий.

Попутно можно отметить, что, видимо, этой определенной двойственностью трудовых затрат объясняются две различные точки зрения на характер труда в первобытном обществе.

Согласно первой точке зрения орудия труда не играют значительной роли в присваивающем хозяйстве и труд определяется прежде всего коллективным характером присвоения природных благ [117, стр. 17, 20]. Другая точка зрения выделяет именно производство орудий и средств труда в качестве основы общественного производства в первобытном обществе [76, стр. 63—64].

Действительно, для сохранения и развития естественной общности главное — это коллективный характер присвоения продуктов природы, но если подойти к этому же вопросу с точки зрения «возможности разделения труда, а значит, и обмена» [77, стр. 269], узловым про

блемой первобытного общества становится производство орудий труда.

Изготовление орудий труда. Орудия, изготавливаемые мужчинами, употребляются главным образом на охоте: лук и стрелы, охотничья сеть, яды, копыя, ножи. Железо и охотничьи собаки обычно появляются в результате обмена.

Каждое из орудий несет на себе отпечаток индивидуальных способностей изготовителя. Личную метку у тиндига имеют только охотничьи стрелы, чтобы можно было определить, кому принадлежит убитая дичь. Другие орудия достаточно индивидуализированы манерой исполнения [356, стр. 102, также см. 386, стр. 105].

Природными материалами для изготовления орудий служат камень, дерево, кость, рог и т. п. Обработка камня составляет (в традиционной охотничьей общине) «основу всего производства... Бушмены обрабатывали камень при помощи камня, проявляя при этом совершенно поразительное терпение»⁹ [260, стр. 111] и затрачивая колоссальный личный труд. Но такая затрата личного труда происходила за пределами МИН и ни в коем случае не в ущерб трудовым затратам, необходимым для охоты и собирательства. При более легких условиях добывания пищи у каждого индивида остается свободное время. Изготовление орудий в это свободное время внешне никак не влияет на процесс производства. Когда орудие готово к употреблению, оно выступает в форме «счастливой находки», резко повышающей производительность труда.

С точки зрения границ воспроизводства это выражается следующим образом: ресурсы сил и времени индивида обычно больше, чем необходимо для обеспечения МИН. Однако затраты энергии в свободное время в известной степени влияют на величину МИН, поскольку они овеществляются в орудиях труда. Естественно, что до тех пор, пока изготовление орудий остается личным делом индивида, этот процесс труда не входит прямо в «производственное» потребление индивида, поскольку

⁹ Ж. Модуи указывает, что сейчас каменных орудий бушмены не изготавливают [375, стр. 11—12]. Пигмеи «каменной индустрии» не имели [332, стр. 52].

последнее должно завершиться личным потреблением. Эти затраты труда выступают как косвенно, 'случайно» влияющие на величину МИН.

Рассмотрим, как соотносятся косвенные затраты труда с прямыми, личные затраты свободного времени и общественно необходимый труд:

1. У бушменов, пигмеев и тиндига орудия труда различаются по характеру изготовления. Такие орудия, как камень, палка-копалка, создаются непосредственно в процессе добычи пропитания. Собственно, говорить об «изготовлении» их можно лишь условно: затраты на такое изготовление неотделимы от поисков пищи. Характерно, что эти орудия труда «одноразового» употребления, требующие весьма незначительных затрат труда и дающие мгновенный эффект, употребляются преимущественно женщинами, имеющими меньшее количество свободного времени.

2. В эпоху «каменной индустрии» бушменов отдельный человек мог проявлять поразительное терпение при изготовлении орудия. Косвенный характер затрат труда выразался в том, что учитывалась прежде всего полезность орудий, его потребительная стоимость, а не общая масса затраченного труда. Этому способствовало и различие в индивидуальных способностях: один мог сделать быстрее и лучше, с большим желанием, другой предпочитал отдохнуть [145, стр. 88—89]. Обязательно воспроизводить следовало лишь труд, необходимый для обеспечения МИН. Одновременно воспроизводились индивидуальные способности, необходимые для производства орудий. Предпосылки для воспроизводства последних существуют, поскольку существуют люди и их свободное время. У многих, однако, это просто время для отдыха. Все зависит от индивидуальных особенностей и склонностей первобытного человека. Здесь обнаруживается двойственный общественный характер изготовления орудий в охотничьей общине: время, *необходимое* для их производства, внешне выступает как свободное время. В той степени, в какой время для производства орудий труда охотников и собирателей носит общественно необходимый характер, оно может и должно включаться в систему естественно выросшего разделения труда, когда же оно выступает в форме свободного времени, которым распоряжается только индивид, оно может вклю

чаться в систему общественного разделения труда и способствовать развитию производящего хозяйства.

3. У большинства, если не у всех, охотничьих групп времена «каменной 'индустрии» отошли в прошлое. В качестве материала для орудий труда используется железо, получаемое от 'банту. И это имело довольно серьезные последствия. Повысилась производительность труда как в процессе охоты, так и при 'изготовлении орудий, например лука и стрел. Одновременно орудия в большей мере стали приобретать серийный характер, так как само железо доставляется уже в обработанном виде. Разделение труда в производстве орудий и последующий обмен приводят к тому, что одна потребительная стоимость немедленно возмещается другой.

Специализация деятельности осуществляется на основе повышения производительности труда отдельного индивида; эффективность его физических усилий увеличивается во много раз за счет накопления опыта, специальных орудий и умения ими пользоваться. У первобытных охотников в области материального производства мы этого не наблюдаем.

Хотя процесс создания некоторых орудий, например лука, довольно сложен (необходимы различные материалы, ряд последовательных операций в течение определенного промежутка времени), разделения труда по их производству между отдельными лицами еще не происходит. На наш взгляд, это объясняется прежде всего тем, что знания, так же как материалы и орудия, необходимые для их изготовления, доступны всем и передаются по наследству в каждой семье.

Для первоначального возникновения разделения труда нужен какой-то вид общественной монополии, т. е. исключительное (или хотя бы преимущественное) распоряжение каким-либо фактором, необходимым для нормального течения процесса общественного производства. Внутри охотничьей группы существует пока только монополия на природные, биологические особенности, на индивидуальные данные. Кроме разделения труда по полу и возрасту, возникновение монополии носит случайный характер природной одаренности, а возможность проявления обусловлена общественным способом производства.

Выше мы приводили отдельные случаи использова-

ми я индивидуальных способностей как общественной монополии, т. е. общественных функций, закрепленных за определенным лицом в процессе охоты.

Иногда -возможно возникновение такой монополии и на производство орудий труда. Однако она также связана с естественно выросшим разделением труда. «Бушмены столь же рьяно охраняли секрет своих противоядий, как и самих ядов. Он был известен далеко не всем членам племени или клана. Более того, точно так же, как и секрет составления красок, некоторые секреты передавались от отца к сыну в пределах отдельных семей, или же необходимо было пройти посвящение, чтобы быть допущенным в круг избранных» [260, стр. 169— 171]. Основу монополии здесь, несомненно, составляет опыт. Аналогично этому обработкой железа у бушменов занимаются только отдельные лица [386, стр. 32].

Изготовление одежды, украшений и т. п. является в основном личным делом. Кожу выделяют мужчины, ряд украшений женщины изготавливают сами.

Часть орудий труда, используемых женщинами, изготавливается ими самостоятельно. Но специализация женщин на производстве любых орудий труда маловероятна, так как они .практически не имеют -ни свободного времени, ни излишков энергии. Они делают обычно то, что не требует большого искусства. У пигмеев и бушменов ножи для женщин изготавливают мужчины, а на более высоких ступенях общественного развития все большее количество орудий труда, да и предметов потребления, сложных в изготовлении, производится мужчинами [332, стр. 123, 232—233, 248—250].

Подведем теперь некоторые итоги. Как уже отмечалось, воспроизводство всей охотничьей группы в известной мере определяется личным, биологическим воспроизводством каждого его члена. В дальнейшем выяснились две тенденции развития общественного воспроизводства в охотничьей общине. Во-первых, оно осуществляется путем отрицания прежнего МИН; во-вторых, оно не сводится только лишь к биологическому 'воспроизводству. Развитие общественных способностей индивида базируется главным образом на развитии охоты как способа деятельности и упрочении общественной организации внутри него. В этом смысле биологическое воспроизводство индивида не определяет характера об-

Щетинной жизни охотничьей группы и мало влияя на него. При внимательном рассмотрении становится очевидно, что охота далеко не столь примитивный вид деятельности, как это многие считают. По характеру организации индивидуального и коллективного труда, по применяемым весьма совершенным орудиям она стоит выше не только собирательства, но и примитивного земледелия¹⁰. Навыжи охотников, их умение, организаторские функции являются важнейшим инструментом дальнейшего развития общественных отношений и общественной жизни родовой общины. Примитивный характер охоты обнаруживается только в том случае, если мы переходим к рассмотрению МИН — низшей и высшей границы воспроизводства в первобытном коллективе. Характер охотничьей деятельности, влияние, оказываемое ею на использование трудовых ресурсов, на внутри-общинное разделение труда, распределение материальных благ и т. д., замедляют переход к производящим формам хозяйства.

Революционный переход к новому способу производства, качественно новому уровню общественных отношений становится возможным лишь с изменением характера женской деятельности, в процессе перехода от собирательства к земледелию. В этом заключается известный парадокс — отсталая по способу организации женская деятельность, как только мы переходим к рассмотрению характера МИН, приобретает историческую перспективу развития.

Однако в условиях традиционной общины бушменов, пигмеев и тиндига этот путь в большинстве случаев не получил развития. Складывался своеобразный «порочный круг»: совершенствование охотничьей деятельности способствовало известному повышению верхних пределов существования членов охотничьих общин, но в то же время это повышение ограничивало возможности коренного изменения в структуре воспроизводства, и самую потребность в таком изменении. Не абсолютная стагнация, а известные особенности общественно-экономического развития обусловили отсталость и застойность первобытных обществ Тропической Африки.

¹⁰ Имеется в виду не производящая форма хозяйства, а более или менее случайное использование дикорастущих злаков, т. е., по существу, особые случаи собирательства Г ср., например, 279].

И). М. Кобищанов

АФРИКАНСКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА: ВОСПРОИЗВОДСТВО И НЕРАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ

Причины отсталости и застойности развития феодальных обществ Тропической Африки следует искать в особенностях воспроизводства производительных сил и производственных отношений этих обществ, так как и самая отсталость воспроизводилась вместе с ними. При изучении этого вопроса мы должны будем коснуться и некоторых спорных проблем генезиса феодальных отношений, закономерностей развития феодальной формации и отдельных африканских обществ, преимущественно района расселения народов банту и Северо-Восточной Африки, в меньшей степени — других субрегионов, а также отдельных социально-экономических укладов в доколониальной Африке.

Вопросам развития надстроечных явлений здесь не может быть уделено то же внимание, что и особенностям развития производительных сил исследуемых обществ. Эти явления будут рассматриваться лишь в той мере, в какой они непосредственно, в прямой форме воздействовали на экономику традиционного африканского общества.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Производительные силы доколониальных, традиционных обществ Тропической Африки не были единообразны во всех частях субконтинента. В них можно обнару-

Жить многие общие черты, обусловленные, Во-первых, принадлежностью к типу (стадии) мелконатурального производства, а во-вторых, тем фактом, что они развивались в условиях тропических саванн и пустынь. Однако не менее важными представляются и различия, наблюдаемые в сферах хозяйствования, общих особенностях земледелия, скотоводства, в ассортименте культивируемых растений и домашних животных, орудий труда, способах подготовки почвы к посеву, наличии тех или иных ремесел, степени разделения труда, формах производственной кооперации и т. д.

Велики были различия в плотности населения, и здесь они имели две особенности: 1) приуроченность повышенной или пониженной плотности населения к определенной территории на протяжении целых исторических эпох и 2) значительные колебания плотности населения на одних и тех же территориях в пределах отдельных исторических периодов. Так, плотность населения в долинах среднего Нила и среднего Нигера была всегда (со времени образования Сахары) повышенной по сравнению с окружающими их территориями; однако в определенные периоды истории (упадок Мероитского царства, крушение Сонгайской державы и др.) плотность населения здесь резко падала. То же самое мы замечаем и на территории нагорий Северной Эфиопии, Каффы, Южного Кордофана и др. Зоны, наиболее благоприятные для обитания, служили центрами притяжения населения, труднодоступные горные районы — местом изгнания слабых племен; порой плотность населения здесь оказывалась значительной; еще менее доступные леса, пустыни и острова среди озер были местами, где сохранялись наиболее отсталые народы, и плотность населения была здесь наименьшей.

Социально-исторический фактор, выражавшийся в актах военного и вообще внеэкономического принуждения, дополнял географические факторы в создании неравномерной плотности населения, вызывая добровольное или принудительное переселение значительных людских масс на новые места обитания.

Темпы роста населения были сравнительно низкими из-за высокой смертности как среди детей, так и среди взрослых. Численность населения, уменьшавшаяся однажды в результате голодных лет, эпидемий и войн,

восстанавливалась иногда лишь через много поколений.

Поэтому для увеличения плотности населения в своих владениях, расположенных в наиболее благоприятных для земледелия зонах, правители африканских государств широко практиковали переселение сюда пленных и целых покоренных общин. Так поступали цари Мероэ и Аксума, христианских и мусульманских государств Эфиопии, Сеннара, Сонгай, Бамума, Баротсе и др. Таким образом, в Северо-Восточной Африке и Западном Судане мы наблюдаем картину, характерную для многих государств древнего и средневекового Востока: возвышение одних государств за счет других сопровождается принудительным перемещением рабочей силы из последних в первые.

Что касается трудовых навыков рабочей силы, то в этом отношении она была сравнительно однородной. Подавляющее большинство жителей африканских государств и «племенных» предгосударственных обществ составляли земледельцы, занимавшиеся выращиванием в основном зерновых культур (см. ниже).

Однородность квалификации массы населения позволяла увеличивать его плотность путем переселения чужеземцев без особого ущерба для культуры производства. Те же люди, будучи временно отключены от сельскохозяйственного производства и собраны в массы, составляли основную рабочую силу на строительных работах, как это было в древних и средневековых обществах Нубии и Эфиопии [139, стр. 149 и сл.; 142, стр. 82—87; 143, стр. 105], в «империи» Мономотапа [160, стр. 132] и др. И наконец, те же земледельцы временно могли стать носильщиками, что имело огромное значение для большинства обществ Тропической Африки.

Пути сообщения и транспортные средства были здесь весьма примитивны. Парус и дощатые суда были известны лишь в Нубии и на берегах Красного моря и Индийского океана (у суахили существовали и лодки с балансиром). На остальных водных трассах — атлантических, озерных и речных — применялись лишь гребные суда: плоты из тростника, бревен или бурдюков, тростниковые лодки и лодки-однодеревки; исключение составляли только «сшивные» пироги у оорко Нигера.

Переправы через водные преграды совершались либо

вброд, либо на описанных выше сооружениях. Мостов почти не было *.

Не было и колесного транспорта ². Вьючные животные — лошадь, осел, мул, верблюд — использовались только в Северо-Восточной Африке, Сахаре и прилегающих к ней районах Западной Африки³; южнее, в страны юруба и других народов, лошади ввозились с севера исключительно для ремонта кавалерии (см. ниже).

Поэтому люди-носильщики были единственной транспортной силой на просторах большей части Тропической Африки — от Юго-Западной Эфиопии и средней долины Нигера до южной оконечности материка.

Эти люди, как правило, были крестьянами, отчасти рабами, и занимались переноской грузов в перерывах между страдными порами. Всякое увеличение перевозок или строительство грозили оторвать массу рабочих рук от занятия земледелием и в конечном счете вызвать упадок сельского хозяйства. Там, где население разводило верблюдов и мулов, развитие караванной торговли стимулировало рост животноводства, но чаще всего за счет земледелия. Слабое развитие разделения труда в доколониальной Африке ставило жесткие рамки движению населения.

Земледелие

Земледелие — ведущая сфера традиционного хозяйства большинства народов Тропической Африки. Наиболее распространенной (и древнейшей) на этом субкон-

¹ Два каменных моста в Северо-Западной Эфиопии, через реки Аббай и Гудер, были построены португальцами в XVII в. Знаменитые висячие мосты Конго и пигмеев Итури также не меняют общей картины.

² Колесница, известная древним племенам Сахары (гараман- там и др.), расселившимся вплоть до берегов Нигера, производимая в Верхней Нубии из местных материалов по приказу фараонов и, возможно, появлявшаяся порог в Аксуме (см. 118, стр. 137—148], в конечном счете не привилась в Тропической Африке.

³ Как известно, у скотоводческих народов восточной половины Африки (от Кордофана в Судане и страны райа-галла и азебу-галла в Северной Эфиопии до готтентотов Южной Африки), а также фульбе Западного Судана распространена езда пастухов на быках и перевозка случайных грузов выюками на коровах; однако этот обычай не имеет отношения к проблемам караванного транспорта.

тин cute сельскохозяйственной культурой являются различные сорта проса-элевсины, до сих пор возделываемого по всей Тропической Африке. Далее следуют родственные элевсиие виды сорго, тростникового проса, теффа (в Эфиопии), фонио (в Западном Судане) и другие. На границе с Сахарой и особенно на северо-востоке, в Судане и Эфиопии, к ним прибавляются пшеница, полба и ячмень. В долинах Нила, Нигера и средних и малых рек Западной Африки культивируется рис. В зоне лесов и лесистых саванн большое значение имеют клубне- и корнеплоды, а также бананы, хотя повсюду в Африке преобладают зерновые. Особое место принадлежит пальмам: финиковой — в оазисах Сахары, финиковой и дум — в Судане, масличной—в Центральной и Западной Африке, кокосовой — на обоих океанских побережьях. Хлопок возделывался в Африке уже в раннее средневековье по всей северной зоне саванн и нагорий, между Сахарой и тропическим лесом; в Нильском Судане и Эфиопии он был известен еще в древности. Здесь же издавна культивировали горох и бобы, а в новое время — также и фасоль. В отдельных районах выращивались растения, имевшие местное значение: кат — в Восточной Эфиопии, кофе и бесплодный банан — в Южной, лен, нут и сезам — в разных частях этой страны, орехи кола — в лесах Западной Африки и т. д. Кукуруза — одна из ведущих культур нынешней Африки — появилась здесь лишь после открытия Нового Света; занесенная португальцами, она быстро распространилась по всему матерiku. То же самое относится к кассаве и маниоке в Центральной Африке, фасоли — в Западной, арахису — в Западной и Центральной, табаку — в разных частях материка. Можно перечислить еще несколько десятков видов растений, выращиваемых в разных странах Африки между тропиками, иногда с глубокой древности.

В целом Тропическая Африка доколониальных времен, особенно до эпохи великих географических открытий, была районом преобладания эндемичных земледельческих культур. Это свидетельствует об оригинальности, но в то же время и об отсталости африканского земледелия. Для большей части этого субконтинента, особенно до конца XIX — начала XX в., характерен крайне бедный ассортимент культурных растений. Кое-

где (преимущественно В лёСной зоне) еще сохраняется положение, близкое к исходному в истории африканского земледелия: возделывание одного-двух сортов проса, на западе материка — в сочетании со сбором урожая полудиких плодов, прежде всего масличных пальм, кокосовых пальм — на океанском побережье. Другая важная особенность этого типа земледелия — его подсечноогневой характер. Участки леса или саванн вырубаются, ветви и сучья, иногда стволы деревьев, стебли культурных и диких растений сжигаются, а посевное зерно бросается в золу. Через два-четыре года, когда обрабатываемая земля истощается, ее оставляют под залежь; по мере истощения ближайших участков сама деревня переносится на новое место.

Дальнейший прогресс состоял в мотыжении почвы перед посевом (начиная с простого сгребания золы в кучки), окучивании всходов, вскапывании мотыгой посевных ямок и засыпке семян землей, прополке сорняков (также мотыгой или вручную), удобрении почвы навозом путем выпаса на полях скота, зачатках севооборота. Эти улучшения, появляясь в разных районах субконтинента и распространяясь по его просторам, вели к постепенной интенсификации мотыжного подсечно-огневого земледелия. До сих пор в Тропической Африке, часто в пределах одной страны, мы можем наблюдать почти все стадии этого процесса и все разновидности экстенсивных мотыжных земледельческих систем. Например, в Южном Судане мы находим целую гамму переходов от весьма примитивного земледелия у части иденич и все еще очень архаичного у динка, нуэров, бейр и других, несколько более развитого у шиллуков до значительно более интенсивного у джур, ануак, мади и занде и, наконец, мотыжного земледелия с зачатками ирригации на холмах Южной Гезиры (у народов групп берта и бурун), Дар-Нуба (у горных нуба), Лотуко (у лотуко), и Лафон (у пари). В Замбии аналогичная гамма еще шире — от весьма примитивного подсечно-огневого мотыжного земледелия в болотистых и саваннных районах на севере страны через различные переходные стадии к сравнительно весьма интенсивному земледелию у барот-се [214]. В Западной Африке почти столь же примитивное земледелие некоторых лесных племен сменяется в саваннах несколько более интенсивными формами, ко

торые, в свою очередь, сменяются в речных долинах Западного Судана комплексом рисосеяния на заливных землях с возделыванием сорго, фонио, проса, гомбо, маниоки и других суходольных культур на высоких полях (у народов сонгай, марка, бамбара, бобо, сенуфо, догон, римайбе и др.) и, наконец, сравнительно интенсивным земледелием на горных террасах у кониаги, ка-лере, днм'мук и др., применением искусственного орошения полей у части сонгаев, хауса и канембу, тиббу, за-гава и др. на границе со степями, переходящими на севере в пустыню Сахара.

При этом в большинстве случаев интенсификация земледелия была связана с введением новых видов и сортов культурных растений африканского или заморского происхождения. Почти всегда поле огораживалось для защиты от диких свиней, антилоп и др.

Основные орудия обработки земли были однотипны: железный нож-секач для очистки поля от кустарников, кол для подъема целины, мотыги с железными лезвиями, железный серп. В отдельных местах на северо-востоке, востоке и западе материка, а также в Родезии и Баротселенде применялись различные типы ирригации. Однако специальные механизмы для полива были известны лишь в Нубии (Нильском Судане): шадуф со времен древнеегипетского господства и нория со времен Мероитского царства.

В оазисах Сахары плуг был известен со времен средневековья лишь в северных группах оазисов, тогда как в центральных и южных единственным орудием обработки земли служила мотыга. Однако здесь были чрезвычайно развиты различные системы искусственного орошения. В Южном и Юго-Восточном Марокко и на западе алжирской Сахары, где имеются реки, спадающие с гор в пустыню, эти реки используются для орошения через систему арыков. В большинстве оазисов (Мзаб, Феццан, Гадамес, Южное Марокко и др.) господствовало колодезное орошение с применением журавля-шадуфа или веревки с бурдюком на блоках; в Феццане для этой цели использовались также нории. В оазисах Уаргла и Уэд-Дир издавна устраивались артезианские колодцы, а в оазисе Суф — пальмовые рощи в глубоких воронках до 7—12 м глубиной, вырытых в песке до плодородного слоя. В оазисах Центральной

Сахары (Гурара, Туат и Т-идикельт) еще в средние века начала создаваться сложная система фоггар — подземных оросительных каналов, снабженных через определенные промежутки смотровыми колодцами.

Обилие солнечной радиации при искусственном орошении позволяет в оазисах Сахары практиковать трехъярусное земледелие. Под сенью финиковых пальм, образующих верхний ярус культурной растительности, выращивают плодовые деревья:

абрикосовые, персиковые, гранатовые, миндальные, а также виноград. Наконец, под кронами плодовых деревьев, образующих средний ярус, и между рядами виноградных лоз высевает пшеницу, ячмень, бобы, сажают лук и арбузы, табак и хну [80, стр. 331—337].

Уровень развития земледелия в оазисах Сахары, если отвлечься от примитивных орудий обработки почвы, примерно тот же, что и в Египте, Нубии, средиземноморской Северной Африке и странах Передней Азии. Этот уровень развития традиционного земледелия на Ближнем Востоке — один из самых высоких в докапиталистическом мире. В Тропической же Африке он был значительно ниже, хотя местами приближался к уровню развития земледелия в горах Йемена (Эфиопия) или горных областей Центральной Сахары.

Имеются сведения, что в Бенадире (Сомали) в средние века также применялся шадуф, но только в функции «журавля»: для подъема колодезных вод. Лишь в Нильском Судане, Северной Эфиопии и Сомали в древности и в средние века строились крупные плотины для задержания дождевых вод и проводились значительной длины каналы для орошения полей из этих водохранилищ. Аналогичная система ирригации, но несколько более примитивного вида, сохранилась до наших дней в Центральной Эфиопии: в долине реки Хаваш и в стране Гураге. Замечательные цистерны Дахлака для сбора дождевых вод были созданы еще в древности. В различных районах Эфиопии—Северной, Центральной, Восточной и Южной—на склонах гор сооружались террасы, на которые отводились воды горных ручьев. На плоские вершины гор (амба) доставлялась из долин плодородная земля; для ее орошения создавались специальные резервуары, собирающие дождевую воду. Руслу пересыхающих потоков на границе Данакильской

пустыни перегораживались плотинами, от созданных таким образом водоемов проводились оросительные каналы. Сложные системы оросительных каналов, берущих воду от рек и отводящих ее на поля посредством -целой сети арыков со шлюзами и запрудами, созданы были в средние века и в начале нового времени амхара Эфиопии в долинах рек Бересса и ее притока Мака, Далеча и Анголала (провинция Шоа). Значительно более примитивная оросительная система была создана небольшим бантуязычным народом покомо в долине реки Тана на востоке Кении, а также родственным ему теита, населяющим побережье Индийского океана. Покомо и теита орошают свои поля при помощи каналов, снабженных запрудами и шлюзами, от реки Тана и других рек и ручьев. У паранилотских племен эндо и мараквет на северо-западе Кении имеются сходные оросительные системы. Мараквет района Талаи орошают свои поля, расположенные в долине, водами р. Арор, уровень которой на 500 футов выше уровня полей. Вода поступает в канал, снабженный дамбой, а затем подается на поля арыками (350, стр. 91]. У эндо пять больших арыков, проведенных от р. Эм б о бут, орошают поля, простирающиеся на ширину двух миль по обоим ее берегам [350, стр. 91]. У соседних с эндо и мараквет земледельцев сук имеются арыки длиной и три-четыре мили [350, стр. 82]. У земледельцев иль-тиаму-с (на юге страны масаев в Центральной Танзании) поля орошаются с помощью целой системы каналов и дамб от р. Тигриш [350, стр. 111]. Каналы для орошения полей водами горных ручьев имеются также на крайнем юге Судана у нилотов ачولي деревни Агоро на южном склоне гор Има- тонг и у паранилотского племени ланго (не смешивать с нилотами ланго!) на северо-восточном склоне этих гор [349, стр. 95].

Террасирование горных склонов с зачатками ирригации от искусственных водоемов встречается в Тропической Африке намного шире, чем описанные выше оросительные системы. Террасирование горных склонов, укрепление террас камнями методом сухой кладки и зачатки ирригации, лиманной или колодезной, имелись в некоторых горных народах Южного Судана: горных нубийцев Южного Кордофана, бурун Южной Гезиры, лотуко гор Лотуко [409, фото на стр. 1 и ел.], пари горы

Лафон [306, стр. 52; 442], которые, как и лотуко, доставляют воду на террасы из прудов, сооруженных у подножия горы. Аналогичная техника земледелия, иногда в сочетании с орошением арыками от горных ручьев, наблюдается у некоторых горных народов Восточной Африки, в том числе горных сук, элгейо (кейо) и мараквет Северо-Западной Кении [350, стр. 72, 81, 82, 91], у сонд-жо Северной Танзании, живущих в сбросовых горах северо-западнее оз. Натрон, у чагга горы Килиманджаро [407, стр. 97], шамбала Усамбары, а также средневековых обитателей ряда изолированных районов Восточной Африки, таких, как Мараквет в Кении [425, стр. 45] и особенно Энгарука в Танзании, на юге Рифт-Валли. Это обширное поселение долгое время ошибочно называли '«мертвым городом Энгарука», тогда как на деле здесь в раннем и позднем средневековье обитали две различные деревенские общины [407, стр. 97; 425, стр. 45, 54—55]. Раскопки Л. С. Лики в 1935 г. и особенно Х. Сассуна в 1964 г. позволяют предположить, что сотни тщательно облицованных камнем платформ-террас на холмистых берегах ручья Энгарука, террасированные поля в долине к северу от ручья площадью около 200 га и другая система огражденных полей к югу от руин также площадью около 200 га представляли собой участки искусственно орошаемых земель, используемых для земледелия и для устройства домов с жилыми помещениями и стойлами для скота. Как именно была организована ирригация Энгарука в тот или иной период ее истории (примерно с 300 по 1460 г.), остается неясно. Однако замечательно правильное расположение полей-террас северной системы очень похоже на аналогичные системы земледелия у народов плато Джое в Нигерии (см. ниже) [407, стр. 83—96], а также галла района Харара в Восточной Эфиопии, консо Южной Эфиопии и других, направляющих на свои террасированные поля по специально устроенным канавам дождевые потоки. В любом случае Энгарука представляет интереснейший образец террасного земледелия.

Далее на юг земледелие и поселение на искусственно устроенных горных террасах встречается отдельными очагами в Замбии и Родезии; наиболее известными памятниками этой системы здесь являются террасы культуры Зимбабве (около 1085 г.) и Иньянга (около XIV—

XV вв.) в Родезии и Мапунгубве в Северном Трансваале [318, стр. 5, 109—110].

Иньянга представляет редкий для Тропической Африки пример садоводства смешанного средиземноморского и тропического типа, встречающегося лишь на северо-востоке материка. В слоях, относящихся к XIV—XV вв., археологи обнаружили косточки винограда, инжира, лимона, а также масличной пальмы [162]. Эти находки заставляют вспомнить сведения великого среднеазиатского ученого ал-Бируни, полученные им от неизвестного информатора («рассказчика») о виноградниках зинджей Софалы, находившихся на юго-востоке Африки, включая район Иньянги: «Лозы винограда известны в Софалат аз-зиидж. Я думаю, что Софалат аз-зиндж находится за линией экватора, потому что [так] утверждает рассказчик, заметив [при этом], что наше лето есть их зима, а наша зима — их лето, с обилием винограда в их домах. Однако этот виноград не сладок, как следует, и мало утоляет жажду. Он дает плоды два раза в год. Сначала вырастает виноград, а затем листья» [37, стр. 140, 143]. По сообщению португальского путешественника конца XVI в. Жуана душ Сантуша, жители восточной части («империи» Мономотапа не только сеяли просо и рис, но в благоприятных для садоводства условиях разводили плодовые деревья, а в районе Софалы выращивали сахарный тростник [244, стр. 64]. Кроме того, машона в доколониальный период выращивали целый ряд зерновых культур, несколько видов -бобовых, а также земляной орех, стручковый перец, хлопчатник, несколько сортов овощей и тыкв [162]. Склоны холмов, особенно на востоке Иньянги, были тщательно террасированы и укреплены каменной кладкой. В стенах для предохранения их от размыва устраивались квадратные окошки в кладке на высоте 30—50 см от основания стены, в которые, по-видимому, вставлялись дренажные трубы [160, стр. 133, 135—136; 162]. Возможно, было известно и орошение земли с помощью каналов. Уже в XX в. такие каналы длиной свыше 3 км и глубиной до 2,5 м были описаны в Трансваале, где ими до сих пор пользуются местные жители бавенда и басу-то. Здесь склоны некоторых холмов (в том числе знаменитого Мапунгубве) также террасированы и используются для земледелия [160, стр. 126; 162].

В Западной Африке террасирование полей впервые появилось в Южной Мавритании времени культуры ган- гара — в самом 'конце I тысячелетия до н. э. «Имеются данные, что первоначально поселения оседлых земледельцев железного века были сосредоточены в долинах. Перемещение полей и поселений из долин в горы связано с ухудшением климатических условий, все еще позволявших вести традиционные формы хозяйства в пределах этого географического района» [79, стр. 66]. Поля в долинах были огорожены стенками из камня. На склонах холмов земледельцы-гангара устраивали настоящие террасы, укрепленные от эрозии каменными стенками сухой кладки [79, стр. 66]. В Восточной Африке эволюция земледельческой культуры была аналогичной, и здесь террасирование склонов холмов также было связано с «усыханием» региона, где земледелие на равнинах становилось (невозможным без системы искусственного орошения).

В новое время и вне связи с культурой гангара в Западной Африке террасирование полей встречается у некоторых горных народов Камеруна, Нигерии и расположенных далее на запад стран. Небольшие народы калере и диммук на плато Джое, кониаги на юге Мали и другие не только террасируют свои каменистые поля на горных склонах, но и принимают меры по защите почвы от эрозии, удобряют их пометом животных, золой, компостом из трав, кухонными отходами и пр. и даже применяют правильные севообороты, принимающие форму трехпольных. У кониаги развилось настоящее трехполье [231, стр. 86]; у калере и диммук террасированные поля плодоносят до десяти лет, после чего два года «отдыхают», тогда как более богатые, но получающие меньше удобрений поля в долине, у подножия гор, плодоносят лишь два года подряд, а затем забрасываются в залежи [285]. Эта система сложилась сравнительно недавно, уже в новое время, как видно на примере ибо плато Уди [316, стр. 29 и сл.]. Это крайний южный предел распространения интенсивного мотыжного земледелия данного типа в Западной Африке.

На одной из высших стадий интенсивного мотыжного земледелия находятся некоторые народы Южной Эфиопии: консо, галаба, бурджи и южные группы омето в провинции Гему — Гофа. Они террасируют склоны

холмов и орошают их с помощью каналов и деревянных водопроводов, чрезвычайно искусно и изобретательно устроенных. Аналогичное земледелие практикуют крестьяне Южного Междоузья, особенно в горах Бурунди, также орошающие свои поля на горных террасах с помощью каналов и деревянных водопроводов. Все эти народы практикуют удобрение полей навозом, имеют сравнительно богатый ассортимент сельскохозяйственных орудий, но, в отличие от своих северных соседей гураре, сидамо и др., не имеют пахотного орудия.

У малави района озера Ньяса и у хауса интенсификация земледелия совершенно независимо друг от друга и от народов внешнего мира привела к изобретению грядковой культуры [429, стр. 80—87; 222, стр. 50—51], напоминающей древнекитайскую.

Грядки удерживают влагу. Так как почва грядки и междурядий, верхний и нижний слои, периодически меняются местами, то замедляется истощение почвы. Вместе с тем система длинных грядок с широкими междурядьями препятствует эрозии почвы. В Африке можно проследить, как создавалась грядковая культура из первоначальных элементов окуливания золой и землей перед посевом проса, сорго, ямса и пр.

При обработке земли таким способом один физически здоровый взрослый земледелец-хауса успевает в один сезон засеять с помощью женщин и детей своей семьи около 0,8—1 га. Вместе с участками его жены, или жен, и младших членов семьи вся одновременно обрабатываемая площадь составляет у хауса от 0,8 до 4 га на семью, т. е. в среднем больше, чем у их южных соседей (0,8—1,2 га земли на каждую малую семью) [222, стр. 51]. Иорубский земледелец, работая в более тяжелых природных условиях влажной парковой лесосаванны и тропического леса, может обработать и засеять не больше 1,5 га земли, и то при условии, что ему ■будут помогать его сыновья [227, стр. 68].

У части сонгаев и хауса, занимающихся рисоводством на берегах средней долины Нигера, а также на р. Кадуна, техника земледелия достигает самого высокого уровня развития во всей Западной Африке. Здесь практикуется поливное земледелие с помощью шадуфов и запруд. Однако далеко не все группы, хауса и сонгаев применяют искусственное орошение. Западные

сонгаи — габиби — возделывают в первую очередь сорго, а также просо и маис, а на границе зоны затопляемых земель — рис и хлопок, кроме того, в небольших количествах сеют пшеницу и фогаю. Почти у всех имеются огороды, где выращиваются арбузы, тыквы, арахис и местные растения: гомбо, идущее на приправы, и краситель джисма, листья которого съедобны и в растертом виде дают красную пудру. Тот же ассортимент культурных растений и те же навыки их культивации у западных и северо-западных соседей габиби: марка, или восточных сонинке, и белла — земледельцев, говорящих на языке туарегов. При этом у последних размер обрабатываемых участков особенно невелик (около 0,8 га) [323, стр. 31].

Очень своеобразна мелиоративная и ирригационная система баротсе (на западе Замбии). Баротсе осушают заболоченную почву дренажными канавами, частично орошают ее, выравнивая поля насыпями, строят плотины, устраивают пруды. Ассортимент культивируемых растений у баротсе сравнительно богат, они применяют севооборот и удобрения (393; 214, стр. 130—136].

Несомненно, примитивные ирригационные системы Восточной и Западной, отчасти даже Северо-Восточной, Африки — местное изобретение, в отличие от более сложных систем, занесенных в Нубию и Эфиопию извне. Местного происхождения также ирригация и мелиорация у баротсе — высшее достижение сельскохозяйственной техники в Западной и Центральной Африке (известна лишь с XIX в.).

Нильский Судан и Эфиопия были до недавних лет единственными странами Тропической Африки, где применялись пахотные орудия («плущ»), несомненно занесенные сюда из Египта и Южной Аравии ⁴.

Ассортимент земледельческих и ирригационных орудий в Африке в общем уменьшался с севера на юг и с северо-востока на юго-запад. В Нильском Судане (Нубии) мы находим норию, шадуф, плуг, веяльную лопату и различные виды мотыг, ножей-косарей и серпов; в

⁴ В настоящее время плуги европейского происхождения получили довольно значительное распространение в Сомали, Кении, Северной Нигерии, Мали, Замбии, Родезии и некоторых других африканских странах, где порой до половины земельной площади обрабатывается плугами с бычьей запряжкой, а также машинами.

Эфиопии—то же, но без нории и шадуфа, причем плуг несколько более примитивной формы; кроме того, для подъема целины (почвы здесь тяжелые) повсеместно применяется простой кол, утяжеленный камнем. Как в Эфиопии, так и в Нильском Судане молотью производят, пуская животных по снопам. Хранят урожай в специальных плетеных и обмазанных глиной амбалах. В Сомали поле обрабатывалось и засевалось с помощью палки-копалки я м б о.

В Западном Судане из перечисленного выше ассортимента остаются лишь мотыги, серпы, косари. Наиболее богатый набор мотыг и других сельскохозяйственных инструментов у хауса, сонгаев, бамбара [192, стр. 20—■ 24]. У хауса, например, имеется не менее девяти видов мотыг, причем три-четыре из них входят в обязательный ассортимент каждого мелкого хозяйства [222, стр. 48— 50]. У южных соседей хауса, тем более у лесных народов, ассортимент мотыг намного беднее. Так же беден он у народов Южного Судана, Восточной, Центральной и Южной Африки, несколько более богат — у саваннных народов Южного Заира.

В качестве главной причины сохранения столь примитивной техники в Тропической Африке обычно указывают на почвенно-климатические особенности саванны и тропических лесов, не допускающие глубокой вспашки почв, подверженных необычайно быстрой эрозии. Однако пахотные орудия Нубии, Эфиопии и оазисов Сахары (и новые плуги в Кении, Замбии, Нигерии и других странах) неглубоко проникают в землю. Применяемые методы земледелия ведут здесь к эрозии почв не больше, чем в степных районах Европы и Азии или на горных террасах Курдистана.

Несомненно, климатический барьер препятствует распространению более высокой сельскохозяйственной техники на просторах Африки, однако одной этой причиной нельзя объяснить, почему плуг уже на протяжении тысячелетий применяется в средней долине Нила, но не известен в долине Нигера, используется на плато Эфиопии, но не на сходных с ним по климатическим и почвенным условиям нагорьях Кении, Танзании, Дарфура, Вадаи и др., применяется в оазисах Северной Сахары, но не в оазисах Южной Сахары и Сахеля. В то же время плужное поливное земледелие распространилось еще

в древности в тропических лесах и саваннах Южной Азии, а в новое время — в Латинской Америке. Очевидно, приведенное выше объяснение недостаточно без учета социально-исторических причин возникновения отсталости.

Ассортимент культурных растений в Африке также в общем уменьшается в направлении с севера на юг и с северо-востока на юг и юго-запад. Наибольшего разнообразия он достигает в Египте; Нильский Судан в этом отношении кажется упрощенной копией своего северного соседа. В Эфиопии мы находим огромное разнообразие культурных растений, однако более узкое направление земледелия. Исследования акад. Н. И. Вавилова и других ученых обнаружили в Эфиопии колоссальное разнообразие видов, рас и сортов хлебных растений: несколько тысяч сортов пшеницы, несколько сот сортов ячменя, десятки сортов проса, дурры, теффа, полбы, гороха, бобов, а также овес, кукурузу, фасоль и др. Леи здесь хлебное растение.

Кроме того, в списке издавна культивируемых растений можно насчитать еще около сотни видов и сортов, в том числе таких оригинальных, как наркотики гешо и кат (последний на востоке, а также в Сомали и Южной Аравии), кофе (на юге Эфиопии), сезам, нут, десятки сортов перца, местные виды хлопчатника, бесплодный банан *Ensete edule* (прежнее название — *Musa ensete*), разводимый как продовольственная и техническая культура, каидеябровый молочай колкуал, сикомор и дикая маслина, древесина которых используется для поделок, калebasы, камедь, табак и другие, но очень мало овощей. В этом отношении Эфиопия намного уступает Нильскому Судану, где издавна культивировались овощи и фрукты, огурцы, арбузы, дыни, тыквы, кабачки, баклажаны, лук, чеснок, а также пальмы финиковые и дум, сикомор, лимоны, виноград. Впрочем, виноград выращивали и в древней и средневековой Эфиопии.

Надо сказать, что древние и средневековые правители как Нубии, так и Эфиопии заботились о насаждении садов в своих странах, может быть следуя примеру иноземных царей. Так, знаменитый напатский фараон Тахарка сообщает в своей надписи из храма Амона-Ра в Гематоне (Ка на в Нубии), что по его повелению здесь

были «насажены многочисленные деревья» и «назначены садовники из лучших Джесджеса» (оазиса Бахрийя в Египте.— *Ю. К.*) и из людей Нижнего Египта, а на 10-й год его царствования «выжато было вино из виноградников этого города и было его больше, (чем) в Джесджесе, и назначил для него (храма) садовников, хороших садовников из *ментхи* Азии» [цит. по: 132,

стр. 279]. Недаром Страбон подчеркивал, что в его время мероиты не занимались садоводством, и, «за исключением небольшого количества фиников в царских садах, они не имели древесных плодов» [42, стр. 756]. Это сильное преувеличение; однако вряд ли стоит сомневаться в значении «царских садов» как образца, которому следовало развитие садоводства и виноградарства в Нубии.

В Эфиопии особую заботу о расширении посевов и разведении садов при монастырях, служащих также временными резиденциями царей, проявлял негус Баэда-Марйам I (1468—1478). Хроника его правления рассказывает, что в мятежной области Доб'а, на северо-востоке Эфиопии, населенной воинственными скотоводами, он «выстроил храм во имя владычицы нашей Марии и насадил много апельсинов, лимонов, винограда; и сделал область Доб'а красивой царь наш Баэда-Марйам и накормил коней своих хлебом, как предсказал устами своими: „Не уйду из этой области, не вспахав поля, не посеяв хлеба и не накормив моих коней этим хлебом¹“. И сотворил бог по слову его. Он повелел, чтобы было вспахано поле, чтобы посеяли хлеб и от этого хлеба накормили коней и мулов своих» [60, стр. 150; 45, стр. 95; ср. там же, стр. 98]. В другом месте хроника сообщает, что свой обет негус дал через 10 дней после праздника богоявления Иисуса Христа, после чего исполнил обряд крещения [60, стр. 147; 45, стр. 93]. Следовательно, посев и насаждение сада были произведены в разгар лета. Позднее, собрав урожай, Баэда-Марйам I отпраздновал Успенье богоматери (21 тере— 16 января) [60, стр. 150; 45, стр. 95]. После этого он повелел жителям Доб'а обрабатывать поля и не брать в руки копья [60, стр. 150—151; 45, стр. 96]. Казалось бы, перед нами чисто политическая мера, вызванная стремлением перевести непокорных скотоводов-полукочевников на полную, делавшую возможным эффективный контроль над ними,

оседлость⁵. Однако в других местах хроника Баэда-Марйама I постоянно подчеркивает, что царь интересовался судьбой своих «насаждений», а приказывая вырубать лес на месте 'строющегося монастыря, он всегда велел оставлять дикие маслины. Хроника рассказывает также о том, как в монастыре Дебре-Берхан Баэда-Марйам «нашел куст розы, который посадил некогда своими руками в юности, когда находился со своим отцом в этой земле. Он облек его [одеждой] г е м д ж а» [60, стр. 152; 45, стр. 97]. Перед нами единственное историческое известие о цветоводстве в Эфиопии до XX в.

Главы храмовых и монастырских общин (часто египтяне и другие иноземцы) также проявляли заботу о введении новых культурных растений и развитии земледелия. Так было в древней и средневековой Нубии, в средневековой Эфиопии. Вот характерный пример. В эфиопском «Житии Аарона Манкерави» рассказывается, как Аарон и его последователи переселились из Северной Эфиопии в «землю Занго, что в Эстеране», к югу от р. Хаваш. Здесь они основали монастырь. Под руководством своего настоятеля монахи насыпали на скалы землю, провели оросительные каналы, посеяли пшеницу, бобы, горох, чечевицу, посадили миндаль и виноградную лозу, мандрагору и бананы. «И стала земля Занго в Эстеране садом, а была знойной пустыней» [43, стр. 140].

Недаром в эфиопских «Царских песнях» и «Житиях святых» неоднократно упоминаются лимоны, лук, виноград. Однако в эфиопской деревне, в отличие от нубийской, садовые и огородные культуры не прижились; нет абсолютно никаких данных о том, чтобы их разводили сами крестьяне. В таком «верхушечном» характере средневекового эфиопского садоводства, виноградарства и некоторых отраслей огородничества надо искать причины их исчезновения в новое время; только в_ наши дни они появляются снова, в основном вокруг городов.

⁵ Кочевники *яцб'а* так и не перешли к прочной оседлости и продолжали кочевать на северо-востоке Эфиопии. В 1747 г. сщи совместно с азабо (азебу-галла) разорили область Эндерта, сожгли церкви и перебили священников. Император Ийасу II, как некогда его предок Баэда-Марйам I, совершил карательную экспедицию в область доб'а, которые бежали от него, оставив в руках эфиопских воинов весь свой скот [286, стр. 456].

Животноводство

Очаги животноводства существовали во всех районах Африки, за исключением зоны лесов и районов, зараженных мухой цеце. Однако состав домашних животных и уровень развития животноводства были различны, изменяясь в общем с северо-востока на юго-запад.

В Северном Судане, Эфиопии, Сомали мы находим несколько пород крупного рогатого скота, принадлежащих к двум разным видам и еще двум подвидам, овец и коз, верблюдов, лошадей, ослов, а также собак (охотничьих), кошек, цивет; здесь выводили мулов, разводили кур и (в XIX — начале XX в.) страусов; было широко распространено пчеловодство, хотя в ряде мест бортничество имело не меньшее, а порой и большее значение. Кроме того, к югу от Голубого Нила некоторые породы, например буруи, менаджир, часть галла и др., разводят свиней.

Некогда свиноводство было распространено здесь повсеместно, как и на Ближнем Востоке, и лишь религиозные запреты привели к его исчезновению. (В лесные районы Западной Африки свиней завезли португальцы в XVI в.) На северо-востоке Африки религиями, запрещавшими употребление в пищу свинины, были древне-семитская⁶, позднее христианство (в его коптском и эфиопском вариантах⁷), ислам и иудейство, а также христианизированные традиционные культы, как у кемант района оз. Тана, каффичо, омето и сидамо Южной Эфиопии, горных нуба и пр. Направление животноводства было в этих странах в основном мясо-молочным, причем в Нубии и на Эфиопском нагорье мясо домашнего скота сравнительно часто употребляли в пищу. Зажиточные слои населения здесь преимущественно питались мясом, а знатные амхара и тиграи в Эфиопии относились с презрением к овощам, дополняя мясо-молочную пищу лишь хлебом, медом, соусами и пивом. Употреблялись в пищу также различные

⁶ Исследовавший эту религию Д. Нильсен называл ее астральной древнесемитской религией.

⁷ Однако средневековые христиане Судана, как и их предки-меройты, разводили свиней.

Молочные продукты, в том числе сыр и сливочное масло в сравнительно больших 'Количествах. На, употребление мероитами сыра и сливочного, а не растительного масла специально указывал Страбон 142, стр. 756]; сливочное масло упоминается и в одной из древних эфиопских надписей (51, стр. 43].

Известно, что средневековые нубийцы дорожили породой своих домашних животных и что в XVII в. крупный феодал Сениара, вождь союза племен месеаламия, шейх Хасан ибн Хасуна (ум. в 1664 г.) с помощью своих многочисленных «рабов» вырыл 64 колодца, увеличил посевы и стада коров, причем «все его рабы были крестьянами» {55, стр. 244—245, § 132].

Далее на юг — в Южном Судане и странах Восточной и Южной Африки — скотоводство приобретает черты иного, хозяйственно-культурного типа (cattle complex англо-американских этнографов). Количество видов и пород домашних животных здесь резко падает: от пятишести до двух-трех у разных (Народов. Главное богатство скотоводов составляет здесь крупный рогатый скот; на втором месте по значению стоят козы (иногда вместе с овцами). Скот почти боготворят, не меньше, чем в древней Индии. Его забивают лишь в самых редких случаях, притом ритуальным образом: чаще употребляют в пищу животных, убитых молнией, дикими зверями или умерших по другим причинам. Мясо (говядину, а также часто и козлятину) вкушают с соблюдением строгого ритуала, причем предварительно постятся сутки- двое. Основную пищу составляют кислое молоко, отчасти свежее (его дают детям, иногда старикам и беременным женщинам), а также пиво, каша, у некоторых народов — рыба и дичь. Отдельные скотоводческие племена, превращавшиеся в привилегированные касты, как ватутси, бахима и др. в Межозерье, масаи в Кении и Танзании, равнинные сук на северо-западе Кении и др., вообще питались и питаются до сих пор исключительно молоком и простоквашей, с добавлением пива и мяса. Сливочное масло у этих народов применяется лишь для умащения тела, но не в пищу. Зато они питаются кровью своего скота, свежей (выпущенной из яремных вен) и сушеной. Больных животных лечат в специальных хижинах, что опять заставляет вспомнить Индию. Эстетические требования, предъявляемые к быкам и ко

ровам, уход за ними, внимание, уделяемое скоту, помыслы, обращенные к скоту,, и исключительное значение скота не только в хозяйственной, но и во всей общественной и обрядовой жизни пастухов Восточной Африки давно уже родили крылатую фразу, что они живут ради своего скота. Вместе с тем малая продуктивность скотоводства и примитивность его методов явно непропорциональны тому исключительному значению, которое имеет скот в общественной практике и общественном сознании этих народов.

На пространстве между зона-ми развитого скотоводческо-земледельческого комплекса Нильской Нубии и Эфиопского нагорья и примитивных скотоводов-земледельцев Южного Судана и Восточной и Южной Африки обитают различные по происхождению народы: беджа Нубийской пустыни, арабские племена к западу от Нила, борана-галла и соседние с ними народы Южной Эфиопии, туркана Северной Кении и Эфиопии, данакиль и сомалийцы Африканского Рога и др., занимающиеся кочевым и полукочевым скотоводством, иногда в сочетании с примитивным земледелием; количество видов домашнего скота у них более значительно, чем у южных соседей, но меньше, чем у народов долины Нила и Эфиопского нагорья. Пищу их составляют в основном молочные продукты, кровь скота, в небольшой степени—хлеб в виде лепешек, каша и пиво; мясо они едят чрезвычайно редко, за исключением очень состоятельных лиц. Многие обычаи и представления, связанные со скотом, роднят эти народы с восточноафриканскими скотоводами, хотя большинство из них смешанного полуарабского происхождения или исповедуют ислам.

Примерно таково же значение животноводства и для пастушеских народов Южной Сахары и Западного Судана. Навыки ухода за животными, их продуктивность, в основном молочный характер скотоводства, малое количество разводимых видов и пород—все это роднит пастухов Западной Африки с их собратьями в Кордо-фане или пустыне Данакиль. То, что мясо они едят очень редко, поразило еще первых европейских путешественников. Так, знаменитый португальский историк Жуан ди Барруш сообщает о пребывании моряка Жуана Фернандиша у азнагов Мавритании (в 1447 г.): «Он жил вместе с ними, питаясь кореньями, злаками... а ког

да этих продуктов не хватало, то ели ящериц и саранчу, которых они сушили на солнце. В тех же случаях, когда во всем была нехватка, они довольствовались молоком домашних животных. Мясо они ели, только когда убивали дикого зверя или птиц. Только по праздникам иные забивали скот» [47, стр. 126].

Нигде в Тропической Африке скот не стригли и не использовали его шерсть для ткачества или валяния.

■ Чем дальше на юг, тем примитивнее становится в Западной и Центральной Африке животноводство, пока у лесных народов не остаются от всего разнообразия домашних животных Нубии и Эфиопии только собаки и куры.

Кроме Нубии и части Эфиопии, скот в Тропической Африке нигде не применялся для обработки почв. В сущности, соединение земледелия со скотоводством здесь ограничивалось использованием навоза для удобрения земли. В некоторых случаях (у народов Восточной, Центральной и Южной Африки) продуктивность скотоводства настолько мала, что исследователи выражают сомнение в том, разводится ли вообще скот в каких-либо иных целях, кроме культовых, символических и эстетических.

Можно не сомневаться, что предки всех скотоводческих народов Африки, включая туарегов, масаев, гереро и готтентотов, первоначально занимались скотоводством в сочетании с земледелием. Однако соединение этих сфер хозяйствования в Тропической Африке (кроме Нубии и части Эфиопии) не было настолько органическим, как при плужном земледелии и стойловом содержании скота. Поэтому в доколониальной Тропической Африке мы наблюдаем разные стадии процесса отделения скотоводства от земледелия и разные ступени развития скотоводства. Одна лишь область нилотских и паранилотских племен дает почти все стадии этого процесса. При этом степень отделения земледелия от скотоводства была различной в разных районах Африки, достигая предела на границе пустынь Северной, Восточной и Южной Африки и границе влажных тропических лесов. Здесь, особенно в Западной Африке и Межозерье, мы наблюдаем разделение труда между народами, занимающимися скотоводством и земледелием. Наблюдалась тенденция к сосуществованию земледельческих и ското-

водчееких общин, экономически связанных друг с другом отношениями обмена или данничества,— тенденция столь характерная для Западной и Центральной Азии, ставшая одним из важнейших факторов ее истории. В Тропической Африке эту тенденцию усиливали два обстоятельства: 1) незнание плужного земледелия, слабое соединение скотоводства с земледелием; 2) «высыхание» континента, сужавшее возможности занятия земледелием.

Ремесла

Тропическая Африка не знала не только колеса, но и гончарного круга, в сущности, не знала технического применения круга вообще (колеса, гончарного круга, мельницы и пр., за исключением нории в Нубии).

Глиняная посуда производилась вручную весьма различными способами. Гончарство не было известно лишь в некоторых лесных районах, где не было глины. Не знавшие гончарства, или, вернее, утратившие его, лесные племена пользовались сосудами из дерева и калebas. Производство калebas, распространенное почти по всей Тропической Африке, представляло собой прекрасный пример соединения земледелия и ремесла. Их производство, как и ручное изготовление глиняной посуды, свидетельствует о еще слабом отделении ремесла от сельского хозяйства. На стадии домашнего ремесла в основном оставались и такие занятия, как плетение сосудов и циновок, прядение и ткачество.

Ремесла в доколониальной Тропической Африке постепенно развивались, несмотря на весьма низкий технический уровень, и достигали высокой степени художественности и известной специализации. Изготовление деревянной посуды послужило мощным толчком для развития деревообделочного ремесла. Высокого художественного мастерства порой достигало керамическое производство (в Мероэ, преакусумской Эфиопии, Аксуме и др.). Ткачество в некоторых районах Западной и Северо-Восточной Африки (т. е. в северной зоне цивилизаций) также начинало отделяться от занятия земледелием.

Особое значение имели плавка и обработка железа, отчасти бронзы и ее компонентов.

Собственно медный век в Тропической Африке прослеживается лишь в Северной Нубии III тысячелетия до н. э., в Мавритании несколько более позднего времени, т. е. лишь на крайних северных границах региона; притом речь идет о немногочисленных находках. Во II—I тысячелетиях до н. э. в Нубии и Северной Эфиопии появляется металлургия бронзы, в основном на привозном сырье, и с методами, явно заимствованными из Египта и Азии. В I тысячелетии н. э. бронзовое литье процветает в тех же странах, несколько позднее это искусство распространяется на запад — в район оз. Чад (Сао и Канем), еще позднее — в страны Бенинского залива (Ифе, Бенин, Ойо, Игбо, Дагомея и др.). В Сенегал и древнюю Гану бронзовое литье, очевидно, проникло через Сахару, из Магриба. В позднее средневековье и в новое время в-се основные народы Западной Африки, от Сенегала до Камеруна, имели кузнецов-ювелиров, иногда скульпторов, работавших в бронзе; однако лишь в немногих местах, таких, как нагорье Северной Нигерии и города хауса и йоруба, знали секрет получения бронзы, сплавления меди с оловом, а также свинцом и цинком. Вряд ли в этой части Африки металлургия меди и бронзы была открыта самостоятельно; против этого говорит классическая техника бронзового литья, применявшегося здесь, как и повсюду в Старом Свете техника «потерянного воска», подготовки форм, последующей обработки изделий и т. д. Впрочем, нельзя полностью исключить и возможности самостоятельного открытия цветной металлургии в нынешней Нигерии.

Весьма вероятно, что такое открытие было сделано в глубокой древности в богатейшем медном поясе Замбии—Катанги, в зоне южных саванн [193, стр. 181 — 182, а также прим. 14 и 15]. Однако время появления здесь цветной металлургии остается неизвестным, как неясен и вопрос, действительно ли в этой части Африки бронзовый век предшествовал железнному.

Между тем в других африканских странах железный век предшествовал бронзовому.

Правда, самые ранние датированные следы черной металлургии в Тропической Африке (около 550 г. до н. э.) обнаружены в Нильском Судане, где уже давно процветала металлургия золота и бронзы. Огромные горы шлака вокруг Мероэ свидетельствуют о том, какие

Масштабы примяла здесь в древности плавка железа. К III—II вв. до н. э. относятся самые ранние находки железных изделий в Северной Эфиопии, в Еха. Этим же временем датируются находки изделий из железа и железоплавильных печей в долине Нок, в Северной Нигерии. Примерно к первым векам нашей эры (более точная датировка вызывает споры) относится кснийнее железо» Мумбвы в Родезии. Оно еще было мало пригодно дляковки. Позднее здесь наступил регресс — возвращение «каменного века», причем над слоем «нижнего железа» лежит полутораметровый неолитический слой. Еще позднее, в раннем средневековье, в Мумбве появляется более развитая черная металлургия; ее практиковал народ бушменойной расы, которой принадлежали также неолитические слои и «нижнее железо» Мумбвы.

Большинство современных авторов считают, что металлургия железа пришла в Тропическую Африку из Средиземноморья: через Мероэ в долину Нок, Эфиопию и Родезию [см., например, 193, стр. 180, прим. 11; 395]. Лишь немногие отстаивают ее самостоятельное открытие африканцами [362, стр. 880—881; 193, стр. 181 —182].

В Тропической Африке распространены весьма различные типы плавильных печей, начиная от самых примитивных (наклонная канавка, яма, термитник и т. п.) вплоть до сравнительно сложных. Правда, самые ранние описания африканской черной металлургии (у ба- конго, готтентотов и др.) относятся лишь к XVII— XVIII вв., но археологические и легендарно-исторические данные говорят в пользу ее сравнительной древности и очень давнего разнообразия. При этом наиболее совершенные конструкции печей встречаются как в Западной Африке, так и в зоне южных саванн —■ в Катанге, Замбии, Малави, а самые примитивные — в южной части Судана (наряду с лесными районами Заира), в Восточной Африке, — «как раз на границе области, откуда, как говорят, народы Африки получили металлургию» [цит. по: 299, стр. 52; 193, стр. 181]. Это свидетельствует о самостоятельности одного или нескольких очагов металлургии железа в Тропической Африке. Характерно, что некоторые народы Восточной Африки утверждают, что искусство плавки железа они получили с Запада, т. е. из Заира и Замбии, а не от побережья

Индийского океана, откуда проникали в глубь материка различные элементы иноземных культур. Название железа в большинстве африканских языков не может быть выведено от корней средиземноморских или азиатских языков. С заимствованием этого ремесла плохо вяжется приниженное положение кузнецов в Западном Судане, в районе оз. Чад, в Эфиопии и Сомали, отчасти даже в странах нилотов и паранилотов. Наоборот, в глубинных районах Западной и Центральной Африки ремесло кузнеца и металлурга — самое почетное, им занимается аристократия, передающая секреты его строго по наследству (см. ниже).

Так или иначе, Тропическая Африка в целом еще в незапамятные времена перешла в «железный век». Несомненно, применение железных орудий в сельском хозяйстве намного расширило его возможности. Кроме того, развитие кузнечного ремесла и железоделательного промысла вело к отделению их от занятия сельским хозяйством. Это отделение совершалось в разных районах Африки в разной мере и в разных формах, но везде составляло главную основу общественного разделения труда между ремесленниками, с одной стороны, и земледельцами и скотоводами — с другой.

Ячейки производства

В условиях господства натурального хозяйства ячейки производства являлись в то же время ячейками воспроизводства основной части производительных сил (рабочей силы, обрабатываемой земли, продуктивного скота, части орудий труда), а также и производственных отношений. Именно в ячейках производства воспроизводилась экономическая отсталость Африки.

Сравнительная однородность состава производительных сил традиционных африканских обществ обусловила удивительное единообразие основных типов ячейки производства. Этих типов было в основном три: локальная группа у народов, ведущих присваивающее хозяйство; ячейка мелкого натурального производства и ячейка условно-крупного производства, каждый из которых был представлен несколькими подтипами. Вот краткая их характеристика.

Локальная группа охотников-собирателей [бушменов, пигмеев, вахи, тиндига (хадзапи), манджо, в а бон и, саньо, немади, иденич, манна, горных дамара и пр.] насчитывает от 9—10 до 20—25, реже 30—40 человек, которые группируются в малые семьи, обычно родственные между собой, по иногда и не родственные (у части пигмеев).

Ячейка мелкого натурального производства (ЯМНП). Большесемейная община африканских земледельцев или скотоводов-земледельцев представляет собой основной тип производственной ячейки у народов Тропической Африки. Такая община состоит из главы- старейшины, одной или нескольких его жен, живущих каждая в отдельной хижине со своими малолетними детьми, неженатых братьев, незамужних сестер, взрослых или подрастающих сыновей и дочерей старейшины, женатых сыновей с их женами и детьми; кроме того, в большесемейной общине иногда живут зятя старейшины, если они по обычаю данного народа отрабатывают право на увод невесты из родительского дома; в прошлом здесь жили также и рабы. Большесемейная община в Африке насчитывает от 5—8 до 15—20, а изредка до 40—50 человек и составляет отдельное домохозяйство.

Такое домохозяйство либо образует отдельный хутор, либо отдельную усадьбу в деревне или «квартал» в городе. Домохозяйства, принадлежащие большесемейным общинам, — это «атомы» традиционных африканских обществ; они сравнительно однородны, в противоположность как структурным единицам более высокого порядка, так и составляющим эти общины малым семьям и индивидам, являющимся как бы «элементарными частями» внутри «атомов» — большесемейных общин. У африканских скотоводов основной производственной ячейкой общества также является большесемейная община, хотя величина и внутренняя структура ее варьируют гораздо сильнее, чем у земледельцев. Впрочем, и у сельскохозяйственных народов различных районов Африки наблюдаются существенные различия в структуре большой семьи. В Восточной и Северо-Восточной Африке и в Западном Судане большие семьи — патриархальные, в их структуре четко выделяются моногамные и полигамные малые семьи, группы неженатых юношей и девушек и одиночки различного статуса. В Западной

Экваториальной Африке, где сохранились сильнейшие традиции материнского права, у баконго большесемейная община-л у м б у была структурно непрочной вследствие легкости развода и тесных связей детей с родом матери⁸. У балуба и бакуба большесемейные общины якобы отсутствовали и малые семьи группировались в сельские общины [173, стр. 151 и сл.]. Однако, возможно, в действительности здесь существует то же положение, что и у баконго, большесемейную общину которых можно охарактеризовать как братскую (83, стр. 114]. Эта форма широко распространена на западе Экваториальной Африки.

Следует учесть, что большесемейные общины представляют собой исторически основной, но не конечный тип ячейки мелкого натурального производства (ЯМНП). В ходе дальнейшего развития мелкого натурального производства с прогрессом производительных сил большесемейная община распадается; в ней выкристаллизовывается малая семья как основная хозяйственная единица.

Индивидуальное крестьянское хозяйство одной малой семьи — это наиболее высокий тип ЯМНП. Такая семья, как правило, состоит из представителей двух поколений, иногда с включением стариков. В качестве основного типа ЯМНП индивидуальное крестьянское хозяйство выделилось в Тропической Африке лишь в наиболее развитых обществах Нильского Судана и Эфиопии; однако и здесь наряду с ним сохранились различные варианты большесемейных общин и патронимических организаций. С дальнейшим развитием мелкого производства и разделения труда малая семья укрепляется, большесемейная община трансформируется в патронимическую организацию и постепенно отмирает. В этом плане можно говорить о центробежных силах мелкого производства, развивающихся в недрах производства общинного и имеющих тенденцию разлагать последнее. В то же время нельзя забывать и о том, что развитие производства в известных условиях может привести к развитию коллективных форм труда и общинных связей, как это

⁸ Что лумбу именно большесемейная община, включавшая в себя также домашних рабов и, по-видимому, другие категории несвободного населения, видно, например, из описания А. С. Орловой [194, стр. 262-270].

было в странах древнего орошения. Например, в Эламе распадавшиеся большесемейные общины могли экономически как бы восстанавливаться на основе договора между главами двух малых семей i[258, стр. 111 — 217 и др.].

В доколониальной Тропической Африке такие случаи нам неизвестны, так как в большинстве районов большесемейная община до сих пор остается основной ячейкой производства. Отсюда видно, что одних лишь центробежных сил мелкого натурального хозяйства бывает не всегда достаточно для разложения большесемейной общины; на помощь им в настоящее время приходят товарно-денежные отношения, элементы товарного производства. Даже при господстве мелкоиндустриального производства они способствуют укреплению партикуляризированного хозяйства крестьян и ремесленников.

Мелкое хозяйство ремесленника является исторически дополнительным, но наиболее прогрессивным типом ячейки мелкого производства. Ремесленная специализация отдельных индивидов заметна еще на высшей ступени присваивающего хозяйства. Она становится еще значительнее в большесемейных общинах земледельцев и скотоводов. Однако полное отделение ремесла от сельского хозяйства происходит не в большесемейных общинах, а в выделяющихся из них малых семьях. Так было в Евразии, так же обстоит дело и в Тропической Африке. Там, где ремесленники (кузнецы, горшечники, ткачи и пр.) остаются в составе большесемейных общин, а это наблюдается у большинства народов Тропической Африки, в этих общинах продолжают заниматься сельским хозяйством как одним из основных занятий. Там же, где ремесленники выделялись в малые семьи (пусть даже рядом с ними существуют более состоятельные большесемейные общины земледельцев и скотоводов), занятие сельским хозяйством для них не более чем подсобное. Две особенности характеризуют этот тип ячейки мелкого производства как наиболее прогрессивный: 1) развитие ремесла способствует выделению малых семей как экономических единиц из большесемейных общин; в тех домохозяйствах, где происходит ремесленная специализация, малые семьи выделяются раньше всего; 2) в хозяйствах ремесленников большее, чем у земледельцев и скотоводов, значение имеют элементы товарного про

изводства. Еще при господстве натурального хозяйства мастерские ремесленников превращаются из ячеек мелкого натурального производства в ячейки мелкотоварного производства. В доколониальной Тропической Африке этот процесс не зашел особенно далеко. В ремесле преобладала работа на заказ, сдача готовых изделий в виде ренты или по принудительному обмену. Однако наряду с этим развивалось и производство на местные рынки.

Ячейки условно-крупного производства (ЯУКП). Господство мелкого натурального производства не исключает наличия более крупных ячеек; наоборот, оно необходимо сочетается с ними, так как полное воспроизводство производительных сил и производственных отношений невозможно в ЯМНГ1. Такого рода ячейки натурального производства мы называем условно-крупными, чтобы не смешивать его с крупнотоварным производством капиталистической формации. Как известно, К. Маркс считал крупным производством, в полном смысле слова, лишь производство фабричное. Даже за мануфактурой он не признавал права называться «крупной промышленностью» [2, стр. 381], ибо она наделена слишком многими чертами господствовавшего до нее и параллельно с нею мелкого ремесленного и крестьянского производства. Еще в большей степени это относится к домануфактурным типам «крупного производства». Формы их весьма разнообразны и обладают исторически относительно меньшей устойчивостью, чем ЯМНП; они более зависят от ЯМНП, чем последние от ячеек условно-крупного производства (ЯУКП). Но все же эта зависимость обоюдная. ЯУКП всегда в той или иной мере базируются на ЯМНП или на отдельных элементах производительных сил, воспроизводимых в ЯМНП. Поэтому в основу классификации ЯУКП следует положить их отношение к ЯМНП. Основные типы ЯУКП, прослеживаемые в древних, доколониальных и современных традиционных африканских обществах, представлены целой серией вариантов.

Наиболее архаичный тип — массовая облавная охота, широко распространенная в Африке, в основном к югу от экватора, от стран ачоли и ланго в Южном Судане и Северной Уганде до Камеруна и банту Южной Африки. Этот тип производственной ячейки непосредственно

перешел из эпохи присваивающего хозяйства в эпоху мелкого натурального производства. Теперь участники облавных охот — это не прежние бродячие охотники-собиратели, а земледельцы и скотоводы, на короткое время возвращающиеся к древнему занятию. В сущности, элементы производства в этом случае невелики, но и они отражаются в функциях «хозяина леса», наследственного вождя, ведающего охотничьими угодьями.

Ранний тип ЯУКП представляет производственная ассоциация в виде организации возрастных классов. Она является одной из форм простой кооперации мелких производителей на основе соседско-общинных или смешанных родственных и соседских связей. Такие ассоциации характерны для народов южной части Западной Африки. На северо-востоке они встречаются у консо и родственных им народов Южной Эфиопии. Обычно такие ассоциации выступают самостоятельно, но в случае необходимости они становятся ядром и организующей силой мелких производителей при проведении крупных общественных работ. У консо и борана-галла возрастные классы образуют ассоциации х а р р и я, которые коллективно производят основные общинные работы: поддерживают в порядке сельскохозяйственные террасы на склонах холмов, деревенские дороги, копают колодцы, присматривают за скотом, следят за чистотой в деревне, отправляют правосудие. Женские харрия помогают соответствующим им по возрасту мужским харрия (с членами которых они находятся в браке) в прополке огородов и облицовке колодцев камнем [448, стр. 152, 210, 345].

У сомалийцев-раханвейн ассоциации неженатой молодежи называются gohob. Они формируются из юношей-односельчан и работают под руководством двух вождей (bodan и galan) и предводителя ассоциации (ai). Выход на работу gohob обязателен; за неявку налагается штраф. Хозяин поля, на котором трудятся члены gohob, по обычаю снабжает их пищей, и это единственное вознаграждение за их труд [300, стр. 73—74]. Такого рода производственные коллективы могут перерасти рамки возрастных классов. Так, у нилотов мебан Эфиопии и Судана (из этнографической группы бурун) имеются ассоциации взаимопомощи численностью до 30 человек; они по очереди обрабатывают земельные уча

стки своих членов. Хозяин поля снабжает своих товарищей по ассоциации во время работы пищей: режет и жарит свинью и варит столько пива, сколько они захотят [287, стр. 38].

У нилотов ланго в Северной Уганде сходные ассоциации называются wang-tich. Они включают каждая от 20 до 40 человек, что порой составляет почти все взрослое мужское население деревни. Только самые бедные ланго не вступают в wang-tich и обрабатывают свои участки самостоятельно. Большинство же являются членами ассоциаций и по очереди работают в их составе на полях односельчан. Наиболее обычные виды работ, производимых wang-tich,— это мотыжение поля и прополка. Иногда два или более wang-tich объединяются для совместной работы, становясь подразделениями более крупной ЯУКП. Во время работ хозяин поля снабжает wang-tich пивом, которое распивается после трудового дня на пиру под председательством главы ассоциации — won wang-tich [287, стр. 38].

У алуров, западных соседей ланго, пять-семь семей, живущих по соседству, могут пасти свой скот в одном общем стаде, причем обязанности пастуха исполняют поочередно: три дня член одной семьи, следующие три дня — член другой семьи «т. д. При этом могут объединяться семьи, не принадлежащие к одной и той же патронимии, одному клану и не родственные между собой. «Клиенты» — андвачи, которые пасут чужой скот, также могут кооперироваться и исполнять обязанности пастухов по очереди: три дня одни, три дня другой и т. д. Такого рода кооперация распространяется и на полевые работы, а также на производство пива, бананового вина, обрядовые танцы и пр. 1417, стр. 33—34, 78].

У динка и нуэров Южного Судана отдельные сравнительно бедные скотом семьи кооперируются для совместного выпаса своих стад в сезоны рыбной ловли: в начале и в конце периода больших муссонных дождей. В это время они поручают своих коров и овец друзьям и сородичам, а сами поселяются во временных рыбацких лагерях на берегах рек и озер [287, стр. 35—36].

Весьма архаичная форма кооперации описана у лоту- ко Южного Судана и Северной Уганды. Здесь рыбная ловля — женское занятие — исключительный для Африки случай. Для рыбной ловли сетью женщины лотуко

объединяются в артели по пять-шесть человек [349, стр. 801.

Есть такие ассоциации мелких производителей и в Южном Сомали, среди оседлых земледельцев Сомалийского Двуречья. В деревнях долины Шебели, от Афгой до Хавай, они называются соддон («тридцатка»). В соддон объединяется около тридцати или несколько больше мужчин-односельчан, реже — жителей соседних деревень. Женщины в соддон не принимаются, хотя они работают на полях наравне с мужчинами. Вступающий в эту ассоциацию дарит ее главе излюбленное лакомство сомалийцев — кофейные зерна, подарок не особенно дорогой, но и не чисто символический. Соддон трудится в специально установленные рабочие дни, неявка в которые карается штрафом. В эти дни соддон по очереди обрабатывает поля своих членов. В другие дни члены соддона могут индивидуально трудиться в своих хозяйствах. Хозяин поля, на котором работает соддон, снабжает его пищей и питьем [300, стр. 72; 302, стр. 498 И сл.; 361, стр. 76—77].

Аналогичные ассоциации имеются у негроидных народов Сомалийского Двуречья. У сомалиязычных шидле такого рода организация трудовой взаимопомощи называется *wada'i* («друзья»), у бантуязычных вагоша — *х и р и н* [300, стр. 73; 361, стр. 77].

Сходного типа организация у части оседлых южных сомалийцев, называемая *га мае*, строится по кровнородственному признаку; в нее объединяются члены одной патронимической группы, населяющей данную деревню. Поэтому нет ни формального вступления, ни вступительных взносов. Нет и штрафов за неявку на работу. Вообще организация *гамас* примитивнее, чем соддон, *хирин*, *даа* и пр. Объединенные в *гамас* мелкие производители поочередно обрабатывают участки друг друга или производят строительные работы. Тот, на чьей земле в данное время трудится *гамас*, кормит его членов [300, стр. 73; 361, стр. 77].

Несомненно, именно древние традиции такого рода организаций взаимопомощи легли в основу трудовой деятельности сельских религиозных общин (*джакаа*), распространенных в земледельческих районах Сомали. Члены *джамаа* по очереди сообща обрабатывают уч; стки друг друга и сообща собирают урожай, десятая

часть которого выделяется вождю джамаа на религиозные нужды общины ([292, стр. 28; 361, стр. 145]).

В Западном Судане такого рода производственные коллективы ровесников распространены почти повсеместно. У сонгаев они называются коу, у марка — сакого, у бамбара — флантон, у малинке — кари, у догонов — тумо и т. д. Каждый мужчина и каждая женщина в течение всей своей жизни принадлежат к одному из таких объединений, члены которого считаются братьями или сестрами. Каждый из них всегда может рассчитывать на помощь коллектива ровесников, в который он входит. Особенно нуждаются в этой помощи те, кто собираются жениться. В таких случаях коллектив выступает в качестве организации трудовой взаимопомощи, построенной на основе простой кооперации его членов. «По указанию руководителя флантона одни его члены обрабатывали поле будущего тестя своего товарища, другие — помогали молодоженам построить хижину», — рассказывает А. Б. Летнев, изучавший такого рода организацию в Мали [171, стр. 40]. По мнению М. Форже, производственная кооперация — основная функция таких коллективов у марка, сомони и других народов Западного Судана [323, стр. 195 и сл.]. Сходные мнения высказывались и относительно «молодежных бригад взаимопомощи» и подобных им коллективов ровесников у народов Берега Слоновой Кости и других стран побережья Гвинейского залива, да и иных регионов Африканского континента.

Внутри таких коллективов существовали зачатки разделения труда. Так, у ряда пилотских народов отмечены примитивные формы разделения и кооперации труда в скотоводстве между отдельными семьями, а следовательно, пастухами — представителями одной и той же возрастной группы [287, стр. 38]. У фульбе разделение труда между юношами-пастухами, принадлежащими к одной возрастной группе, является основой организации скотоводства во время перекочевок в саванне. Деревенское стадо у фульбе разделяется на части, каждая из которых поручается четверке пастухов. Трое из них образуют охрану стада, а четвертый методично обходит окружающий район в поисках лучших пастбищ и особенно источников воды. Когда пастбище, на котором расположилось стадо, истощается, этот разведчик са-

ванных угодий приводит стадо на новое место, найденное им накануне [322, стр. 83—84].

Определенное сходство с этими ассоциациями имеет традиционное объединение мужчин-земледельцев у гугаге и соседних с ними народов Эфиопии для посадки бесплодного банана *ensete*.

Однако оно отражает несколько более высокую ступень развития мелкоиатурального производства, чем та, которой достигли земледельцы Сомали, нилотских стран, области конго или стран Гвинейского залива.

Три характерные черты отличают все перечисленные выше разновидности ЯУКП: постоянный характер; примерно одинаковый размер: 30+10 человек,— видимо, наиболее рациональный в условиях тропического мотыжного земледелия (хотя он в три-пять раз превышает установленный социологами максимальный размер неформальной группы); поочередная обработка полей членов ассоциации лишь за харчи (обязательное предоставление пищи и пива сохраняется не только в помочах более позднего времени, например в русской общине, но и при проведении крупных государственных работ, как в древнем Египте и пр., или барщинных работ, как в Эстонии, Латвии нового времени и пр.).

Традиции такой организации коллективных работ прослеживаются во многих феодальных африканских обществах. Так, например, в Руанде крестьянин, приходя на барщину или принося оброк, получал в доме феодала сосуд бананового вина. По типу барщины строился обычай кубака инкике — «починки ограды». Раз в год вассал должен был являться к своему сюзерену для починки ограды его резиденции. Личное присутствие вассала при этом считалось обязательным даже в том случае, если ограда не нуждалась в ремонте и если он мог прислать вместо себя на работу своих слуг, клиентов или подвластных ему крестьян-общинников. Каждый вассал имел «свой» участок ограды, который он должен был поддерживать в порядке и который чинил сам или его люди. При этом сюзерен угощал их всех банановым вином [328, стр. 329—330; 371, стр. 20 и сл.].

В Бурунди существовали те же феодальные повинности, что и в Руанде, но были организованы несколько лучше и отправлялись более строго. Возможно, это являлось следствием традиционной кооперации крестьян

для работ по ирригации. Ранние формы такой кооперации мы встречаем у паранилотских народов Северо-Западной Кении: элгейо, горных сук, эндо, мараквет и др. У них участие в ирригационных работах обязательно для всех мужчин-общинников, пользующихся данной оросительной системой. В случае болезни крестьянина вместо него должна выйти на работу его сестра, в случае отказа или неявки на работу он должен уплатить штраф в размере одной козы [350, Стр. 72, 82, 91]. Несомненно, перед нами специфический тип ЯУКП, соответствующий соседской общине на ирригационно-земледельческой основе.

СИСТЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

По необходимости здесь мы должны ограничиться лишь постановкой этого вопроса. Как бы ни была велика натуральность общественного хозяйства в эпоху мелкого натурального производства и автаркия его ячеек, они группируются в системы. Далеко не всегда можно провести грань между ЯУКП и -системой производства, или, вернее, воспроизводства, системой производственных связей, распределения произведенного продукта и его потребления.

Община выступает как ЯУКП на массовых общественных работах и во взаимоотношениях с внешним миром; в то же время с точки зрения связей между , отдельными ЯМНП (хозяйствами земледельцев, пастухов, рыбаков, ремесленников) — это система воспроизводства, объединенная общественным комбинированием труда (см. ниже). Точно так же поместье, или феодальное хозяйство, можно рассматривать и как ЯУКП, и как систему воспроизводства.

Ячейки воспроизводства объединяются в системы воспроизводства на основе всего цикла воспроизводства: комбинирования труда, обмена деятельностью, распределения и потребления общественного продукта, осуществляемых как через посредство товарно-денежных отношений, так и без них; последнее, как известно, особенно характерно для мелкого натурального производства. Системы воспроизводства, построенные в основном на нетоварных связях, можно обозначить как системы натурального воспроизводства (СНВ).

СНВ весьма разнообразны, Однако все их можно разделить на три основных типа. Для одного из них, более обычного, характерна чрезвычайная слабость ЯУКП по сравнению с ЯМНП, на которых первая базируется; для другого, наоборот, относительно большое значение ЯУКП. СНВ последнего типа, по-видимому, были известны в древнем Египте, фараоновском и эллинистическом, римской Италии и азиатских странах, хотя едва ли они преобладали в какой-либо цивилизации в течение сколько-нибудь длительного исторического периода. Нет никаких доказательств того, что храмовые хозяйства древней Нубии можно классифицировать как СНВ последнего типа, тем более как ячейки крупного рабовладельческого производства. Вообще для истории доколониальной Тропической Африки такой тип СНВ не характерен: там, где существовали собственные хозяйства крупных общин (кроме больших семейных) и феодалов, они в основном базировались на ЯМНП, лишь частично их дополняя.

Третий тип СНВ объединяет одни лишь ЯМНП при отсутствии ЯУКП; так объединяются хозяйства крестьян и ремесленников в деревенской общине на основе работы последних на заказ и вознаграждения их за работу натуральным довольствием или ответными услугами. Другое проявление этого типа: аграрные распорядки в деревенской общине (система землепользования или система перемены полей).

Системы воспроизводства смешанного натурально-товарного типа и тем более системы, связанные через посредство рынка, были распространены в доколониальной Африке гораздо менее, чем СНВ, даже вблизи городов и основных караванных путей. В этом выражалась взаимосвязь систем воспроизводства и форм разделения труда (см. ниже). Наконец, что весьма важно, и размеры систем воспроизводства были в Тропической Африке сравнительно невелики (узость экономических связей).

СФЕРЫ И ТИПЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ (ХКТ)

Типы систем воспроизводства не следует смешивать со сферами хозяйствования, являющимися основой хозяйственно-культурных типов. Если типы систем вос-

Производства различаются по формам и способам объединения ячеек производства в хозяйственные системы, то сферы и типы хозяйствования различаются по качественному составу производительных сил в ячейках производства.

Сферы хозяйствования выделяются уже на ранних этапах производства, в основном в рамках присваивающего хозяйства, внутри которого выделяются сферы собирательства, охоты, рыболовства. Ранние формы производства также разделяются на сферы изготовления орудий, строительства жилищ, добычи и поддержания огня, приготовления пищи и пр. Из них первые (присваивающие) сферы хозяйствования являются основными, так как состоят в непосредственном добывании пищи (почему и хозяйство на этой стадии в целом характеризуется как присваивающее), вторые же являются дополнительными.

С зарождением земледелия и скотоводства появляются и новые сферы хозяйствования (производства), которые со временем становятся основными и сохраняют это значение вплоть до промышленной эпохи, когда промышленность становится еще одной из основных сфер хозяйствования. В эпоху мелкого натурального производства количество сфер хозяйствования увеличивается по сравнению с эпохой присваивающего хозяйства. Не только земледелие и скотоводство являются разными сферами хозяйствования, но внутри первого выделяются огородничество, садоводство, виноградарство, выращивание пальм, полеводство, лесоводство и пр. В животноводстве выделяются в особые сферы и подсферы разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиноводство, коневодство, верблюдоводство, птицеводство, разведение рыбы, вивер, пчеловодство и пр. Еще больше сфер и подсфер производства выделяется в ремеслах и промыслах. Ремесла и промыслы (соляной, горнорудный, лесной, добывание благовонных смол, мускуса, ловля жемчуга и пр.) остаются на положении дополнительных сфер хозяйствования.

Уже на поздних стадиях присваивающего хозяйства отдельные сферы хозяйствования развиваются неравномерно. В итоге из древнейшего типа хозяйствования — бродячего охотничье-собираческого — выделяются более прогрессивные оседлые (или полuosедлые) типы:

рыболовецко-охотничий, собирательско-охотничий и т. п. На этой ступени присваивающее хозяйство уже обнаруживает отдельные черты натурального производящего, одной из которых и является многообразие типов хозяйствования.

Развитие мелкого натурального производства ведет к увеличению этого многообразия как в силу неравномерного развития отдельных элементов производства в разных человеческих обществах, так и благодаря неравномерности темпов общественного развития в целом. На этот процесс оказывает влияние и развитие ремесел, и рост контактов с иными, более передовыми обществами, т. е. зачатки международного разделения труда⁹, и прогрессирующее влияние производства на природу (см. выше). В итоге человечество, разделившись на общества весьма разных типов хозяйствования, могло даже в условиях господства мелкого натурального производства сравнительно густо заселить и хозяйственно освоить почти все биотопы земли.

В силу взаимосвязи хозяйственной деятельности людей с надстройкой общества определенным типом хозяйства соответствуют определенные черты материальной и духовной культуры. Вместе с типом хозяйствования они составляют хозяйственно-культурный тип (ХКТ)¹⁰.

Определенные типы хозяйствования позволяют развиваться различным по своему характеру производственным отношениям (см. ниже). Однако лишь в известных пределах, поэтому по своей исторической перспективе ХКТ делятся на стадияльно ранние и поздние, исторически прогрессивные и тупиковые. Типы хозяйствования бродячих охотников-собирателей тропических лесов и открытых пространств оказываются тупиковыми уже на поздней ступени присваивающего хозяйства, тип *номад о в* — лишь в эпоху крупного товарного производства.

Детальное описание различных ХКТ Африки в це

⁹ Так же развивались народы, в хозяйстве которых особое значение имела добыча руд, их плавка и первичная обработка сырого металла не только для удовлетворения собственных потребностей, но и на обмен; так же развивались общества, занятые товарными лесными (охотничьими и собирательскими) промыслами, верблюдоводством, связанным с вождением караванов, мореходством и пр.

¹⁰ Это понятие, впервые сформулированное С. П. Толстовым в 1923 г., детально разработано М. Г. Левиным и Н. И. Чебоксаровым [235; 236; 169; 170; 249, стр. 71].

лом — тема больших специальных работ. Здесь же мы в качестве примера попытаемся выделить основные ХКТ Северо-Восточной Африки и дать им самую краткую характеристику.

В Северо-Восточной Африке представлены почти все основные типы хозяйствования и ХКТ материка. Наиболее примитивные мы можем наблюдать у бродячих охотников-собирателей горных лесов, болот и савапи (пигмеи Бахр-эль-Газалья, манджо Каффы, часть иденич, майна и банна Южной Эфиопии, часть вабоии и другие в Сомали и пр.). Тип хозяйствования пигмеев — обитателей гилеи отличается от стадильно близкого ему типа хозяйствования бушменов — обитателей полупустынь; тиндига и родственные им вахи принадлежат к несколько отличному от бушменов подтипу хозяйствования, иденич, манна, банна, вабоии и немади — к другому подтипу, причем три последних подтипа группируются в тип хозяйствования охотников-собирателей открытых пространств. Подтипы же хозяйствования «болотных» пигмеев Бахр-эль-Газалья и обитателей горных лесов — манджо группируются вместе с подтипом хозяйствования пигмеев гилеи в общий тип охотников-собирателей тропических лесов.

В эпоху палеолита эти типы хозяйствования и соответствующие им ХКТ господствовали на всей территории материка, представленные, как и теперь, отдельными подтипами гилеи, листопадных и горных лесов, побережий, саванн и полупустынь и пр. Античные авторы упоминают группы «саранчеедов», «слоноедов», «страуседов», наиболее примитивные группы «рыбодедов» и других обитавших на территории Судана и Северной Эфиопии и относившихся, по-видимому, к этому же ХКТ. Есть аналогичные известия и средневековых источников [136]. Более высокий тип полuosедлых рыбо- ловов-собирателей в настоящее время редко встречается в Африке. К ним принадлежат имрагены и шмагла — бродячие рыболовы, разводящие ослов, в Мавритании и Рио-де-Оро; они совершают сезонные перекочевки за косяками рыбы к Атлантическому побережью и за питьевой водой в глубь страны. В средней дельте Нигера нолuosедлыми рыболовами являются бозо и сорко, на оз. Рудольф — островитяне-эльмоло. Некоторые группы рыболовов-охотников, как войто на оз. Тана, вату, ха-

руро и др. на озерах Звай, Маргарита, Чамо и т. д. в Эфиопии, сомоно в средней > дельте Нигера, аматва на севере Замбии, йен на юге Замбии, таннекве или ксане-кве болот Окованго на севере Ботсваны и др., дополнили свои прежние занятия земледелием и скотоводством. Точно так же еще в древности часть нильских «рыбодов» превратилась в «пастухов», как это произошло, например, в Дельте с итху эпохи фараонов. Античные авторы описывают многие группы «рыбодов» и «черепаходов» на Ниле южнее первого порога (Геродот), на берегах Красного моря и Аденского залива (Агафархид, Артемидор, Диодор, Страбон, Плиний, Псевдоарриан, Нониос). Археологически этот ХКТ почти не исследован, может быть за исключением Хартумской мезолитической культуры на Ниле, открытой Дж. А. Аркеллом [267], и ранних этапов чадских культур [297]. На оз. Чад к этому ХКТ и теперь еще принадлежат будума, язык которых относится к группе хауса — котоко; в прошлом, до расцвета культуры с а о, этот ХКТ был распространен здесь гораздо шире. Современные рыбаки Сомали, как и рыбаки Атлантического побережья и среднего Нигера, в прошлом, несомненно, принадлежавшие к ХКТ рыболовов-охотников, в настоящее время включены (через товарные, а ранее также и рентные отношения) в более развитые общества.

Этот ХКТ — исторически тупиковый, так как рыболовство и разведение водоплавающих животных (котилов, крокодилов) возникает в условиях иных ХКТ, а рентализация и товаризация хозяйства ведут к исчезновению самих обществ данного ХКТ, к их превращению в касты и профессиональные группы внутри иных обществ. Тип хозяйствования рыболовов-охотников — тупиковый, так как не может самостоятельно породить иного, более высокого типа хозяйствования и соответствующего ему ХКТ¹¹.

В противоположность ему ХКТ оседлых собирателей урожая дикорастущих растений (дополнительно занимающихся также охотой), так называемых *harvesting peoples* или *Erntevolker* Юлиуса Липса [1363] и дру

¹¹ Сравнительно высокий уровень общественной организации и культуры индейцев-рыболовов северной части Тихоокеанского побережья Америки — уникальный пример, нуждающийся в дополнительном изучении.

гих западных авторов, является исторически переходным к земледелию и скотоводству. В Африке нового времени он не представлен и может быть реконструирован лишь гипотетически. Античные авторы сообщают о различных народах «корнеедов» и «семеноедов» в Северо-Восточной Африке, но нет уверенности, что эти народы не знали скотоводства и земледелия. Например, сезонное выкапывание корней водяной лилии, описанное античными авторами, практикуется и современными нуэрами ([287, стр. 36]. Регулярное сезонное собирательство корней и ягод занимает важное место лишь в хозяйстве нилотов ланго [287, стр. 36] (на северном берегу оз. Кьога) и некоторых озерных групп Эфиопии.

Что касается ланго, то они занимаются кроме сезонного собирательства мотыжным земледелием и охотой, причем земледелию принадлежит первое место, в отличие от хозяйствования части рыболовов-охотников побережья Индийского океана и озер Эфиопии, а также африканской Атлантики, которые знают земледелие и скотоводство (разведение коз), и рыболовов Атлантического побережья Мавритании и Рио-де-Оро, которые разводят ослов, но лишь в качестве дополнительных занятий к традиционным присваивающим формам хозяйствования.

При выделении подтипов хозяйствования следует учесть то исключительно важное значение, которое имело для Западной Африки (включая запад региона банту) собирание урожая диких и полудиких плодов масличных пальм, а также других дикорастущих растений. Однако в Африке давно уже нет ни одного народа, в жизни которого сезонное собирательство играло бы первостепенно-важную роль¹².

Уже в течение тысячелетий производящие формы хозяйства — земледелие и скотоводство — заняли в хозяйствовании большинства африканцев более важное место, чем собирательство. Как указывалось выше, с появлением и развитием производящих форм хозяйства производительные силы общества вступают в стадию мелкого натурального производства. Однако даже внутри этой стадии земледелие и скотоводство прошли путь долгой

¹² Точно так же следует учесть относительно важное значение рыболовства в хозяйствовании нуэров Верхнего Нила, многих земледельческих народов экваториального пояса, дельты Нигера и др.

эволюций от более примитивных к более прогрессивным формам. Экстенсивное подсечно-огневое переложное земледелие с применением простейших орудий, описанных выше,—это примитивная форма. Точно так же, как и экстенсивное, малопродуктивное скотоводство.

По относительной роли в общественном хозяйстве той и другой формы производства в Тропической Африке можно выделить типы хозяйствования: примитивных земледельцев-скотоводов, скотоводов-земледельцев, земледельцев-рыболовов и др. К первым относятся в Северо-Восточной и Восточной Африке бурун, берта, ануак, малые народы Суданской Гезиры и Южного Кордофана, джолуо (джур), луо, ланго, алуры, горные сук, мао, менаджир, шуро, часть иденич, бако в Эфиопии, земледельцы Дарфура и Вадаи, вагоша и джиберти Сомали, акамба и др. Они держат мало скота, и в основном это козы и овцы. У народов северной окраины экваториального леса, таких, как запде, мади, маигбету и др., существует только птицеводство в виде разведения малопродуктивных кур; эти народы ведут хозяйство еще более примитивного типа (или подтипа). Вообще же, как указывалось выше, экстенсивное мотыжное земледелие в Тропической Африке преобладает, и этот тип хозяйствования (с подтипами) составляет основу большинства африканских обществ.

Тип хозяйствования примитивных скотоводов-земледельцев представлен в Северо-Восточной и Южной Африке. В первом из этих регионов его представляют многие наиболее известные нилотские и паранилотские народы: динка, иуэр, шиллук, равнинные сук, туркана, а также часть беджа и галла, ираку, бурунге, мбулу, в недавнем прошлом также нанди, кипсигис, масаи и др. Нанди после прихода англичан перешли к основному занятию мотыжным земледелием, масаи, наоборот, еще до XIX в. совершенно отказались от земледелия и возвращаются к занятию им в настоящее время, большинство галла перешли от примитивного скотоводческо-земледельческого хозяйства к более интенсивному, распространенному на территории Эфиопского нагорья.

В весьма отдаленном прошлом описанный выше тип хозяйствования был более широко распространен в Северо-Восточной Африке и на севере материка. Наскальные изображения Сахары IV—III тысячелетий до н. э.

рисуют сцены из Жизни народов, разводивших крупный рогатый скот и овец и занимавшихся также мотыжным земледелием (здесь находился один из очагов культивации проса). В Нубии примитивные скотоводы-земледельцы составляли основное население в III тысячелетии до н. э. (народы групп В и С). Этот вид хозяйствования, очевидно, вели и народы Пунта III—II тысячелетий до н. э., к которым совершали плавания древние египтяне. Вероятно, предки тиббу, туарегов и фульбе также были примитивными скотоводами-земледельцами. Однако те современные представители этих народов (например, туареги-юлеммиден и др.), которые снова вернулись к смешанной скотоводческо-земледельческой экономике, прошли через стадию специализированного кочевого скотоводства; кроме того, их земледелие, каким бы примитивным оно ни являлось, было заимствовано в упрощенном виде у соседних земледельческих народов. Однако несомненно, что в определенных условиях происходило более или менее частичное восстановление древнего типа хозяйствования. Его характерной особенностью является полукочевой годичный цикл, диктуемый необходимостью передвигаться со скотом на сезонные пастбища и сезонностью самого примитивного земледелия (одна-две культуры).

Cattle complex¹³ является частью того ХКТ, который в основном порожден этим типом хозяйствования. Впрочем, наиболее яркие, доведенные до крайности черты cattle complex'a наблюдаются у сук, туркана, масаев, ва- тутси и некоторых других народов, фактически превратившихся или начавших превращаться в касты среди земледельческого населения. Характерно также, что это население занималось экстенсивным мотыжным земледелием, столь же примитивным, как и скотоводство перечисленных выше народов. В сходном положении находились фульбе-скотоводы Западной Африки и сакалава Мадагаскара. Этот тип хозяйствования и соответствующий ему ХКТ являются исторически переходными не только к своеобразному кастовому строю, о котором будет сказано ниже, но и к типу хозяйствования и ХКТ номадов — специализированных кочевых скотоводов.

¹³ Этот термин был введен в западную этнографию М. Дж. Херсковичем.

К последним относятся кроме ряда народов Азии, где этот тип хозяйствования появился во II тысячелетии до н. э., многие арабские и берберские племена Сахары и Судана, часть тиббу, часть беджа, данакиль и сомали. Нет резких граней между этими ХКТ и ХКТ примитивных скотоводов-земледельцев, существует лишь целая гамма переходов. Однако для кочевников характерно большее разнообразие домашних животных, меньшее, даже минимальное, значение растительной пищи, еще большее презрение к земледелию и земледельцам, более подвижный образ жизни и т. д. Исторически можно проследить, как вытесняемые в пустыню племена полукочевых скотоводов-земледельцев становились кочевниками (в Северной Африке, например). То же происходило и в результате наступления пустынь на саванны и степи Средиземноморья. Наоборот, как указывалось выше, переселение кочевников в пригодные для земледелия районы могло привести либо к частичному восстановлению типа хозяйствования полукочевых скотоводов-земледельцев (часть туарегов, фульбе, беджа, сомалийцев и др.), либо к превращению их в касты.

Это свидетельствует о том, что ХКТ кочевников — исторически тупиковый. Однако он ценен тем, что позволил в эпоху мелкого натурального производства освоить обширные аридные зоны, непригодные для земледелия.

Параллельно с интенсификацией скотоводства в аридных зонах происходила интенсификация земледелия в более благоприятных для сельского хозяйства областях. В Тропической Африке мы можем наблюдать все стадии этого процесса. Выше говорилось о разных элементах интенсификации африканского мотыжного земледелия, начиная от употребления золы и навоза на удобрение, изгородей, земледельческих террас, орошения и пр., а также разнообразных ручных орудий. На известном этапе примитивное полукочевое, мотыжное, переложное, подсечно-огневое земледелие превращается в более интенсивное, постоянное, с применением искусственного орошения в сочетании с разведением крупного и мелкого рогатого скота (только на молоко и мясо). Это более высокий тип хозяйствования, которому соответствует ХКТ ирригационного мотыжного земледелия и оседлого скотоводства с постоянными, сравнительно крупными поселениями, сравнительно развитым ремеслом, строитель

ной техникой, развитой деревенской территориальной общиной, характерными земледельческими культурами и пр. Выше перечислялись народы Африки, ведущие хозяйство подобного типа; наиболее характерные из них — коисо и бурджи в Южной Эфиопии, сонгаи на Среднем Нигере, баротсе в полосе южных саванн и др.

Еще более высокий тип хозяйствования — ирригационное плужное земледелие (следовательно, в сочетании с оседлым разведением скота на тягло, а также на мясо, молоко, для перевозок и пр.). Выше уже говорилось, где и с каких пор этот вид земледелия (и тип хозяйствования) распространен в Тропической Африке. Соответствующий ему ХКТ был наиболее широко представлен в Евразии — Северной Африке исторического периода вплоть до расцвета промышленной эпохи и особенно механизации сельского хозяйства.

Рассмотренные выше типы хозяйствования, кроме самых первоначальных, исходных, и современного ХКТ, характерны для мелкого натурального производства в его становлении и развитии. Они не что иное, как ступени внутри этой стадии развития производительных сил.

ХКТ имеет некоторые общие черты с социальным укладом, который тоже представляет собой ступень в развитии производительных сил общества вместе с определенными элементами культуры. Однако в ХКТ отсутствует такой важный признак социального уклада, как производственные отношения и связанные с ними явления политической и идеологической надстройки. Совпадения ХКТ с социальным укладом весьма относительны. Внутри социального уклада могут различаться несколько ХКТ; например, как будет показано ниже, патриархально-феодальный, а также раннефеодальный, патриархально-рабовладельческий уклады в Тропической Африке и других исторических регионах связаны с хозяйственно-культурными типами экстенсивных мотыжных земледельцев-скотоводов, примитивных скотоводов-земледельцев, бродячих земледельцев-рыболовов лесной зоны, интенсивных оседлых мотыжных земледельцев-скотоводов, номадов и др. В то же время некоторые ХКТ могут соответствовать двум или нескольким социальным укладам. Так, ХКТ экстенсивных мотыжных земледельцев-скотоводов, выделившись в поздней первобытнообщинной формации, пережил в Африке все ран-

ние этапы формирования феодализма. То же самое относится и к ХКТ примитивных скотоводов-земледельцев, и к ХКТ номадов, причем последний, хотя и является исторически тупиковым, частично соответствует более высоким ступеням развития феодализма, чем предшествующий. Мы находим у номадов элементы патриархального феодализма, раннего, развитого и позднего феодализма (у арабов-бедуинов Северной Африки, Сирийской пустыни, Палестины и др.), а также рабовладельческие уклады и пр. Государственность в Африке рождается кое-где уже при господстве экстенсивного подсечно-огневого мотыжного земледелия, тогда как такие искусные земледельцы, практикующие ирригацию, как пари¹ Южного Судана, консо, бурджи и их соседи в Южной Эфиопии, некоторые группы Западной Африки, не имели государственности при значительном уже развитии | эксплуатации, отношений владения, общественных форм. Полукочевые скотоводы-земледельцы не создали классовых обществ и государственности. Полуоседлые земледельцы-скотоводы также нигде не создавали своих государств, хотя некоторые наиболее развитые из них, такие, как шиллуки на Белом Ниле, уже находились в начальной стадии этого процесса. Казалось бы, у номадов не может быть городских цивилизаций. Однако развитие кочевых государств и их связь с соседними «городскими» народами с течением времени всегда приводили к возникновению городских центров у кочевого населения либо к превращению в города немногих земледельческих оазисов (характерный тип города-оазиса). При этом население городов этнически в большей или меньшей степени отличалось от кочевого населения пустыни, образуя особые этносы. Харатины — это не туареги, хотя и говорят в большинстве своем на том же языке. На севере Сахары население городов-оазисов (мзабиты и др.) сохранило берберские диалекты, исчезнувшие в пустыне, и многие элементы древней культуры. В области Африканского Рога свои особые языки и культуру среди кушитского населения сохранили жители городов Харар (в Эфиопии) и Кисимайо (в Сомали).

ХКТ номадов, как тупиковый, консервирует родо-племенные связи, которые, однако, при этом развиваются в сложные, разветвленные структуры, сочетающиеся с кастово-сословными градациями и даже крепостничес-

вом. Впрочем, развитие последнего, как это было у монголов, имеет тенденцию к подрыву самой родо-племенной структуры. В Африке даже наиболее развитые скотоводческие народы, как туареги, тиббу, арабы-бедуины и другие, знали эксплуатацию, сословия, товарно-денежные отношения, но легко обходились без государственной организации, функции которой несла разветвленная родоплеменная структура. Государственная же организация, когда она складывалась, имела обычно характерную исламско-теократическую форму от раннего государства марабутов (Альморавидов) в Мавритании до сомалийского государства Мухаммеда ибн Абдаллаха Хасана в начале XX в.

Что касается интенсивного ирригационно-плужного земледельческо-скотоводческого хозяйства, то в Северо-Восточной Африке оно исторически связано было как с относительно ранними (Мероз, Аксум, Каффа), так и с развитыми формами феодализма (Нубия начиная с IX—X вв., Северная Эфиопия начиная с XV в.). В империи Сонгай и стране хауса, а также в Междоузье переход к развитому феодализму не потребовал иной производственной базы, кроме более или менее интенсивного мотыжного земледелия в сочетании со скотоводством. Однако производственные возможности весьма развитого переложного мотыжного земледелия (у большинства сонгаев и хауса, а также у баганда и баньоро) и поливного мотыжного земледелия (у части сонгаев и хауса и у хуту) потенциально были менее значительны, чем при ирригационно-плужном земледельческо-скотоводческом хозяйстве. Поэтому более глубокий прогресс африканского общества до эпохи колонизации мог произойти лишь при переходе к этому последнему типу хозяйствования и соответствующему ХКТ. Таким образом, несомненно существующая связь между ХКТ и уровнем общественного развития отнюдь не является прямой. Она опосредствована формами разделения и кооперации труда и производительностью труда.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Типы хозяйствования исторически связаны с разделением труда, но отнюдь не тождественны последнему. Это — разные категории, хотя в основе как того, так

и другого лежат производительные силы. Тип хозяйствования — категория классификационная, умопостигаемая, в то время как разделение труда экономически функционирует внутри обществ и между ними.

Разделение и кооперация общественного труда — это способ распределения людей между существующими видами труда и соединение их с последними, распределение и организация людей для общественнополезной деятельности. Подобно ячейке и системам производства (воспроизводства) разделение труда является фактором производительных сил и в то же время их непосредственной формой. Вместе с тем это отношение, производственное отношение. Таким образом, оно имеет двойную природу, принадлежа и к категории производительных сил, и к категории производственных отношений. Двойственная природа разделения труда проявляется в том, что оно имеет технический и социальный аспекты. С точки зрения первого из них разделение труда выражается в распределении производительных сил между различными сферами деятельности и в степени разделения труда внутри каждой из них, а также внутри ячеек и систем производства (воспроизводства); с точки зрения второго аспекта в разделении труда различаются социальная основа (совпадающая со способом кооперации), а также степень отделения общественной функции, созданной разделением труда, от личности ее носителя.

С разделением труда неразрывно связана его кооперация, связанная также с объединением ЯМНП в ЯУКП (простая кооперация мелких производителей). Кооперация труда — общественное отношение, но в качестве простой кооперации, подобно разделению труда, она выступает в двойственной роли фактора производительных сил и производственных отношений^{1,2}. В сумме разделение труда и кооперация составляют комбинирование труда.

^{1,2} К. Маркс неоднократно говорил о роли кооперации труда как производственного отношения. Ему принадлежит также определение простой кооперации как производительной силы особого рода: «Дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила» [2, стр. 337].

Рассмотрим все эти аспекты разделения и кооперации труда, как они проявляются в традиционных африканских обществах.

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА В ТРАДИЦИОННЫХ АФРИКАНСКИХ ОБЩЕСТВАХ

В эпоху мелкого натурального производства основной сферой деятельности людей являлось занятие сельским хозяйством, преимущественно земледелием и скотоводством. Наряду с ними существовали различные ремесла, а также военное дело и еще более специализированные интеллектуальные и организаторские виды деятельности. Выше говорилось о том, что в традиционных африканских обществах из этих двух главных -сфер (или подсфер) деятельности были более распространены то земледелие, то скотоводство, то обе одновременно, иными словами, существовали территориальные различия в сферах деятельности и, следовательно, в типах хозяйствования и ХКТ. Нередко народы, ведущие хозяйствование разного типа, соседствовали друг с другом.

Само по себе территориально близкое -существование разных типов хозяйствования отнюдь не говорит о появлении разделения труда, и далеко не всегда отделение земледелия от скотоводства ведет к развитию обмена услугами или товарами. Пока сохраняется господствующая тенденция к натуральности, скотоводческое хозяйство (как и земледельческо-скотоводческое) стремится к автаркии. По содержанию белков, витаминов и фосфора свежие продукты животноводства намного превосходят диету земледельцев; скотоводы эпохи мелкого натурального производства приобретают пищу растительного происхождения лишь в случае угрозы голода. Участь скотоводов выглядит более заманчивой, чем земледельцев, лишь бы было достаточно скота для снабжения натуральными продуктами.

Даже в том случае, когда разные типы хозяйствования и ХКТ сосуществуют у разных групп одного и того же народа, они не всегда отражают общественное разделение труда. Например, у ряда народов Сибири имеются кочевые охотничье-оленьеводческие группы и группы оседлых рыболовов и охотников на морского зверя, либо скотоводы (оленьеводы и коневоды) и рыболовы-

охотники близко соседствуют, принадлежат к разным на-* родам. Однако в прошлом каждая община здесь вела натуральное хозяйство, и между оленеводами и рыбаками не происходило сколько-нибудь регулярного товарообмена. Сходные примеры мы находим и в Тропической Африке, притом даже в сравнительно экономически развитых зонах. Так, у сонгаев земледельцы и рыбаки составляли два сравнительно изолированных ХКТ, между которыми не было интенсивного обмена продуктами. Лишь государственная власть экономически объединила тех и других, а также племена кочевников различного происхождения (фульбе, туарегов, арабов) верховной защитой воспроизводства, общей уплатой ренты и общей исторической судьбой.

У паранилотов сук на западном берегу оз. Рудольф (Кения) весь народ делится на скотоводов равнин и мотыжных земледельцев-скотоводов холмистой части страны. На острове посреди озера живет также небольшой этиос (эльмоло) оседлых рыбаков-охотников. Между этими тремя ХКТ практически не существует обмена продуктами их хозяйства. Равнинные сук питаются лишь молочными продуктами и мясом и презрительно называют горных сук «людьми зерна» (pi-ra-pagh) за то, что их пищу кроме продуктов скотоводства составляют каша и пиво — продукты их собственного зернового земледелия. Эти две части народа сук не замкнутые касты. Как только горному сук удавалось разбогатеть и обзавестись достаточным для кочевания стадом коров и овец, он забрасывал свое поле и присоединялся к скотоводам равнин. И наоборот, утрата скота и обеднение заставляли равнинного сук искать пропитание в занятии земледелием и расчищать для обработки участок земли на склоне холма [277, стр. 4 и сл.]. Соседями сук являются нилотские и паранилотские народы ачоли, джийе, туркана и др. Ачоли зовут джийе *lango dyang* — «народ скота», «скотоводы»; в свою очередь, джийе и туркана называют ачоли *ngkatap* — «народ каши». Обмен сельскохозяйственными продуктами между ними не существовало [287, стр. 6 и др.]. Аналогичные отношения сложились и в более северных районах — между мотыжными земледельцами-скотоводами джур (джолуо) и полукочевыми скотоводами-земледельцами динка; начавшееся у них размежевание типов хо-

существования и сложение разных ХКТ не сопровождалось установлением регулярного обмена. Лишь на крайнем юге этого субрегиона, где паранилотские народы вошли в непосредственное соприкосновение с банту, мы находим дальнейшее развитие того типа отношений, который начал складываться между динка и джур — в отношениях паранилотского народа масаев с их соседями.

Подлинное разделение труда есть общественное отношение, т. е. предполагает не только историческую (генетическую), но и экономическую связь (кооперацию) между производителями. Эта черта характерна и для всех других сторон разделения труда даже в его техническом аспекте.

Степень разделения труда внутри сфер деятельности, внутри ячеек производства и систем воспроизводства варьировали в разных традиционных африканских обществах, но в основном в пределах, типичных для господства натурального производства, т. е. были сравнительно невелики. В деревнях доколониальной Африки, как правило, все домохозяйства (ЯМНП) данной деревни, данного ХКТ выращивали одни и те же виды и сорта культурных растений, разводили одни и те же виды и породы домашних животных. Исключения зависели от следующих причин: 1) выделения таких сфер деятельности, как ремесла, интеллектуальные сферы деятельности, военное дело и управление; 2) монополии господствующих групп на разведение определенных пород скота (в основном крупного рогатого скота, отчасти лошадей) в некоторых районах Африки (см. ниже);

3) введения в отдельных, прежде всего зажиточных, или «господских», хозяйствах новых сортов растений и пород животных. Обмен трудом в форме обмена услуг или обмена продуктов труда между людьми охватывал лишь сравнительно малую часть прямого или овеществленного труда, играл сравнительно незначительную роль в жизни африканцев. Это зависело от неразвитости форм разделения труда.

Естественная форма разделения труда

Как известно, древнейшая форма разделения труда — половозрастная, естественно возникающая из различия природных способностей людей разного пола и

возраста в занятии физическим трудом. Такое разделение труда появляется уже на самых ранних ступенях развития производства, еще в рамках присваивающего хозяйства. У охотников-собирателей Африки (пигмеев, бушменов, тиндига и др.) взрослые мужчины занимаются охотой, а женщины и дети — собирательством; кроме того, при облавных охотах последние выполняют вспомогательные функции загонщиков. Постройка хижины — женское дело, а производство орудий и некоторые виды охоты — занятия стариков.

Уже на этой стадии на разделение труда влияет различие индивидуальных способностей; например, у пигмеев далеко не каждый мужчина способен стать охотником на слонов или знахарем. Вместе с тем выделяются функции управления обществом, отправление которых определяется полом (мужским у всех групп африканских охотников-собирателей), возрастом (пожилым) и личными способностями.

Естественная форма разделения труда сохраняется и в эпоху мелкого натурального производства. Она в той или иной степени характерна для всех без исключения традиционных африканских обществ, всех ХКТ.

При экстенсивном скотоводческо-земледельческом и земледельческо-скотоводческом хозяйстве пастьба скота, его убой, разделка туш составляют обязанность и привилегию мужчин, «мужское дело». У некоторых народов, как, например, у шиллуков [445, стр. XXIX], женщины не имеют права даже прикасаться к скоту. Мужчины здесь, как и у бродячих охотников-собирателей, занимаются охотой и рыбной ловлей, в которых женщины могут лишь помогать им. Они, в отличие от пигмеев, строят хижины, загоны для скота, амбары и пр. В земледелии мужчины выполняют лишь наиболее тяжелые виды работ на стадии подготовки почвы к мотыжению: валят деревья, очищают почву от кустарников и травы, сжигают горючий материал, иногда поднимают целину кольями. Большая часть земледельческих работ, прежде всего весь дальнейший уход за посевами и уборка урожая, — обязанность женщин. Поэтому обрабатываемые участки земли и урожай находятся в трудовом владении последних. Характерно, что в полигамных африканских семьях муж по очереди готовит к мотыжению учат стки двоих жен.

Разделение сельскохозяйственных работ на «мужские» и «женские» является исторически обусловленным и поэтому довольно точно отражает не только ХКТ данного народа, но и историю развития в его хозяйстве отдельных сфер и элементов производства. Так, у доробов, лишь недавно начавших заниматься земледелием и скотоводством, эти две сферы хозяйства — почти исключительно женское дело, тогда как у всех соседних с ними народов скотоводством занимаются преимущественно или даже исключительно мужчины. Вместе с тем женщины доробов по традиции не только ведут домашнее хозяйство, но и строят хижины, которые устраиваются на деревьях; у соседних же народов строительство хижин — мужское дело. Однако рубка деревьев, добывание огня, пчеловодство и охота — привилегии мужчин, которые относятся к этим занятиям почти как к отправлению культа [351, стр. 608—609, 613—614; 350, стр. 611. У педжулу Южного Судана, сравнительно недавно занимавшихся в основном скотоводством, а теперь главным образом земледелием, разделение труда в сельском хозяйстве между полями почти не отличается от такового у соседних земледельческо-скотоводческих народов, однако такие новые для них культуры, как батат и касава, от начала до конца возделываются исключительно мужчинами [349, стр. 68]. Добыча рыбы копьем и стрелами — всегда мужское занятие, как в большинстве случаев и рыбная ловля с помощью запруд. Однако сетями и корзинами рыбу ловят не только мужчины. У лотукосов рыбная ловля сетью — специфически женское занятие [349, стр. 80].

Кроме основных земледельческих работ женщины заняты превращением натуральных продуктов в пищу: они мелют зерно, обрабатывают земляные орехи, плоды пальм, корне- и клубнеплоды, варят еду и напитки, доставляют для этого воду и дрова. Отчасти им помогают дети. Так, у мондаров в Южном Судане мальчики прибирают сор в поселке, собирают навоз, разводят на ночь костры и т. д., а кроме того, пасут телят, коз и овец [349, стр. 60].

У ряда народов дети также доят скот. У шиллуков коров доят мальчики [411, стр. 73], у динка, бейр, мондаров, доробов, нанди и других — мальчики и девочки [409, стр. 656; 338, стр. 28; 365, стр. 240, 243—244; 351,

стр. 60; 350, стр. 61; 345, стр. 25]; по другим сведениям, у нанди доением скота занимаются также взрослые мужчины и женщины [[350, стр. 23]. У лотуко также коров обычно доят мальчики и девочки, реже — взрослые мужчины [349, стр. 79], у лулуба — только мальчики, у пёджулу — юноши, а у родственников им каква — только мужчины [349, стр. 53, 68, 74]. У сук доением скота занимаются мальчики, девочки и женщины [277, стр. 9; 350, стр. 81], у нуэров — они же плюс впавшие в бессилие старики, и лишь на войне это делали мужчины [287, стр. 37]. У бари коров, коз и овец доят, по одним сведениям, мужчины, по другим — мужчины и женщины, хотя пасут его мальчики. То же самое сообщают о кип-сигис [349, стр. 23; 350, стр. 42]. У масаев доением коров занимаются девочки и женщины, а у элгейо, кони (сабаот) и сапей — только женщины [350, стр. 71, 76, 109]. У парапилотов ланго (не смешивать с нилотами ланго!) коров доят взрослые юноши, прошедшие инициацию, а коз — мальчики [349, стр. 95].

Очень своеобразное разделение труда у сомалийцев. У них верблюдиц пасут и доят мужчины, коров — мальчики, которым иногда помогают девочки, а коз и овец — девочки и женщины [[361, стр. 76]. У данакиль «скотину доят женщины» [361, стр. 162], то же у паранилотов бар а баи г в Кении [350, стр. 93], а у м а шона — мужчины, которые вообще занимаются всеми работами, связанными со скотом [162].

У народов ХКТ экстенсивных мотыжных земледельцев степень половозрастного разделения труда в общем меньше, чем у скотоводов-земледельцев. Сферы мужского и женского труда у них не так четко определены, хотя и здесь на плечи женщины ложится основная тяжесть земледельческих работ, имеющих особенно большое значение в жизни этих народов. Очевидно, этим объясняется такое своеобразное явление, как непосредственное участие женщин-воинов в боевых действиях, характерное для ряда народов области Гвинейского залива. У народов с более развитым половозрастным разделением труда мы не находим воинов-амазонок, хотя и здесь женщины часто отличаются воинственностью и сопровождают своих мужей в походах. Так, например, в Эфиопии XVIII—XX вв. солдатские жены участвовали в походах, составляли обоз армии. В бою они подбад-

риваллй бонной криками й подНосйлй им пйво, но не сражались.

С интенсификацией земледелия мужчины уделяют все большее внимание этой сфере производства, особенно на той стадии, когда женского труда уже недостаточно для выполнения увеличивающихся и усложняющихся полевых работ. Мужчины помогают своим женам в мотыжении земли, при пахотном земледелии — пашут поле. У ряда народов, занимающихся интенсивным мотыжным земледелием (у йоруба, хауса, сонгаев, бам- бара, малинке и др. в Западной Африке, у консо, бурд- жи и др. в Южной Эфиопии и пр.) основные труженики в земледелии — мужчины. У йоруба, в противоположность ибо, мужчины выполняют больший объем земледельческих работ, чем женщины. У хауса мужчины готовят грядки для посева, делают мотыгой сунгумми ямки, в которые женщины и дети, следуя за ними, бросают посевное зерно. Там, где применяется искусственное орошение с помощью шадуфов, его также производят мужчины [222, стр. 50 и сл.]. У пахарей Эфиопии весь деревенский скот пасут мальчишки, а вышки с укрытиями от непогоды сооружают для них мужчины [210, стр. 54—59].

Дальнейшее развитие общественного разделения труда, классов и эксплуатации, каст и паразитизма встречало на своем пути естественное разделение труда и, взаимодействуя с ним, принимало порой весьма необычные формы. Так, у заиде рост паразитизма в среде правящего (княжеского) рода Вонгара мало затронул женщин, за исключением главных княжеских жен. Более того, у обедневших членов этого рода, разорившихся аристократов, жены и дочери должны были работать часто еще больше, чем простые крестьянки, тогда как их «благородные» мужья и отцы вели праздный образ жизни, нисколько не помогая женщинам в сельскохозяйственных или домашних работах ([353, стр. 105 и сл., 124 и сл.]. Ведь в недалеком прошлом заиде были типичным народом примитивных земледельцев лесной зоны, где почти все работы по культивации растений выполняли женщины, мужчины же стали уделять большее внимание полевым работам сравнительно недавно. Напротив, при переходе к оседлости кочевых скотоводческих народов, превращающихся в привилегированные

tfactbt, растет паразитизм МетЦйн. Нерёходй от кочевого скотоводства к оседлому земледелию в сочетании с отгонным скотоводством, фульбе восприняли земледельческий комплекс у сравнительно развитых народов Западного Судана, у которых мужчины и женщины почти в одинаковой мере трудились на полях. Однако фульбе не стали такими же усердными земледельцами, как эти народы, и уделяли полевым работам гораздо меньше времени. Истинными кормильцами семей у них являются молодые люди, которые пасут стада в саванне и на лугах по берегам рек и озер, а в страдную пору принимают активное участие в земледельческих работах. Меньше всего у фульбе работают женщины [323, стр. 114 и сл.]. У масаев единственные занятия женщин — доение скота и несложные домашние работы, но и этим больше занимаются девочки, чем взрослые девушки и женщины. Мальчики пасут скот, юноши и взрослые мужчины занимались в прошлом лишь военным делом, спортом и танцами [350, стр. 109]. У тутси и хума Южного Междоузья женщины работают намного меньше, чем у земледельцев хуту и херу. Изредка в Руанде бедняк тутси, желая поднять свое хозяйство, женился на дочери хуту. Это было ему выгодно вдвойне: в таком случае брачный выкуп за девушку снижался в несколько раз, а, став женой разорившегося аристократа, работящая крестьянка содержала его своим трудом. Но для него такой брак был чреват потерей престижа. У хуту и херу женщина работала в поле и дома. У тутси и хума, если они были бедны, домашних работ было обычно немного, так как сами владельцы дома подолгу жили при дворах своих патронов-вождей; у богатых же феодалов для домашней работы имелось множество слуг и бар-щинников. Женщины тутси порой не знали, как убить время. Для развлечения они плели небольшие декоративные ширмы и корзиночки, не находящие применения в хозяйстве [328, стр. 327; 371, стр. 66, 67]. В сходном положении находились и женщины аристократической касты у туарегов. В этой связи нельзя не отметить расцвет спорта, искусств и гедонизма (прежде всего эротизма) у названных выше этносоциальных групп. Иной круг проблем ставит паразитизм женщин у горожан мусульманской Африки благодаря распространению среди них затворничества ([222].

Таким образом, в условиях мелкого натурального производства естественное разделение труда продолжает сохраняться и даже развиваться, но относительное значение его в общем развитии производительных сил не возрастает; наоборот, прогресс производства сопровождается проникновением женского труда в такую прежде «мужскую» сферу, как скотоводство, связанное по происхождению с охотой, и мужского труда в «женские» сферы производства (земледелие, постройка домов).

Зато появляются и развиваются более высокие формы разделения труда: рентная и товарная.

Рентная форма разделенн» труда

Этим предлагаемым нами термином мы называем особую форму разделения труда, весьма распространенную в докапиталистических обществах, отличную как от естественной, так и от товарной. У классиков марксизма-ленинизма мы не находим специальных исследований этой докапиталистической формы разделения труда, однако целый ряд оставленных ими указаний свидетельствует о том, что они учитывали ее историческое существование, противопоставляя как товарной форме, господствующей при капитализме, так и естественной, половозрастной.

В «Капитале» мы находим указание на «деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным, естественно выросшим разделением труда... затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем... выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функциони

ругую здесь лишь как органы совокупной рабочей силы семьи» [2, стр. 88].

Отмеченные выше черты, характерные для естественной формы разделения труда, сохраняются и в рентной форме, хотя можно найти и некоторые различия между ними.

В обоих случаях происходит обмен деятельностью между членами общества нетоварным путем. Однако если при естественной форме разделения труда рамки обмена деятельностью в основном узки (кооперация внутри ЯМ.НП), то более высокая рентная форма разделения труда допускает более широкие рамки обмена деятельности внутри ЯУКП и СНВ.

Рентная форма разделения труда — это такая его форма, при которой происходит регулярный обмен деятельностью (услугами, трудом), как производительной, так и непроизводительной, между членами общества нетоварным путем и вне рамок естественного разделения труда между полами и возрастами внутри ячеек производства. Обмен услугами в этом случае перерастает рамки первичных общностей — семьи и общины — и приобретает характер дани, повинности, ренты. Регулярный характер этих отношений в условиях мелкого натурального производства находит свое наивысшее выражение в строгом наследовании функций, которые, не отделяясь от личностей их носителей, придают разделению труда смешанный личностно-экономический характер (см. ниже) и кастовость. К. Маркс указывал, что разделение труда в индийской общине фиксировалось в функциях отдельных индивидов, приобретавших наследственный характер [2, стр. 369—370]. Как известно, классики марксизма-ленинизма клали именно разделение труда в основу классовых отношений, которые при феодализме имеют форму сословно-классовой структуры.

В доколониальной Африке и отчасти в сохранившихся до настоящего времени традиционных африканских обществах мы находим все основные виды разделения труда в рентной форме: между мелкими производителями разных сфер производства и между мелкими производителями, с одной стороны, и руководителями общества, профессиональными воинами, носителями религиозных и научных знаний и людьми искусства—с другой.

Так, например, у воинственных скотоводов-масаев система разделения труда с соседями-земледельцами складывалась в рентной форме.

В XVIII—XIX вв. этот народ совершенно забросил земледелие. Огромные стада коров, которыми владели масаи, с избытком снабжали их молочными продуктами, мясом, шкурами, рогами для поделок. Их богатство в большой степени было создано и поддерживалось набегами на соседние народы, у которых угонялся крупный рогатый скот. В хозяйстве последних все большее значение приобретало земледелие, а также разведение мелкого рогатого скота, рыболовство, мясная охота. У масаев же единственными занятиями стали скотоводство, спортивная охота и война.

Воины-масаи питались только молочными продуктами и отчасти мясом домашних животных, однако женщины и не прошедшие инициации мальчики ели также все виды растительной пищи. Так как сами масаи продуктов земледелия не производили, то ими снабжали их соседи-земледельцы, получая взамен гарантии «покровительства» [346, стр. 7—81. Земледельцы чагга, паре и др. должны были снабжать масаев продуктами земледелия (для изготовления пива), оказывать им услуги в качестве кузнецов и землекопов (при сооружении колодцев). Более того, уведенные в плен и поселенные в глубине страны масаев (в районе Аруши), они образовали общины крепостных земледельцев-аруша (вааруша, иль-аруша), находившихся на положении неполноправной и эксплуатируемой этнокастовой группы [350, стр. 111, 112]. Столь резкое размежевание типов хозяйствования не привело к установлению товарообмена и складыванию на его основе разделения труда.

Хозяйство как масаев, так и их соседей оставалось вполне натуральным, так как у них не существовало потребности в обмене товарами, а все необходимое для жизни они получали частью от своих стад, частью — через обмен с соседями — земледельцами и кузнецами — в виде дани.

Устойчивый обмен услугами, напоминающий отношения, сложившиеся между негроидами и пигмеями в лесной зоне, существовал в Центральной Танзании между охотниками-собирающими тиндига и земледельцами-кузнецами иссанзу. Кузнецы иссанзу обслуживали бо/ц?-

шинство локальных групп тиндига. Иногда в разгар сухого сезона голодные тиндига обращались за помощью к вождю иссанзу и получали от него зерно и несколько коров. Со своей стороны, тиндига дарили вождю иссанзу слоновую кость, рога носорогов и шкуры зверей. Случалось и так, что в голодное время целые общины иссанзу приходили к тиндига и кормились у них продуктами охоты и собирательства (съедобные корни мтус-си). Отмечен случай, когда в неурожайный год община иссанзу целый месяц жила на иждивении тиндига [356, стр. 142 и сл.; 183, стр. 108—112].

Вождь иссанзу пользуется большим авторитетом у тиндига и выступает в их фольклоре как высшее существо, защитник от стихийных сил. В районе деревни Мангола образовалась смешанная иссанзу-тиндигская группа, члены которой занимаются как охотой и собирательством, так и земледелием и скотоводством, а также ремеслами и торговлей, служа посредниками между тиндига и иссанзу. По-видимому, перед нами один из начальных этапов образования касты.

В XIX в. западная часть территории тиндига была подчинена государством Сукума, и охотники-собиратели были обложены данью. Такая же участь ожидала восточную часть тиндига, на территорию которых вторгались Ираку, мбулу и масаи. Возможно, со временем масаи создали бы государство и превратились в касту; Земледельцы, кузнецы и охотники-собиратели составили бы подчиненные касты в этом обществе. Однако до прихода колонизаторов такая структура не была создана, и на рассматриваемой территории в конечном счете установилось колониальное общество. В новых условиях часть масаев начала переходить к земледелию; их тип хозяйствования дифференцировался от типа хозяйствования остальной части этого народа и приблизился к типу хозяйствования соседей.

Путь исторического развития, который в определенных условиях могли бы пройти народы центральной части Восточной Африки, был действительно до европейской колонизации пройден народами Межозерья. Здесь с XIX в. существовали государства, в которые вошли народы грех различных ХКТ: 1) пигмеи-батва, бродячие охотники-собиратели, горшечники и «скоморохи»; 2) мотыжные земледельцы-бахуту (вахуту), б а и р у, или

бахеру и 3) скотоводы б а тутси (ватуци) и бахима (вахума). Государственная власть находилась в руках последних. Исторические предания, данные антропологии и этнографии свидетельствуют о том, что основные различия ХКТ батва, бахугу и батутси появились до объединения этих народов в составе государств, где они превратились в касты, из которых батутси стали самой высшей, а батва — самой низшей. В этом кастовом обществе развилось разделение труда, при котором бахугу платили трудовую и натуральную ренту в пользу правителей и воинов-батутси, а батва были поставлены в отношения принудительного обмена продуктов охоты на продукты земледелия. Кроме того, они несли некоторые повинности в пользу правителей. Начавшееся на этой основе разделение труда привело к расцвету искусства и спорта у батутси и батва, невиданному у изолированных номадских и охотничьих племен.

В рентной форме сложилась также система разделения труда между скотоводами и земледельцами у туарегов, фульбе, сомалийцев. Как известно, туареги получали ренту зерном и финиками от жителей сахарских оазисов (временами также от сонгайских крестьян). Крепостное население оазисов — харатины — увеличивалось за счет поселения на землю купленных или захваченных на войне невольников. На юге, на границе Судана, туарегские вожди поселяли на берегах рек и озер своих крепостных-белла, обязывая их обрабатывать землю и платить ренту в размере половины урожая. Другие белла и харатины пасли скот своих хозяев, пользуясь продуктами скотоводства; иногда они владели и небольшим числом «собственных» животных. В таком же положении находились «клиенты»-и к л е и ы. Кроме того, племена туарегов-номадов делились на верблюдо- водов-а х а г г а р о в и козоводов-и м г а д о в (амгидов), из которых вторые снабжали первых скотом. Кузнецы- и ие г и д ы составляли особую касту и несли повинности в пользу номадов. Несомненно, перед нами разделение труда между земледельцами, козоводами и господствующей группой верблюдоводов в форме феодальной ренты ¹⁵.

¹⁵ Общественному строго туарегов посвящена обширная научная литература. Из работ на русском языке см. статью А. И. Пер-шида [200, стр. 320—335].

У сомалийцев разные территориально-племенные группы представляют различные ХКТ, основные из которых — кочевой скотоводческий, полукочевой скотоводческо-земледельческий и оседлый земледельческо-скотоводческий, с чертами интенсивности. Скотоводы Северного Сомали разводят больше верблюдов, а Южного — больше коров; мелкий рогатый скот распространен повсеместно. Разделение труда среди сомалийцев, в отличие от более развитых туарегов, внутри сферы скотоводства неизвестно, но оно кое-где существует между скотоводством и земледелием. Среди многих сомалийских племен земледелием занимались лишь общины крепостных и «клиентов», но не скотоводы-кочевники, взимавшие с земледельцев дань. И лишь у части племен, в частности группы саб¹⁶, смешанное земледельческо-скотоводческое производство охватывает основную массу населения¹⁷. Что касается разделения труда на основе товарообмена, то оно было развито в самой малой степени. Из Эфиопии сомалийцы получали мулов и кофе, платя взамен ароматическими смолами и специями, из арабских стран, Индии и Европы — немногочисленные в их быту промышленные изделия и пр.

В Замбии пастухи-тонга на время сухого сезона перегоняют свои стада в долину р. Кафуэ; они не берут из дома проса для приготовления каши, но выменивают его на молоко у местных земледельцев [214, стр. 87]. Следует учесть, что тонга не чисто скотоводческий народ, а представители ХКТ скотоводов-земледельцев. В Мали, в средней дельте и средней долине Нигера, где чересполосно обитают исконные земледельцы бамбара, марка, сонгаи, а также римайбе и скотоводы-фульбе, жители земледельческих деревень требуют у пастухов-фульбе, чтобы они останавливали свои стада на пустующих полях сорго и проса в течение нескольких дней. В качестве компенсации за эту услугу, в результате которой поля получают удобрение, земледельцы дают пастухам традиционную плату в виде орехов кола и одной вязанки проса за каждую голову крупного рогатого скота, остающуюся на поле в течение трех-четырех

¹³ Кроме племени гаоар-гудда, где земледелием занимаются крепостные (314, стр. 26 и сл.).

¹⁷ Кроме того, отдельную касту составляют кузнецы [361, стр. 76].

Дней [323, стр. 218—219]. Угоний на зимние пастбища коров земледельца, пастух-фульбе пользуется их молоком [323, стр. 111]. В то же время от одной четверти до половины удоя молока своих коров, пасущихся вблизи деревень, фульбе отдают земледельцам в обмен на зерно [323, стр. 121].

Иного типа отношения, связанные с отгонным скотоводством, существуют на северо-востоке Эфиопии. Скотоводы северной части Данакильской пустыни (сохо и данакиль) летом перегоняют скот на плоскогорье Тигре; в это время здесь идут обильные дожди и пастбища покрываются густой сочной травой. Этими горными пастбищами владеют эфиопские феодалы и крестьяне-пахари, которые за пользование ими требуют от скотоводов ответных услуг. Осенью, возвращаясь на равнины, где начинается влажный сезон, скотоводы берут на выпас часть скота пахарей, который возвращают им следующим летом, [348, стр. 327; 210, стр. 57—58]. Здесь налицо эксплуатация тиграйскими феодалами пастухов равнин; элемент разделения труда очень невелик, разве только в том, что пастухи во время четырехмесячного пребывания на плоскогорье пользовались водоемами, построенными местным населением, и в том, что скотоводы равнин делили с пахарями труд по выращиванию скота, принадлежащего последним.

Итак, различия в сфере и типе хозяйствования превращаются в разделение труда лишь тогда и постольку, когда они объединены обменом видами хозяйственной деятельности (непосредственным, через натуральный продукт, смешанным, даже по видимости односторонним и пр.). Следовательно, разделение труда в сферах производства продуктов питания (охота, собирательство, рыболовство, земледелие, скотоводство) становится действительностью лишь при общественной кооперации труда, т. е. как часть комбинирования труда. Отделение скотоводства от земледелия лишь одна из исторических предпосылок разделения труда.

В Межозерье разделение труда между земледельцами и скотоводами не является наиболее древним разделением труда между народами разных ХКТ. Намного древнее отношения между батутси и батва, полную аналогию которым мы находим в странах экваториального леса, лежащих на запад от Межозерья вплоть до бере-

gots Атлантики. Здесь принудительный обмен продуктов охоты пигмеев на продукты земледелия банту с незапамятной древности связывает эти народы. Подобный обмен более выгоден и необходим для земледельцев, обычная пища которых крайне бедна белками, чем для охотников и собирателей пигмеев. Зачатки подобных же отношений мы находим также в районе оз. Эяси (Танзания), где живут бушменоидные охотники тиндига (хадзапи) и вахи в окружении земледельческих и скотоводческих пародов.

Выше уже говорилось о развитии в Тропической Африке ремесел. Важно отметить, что отделение ремесла и интеллектуальной и управленческой деятельности от сельского хозяйства и охотничье-собирательского хозяйства — процесс чрезвычайно длительный и сложный. Зачатки его мы находим еще в первобытнообщинной формации. В общинах пигмеев и бушменов имеются специалисты по производству орудий («ремесленники») и обладатели магических, парапсихических, лечебных знаний («колдуны-знахари»). Как и все члены общества, они непосредственно участвуют в добычании пищи, но при этом являются намного лучшими специалистами в ручном ремесле и религиозно-окультурных и научных знаниях, чем большинство их соплеменников; здесь еще не может быть и речи об отделении занятия ремеслом или интеллектуальной деятельностью от занятия добычанием продуктов питания, однако уже начинает выделяться категория специалистов, вместе с которыми выделяется ремесленно-интеллектуальная сфера. Она слабо дифференцирована: кузнец у пигмеев, баниа, манна, ва- бони и очень многих более развитых народов Тропической Африки является в то же время колдуном. Нередко он выступает также как правитель общины.

Касты ремесленников

По мере развития мелкого натурального производства наступает подлинный расцвет ремесел и кустарной промышленности. С увеличением общего объема и разнообразия потребностей общества увеличивается выпуск ремесленной продукции, старые ремесла усложняются, возникают новые. Носители ремесел все более в них специализируются, занятие тем и иным ремеслом

требует все большей части рабочего времени, все более отрывает ремесленника от других занятий. Если у народов южной части Тропической Африки, в основном принадлежащих к ХКТ экстенсивных мотыжных земледельцев, занятие важнейшими ремеслами (особенно кузнечным ремеслом, резьбой по дереву, а также магией) составляет монополию знати, то в северной полосе саванн, речных долин и нагорий мы наблюдаем иную картину. Здесь занятие ремеслом оторвано от управления обществом, и положение ремесленников принижено. Во многих местах отдельные ремесла почти обособились от сельского хозяйства. В наиболее развитых обществах Эфиопии и Сомали, Центрального и Западного Судана ремесленники образуют замкнутые касты, к которым общество относится с презрением и боязнью.

В исламизированных странах Западного Судана, а также в Эфиопии, особенно Южной, и в Сомали имеются две главные презираемые касты: 1) кузнецы, жены которых занимаются гончарством; 2) дубильщики кож и изготовители различных изделий из них (сандалий, бичей, щитов и пр.), жены которых занимаются приготовлением красок. Первой из этих каст известны лекарственные растения, искусство гипноза и магии, второй — приготовление ядов. Кроме того, в обоих регионах, но особенно в Западном Судане, в презираемую касту выделялись барды (гриоты) и музыканты. На крайнем Западе, в Фута-Торо, кузнецы, ювелиры, шорники и ткачи составляли одну касту, а плотники — другую. В Мали, часто в пределах одного и того же района, имелось несколько каст кузнецов и каста ткачей, кроме того, касты охотников (гоу у сонгаев) и касты или особые этнокастовые группы рыболовов (сор- ко, бозо, сомоно). У диавара, в обществе которых касты образовались не позднее XIV в., кузнецы, кожевенники и гриоты составляли низшие касты. Более того, они делились на подкасты в зависимости от того, какую сословно-кастовую группу населения обслуживали. Так, гриоты правящего, царского, рода были выше по своему социальному статусу, чем гриоты «дворян» — ро, последние — выше, чем гриоты марабутов (мусульманских духовных лиц), и так далее. В самом низу общественной пирамиды находились гриоты, обслуживавшие куз

нецов и кожевников и, наконец, верхушку собственной касты — гриотов царского рода [163, стр. 75]. У хауса низшими социальными группами сословия тал а ка в а были кузнецы, охотники, домашние слуги, барды и музыканты и, наконец, мясники — самая низшая из них, презируемая даже предыдущими группами. В Южной Эфиопии и Сомали представители презируемых каст занимались также охотой и уборкой трупов, а в Южном Междуречье низшая этпокастовая группа ■—• охотники- батва — выполняли обязанности кузнецов, горшечниц, бардов и палачей¹⁸.

У большинства паранилотских народов также имеются низшие ремесленные касты. У бари Южного Судана к низшему сословию дупи принадлежали родовые общины охотников (одна община), рыболовов (две общины) и кузнецов (шесть общин). Кузнецы составляли фактически эндогамную касту, так же как и рыболовы и охотники. В прошлом дупи не имели права жениться на свободнорожденных, держать скот и иметь более одной жены. Когда свободнорожденные находили, что дупи стало слишком много, они убивали их, подобно тому, как спартиаты убивали илотов. У соседнего племени куку кузнецы также составляли низшую, презируемую касту. У каква и мондари они повысили свой социальный статус и могли жениться на свободнорожденных. У лотуко и педжулу кузнецы, считающие себя выходцами из страны бари, образуют особые «кланы» [351, стр. 29, 50, 53, 57, 66, 68, 70, 891. Поблизости от этих северных паранилотских племен и нузров живет изолированная эндогамная община кузнецов маршиа 1351, стр. 57]. У южных паранилотских народов также имеются низшие касты, в которых мужчины занимаются металлургией и кузнечным делом, а женщины — гончарством. У элгейо в прошлом кузнецам было запрещено держать крупный рогатый скот и жениться на свободнорожденных. У горных сук также кузнецы и горшечницы составляли презируемую касту (равнинные сук, будучи кочевниками, своих кузнецов и горшечниц не имели). Среди кипсигис кузнецы и горшечницы все принадлежали к роду Тоййои. У наиди кузнецы считали се

¹⁸ В Эфиопии также по традиции еще в XIX — начале XX в. обязанности палачей выполняли литаврщики и другие музыканты.

бя потомками племени вуашин кишу масай; они также составляли эндогамную и презираемую касту [350, стр. 37, 52, 73, 89]. У масаев каста кузнецов была особенно приниженой; они жили отдельно от скотоводов и не смели приближаться к их жилищам. Прежде чем взять что-нибудь у кузнеца, масай мыл руки растительным маслом. Ни о каких брачных связях кузнецов со свободнорожденными не могло быть и речи. За убийство кузнеца масай не платил даже минимальной компенсации. Если же кузнец убивал масая, то смерти предавались десять кузнецов [350, стр. 109, 123]. Имеется особая презираемая каста кузнецов и среди соседей масаев — банту ньятуру [349, стр. 30, прим. 10].

Но в южной части Западной и в Центральной Африке кузнечное и шорное дело, профессиональная музыка были, наоборот, привилегией правящей верхушки общества¹⁹. Откуда произошло такое различие?

Одна из попыток его объяснения принадлежит Д. А. Ольдерогге, который, в частности, отмечает множественность причин снижения социального статуса ремесленников и рыбаков в Западном Судане. Прежде всего, он справедливо указывает, что зона, где ремесленные касты являются по традиции приниженными, совпадает с границами феодальных империй Западного Судана. Далее, анализируя положение сервильных каст в империи Сонгай, Д. А. Ольдерогге пришел к выводу, что «так как каждая из этих групп обязана была выполнять определенные работы не только земледельческого характера и заниматься либо обработкой железа, выделывая оружие, либо рыболовством, либо заготовкой сена и т. п., то создавались касты специалистов-ремесленников, находящихся на положении париев» [192, стр. 57]. Можно согласиться с тем, что адаптация этносоциальных групп рыболовов, кузнецов и др. сонгайским обществом и иными обществами зоны западносуданских империй проходила через их насильственное поселение в определенных пунктах и закрепощение, что не могло не снизить социального статуса этих групп.

¹⁹ Кузнечное дело соединялось со знахарством и магией. То же самое мы наблюдаем в Северной Европе раннего средневековья, в тюркской Сибири (Алтай, якуты и др.), где кузнецы-шаманы составляли правящую элиту общества. О шорниках ср. [231, стр. 116, прим. 90].

Однако вряд ли это является единственной причиной презрительного отношения ко всем ремесленникам, в том числе гриотам. Поэтому Д. А. Ольдерогге предлагает еще одно объяснение этого явления: «Изменение отношения к кузнецу и превращение его из уважаемого лица в парию явилось результатом распространения ислама. Подобно тому, как в древней Руси скоморохи — представители идеологии язычества с появлением христианства превратились в гонимых и презираемых людей, против которых велась борьба, так и в Западном Судане кузнецы — представители идеологии старой языческой знати были устранены мусульманскими властями государств Судана. Властители Ганы, Мали, Сонгаи, принимая ислам, укрепляли свою власть, опираясь на поддержку мусульманского духовенства, и устраняли представителей прежней знати, стоявшей во главе отживающих порядков родового строя» [192, стр. 17—18, прим. 7].

В работе, опубликованной в 1969 г., Д. А. Ольдерогге развивает ту же мысль [193, стр. 182—183], ссылаясь на предания народов Западного Судана, в том числе знаменитое эпическое сказание о Сундьяте.

• Особый интерес представляет предположение Д. А. Ольдерогге о некогда высоком общественном положении кузнеца в странах Западного Судана, где в новое время носители этого ремесла составляли низшую касту. Остается, однако, непонятно, почему кузнецы, а также другие деревенские ремесленники выделялись в презираемые касты не только у мусульманских, но и у языческих народов Западной Африки (кузнецы, гончары и шорники у бамбара, кузнецы у моей и др.), у мусульманских и даже языческих народов Эфиопии, соседней части Судана, а также сомалийцев? М а р о - ка — барды у хауса, как мусульман, так и «язычников», принадлежали к одной из низших социальных групп, но считались «клиентами» крупных феодалов, в честь которых они сочиняли и исполняли хвалебные песни — кирири. При дворе эмиров такие барды, подобно шутам-буффонам средневековой Европы, могли добиться значительного влияния. Если богатый крестьянин или горожанин желал пригласить такого певца к себе на торжество, он обязан был щедро его вознаградить. Ма- рока презирали и в то же время боялись, ибо они со-

чинялй, как й грийоты й азмарй, сатиры на тех, ктд отказывался им щедро платить [222]. Барды султана Миджуртини на севере Сомали, принадлежавшие к касте йибир, были так же презираемы, как и остальные йибир — кузнецы и охотники. В Южном Межозерье бардами, шутами, танцорами и ремесленниками были презираемые батва — пигмеи по происхождению. Однако при дворах царей и вождей «скоморохи» и барды-батва получали некоторые привилегии [328, стр. 327—328; 371, стр. 10—11, 14, 67, 114, 135].

Можно найти и другие частичные объяснения. Например, шатта (барды) в Каффе на юго-западе Эфиопии проникли сюда с севера, через провинцию Эннарья, из христианской Эфиопии, где положение их было приниженным. Первоначально, в средние века, они лишь приглашались время от времени ко двору каффского царя, затем осели здесь на постоянное жительство и превратились в привилегированную (благодаря близости к царю) касту, глава которой назывался шатта-ра-шо — князем шатта [388, стр. 60]. В то же время распространенная в Каффе и во всех других областях Южной Эфиопии и южной части Сомали каста майна (манна, банна, вабони, вату и др.), к которой принадлежат ремесленники (кузнецы, кожевники, горшечницы) и охотники, явио чужеземного и иеземледельческого происхождения [ср. 333]. В северной части Сомали члены каст мидгаи, йибир и др. занимаются охотой и собирательством, а также ремеслами: плетением циновок и корзин, изготовлением амулетов, кузнечным делом, гончарством, ритуальной хирургией и ремеслом певцов-сказителей [361, стр. 21, 36, 42, 45, 51—55, 75—76]. У мекан (на крайнем юго-западе Эфиопии) и мао (к северо-западу от мекан) кузнецы, составляющие низшую касту, связываются по происхождению с бродячими охотниками йиди (ветвь иденич) ([301, стр. 409; 326, стр. 201], тогда как у живущего по соседству с мао земледельческого народа ингассана (Судан) занятие кузнечным ремеслом было почетным, но общедоступным и кузнецы не составляли замкнутой касты [312, стр. 76]. У лулуба Южного Судана кузнецы занимались также охотой на павианов и других животных, считавшихся «нечистыми», чего никогда не делали лулуба-ско-товоды [349, стр. 74]. Возможно, предки этих кузнецов-

охотников были бродячими охотниками-собираателями, родственными иденич.

На северо-западе Эфиопии в своеобразные касты фактически выделились войто — охотники на гиппопотамов и шорники, мусульмане по религии, и фалаша, ремесленники, исповедующие иудаизм; те и другие составляют этнические и религиозные меньшинства, причем фалаша все больше отходят от занятия сельским хозяйством, а войто, вероятно, лишь сравнительно недавно перешли к нему как к дополнительному средству существования. В Межозерье в сходном положении оказались пигмеи-батва — охотники и ремесленники. Надо думать, что во многих случаях касты ремесленников происходят от родо-племенных групп, которые перешли к ремеслу от присваивающих форм хозяйства. В других случаях это могли быть пришельцы или обедневшие местные роды (патронимические группы, кланы и т. д.). Понятно, что их чужеродность, бедность и низкая культура вызывали презрение земледельцев и скотоводов.

В сравнительно недавней истории Африки, в XIX в., известны случаи расселения целых общин металлургов среди земледельческого или скотоводческого населения в результате потери ими прежней родины. Так, в начале XIX в. сеbei, говорящие на диалекте квоп-масаи и славящиеся как искусные кузнецы, жили на восток от горы Эльгон (в Кении). В результате набегов масаев сеbei рассеялись на север, юг и запад от своей прежней родины, образовав общины кузнецов среди племен группы календжин [293, стр. 139]. Выше уже говорилось об иноземном происхождении кузнецов у лотуко, пёд-жулу и нанди. Число примеров можно умножить.

Среди алуров в северо-восточной части Конго в XIX в. широко расселились кузнецы и металлурги народа окебо. Они платили дань алурским вождям железными изделиями, в частности мотыгами. Родственное окебо племя ленду славится ремеслом плетельщиков; поселившиеся среди части алуров ленду платили их вождям дань корзинами [419, стр. 12, 80—81, 198, 199, 223, 364]. Может быть, сходным путем расселялись общины ремесленников в южных «империях» банту — «империи» Мономотапа и «империи» Розви. По предположению Н. А. Ксеиофоновой, каста ремесленников в Родезии и Трансваале появилась еще во времена Моно-

мотапы. Среди машоиа, бавеида, баиеди и других народов, входивших в состав этой империи, до сих пор живут эндогамные общины «племени лембо», члены которых занимаются изготовлением металлических и керамических изделий для соседних земледельческо-скотоводческих общин [162]. По преданию машоиа района Кхами, во времена «империи» Розви здесь существовали «племена» хумба и лилима, делавшие керамику для жителей «акрополя» Кхами, не занимавшихся гончарным ремеслом [[162].

Очевидно, в основе явления лежит прежде всего экономическая причина — постепенный прогресс в общественном разделении труда. Эта точка зрения не нова: ее придерживались многие африканские (Шейх Анта Диоп, Маджмут Диоп и др.), советские (А. Б. Летнев) и западные авторы [171, стр. 60]. Нам остается лишь уточнить это мнение, подчеркнув, что речь идет об общественном разделении труда, принимавшем рентную форму с преобладанием личностных отношений и наследственной формы общественного статуса. На ранних его этапах полезные знания сосредоточивались в сравнительно узком кругу лиц, которые являлись жрецами, знахарями и ремесленниками; вместе со всей общиной эти люди переходили к занятию земледелием и скотоводством, участвовали в военных действиях и охоте. В малолюдных общинах именно из них избирались вожди — руководители производства и регуляторы общественной жизни. На позднем этапе первобытнообщинного строя, уже феодализирующегося, дополнительные к земледелию и скотоводству профессии монополизировались в наиболее богатых семьях, живших натуральным в основном хозяйством, и передавались по наследству вместе с титулами вождей и жрецов. В этом, между прочим, выражалось экономическое и имущественное неравенство между отдельными ячейками производства.

Дальнейшее разделение труда, сопровождавшееся ростом населения и объема полезных знаний, привело к постепенной специализации по профессиям. Элита держалась за те из них, которые обеспечивали наибольшую экономическую и политическую власть, прежде всего за функции управления обществом, постепенно отказываясь от менее ценных в этом отношении занятий. Последние оставались на долю младших ветвей

патронимических общин, отпочковывавшихся от тех, в которых они прежде практиковались, а также на долю неполноправного населения, часто чужеродного по происхождению (ремесленники из пленных и припущенников). Раньше всего элита отказалась от таких специальных профессий, как знахарство, металлургия (с горным делом и кузнечным ремеслом), кожевенное дело, плотничество и другие ремесла, позднее всего — от торговли и жреческих функций. Последний процесс завершился лишь в некоторых высокоразвитых феодальных обществах (Европа, Япония, Индия и др.), да и то не полностью. Влияние надстройки, особенно религии, тормозило отделение управления обществом от других занятий, в частности, от кузнечного ремесла. Например, у скандинавов и англосаксов раннего средневековья, как и в южной половине Африки, короли занимались кузнечным ремеслом. Норвежские конунги (короли) должны были в совершенстве владеть «двенадцатью искусствами», в том числе кузнечным [108, стр. 88—91]. В Исландии таким разносторонним «искусником» был знаменитый Снорри Стурлуссон, автор «Младшей Эдды» и «Хеймскринглы», трижды избиравшийся на самый высокий пост в стране, будучи в то же время самым богатым человеком в Исландии [182, стр. 199]. Весьма характерно, что на этом этапе англосаксонские короли уже тяготились ремеслом и подданные требовали от них знания кузнечного искусства²⁰.

Тропическая Африка остановилась на сравнительно ранних ступенях описанного выше процесса, который зашел наиболее далеко в Нубии, Эфиопии, Центральном и Западном Судане и в значительно меньшей степени — в более южных странах.

В различных обществах мы можем наблюдать разные формы и ступени процесса выделения ремесленных групп.

Исторически самой ранней из них нам представляется специализация беднейшей части населения на занятиях обычными, повсеместно распространенными деревенскими ремеслами. Характерные примеры можно наблюдать у нилотских и паранилотских народов. Так, у

²⁰ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить А. А. Сванидзе за эти сведения, любезно мне сообщенные.

нуэров, которые знали только холодную ковку железа, отдельные семьи занимались изготовлением железных мотыг, браслетов, колец и колокольчиков для скота. Эти предметы весьма высоко ценились, и в общем положение кузнецов не было принижено. У динка, у которых были собственные рудокопы-металлурги, выделились отдельные патронимические группы кузнецов, например кланы Ньокер и Гумбель у кик-динка. Эти кузнецы — аджонг — не имеют ни крупного, ни мелкого рогатого скота, не занимаются также гончарным ремеслом, но получают необходимые им посуду, шкуры, овец и мясо гиппопотам (коров динка почти никогда не продают) в обмен на свои изделия. 'Выкуп за невесту они платят кусками железа, а не коровами, как большинство их соплеменников, поэтому им трудно найти невест где-либо за пределами «кузнечного» клана. Таким образом, кланы Ньокер и Гумбель связаны многочисленными брачными узами. Другие динка презирают их как бедняков, не владеющих коровами [411, стр. 179]. Очевидно, перед нами начальный процесс образования касты ремесленников.

В Центральном Камеруне металлурги рода Нибойа, племени элинг (народность банен) выплавляли из руды железо, которое затем продавали кузнецам других племен [380, стр. 141].

У луо племени теми (в Кении) имеются кузнецы- колдуны й о с е с с, или д ж а м к и н д о, передающие свои знания по наследству внутри рода. Сырое железо они получали от соседних банту Кавирондо (народ ба- лухья). У некоторых племен луо кузнецы почти выделились в особую касту, называемую у в и н о; против кузнецов у земледельческого населения существует некоторое предубеждение, но это далеко еще не презираемая каста [287, стр. 40].

У нилотов ланго (к северу от оз. Кьога в Уганде) кузнецы образуют две касты; одна изготавливает лишь а р и к о — передники из железных цепочек, носимые девушками из зажиточных семей, а другая — все остальные железные изделия: копы, ножи, мотыги и пр. [287, стр. 40].

У джолуо Южного Судана, область которых изобилует богатыми железными рудами, добыча руд доступна любой крестьянской семье (джолуо занимаются экстен-

сплывным мотыжным земледелием и скотоводством). Однако плавка руды была монополией специалистов-кузнецов, искусство которых «славилось далеко за пределами области. Семья (большесемейная община) джолу, желая получить железо, добывала руду и затем приглашала металлургов, которые в две плавки получали куски сырого металла, которые затем делили пополам с владельцами руды. После этого железо попадало в руки кузнецов, часто за пределы области джолу [287, стр. 40]. Те же самые явления наблюдались в стране занде, исключительно богатой железными рудами (в районе водораздельных гор на границе Южного Судана с ЦАР и Заиром). Здесь находился важнейший центр черной металлургии западнее нилотских земель. Таким образом, добыча руды отделялась от металлургии, а металлургия — отковки металла в изделия. У скотоводческо-земледельческих народов Северо-Восточной Африки, значительно отстававших в своем развитии от ближних и дальних соседей, занятие ремеслом и магией не стало привилегией знати, а на сравнительно ранней стадии начало превращаться в основное занятие формирующихся низших каст.

У народов южной части Тропической Африки также существовали организации ремесленников общинно-кастового типа. Как указывалось выше, положение их было весьма почетным. Одну из ранних ступеней выделения ремесленных каст мы находим у балуба Катанги. Здесь общинно-племенная группа (б в а и г а, состоящая из деревенских общин, родственных между собой и объединенных культом общих предков, основное население которых составляют матр-илинейные сородичи) образует «народ рудокопов» [335, стр. 370—400; 173, стр. 158]. В период земледельческих работ общинники обрабатывали свои поля; в определенное время они также охотились и ловили рыбу. Однако в сухой сезон, по окончании полевых работ, наследственный деревенский вождь, «хозяин земли», собирал своих сородичей и объявлял им: «Идем есть медь!» Вслед за тем общины почти в полном составе отправлялись на добычу медной руды, которую те же общинники затем плавил и подвергали первоначальной обработке. Ренту феодальным правителям эти «пожиратели меди» платили медной рудой — по одной-две корзины каждая семья [335,

стр. 370; 173, стр. 157J. Имеете с тем Члены бванга участвовали во всех остальных трудовых и натуральных повинностях в пользу своих старейшин и вождей более высокого ранга. Сходные порядки существовали у бемба и у золотоискателей машона периода «империи» Мо- номотапа (сообщение Мануэла Баррету {427, стр. 490}) и других банту области южных саваин.

Лишь у бакуба, части баконго и некоторых других юго-западных банту занятие наиболее почетными ремеслами отделилось от земледелия. В Мушенге, столице Бушонго, существовало 17 корпораций ремесленников (кузнецов, резчиков по дереву, ткачей, музыкантов и пр.), объединявших сотни мастеров. Они совершенно не занимались сельским хозяйством. Профессии передавались по наследству внутри поздних матрилинейных общин, которые отличались от европейских цехов своей общинно-родовой основой, а от индийских и других каст — свободным разрешением браков с членами других общин. Все эти корпорации-общины в целом входили в состав привилегированной и знатной по происхождению столичной общины Бушонго, обслуживали царский двор и столичную знать и находились под особым покровительством государства. Лично-зависимых нгете считали недостойным заниматься каким-либо ремеслом, кузнечное же дело было привилегией знатных родов [173, стр. 159—160].

По-видимому, в средневековом Конго существовали аналогичные порядки. Некоторые ремесла, как, например, кузнечное дело или изготовление тканей импульча, были привилегией знатных родов [194, стр. 228], рядовые члены которых, не получившие феодальных титулов и «кормлений», жили главным образом этими ремеслами. Вероятно, на это следует делать поправку, читая сообщение Джанантонио Каваци да Монтекукколо, итальянского миссионера XVII в., о паразитизме жителей Сан-Сальвадора, столицы королевства Р94, стр. 276]. Очевидно, привилегированная городская община Сан- Сальвадора, тесно связанная с царским двором, имела преимущественно аристократический и торгово-ремесленный характер, причем правовое положение ремесленников ряда профессий было особенно привилегированным (иногда они использовали труд рабов) [194, стр. 275].

У балуба лишь кузнечное ремесло было привилегией

знатных родов; другими ремеслами (ткачеством, плетением циновок, резьбой по дереву и др.) могли заниматься как свободные простолюдины, так и невольники-б а- пика и «клиенты»-б а б а н з и [173, стр. 158 и сл.].

В королевстве Баротсе столица страны, г. Мунгу, не сливалась с царской резиденцией, находившейся недалеко от нее. Вместе с тем привилегированное племя лозн не занималось высокоразвитыми «придворными» ремеслами, в отличие от домашних ремесел; ремесленников (в том числе лекарей и музыкантов) ко дворам короля, его матери и высших сановников обязаны были присылать покоренные лозн непривилегированные общины [327, стр. 74—76; 173, стр. 68—71].

В Западной Африке этот процесс зашел намного дальше, чем в наиболее развитых обществах банту, таких, как средневековые баконго, бакуба и баротсе XIX в. и др.

В Бенине столица страны представляла собой привилегированную общину, состоявшую из 40 профессиональных и в то же время кровнородственных объединений («гильдий»): кузнецов, бронзолитейщиков, резчиков по дереву и слоновой кости, изготовителей барабанов, металлических украшений, плотников, кожевников, ткачей, прядильщиков и др., а также царских лекарей, музыкантов, охотников, скотников, сказителей, жрецов, дворцовых служащих, фискальных чиновников, евнухов, служителей религиозных культов и пр. В особых деревнях жили царские охотники на слонов, ловчие, приручавшие леопардов, орлов и других диких животных» царские рыбаки, снабжавшие двор рыбой, и др. [283, стр. 23—26; 214, стр. 106, 108, 110]. Все это весьма напоминает порядки храмовых и энциальных хозяйств Шумера и других древневосточных государств. Некоторые из перечисленных выше ассоциаций, например евнухи царского гарема, были формально или фактически открыты для любого полноправного 'бини, другие же носили строго наследственный характер.

В городах-государствах йоруба мы видим ту же структуру с неизбежными вариациями [317, стр. 16; 364, стр. 31 и сл.; 157, стр. 88 и сл., 93—95].

Интересно отметить, что такие сложные, высокохудожественные ремесла, как ювелирное, бронзовое литье и резьба по дереву, были монополизированы в особых

кровнородственных объединениях — и д и л е, причем некоторые из них специализировались на изготовлении изделий для правителей городов-государств. В ряде мест разработкой железных руд занимались одни идиле, а плавкой руды — другие [157, стр. 77—87]. При этом ковкой железных изделий из сырого металла могли заниматься и третьи идиле. Н. Б. Кочакова специально отмечает, что ремесленное сословие у йоруба «только начало складываться», в отличие от мандинго и других народов Западного Судана [157, стр. 95, ср. стр. 94].

Конечно, в южной части Тропической Африки ремесленные касты еще не сформировались; однако такая тенденция четко прослеживается здесь в наиболее развитых обществах (за исключением суахили): определенные ремесленные профессии были, во-первых, связаны с общинно-родовой структурой и, во-вторых, являлись привилегией определенных категорий населения. Несомненно, перед нами процесс выделения каст, правда не зашедший так далеко, как в Западной и Северо-Восточной Африке и при этом сохраняющий почетное положение ремесленников (как это было в Европе).

Враждебные отношения между племенами препятствовали миграции ремесленников, допуская в основном лишь обмен ремесленных изделий на скот или другие товары. Так, джолую продавали динка куски сырого железа, железные наконечники для копий и мотыг. Однако в условиях широких межплеменных объединений, на территориях союзов племен и государств, становятся возможными миграции ремесленников. В некоторых случаях правители африканских государств приглашали или просили других царей прислать им искусных мастеров для насаждения в своих владениях отсутствующих здесь ремесел (или отдельных технических приемов). Возможно, подобные случаи были весьма обычны в истории древнего Куша. По-видимому, Тахарка, желая сравняться в вооружении со своими врагами-ассирийцами, организовал разработку железных руд в районе Мероэ и изготовление железного оружия. С этого времени (VII в. до н. э.) в погребениях Мероэ встречаются отдельные железные изделия, с VI же века до н. э. они становятся здесь обычными [270, стр. 130]. В конце III в. до н. э. царь Аркамон (Эргамен у греческих авторов), современник Птолемея II (285—246 гг. до н. э.) и Пто

лемея IV (221—205 гг. до н. э.), очевидно, пригласил для работы в Мероэ скульптора из Египта [307; 132, стр. 207]. Позднее так же поступил мероитский царь На-такамани. Возможно, одному из приглашенных им мастеров принадлежит греческая надпись в Мусавварат-эс-Суфра [342, стр. 374].

Наиболее известные случаи, донесенные до нас полуполюгендарной традицией,—это прибытие в Бенин йорубского мастера бронзового литья Игуа-Игхе, основавшего цех царских литейщиков в царствование бенинского обо Огуола (около XIV в.), приезд в Мали арабского архитектора ас-Сахили (1325 г.), а также засвидетельствованные письменными источниками поселения в Эфиопия различных мастеров из Европы, Закавказья и арабских стран в XV—XVII вв. В царствование эфиопского императора Иясу II (1730—1755) для строительства нового царского дворца в Гондаре были приглашены мастера-греки [286, стр. 589]. Имели место и насильственные переселения ремесленников, как, например, в империи Сонгай XV—XVI вв. [165; 192]. В этом находила свое выражение забота феодального государства о росте производительных сил на его территории (ср. отмеченные выше мероприятия африканских царей по развитию земледелия и увеличению плотности сельского населения).

Функции руководства

Качественной ступенью развития разделения труда в первобытном обществе многие авторы (например, Н. И. Зибер [119, стр. 379], М. М. Ковалевский [145, стр. 207, 214—215] и др.) справедливо считают выделение функций управления общественным хозяйством и обществом в целом.

Функции руководства производством и ответственности за контроль над сохранением природной среды выделяются уже на ранних ступенях общественного развития. У пигмеев имеются руководители облавных охот, и этот пост сохраняется у всех земледельческих и земледельческо-скотоводческих народов, в хозяйстве которых охота играет значительную роль (см. выше). Уже у пигмеев, бушменов, тиндига, а также аборигенов Австралии появляется специальное лицо, занятое магическим

«■вызыванием дождя» (так называемый делатель дождя). Этот персонаж, функции которого переплетаются с функциями общественного руководства, сохраняется и в эпоху мелкого натурального производства. У народов ХКТ экстенсивных мотыжных земледельцев, как у лаи-го, охрана охотничьих ресурсов от уничтожения составляет обязанность «хозяина леса» (см. выше); у большинства африканских народов того же ХКТ распределением земли, чередованием на ней посевов, пастбы и пара ведаёт «хозяин земли», у некоторых народов есть даже («хозяин вод» и т. п.

Мелкое натуральное производство для своего существования в тех природных и политических условиях, которые имелись в доколониальной Африке, нуждается в постоянной защите от: 1) внешних врагов: иноплеменных грабителей, охотников на рабов; 2) антиобщественных элементов — преступников и туенядцев; 3) диких зверей, особенно многочисленных и разнообразных в Африке. К этому донаучное сознание африканцев прибавляло различные мистические силы, которые в действительности являются силами природы, и пр. Вожди, а затем цари в обществе выделялись для того, чтобы организовать защиту ячеек мелкого производства от всех этих сил, руководя кооперацией мелких производителей на войне, па облавных охотах, в отправлении правосудия, в исполнении магических обрядов и молитв.

В традиционных африканских обществах вожди разных рангов являются одновременно военачальниками и судьями, хотя в некоторых обществах функции священного царя-жреца и главнокомандующего разделены между двумя разными лицами. В большинстве случаев цари и вожди сохраняют многие функции организации производства или контроля над ним частью в реальной, частью в мистической форме. Почти повсеместно в Тропической Африке должность и особа царя (или вождя) связываются с контролем над природой. Широко распространено представление, что от состояния здоровья священной особы царя зависит размножение людей, животных и растений в его царстве. Царь совершает магические обряды, которые должны обеспечить контроль над природой. Он устанавливает сроки сева, жатвы, потребления первых плодов, охоты и пр. И конечно же, царь (или вождь) распределяет между своими вас-

садами землю, подобно тому, как старейшина распределяет земельные наделы между своими младшими сородичами, чадами и домочадцами. Обеспечивая мелких производителей средствами производства, царь или вождь организуют расширение производства.

С развитием производства и общества функции управления ими усложняются. Общей тенденцией становится расчленение организаторских функций между рядом лиц. Так, у народа ингасеана в Южной Гезире (Судан) в каждом племени (или «колоне») еще недавно имелось несколько вождей со строго разграниченными функциями: аур — политический и религиозный глава племени; с е я - и - к у и г — военачальник, предводитель ополчения племени на войне; с е н - и - л о к — «начальник скота», распределявший пастбища; с е н - и - с е р м — «начальник рога», предводительствовавший на облавных охотах и следивший за соблюдением сроков и правил охоты; кай — вождь-знахарь, «человек тропы» — знаток церемоний, связанных с прекращением войн, приемом иноземных послов и купцов [311, стр. 72—75].

По мере развития государство берет в свои руки одну за другой все функции управления производством и обществом, дополняющиеся теперь специальными функциями управления самой государственной машиной через систему вассалитета или чиновничества. Ведущей стороной в этом сложном процессе является момент умножения, усложнения и расчленения функций управления. Соответственно этому растет число руководителей производства, общества и государства, которые отрываются от непосредственного участия в производстве.

Это заметно, в частности, при сравнении государств Северной Эфиопии: Аксумского царства в III—VII вв. и Эфиопской империи (XVII—начало XX в.). Такое сравнение удобно по следующим причинам: 1) оба государства существовали на одной и той же территории (хотя в конце XIX в. Эфиопская империя подчинила и целый ряд новых земель на юге и востоке); 2) в указанный промежуток времени в Северной Эфиопии не произошло коренной смены населения; 3) не произошло здесь и смены общественно-исторической формации; 4) это один из немногих для Тропической Африки случаев, когда мы располагаем достаточным количеством исторических источников.

Преемственность государственной власти на данной территории с аксумского времени и до наших дней подчеркивается сохранением титула верховного правителя— негусе-не гее т, или «царь царей». Неизменными остались следующие функции «царя царей»:

- 1) глава государства;
- 2) верховный правитель государства (при помощи совета вельмож и через посредство своих вассалов на местах);
- 3) верховный законодатель;
- 4) руководитель некоторых строительных работ (см. ниже);
- 5) организатор новых отраслей экономики и новых ячеек и систем производства (например, путем переселения крестьян целыми общинами и племенами).

Ряд функций «царя царей» изменился:

- 1) он перестал быть сборщиком ренты методом «полюдьа»; появились специальные сборщики налогов;
- 2) он, особенно к концу нового времени, перестал быть организатором торговли, верховный контроль над которой осуществлял теперь специальный чиновник — и а гад р а с , а операции производили частные лица.

Некоторые древние функции «царя царей» сохранились к XVII—XIX вв. лишь частично, причем изменения начались еще в аксумский период.

После принятия эфиопами христианства в IV—

VI вв. «царь царей» перестал быть верховным жрецом страны (появилась церковь). Однако царская власть и персона царя по-прежнему были окружены сакральным ореолом, император время от времени вмешивался в управление церковью и претендовал на роль высшего авторитета в богословских вопросах. Молитве царя придавалась особая магическая сила. В «языческих» государствах Южной Эфиопии, как и в языческом Аксуме до его христианизации, царь оставался верховным жрецом и живым богом страны, ее защитником от мистических сил.

Верховная судебная власть императора сохранялась, но обычно судопроизводство отправлял специальный чиновник — а ф а - не г у с . Судебную власть имели верховный суд совета вельмож, высшие духовные лица, высшие военачальники, а также выборные, даже случайные третейские судьи. Принципиально положение

вряд ли изменилось по сравнению с аксумским периодом.

«Царь царей» считался верховным военачальником, но как в аксумский период, так и в новое время (и в средние века) далеко не всегда непосредственно руководил походами своих войск, назначая вместо себя командующими своих родственников или вассалов.

От случая к случаю «царь царей» выполнял функции, которые уже давно были в основном передоверены другим лицам. Путешествуя по стране, он брал некоторую часть ренты, судил преступников и спорящих и даже организовывал защиту производства от диких зверей. Так, по сообщению эфиопской хроники, около 1691 г. жители общины Адди-Дегана в области Шире покинули ее из-за множества диких зверей. Когда император Иясу I в 1691 г. проезжал здесь, его свита также пострадала от нападений хищников, поэтому император устроил охоту и убил множество слонов, львов и диких буйволов [286, стр. 630].

Выделение функций вооруженной защиты производства и общества.

Образование военных каст

В истории рентного разделения труда и создания класса феодалов важное место занимает выделение профессионального воинства, военных каст и сословий. Здесь мы не можем рассмотреть все стороны этого сложного исторического явления и ограничимся лишь кратким описанием его эволюции, приводя конкретные примеры преимущественно из истории обществ Северо- Восточной Африки.

У народов, не создавших даже в зародышевой форме классовое общество и государство (у нуэров, динка, бейров и др.), военная функция распределена более или менее равномерно между всеми взрослыми мужчинами, т. е. разделение труда осуществляется в естественной форме. Этот принцип находит свое дальнейшее развитие в обществах, стоящих на пороге образования государств, где ядро войска составляет организация неженатых мужчин в той или иной ее форме (у ануа- ков, консо, бурджей, гардула, галла Южной Эфиопии).

и Кении, а также средневековых галла и др.), причею в период иноземного вторжения к этому ядру присоединяется ополчение всего боеспособного мужского населения. Организация неженатых мужчин (л у а к у ануа- ков, х а р р и й у консо, своеобразная система гада, именно на стадии луба у галла и пр.) осуществляет в обществах данного типа полицейские функции.

С дальнейшим развитием общества отряды неженатой молодежи (мужчин; на западе региона также и женщин), организованные в дружины, становились зачатками профессиональных армий и одновременно отрядов внутренней стражи. Этот процесс прослеживается у ануаков конца XIX — 30-х годов XX в. [287, стр. 74—75] и у некоторых территориальных групп галла XVI— XIX вв., а также у ряда других народов мира в хронологически разные эпохи.

Другим резервом для формирования царских дружин в раннефеодальных государствах Африки были домашние рабы. Воины-невольники составляли значительную, нередко — главную часть царской гвардии²¹. Так, в государстве Дарфур (в Судане) в XVIII — начале XIX в., население которого превышало 1 млн. человек, ядром войска являлся полк воинов-неволягаков султана численностью 2 тыс. человек; кроме того, отряды вооруженных невольников сопровождали всех военачальников и вождей [224, стр. 24]. «Рабская гвардия» имелаь и у султана соседнего с Дарфуром, но более развитого Сеннара, а также у царей государств Западного Судана и у правителей государств банту, находившихся на сравнительно более низких ступенях политической и. социальной организации (см. ниже).

Хотя во время войны эта царская гвардия участвовала в сражениях, в основном она выполняла в обществе полицейские функции, защищая, производство и

²¹ Невольничья гвардия имелаь и в развитых феодальных государствах арабской Северной Африки, начиная с появления первых славянских и негритянских солдат-невольников в Магрибе раннего средневековья и в ихшидидском Египте и кончая черной гвардией марокканских султанов, в нового времени и мамлюками Египта XVIII— начала XIX в. Однако социальный облик этих «рабов» настолько же отличался от социального облика вооруженных слуг в раннефеодальных государствах Тропической Африки, насколько эти последние отличались от высокоразвитых феодальных обществ арабской Северной Африки.

государство от преступников и мятежников и помогая правителям собирать дань.

Основную массу войска в раннефеодальных государствах Африки составляло, как и при первобытнообщинной формации, народное ополчение мелких производителей. Однако на стадии перехода к развитому феодализму структура ополчения усложняется. Выделяются общины, на которые преимущественно ложится военная повинность. В средневековой Эфиопии это были военные колонии (или «полки» воинов-пахарей, называемых сева, или чава), расселенные в основном вдоль границ. В Эфиопии XVI—XVII вв. и нового времени произошла дальнейшая дифференциация военных поселенцев по родам войск и вооружению. Военные поселенцы (гашения), сами обрабатывавшие свои наделы, составляли до последней четверти XIX в. большую часть войска и сохранялись в отдельных областях страны, например в Годжаме, вплоть до 1936 г. [391, стр. 46 и ел.]. Наряду с ними имелись и группы воинов иного социального положения (см. ниже).

В Сеннаре середины XVII — начала XIX в. также существовали поселения воинов-земледельцев. Появление их традиция связывает с походом в Южный Кордофан сеннарского султана Бади II Абу-Дикна (1645—1680). Хроника сообщает: «Затем он вернулся в Сеннар с пленниками, захваченными в Нуба и Тегали, и по прибытии построил для каждой группы пленных, принадлежавшей к тому или иному народу, деревню, и деревни эти, подобно стене, окружали Сеннар, и жители их действовали как полки, помогая защищать государство» [55, стр. 361—362]. Эти военные поселения, отстоявшие одно от другого на 6—8 км, подробно описали в конце XVIII в. и начале XIX в. путешественники Дж. Брюс и Ф. Кайо [289, стр. 291]. Подобного рода поселения воинов-невольников, личным трудом обрабатывавших свои наделы, имелись и в Западной Африке. Их можно охарактеризовать как мелких производителей, платящих «налог кровью» и организованных по территориальному признаку в единицы, являющиеся на войне полками, а в мирное время — общинами. Эти общины-полки имели тенденцию превращаться в касты²².

²² Эфиопская «Краткая хроника» сообщает, что в 1605 г. император За-Денгель издал указ: «Люди да будут воинами и податны»

Сходная ситуация возникала в случаях, когда разделение труда в рентной форме между общинами разных ХКТ распространялось и на функции защиты производства, например когда общины (племена) скотоводов покоряли общины земледельцев либо давали им «гарантии покровительства». Скотоводы, оставаясь мелкими производителями, превращались в военную касту, господствующую над земледельцами. Так было в Южном Сомали, Северной Эритрее, у туарегов Сахары, в государствах Межозерья и др. По мере развития раннефеодальных государств специальные военные функции возлагались на общины бродячих охотников-собирателей, как, например, манджо в Каффе, которые были обязаны защищать укрепленные «-ворота страны» на главных путях в Каффу.

Дальнейшее разделение труда в военной сфере и связанная с ним социальная дифференциация были основаны на развитии военной техники и военного искусства.

Развитие военной техники удорожало экипировку воинов. Уже в древности появились боевые колесницы, позднее (в конце I тысячелетия до н. э.) — боевые слоны (в Египте, Карфагене, Мероэ и Аксуме), легкая, а затем панцирная конница, а с конца XVI в. (в Эфиопии, Восточном Судане, Конго, позднее и в других африканских странах) — ружейные стрелки. Дороговизна новых видов вооружения препятствовала их распространению среди народа, делая их привилегией верхушки общества. Такое дальнейшее «разделение труда» в военном деле вызвало необходимость выделения дополнительного количества средств производства тем хозяйствам, которые могли выставить для боя лошадей, колесницы, панцири и пр., а также централизованного снабжения войска оружием за счет государства. В ранних государствах Малой Азии и микенской Греции колесничие получали от царя или «от народа» более крупный надел, чем пешие воины. Подобным же образом существовало у древних ливийцев и гарамантов Сахары. Конница также, как известно, во многих государствах древ

ми крестьянами одновременно», что привело к восстанию полков- «Мизан» («Весы») и «Курбан» («Причастие») и убийству императора [40, стр. 41, 46]. Несомненно, речь шла прежде всего о ликвидации налоговых привилегий воинов-земледельцев.

него и средневекового мира составляла особое сословие всадников, или рыцарей. Нечто подобное мы находим и у народов доколониальной Тропической Африки: тиграй, амхара и гураге Эфиопии, фунгов Сеннара, йоруба и фульбе Нигерии и др., где конница занимала привилегированное положение в войне и в обществе. В привилегированном положении находились также ветераны (у нгуни, эфиопов и др.), наиболее полно овладевшие военным искусством.

Развитие военного искусства требовало специализации, отделения профессии война от занятия сельским хозяйством. В условиях господства мелкого натурального производства и развития рентных отношений содержание и подготовка таких профессиональных воинов были возможны только за счет ренты, взимаемой с мелких производителей либо через посредство государства, либо самими воинами. Это вело к разделению труда в рентной форме и установлению феодальных отношений.

Одной из форм установления этих связей было распределение отдельных ЯМНП (крестьянских домохозяйств) или ЯУКП (деревенских общин) среди воинов или военных отрядов, как это практиковалось в новое время в Эфиопии и Западном Судане.

Товарная форма разделения труда

Исторически более перспективной, чем рентная, хотя и столь же древней, является товарная форма разделения труда, когда комбинирование (разделение и кооперация) труда осуществляется при помощи товарно-денежных отношений и торговой деятельности, а обмен деятельностью превращается в товарообмен. Эта форма разделения труда, преимущественно на ее высшей стадии, исследована в трудах классиков марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс подчеркнул ее историческую важность в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», назвав третьим великим разделением труда [12, стр. 165—167]. К. Маркс в «Капитале» раскрыл все значение товарно-денежных отношений при капитализме и — в связи с этим — при иных способах производства, в иные исторические эпохи. Он указал,

что «раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся; товарами и внутри общины» [2, стр. 97], неоднократно подчеркивая, что товарно-денежные отношения, распространяясь внутри общественного производства, разрушают все иные связи, ставя на их место одну, товарную,, связь, буржуазный «чистоган».

В традиционных африканских обществах товарная форма разделения труда была настолько малоразвита, что лишь в немногих случаях -вела к разрушению родовых, феодальных или рабовладельческих отношений.. Она не могла здесь сколько-нибудь заметно вытеснить другие, более примитивные формы разделения труда.. Наоборот, она сама подчинялась рентной форме разделения труда, которая в эпоху господства мелкого натурального производства являлась исторически ведущей, и господствовавшим в доколониальной Африке первобытнообщинным и феодальным производственным. отношениям. В результате возникали смешанные рентнотоварные формы разделения и кооперации труда, ограниченного товарообмена и пр.

Элементы товарного производства в доколониальной: Тропической Африке едва пробивались сквозь толщу натурального хозяйства. Это видно уже из перечня товаров, вывозившихся в тот период из Тропической Африки в другие регионы мира. Все их можно разделить на три основные категории: 1) золото, 2) невольники, 3) различные экзотические товары. В последнюю категорию входили естественные продукты тропических лесов и саванн: слоновая кость, рог носорога, зубы гиппопотама, шкуры диких зверей, живые звери и птицы, страусовые перья, мускус, ароматические смолы, дикорастущие лекарственные растения, ценные сорта древесины и пр. Все они представляли собой¹ главным образом побочные продукты охоты и собирательства — архаичных присваивающих форм хозяйства.

Увеличение экспорта этих продуктов во внешний мир никогда не было благоприятно для развития производящих форм хозяйства в Тропической Африке, наоборот,, товаризация охоты и собирательства часто, приводила к росту роли этих двух форм хозяйства в ущерб производящим формам, а также к истощению природных ресурсов.

Тропическая Африка до открытия Нового Света была главным поставщиком этого драгоценного металла для всего Ближнего и Среднего Востока и Европы. Однако сами африканцы в своей хозяйственной деятельности особой нужды в этом металле не испытывали. Золото было нужно им главным образом для обмена с внешним миром, лишь в меньшей степени — для изготовления украшений. Оно шло в основном на экспорт, не скапливаясь в самих африканских странах. Запасы золота в изделиях, собранные в храмах, дворцах и могильниках различных африканских стран, — это, по-моему, явление вторичное, вызванное влиянием извне.

Жители доколониальной Тропической Африки в большинстве случаев начинали добывать золото не по собственной инициативе, а под давлением иноземных поклонников «желтого дьявола». Так было сначала в Нубийской пустыне и в Нубии, затем в Северной Эфиопии, далее — в Западной Эфиопии и в прилегающих областях Восточного Судана, потом — в Зимбабве и в соседних с ней землях, в древней Гане, Бамбуке, Ашанти... Историко-географическое распространение добычи золота повторяет процесс возникновения и развития в Тропической Африке цивилизации. Его направление то же: с севера на юг и с востока на запад. Вместе с тем уровень техники и общественная организация труда понижались с северо-востока на юго-запад: от сравнительно высокого в рудниках Нубийской пустыни до весьма примитивного в Родезии и Северном Трансваале.

Можно проследить, как распространялась в Африке добыча золота по мере вовлечения отдельных ее районов в мировую торговлю. В средневековых Конго и Анголе богатейшие золотonosные месторождения совершенно не разрабатывались, в отличие от месторождений железных и медных руд [194, стр. 156—158], добыча которых была известна во всех частях материка²³.

²³ Единственное исключение составляли бушмены, однако родственные им готтентоты и бушменоиидные обитатели нижнего слоя Мумба знали плавку и обработку железа. Голландский путешественник XVIII в. Пеетер Кольб описал плавку железа у готтентотов Капской колонии: «Способ, коим они выплавляют железо из руды, состоит... в следующем. Они выкапывают четырехугольную или круглую яму в земле о,коло двух футов глубиной и разводят там

По-видимому, добыча золота и (прямо или косвенно) его обработка, а также некоторые второстепенные ремесла явились единственным несомненно положительным последствием торговли Тропической Африки с внешним миром для социального развития ее народов²⁴. Положительное значение имело и переселение в африканские города носителей ремесел, а также купцов, образованных служителей культа и пр. Однако в доколониальный период оно было слишком незначительно, чтобы оставить глубокий след в экономической жизни традиционных африканских обществ.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ НА БОЛЬШИЕ РАССТОЯНИЯ

Уже на очень ранних этапах общественного развития, и том числе в весьма примитивных африканских обществах, мы находим более или менее регулярные (ежегодные и т. п.) торговые связи, выражающиеся в обмене местных продуктов на изделия других стран, часто находящихся на расстоянии нескольких сот и даже тысяч километров. В конце XIX в. и, вероятно, гораздо ранее пигмеи экваториальных лесов получали от своих высокорослых соседей крупницы соли, добываемой в Сахаре либо на берегу Красного моря. Свыше шести тысяч лет назад египтяне Бадари изготавливали для себя и своих детей украшения из раковин красноморского моллюска *Nerita*. Такие же красноморские раковины (*Nerita forskalii* Recluz), а также *Conus* sp. (?) *minimus* и *Engina mendicaria* L. найдены в захоронениях Шахей-наба в среднем Судане, приблизительно современных бадарийским; Шахейнаб отстоит от берегов Красного моря более чем на 500 км [269, стр. 83, 89, 90, 91].

сильный огонь так, чтобы от сильного жара руда расплавилась и стала текучей. Чтобы собрать это расплавленное железо, делают с первой ямой рядом вторую на один либо полтора фута глубже; и так... стекает туда по желобу жидкое железо и там охлаждается. На следующий день они вынимают выплавленное железо, разбивают его камнями на куски и вновь с помощью огня делают из него все, что им угодно и нужно... Всякий, кто знает их стрелы и ассегай, ■будет удивлен тем, что они сделаны без помощи молота, щипцов и других инструментов...»

²⁴ Мы оставляем в стороне вопрос о значении торговли для культурного обмена.

Археологические находки и свидетельства письменных источников дают более или менее обширный список' иноземных товаров, доставлявшихся караванами или: судами в то или иное африканское государство. В Нубию во все времена ввозились преимущественно египетские ремесленные изделия, а также вино и некоторые другие продукты сельского хозяйства [143, стр. 125— 126]. В Северную Эфиопию I тысячелетия до н. э. ввозились очень немногие виды египетских, сирийских и аравийских товаров. В начале III в. и. э. сюда доставляли, по свидетельству «Перипла Эритрейского моря», недорогие одежды греко-римского производства: «Грубые неваляные гиматии, выделяемые в Египте для варваров, поддельные окрашенные а'боллы, подрубленные с двух сторон лентии, много видов изделий из прозрачного стекла и другие мурриновые (плавленные из стеклянной массы. — Ю. /(.) сосуды, изготавливаемые а Диосполисе (Верхний Египет. — Ю. К.), латунь... медь... железо... топоры, секиры, ножи, большие круглые медные чаши, немного динариев для живущих тут иностранцев, немного лаодикейского (сирийского) и итальянского вина, немного оливкового масла. А для царя привозят серебряные и золотые сосуды, сделанные в местном стиле, а из верхних одежд — аболлы и кавнаки (бурнусы. — Ю. /(.), тоже не очень дорогие. Равным образом из внутренних мест Ариаки (Средняя Индия.— Ю. К-) привозят индийское железо и сталь и индийскую хлопчатобумажную ткань, а именно широкую (и грубую.— Ю. К.), называемую молохиной и сигматоеной, пояса, „шубы“, немного молохиновых синдионов (одеяний и материй, окрашенных лаком)». Далее «Перипл» сообщает, что в Авалит, Опону, Малао и другие порты Африканского Рога ©возилось «немного олова», изделия из стекла, а также греко-римские одежды: хитоны, («различные суконные гиматии на варварский вкус» и арги- нойские суконные накидки, а также ряд продуктов земледелия: из Египта — молодой сок диосполисского винограда, хлеб, вино, из Индии — сахарный тростник, зерно: пшеницу, рис, босмор и сезамовое масло, а также пряности. По крайней мере часть этих товаров должна была импортироваться и в Адулис — главный порт Ак- сумского царства. В расположенные далее на юг порты Азании, по свидетельству «Перипла», ввозились «вещи

преимущественно местного производства в Музе (Моха в Йемене. — Ю. /(.): копья, секиры, ножи, шилья, различного рода вещи из стекла». В VI в. Косма Индикоп-лов сообщает о том, что «жители страны Барбарии» (Сомали. — Ю. /(.)) получают откуда-то «множество пряностей: ладан, кассию, сахарный тростник и многое другое и шлют все это морем» в Адулис, в Южную Аравию, в Персидское царство; аксумиты же получали от блеммиев Нубийской пустыни изумруды и продавали их в Индию; в далекой стране Сасу, в долине Голубого Нила, аксумиты покупали золото. Раскопки в городах Аксумекого царства дали множество металлических вещей римского и ранневизантийского происхождения: стеклянную посуду, бусы, а также стеклянного скарабея из Египта, амфоры, в которых, вероятно, доставлялось вино, глиняный глазурованный кубок, ранневизантийские ожерелья из золотых бус и золотых крестов, золотую брошь и бронзовую гирию. Найден также целый ряд предметов мероитского производства: керамическая посуда, фаянсовые амулеты Хатор, Гора и Птаха, бронзовые чаши. Из индийских изделий найдены каменная печать первых веков нашей эры, глиняные статуэтки, кушанские золотые монеты II—начала III в. (до 220—222 гг.). Кроме того, найдено монисто из римских монет II—III вв. и несколько монет из Южной Аравии примерно того же времени.

В монастыре Дебре-Дамо, где оказался клад кушанских монет, найдено также несколько золотых и серебряных монет Арабского халифата (от 697 г. до 934 г.), а также шелковые ткани: коптские VI—VIII вв., иракские VII—IX вв. и египетские IX—XII вв. [139, стр. 37, 180—190; 374; 140, стр. 160—166].

Археологические раскопки и подъемный материал в средневековых суахилийских городах дают большое число находок иноземных монет, иракско-персидской керамической и стеклянной посуды, стеклянных бус, китайского фарфора и пр. (см. ниже); ткани и продукты сельского хозяйства, которые тоже, несомненно, импортировались, не могли сохраниться по климатическим условиям. Через Кильву и Софалу некоторые из этих товаров проникали в глубь материка; так, в Зимбабве найдены стеклянные бусы и осколки иракско-персидских фаянсовых и стеклянных пиал, китайского фарфора

[244, стр. 49—52], в среднем Конго — стеклянные бусы [344, стр. 956—959; 320, стр. 1—21], в Энгаруке (ок. 1460 г.) — стеклянные бусы, каури, медная трубка и немногочисленные железные изделия и фрагменты глиняной посуды; надо отметить, что ни глины, ни железной руды в окрестностях Энгаруки нет; как железные орудия и наконечники стрел, так и глиняные горшки изготовлялись где-то в 100—200 км отсюда [407, стр. 94—95].

В арабских географических сочинениях начиная с IX—X вв. содержатся многочисленные сведения о торговле жителей Египта, Магриба и Сахары с государствами Западной Африки, особенно Ганой, Мали, Гао. Раскопки французских и польских археологов [376, стр. 514—516; 378, стр. 837—852] открыли в Кумби-Сале и Ниани некоторое количество предметов арабского или североафриканского производства; к сожалению, ткани, финики и тому подобные продукты не могли сохраниться. Когда в 1469 г. флорентинец Бенедетто Деи оказался в Томбукту — важной торговой станции на пути из Северной в Западную Африку и от верховьев Нигера на восток, — он обнаружил на местном рынке «грубое сукно, саржу и рубчатые материи, которые изготовляют в Ломбардии» [47, стр. 210]. Несколько позднее Лев Африканский также свидетельствовал, что североафриканские купцы нередко привозили в этот город европейские ткани [47, стр. 210].

В соляных копиях Такказа к северу от Томбукту была найдена нюрнбергская монета примерно того же времени [377, стр. 60—61] — еще одно свидетельство широких торговых связей этого оазиса.

Можно значительно расширить такого рода свидетельства за счет единичных случайных находок (см. ниже) и сообщений европейских и армянских авторов XVI—XVIII вв. о рынках сравнительно более доступных африканских территорий. Однако такого рода перечни иноземных товаров, сравнительно легко составляемые из-за специфического характера источников, могут создать преувеличенное представление о значении торговли в жизни доколониальных африканских обществ.

Что касается внутриафриканской торговли, в том числе на близкие расстояния и тем более товарами, произведенными на местах, то она играла сравнительно не

большую роль. Исключение составляли соль, ткани* скот, лошади, а также в Западной Африке — орехи, кола и в Эфиопии и Сомали — кофе.

Торговля солью

Важное значение торговли солью в Западном Судане отметил Д. А. Ольдерогге [192, стр. 45—52]. Соль,, добываемая в оазисах Сахары и на берегах соляных, озер севера Данакильской пустыни, Замбии и др., продавалась далеко в глубине материка, вплоть до экваториальных лесов, населенных пигмеями. К последним попадали лишь крупницы соли, оставшиеся от больших,, стандартных по весу и форме брусков, изготовленных, в северных пустынях. Чем дальше от места добычи, тем больше поднимались в цене бруски соли и тем больше они дробились. В Эфиопии, где еще Косма Индикоплов в VI в. видел караван, груженный солью и отправляемый далеко на юго-запад [62, стр. 71], бруски соли а молье делились на 2, 4 и 16 частей; по всей Эфиопии бруски соли и части их служили единицами обмена. В Томбукту и других городах Западного Судана, расположенных на границе Сахары, крупные торговцы солью ставили на брусках свои торговые марки, а затем разделяли эти бруски на части. В языке хауса есть различные названия для восьми частей бруска соли, который попадал к ним уже меньшего веса и иной формы, чем изготовлялся на севере; кроме того, в хауса имеется до 50 слов, обозначающих различные сорта соли [192,, стр. 45]. Нечто подобное мы находим в языках Южной Эфиопии.

Торговля железом и цветными металлами

Не меньшее значение, чем торговля золотом, имела торговля недрагоценными металлами: железом, медью, оловом и пр.

Даже такие примитивные общества, как локальные группы пигмеев, тиндига, вахи, вабони, майджо и др., имели железное оружие, изготовленное ими самими. Они приобретали куски железа путем обмена на продукты охоты, иногда за услуги или в качестве выкупа за невест от своих более развитых соседей. Затем желе

зо подвергалось холодной ковке. Лишь некоторые группы пигмеев-батва и бушменоидные обитатели древней Мумбвы, а также манна Южной Эфиопии умели выплавлять железо из руд и подвергать его ковке с нагревом.

Народы, находящиеся на более высокой ступени первобытнообщинного строя, как, например, нилоты, паранилоты (нило-хамиты), северные и лесные банту и др., еще шире торговали железом. Хотя железные руды встречаются в экваториальной части Африки во многих местах, плавкой железа из руд занимались лишь кузнецы немногих народов. К северу и востоку от Межозерья это были джолуо, азанде, мади, балухья (банту Кави-рондо). Добытое ими железо в виде криц и мотыг обменивалось на продукты сельского хозяйства и расходилось по всему северу Восточной Африки. В междуречье Замбези и Лимпопо железом и другими товарами торговали бродячие купцы-разносчики *башаби*, в основном из племени *зезуру*. Здесь - в период «империй» *Мономо-тапа* и *Розвн* поселения металлургов и кузнецов располагались как вблизи рудников (развалины *Тере*, *Букве*, *Ника Леопарда* и др.), так и вдали от них (*Бамбандья-нале* в *Трансваале* и др.). В последнем случае кузнецы перерабатывали крицы, производимые металлургами вблизи рудников [162]. В Южной и Центральной Эфиопии, где уровень общественного развития был еще выше и сказывалась конкуренция заморской торговли, железные крицы путешествовали на меньшее расстояние; при этом у кушитских и семитских народов Эфиопии имелись профессиональные купцы-посредники, иногда выделявшиеся в касты (у *каффичо*) или составлявшие верхушку населения городов (у западных *галла*, *харари* и др.).

Древнейшее сообщение о торговле железом в этой части Африки принадлежит *Косме Индикоплову* (VI в.); он называет железо наряду с солью одним из товаров, который жители *Сасу* покупают на золото [62, стр. 71]. Что касается торговли медью, то самые ранние сообщения о ней (у древнегреческих и арабских авторов) имели легендарную форму рассказа о том, что чернокожие -африканцы *Мероэ* или *Эфиопии* ценили медь дороже золота или обменивали эти металлы как равноценные.

Более точны и подробны известия о заморской тор-

говле металлами. Старейшее из них принадлежит Псевдоарриану (начало III в.). По его словам, в Адулис ввозились бруски латуни, имевшей хождение в качестве денег, меди, железа, а также топоры, секиры, ножи, большие круглые медные чаши и другие товары. Подразумевается, что все эти товары римско-египетского происхождения. Из Индии в Адулис ввозили «индийское- железо и сталь». В Авалит (в районе Баб-эль-Мандебского пролива) импортировалось «немного олова», в- порты Барбарии (Сомали) — в основном те же товары, что и в Адулис и Авалит. В Азанию южноаравийские купцы доставляли «вещи преимущественно местного производства в Музе (Мокха): копия, секиры, ножи, шилья и пр.» («*Periplus mari Erythraei*», §§ 4—17) [41, стр. 265 и сл.]. В древних и средневековых поселениях Эфиопии и Нубии археологи находят металлические, особенно бронзовые, изделия иноземного происхождения; к этому следует добавить известные находки — бронзовой статуэтки Осириса позднего периода в Катанге [430, стр. 622] и бронзовых ламп в Ашанти [266, стр. 147—150; 268, стр. 38—40], являющихся копиями; изделий из коптского Египта. Известно также, что бронза доставлялась в средние века из Северной Африки в Западную [37, стр. 236, 283 (ал-Идриси)]. В общем, изделия из железа, стали, меди, латуни и бронзы продолжали ввозиться в Тропическую Африку извне на протяжении всей эпохи великих географических открытий и нового времени. В XI в. наблюдался и обратный поток товаров. По свидетельству ал-Идриси, железо восточно-африканской Софалы отличалось замечательными качествами и экспортировалось в Индию для дальнейшей переработки [37, стр. 257—259, 304—306]. Ал-Бируни почти в тех же выражениях говорит о превосходном качестве меди Софалы и о том, что ее сплавляли со свинцом, может быть, за пределами Африки [37, стр. 138, 140]. Несомненно, эта медь добывалась в рудниках Медного пояса Замбии — Катанги.

Торговля лошадьми

Животноводство и хлопководство до недавних пор практически не существовали в зоне тропических лесов юга Западной Африки, зато здесь произрастали ореха

кола. Они купались в лесной зоне торговцами хауса,, ярее и диула в обмен на крупный и мелкий рогатый скот и хлопчатобумажные ткани. Точно так же на юге и юго-западе Эфиопии христианские и мусульманские купцы скупали кофейные зерна, дикорастущие и культивируемые. Хотя хлопок и скот здесь имелись, но иноземные ткани и породистые животные с востока и севера находили широкий спрос, а близость северной и восточной окраин Эфиопии к морю позволяла доставлять сюда сравнительно разнообразные и высококачественные заморские товары.

Особое значение имела торговля лошадьми. В поздние средневековые и в начале нового времени конница составляла основу сильнейших в Тропической Африке армий моей, йоруба, сонгаев, фунгов, амхара, галла и гураге Эфиопии и др., однако доморощенных лошадей местных пород у них либо вовсе не было, либо не хватало; во всяком случае, иноземные кони, выращенные в более северном, благоприятном для коневодства, климате, ценились намного выше и были самым желанным приобретением. Лошади вообще ценились здесь очень высоко. У сомалийцев обладание лошадьми было показателем высокого общественного положения; несвободные и представители низших каст не имели права владеть лошадьми. Сомалийцы, как и арабы, очень берегут своих коней и в случае недостатка питьевой воды (в сухой сезон) поят их молоком, разбавленным водой. У народов Эфиопии владельцы коней настолько гордились ими, что носили почетные прозвища, образованные от имен их коней. Такие прозвища были даже у царей.. Хорошего коня здесь всегда можно было выгодно продать, но все же весьма характерно, что правители государств Северо-Восточной Африки предпочитали получать нужных им для войны лошадей нетоварным путем— в качестве дани от вассальных правителей.

Так, в одном из средневековых эфиопских гимнов в честь негуса Есхака (1414—1429) славу ему воздают покоренные страны; в числе прочих:

Говорит Камбат (Камбатта),
Чьи кони исчислены,
Энамор говорит,
Каракар говорит,
Говорит Хаузанья,

Приносящая дань конями;
Говорит Куэча...
Говорит Куэра,
Приносящая дань конями;
Говорит Зато,
Говорит Уалламо,
Говорит Бахр-Гамд,
Говорит Суф-Гамо,
Приносящие дань ксрями... [54, стр. 59—60].

Здесь и далее в гимне (II, 43—68) перечисляются области Южной Эфиопии, которые в более поздние времена, до начала XX в., славились своим коневодством. В другом гимне .в честь негуса Есхака мы находим такие-примечательные стихи (IV, 1—4, 39—41, 52—55):

Ты, сын Бесмар,
Почему ненавидишь ты нашу любовь,
Нас, которые дали в жены тебе княжну,
Нас, которые дали тебе сильного коня?..

Они сказали: «Мы заплатим дань, Которую платили
твоему отцу. Пусть мы дадим коня,
Пусть дадим мула...

Ведь мы немедленно
Хотим дать тебе царскую дань, —
Конь уже обьезжен для тебя,
Золото уже отмерено
И отчеканено в монеты...» [54, стр. 60—61].

В соседнем с Эфиопией Судане правители Сеннара в XVII—XVIII вв. получали для своей армии коней в качестве дани от нубийских князей Доиголы, племени шайгия и др. [224, стр. 10, 14].

И лишь SB том случае, когда не было другой возможности, породистых лошадей покупали за золото или невольников. Об ал-Хадж Мухаммеде, аскии Соцгай, хроника «Та'рих ал-Фатташ» сообщает: к<И брал аекия Мухаммед некоторых из детей их (крепостных крестьян. — Ю. К-), обращая их в дену лошадей» (т. е. продавая в обмен на коней североафриканским купцам) [цит. по: 165, стр. 200].

Таким же образом поступали правителя народа волоф в Сенегале. Валентин Фернандиш в начале XVI в. рассказывал о том, что если какой-либо «сеньор» воло-

фов пожелает купить себе лошадь — даже не для военного предприятия, а в мирное время, чтобы на ней покрасоваться, он отправляется в ближайшее селение, безразлично ■— вражеское или свое собственное, хватает сколько ему нужно людей и продает в обмен на лошадей [57, стр. 20—21; цит. по: 163, стр. 71].

По свидетельству Валентима Фернандиша, в 1455 г., на побережье Гвинеи за одну лошадь давали 14—15 рабов [57, стр. 8—9, прим.; цит. по: 163, стр. 71]. О том же¹ свидетельствуют Алвизе Ка да Мосто и Пашеку Перейра [163, стр. 71]. По этому поводу Л. Е. Куббель замечает: «Не приходится сомневаться относительно того, что арабские лошади, о покупке которых сообщает нам ал-‘Омари, оплачивались правителями Мали в той же „валюте“. Если добавить, что тот же автор оценивает численность конницы мансы в 10 тысяч человек, а своих лошадей в Западном Судане к тому времени было мало, то становится очевидным, что для пополнения конского состава требовалось продать не одну тысячу рабов, даже если значительная часть купленных лошадей оплачивалась другими товарами» [163, стр. 71].

Точно так же мусульманский князь Махмад в области Барака (на крайнем севере Эфиопии) в XV в., как повествует «Житие абба Йоханнеса Дагбра-Бизан-ского», угнал молодых монахов для продажи в обмен на лошадей [49, стр. 152].

Обман лошадей на людей — это вид меновой торговли. Однако не следует забывать, что продажа людей — основной производительной силы общества — наносила* вред производству и всегда была крайним средством,, свидетельствовавшим о неразвитости товарного производства (ударение можно делать в зависимости от конкретных условий на том или другом из трех последних, слов) в обществе, которое продавало своих действительных или потенциальных членов.

Несмотря на всю выгодность торговли лошадьми в Тропической Африке, основная часть коней, выращенных здесь (собственно, в северных областях региона), либо использовалась на месте, либо перераспределялась нетоварным путем (дань, военная добыча); большая часть остальных обменивалась на невольников. Это позволяет утверждать, что разделение труда между коневодами и приобретателями коней в доколониальной

Тропической Африке осуществлялось в основном в рентной и лишь отчасти в товарной форме, притом сравнительно примитивной.

В этом заключался один из -аспектов неразвитости торговли в традиционном африканском обществе. Другие аспекты этой проблемы состояли в органическом соединении товарно-денежных отношений с теми дото- варными отношениями, которые, по Марксу, развитие первых неизбежно разрушает.

Здесь нам придется перейти от разделения труда в собственном смысле слова к более широкой области общественных отношений. Для удобства изложения мы начнем с товарно-денежных отношений, хотя они не являются ни древнейшими из социальных связей, ни наиболее развитыми в традиционных африканских обществах, наоборот, не первыми, а последними в том и другом смысле.

ПРИМИТИВНЫЕ ВИДЫ ТОРГОВЛИ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ОБМЕН ПРОДУКТАМИ

Наиболее примитивный вид такого рода обмена продуктами труда, по-видимому, существовал у части бушменов и некоторых других народов Африки²⁵. Суть его в том, что вещи в обязательном порядке обмениваются одна на другую безотносительно к их потребительной или трудовой стоимости. Таким путем предметы, полученные или произведенные, например, на берегу океана, совершали путешествия в глубь материка, порой на многие сотни и тысячи километров. Подобный торг никак нельзя свести к товарно-денежным отношениям; это обрядовый обмен дарами, укрепляющий связи между общинами и (или) отдельными лицами и составляющий неразрывное единство со всей совокупностью дотовар- ных общественных отношений. Подобный обмен не разрушает, а укрепляет последние. В то же время он обслуживает разделение труда между общинами, порой очень далеко отстоящими друг от друга.

От этого торга отличается обмен продуктами труда,

²⁵ Лучше всего такой вид торга исследован у австралийских аборигенов и папуасов.

существующий между пигмеями и их высокорослыми, соседями-земледельцами, о котором сказано выше. Этот обмен носит весьма постоянный, даже наследственный характер и так же, как предыдущий вид, связан с целой системой нетоварных отношений между пигмеями и банту; притом не возникает и речи о строгой эквивалентности обмениваемых продуктов. Это не столько торговля, сколько обоюдные обязательства представителей разных типов хозяйствования, передаваемые по наследству и во многом напоминающие взаимные рентные отношения. Перед нами, очевидно, зародышевая форма обмена деятельностью, из которой могут развиваться как рентная, так и товарная форма разделения труда.

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА

Торговля в полном смысле слова развивается лишь с возникновением политической организации типа государства.

История Африки показывает, что своего наибольшего развития торговля на большие расстояния (заморская, транссахарская и т. п.) достигала, как правило, уже после образования раннефеодальных государств. Так, в Северной Эфиопии, судя по археологическим находкам и письменным источникам, еще в I тысячелетии до н. э. велась караванная — через Мероз — и заморская — по Красному морю с Аравией, Сирией и Египтом — торговля перечисленными выше товарами, но пик ее приходится на III—VII вв. — эпоху расцвета Аксумского царства [139, стр. 180 и сл.]; находки на африканском побережье Индийского океана эллинистических, римских, ранневизантийских, парфянских и сасанидских монет [321, стр. 32—42; 295, стр. 156—157, табл. XXVIII; 140, стр. 160—166] говорят о весьма древних торговых связях этих территорий с Египтом, Ираном и другими странами Ближнего Востока. Это подтверждают греческие свидетельства II—III вв. о путешествиях из Египта и Сирии в Азанию, а также сообщения «Перипла Эритрейского моря» о плаваниях южноаравийских и индийских судов к берегам Сомали и, вероятно, Кении и Танзании.

К числу ранних нумизматических свидетельств сле-

дует отнести и монеты Арабского халифата (омейядские и аббасидские) VIII в. и китайской династии Тай, найденные на Занзибаре, Кильве и в других местах Восточной Африки [321, стр. 32—42; 295, стр. 156—157; 298, стр. 161—163; 140, стр. 160—166].

■ С IX—X вв. появляются регулярные упоминания восточноафриканских зинджей, а позднее и их городов, в арабской [37; 177, стр. 244—249] и персидской [56] географической литературе. Примерно к этому же времени относятся наиболее ранние из арабских (иракских, отчасти аденских) изделий, найденных археологами в Мкадини на океанском берегу в 12 км севернее Бага-мойо в Кении, в Мбегани — тоже на берегу Индийского океана в 8 км юго-восточнее Багамойо, на о-ве Манда у северного побережья Кении, на Занзибаре [298, стр. 163], в Геди (Кения) [354], в Кильве [296, стр. 7 и сл.]. Раскопки Н. Читтика в Кильве показали, что в «до-ширазском» слое Ia (IX—X вв.) импортированных вещей сравнительно мало; это стеклянные сосуды и бусы, а также «сасанидско-исламская» глазурованная керамика [296, стр. 7—9]. В это время уже существовал город Кильва («Кильва была важным портом задолго до прихода „ширази“, так же как Мафия и другие») [295; 296, стр. 4]; в арабских источниках того времени говорится о «царе зинджей» [177, стр. 244—249]; на восточноафриканском побережье уже имелись примитивные формы государственности, хотя первые мусульманские династии Пате, Кильвы и друшх торговых городов-государств суахили появились несколько позже [181, стр. 184; 180, стр. 57, 59 и сл.; 295; 296, стр. 6, 9—11].

Слой XI—XII вв. содержит гораздо больше импортных изделий, в том числе иракско-персидскую керамическую посуду *sgraffiato*, стеклянные и стеатитовые сосуды [296, стр. 10]. Однако максимальный рост импорта по числу и ассортименту товаров: арабских и персидских керамических, стеклянных и стеатитовых сосудов, стеклянных бус, китайского фарфора, обнаружен в слоях XIII—XV вв., причем ввоз этих изделий непрерывно растет вплоть до появления португальских завоевателей и разгрома ими Кильвы в начале XVI в. [296, стр. 12, 13, 14, 19—20]. Интересно отметить, что в этот период стеклянные бусы совершенно вытеснили местные бусы из раковин. Что касается африканских обществ, распо-

ложных вблизи берегов Гвинейского залива, то их. торговые связи с внешним миром были минимальными до прибытия сюда португальцев в XV в., заставших уже давно сложившуюся раннефеодальную государственность и мощные «королевства» Иоруба, Бенин, Конго.

Нередко торговля в раннефеодальных государствах Африки выступала в основном в роли орудия международной политики. Вот характерный пример отношений между двумя вождями Баротселенда и Ботсваны середины XIX в., описанный Д. Ливингстоном: «Секелету, желая следовать завещанию отца и укреплять мирные отношения со всеми племенами, послал Лечулатебе десять коров для обмена на овец... Люди, которые повели коров, взяли с собой несколько мотыг, чтобы обменять, их на коз лично для себя. Лечулатебе взял коров и послал Секелету десять овец, а согласно относительной стоимости овец и коров в этой местности, он должен был послать шестьдесят или восемьдесят овец. Обмен мотыг на коз Лечулатебе не разрешил, а нарушителя, наказал». Он явно действовал более из желания оскорбить царя макололо Секелету, вассалом которого считался, чем из простого корыстолюбия [172, стр. 123— 125; ср. там же, стр. 58].

Следует помнить, что на ранних стадиях развития классового общества лишь государство могло располагать достаточным запасом товаров для обмена и средствами для снаряжения торговых караванов или судов.. Поэтому торговля делалась частью внешней политики и принимала вид принудительного обмена товарами между двумя государствами, каждое из которых было представлено официальными лицами. Такого рода государственная торговля издавна была распространена в Египте, а также в соседних с ним азиатских странах, начиная с III тысячелетия до н. э.²⁶ В древней Эфиопии государственная власть также принимала непосредственное участие в торговле, по крайней мере в аксумский период. В III в. аксумский царь За-Хкале (или Зоскалес) вел торговлю с римскими купцами; в VI в. царь Элла-Асбеа посылал большие караваны в золото-

²⁶ В странах Передней Азии в I тысячелетии до н. э. государственная организация торговли сменяется деятельностью торговых домов и компаний, в которых могли участвовать и цари. Несколько позднее то же прогаquiflo и в Египте.

я о сную страну Сасу [142, стр. 88т-89; 135, стр. 152; 137, стр. 98 и сл.; 139, стр. 180 и сл.].

Позднее дары христианской Эфиопии также имели собственных торговых агентов, которые занимались от их имени обменом товаров. О таких царских купцах, торговавших «в Индии и Асуане», говорит «Кебра На-гашт» (XIV в.) [61, стр. 70]. Это сочинение рисует также образ одного из них — купца Тамрина, выполнявшего разнообразные поручения эфиопской царицы при иностранном дворе [61, стр. 27 и сл.]. Сходное положение сохранялось в Эфиопии нового времени. Контроль над внешней торговлей от имени царя осуществлял нагад-рас — «глава купцов». Царские купцы в Эфиопии вели дело преимущественно с императорским двором, а также крупнейшими феодалами — правителями вассальных княжеств. Эти купцы приобретали по заказу императора различные товары за рубежом, исполняли дипломатические поручения, например приглашали и сопровождали в Эфиопию митрополитов из Египта, а также иноземных врачей и мастеров-ремесленников, вели от имени императора переговоры с правительствами Йемена, Египта, Индии (в частности, с Великим Моголом Аурангзебом), Португалии, Франции и др. По своему происхождению они в большинстве случаев были иностранцами (арабы, армяне, турки и пр.).

Источники

XVII— XVIII вв. называют множество таких купцов и описывают их деятельность [286, стр. 410, 422 и сл., 455—456 и др.].

В подобной организации торговли мы видим следующие характерные черты: 1) торговля находилась под строгим контролем феодального государства, который порой (при императорах XVII —начала XVIII в.) приближался к государственной монополии на внешнюю торговлю; 2) коммерческая деятельность «царских купцов» обязательно дополнялась дипломатической деятельностью; 3) класс купцов рассматривался как часть государственного аппарата, главой которого был монарх.

Торгово-дипломатические агенты, такие же, как у эфиопского императора, имелись у сеннарского султана. Один из них, Балак, позволил за плату присоединиться к своему каравану французскому послу Л. дю Рулю в 1705 г., позднее убитому в Сеннаре.

В царствах Южной Эфиопии государственная организация торговли сохранялась вплоть до амхарского завоевания в конце XIX в. Недаром галлаские княжества Эннарьи носили выразительное прозвище «пять купцов».

Очень жесткая форма принудительного обмена товарами существовала вплоть до начала XX в. в оазисе Бильма, на востоке Сахары. Здесь феодальная знать кочевников запрещала оседлым жителям оазиса заниматься земледелием, чтобы те целиком посвятили себя добыче соли. Всю добытую соль кочевники забирали у них по ценам, которые они сами устанавливали, платя зерном, одеждой и невольниками. Этот весьма неэквивалентный обмен был настолько выгоден кочевой знати, что Бильма постоянно служила яблоком раздора между племенами туарегов и тиббу, а также некоторыми арабскими вождями [80, стр. 339].

Классическим для доколониальной Африки примером принудительного товарообмена, организованного государственной властью, была система бакт. Она засвидетельствована арабскими источниками IX—XV вв. как основной вид товарообмена между нубийским царством Мукурра и арабским Египтом с середины VII по X вв. Слово «бакт», происходящее, по-видимому, от латинского *pacum*²⁷, позволяет предполагать, что эта практика сложилась задолго до арабского завоевания Египта. В арабский период бакт заключался в регулярном обмене (раз в год до 775—785 гг. или раз в три года-после этой даты) определенного числа нубийских невольников на определенное количество египетских товаров. Нубийская сторона не могла ни прекратить, ни уменьшить поставок, ни потребовать увеличения ответных поставок Египта. Недаром арабские авторы характеризовали бакт как «дань» или «обязательства» Нубии арабам [143, стр. 115—126]. Это не торговля и не дань, а нечто среднее, сочетающее черты ренты-налога и товарообмена.

Бакт был важнейшим, но не единственным элементом принудительного обмена, практиковавшегося средневековым нубийским государством. Арабские авторы

²⁷ Существует также мнение, что слово «бакт» происходит от древнеегипетского *bkt* — «рабыня».

говорят нам и о такой форме принудительной торговли, в которой участвовали с одной стороны мусульманские купцы, а с другой — феодальные владетели Нубии.

Уже договор 652 г. предусматривал защиту прав подданных Халифата, направлявшихся для торговли в Нубию, — их безопасность, свободу исповедания мусульманской религии, поддержание в порядке мечети, построенной в столице Нубии [38, стр. 323]. В IX—XIII вв., судя по различным данным, в Нубии и стране беджа торговало множество арабских купцов.

Интересные сведения о них сообщает ал-Усвани. В Марисе он нашел «массу (или „общину“) мусульман, ни один из которых не говорит правильно по-арабски» [38, стр. 306]. Это весьма ценное замечание свидетельствует о том, что мусульмане обитали здесь достаточно давно и сильно перемешались с нубийцами. Непосредственно перед тем он сообщает: «В этом краю полновластно распоряжаются мусульмане, в ближайшей (к Египту) нижней (части страны) у них имеется земельная собственность (d5U), и они торгуют в самых (отдаленных) верхних (областях этой страны)» [38, стр. 306].

О «Властителе Горы», правителе Мариса, ал-Усвани сообщает: «Те из мусульман, кто выходит (из Египта) в страну нубийцев, торгуют с ним или делают подарок ему или его сюзерену²⁸; он принимает все и вознаграждает купца невольниками. И не позволено никому подниматься (вверх по долине Нила) к его сюзерену — ни мусульманину, ни кому другому. Перед порогами Нубии (находится) деревня, известная (под названием) Такави, это — гавань²⁹ [38, стр. 308]. (Далее)

суда не поднимаются (букв. „не преступают ее“), и не допускается никто из мусульман и других (иностранцев) подниматься (вверх) от нее (по Нилу или берегу Нила) иначе как с разрешения „Властителя Горы“. Отсюда до Верхнего Макаса — шесть переходов... В Верх-

²⁸ Т. е. царю Донголы; так в данном случае следует переводить слово которое Ю. Буриан переводит «тайге, souverain»

[48, стр. 550].

²⁹ Ю. Буриан переводит слово «ас-сахил» в данном случае как «une plage» [48, стр. 550], в другом — как marche [48, стр. 549].

нем Макасе находится застава Б^А³⁰, начальник которой находится в подчинении у их набольшего. Надзор за ней так силен, что сам верховный правитель их, проходя через это место, был там остановлен стражником заставы, который сделал вид, что обыскивает его, чтобы поступить таким же образом с его сыном и его визирем и всеми, кто ниже их (по рангу). Начиная с этого места, не имеют хождения (букв, „и не преступают ее“ —) ни динар, ни дирхем; на (звонкую монету) они торгуют лишь ниже [II] порогов с мусульманами, а выше этого (места) пет между ними ни продажи, ни купли (на деньги), ибо там лишь место обмена невольников, скота, верблюдов, железа и зерна. Никому не дозволяется проходить его иначе, как с разрешения царя, а кто ослушается, того карают смертью, кто бы он ни был» [38, стр. 308].

Монополия царя на торговлю с иноземцами существовала и в раннефеодальных государствах Западной Африки. Так, например, в Бенине царь-оба «имел монополию на экспорт всех основных товаров: рабов, слоновой кости, пальмовых продуктов и перца. Торговля с судами, посещавшими порт Угхотон (Гватто), жестко контролировалась государством. Специальные чиновники посещали суда от имени обы. Прежде чем все торговые операции обы не заканчивались, прочие общинники и вожди не могли торговать. По другим данным, ведение торговли с европейцами вообще разрешалось только определенной группе лиц, назначаемых королем» [215, стр. 109].

Подобная же монополия царя на внешнюю торговлю была у многих народов банту: бемба, нгуни и др. У зулусов и матебеле монополия царя на внешнюю тор

³⁰ Ю. Буриан переводит как «гарнизон» [48, стр. 549 и сл.]. Ал-Макризи называет этим словом и нубийское укрепление ал-Каср («Замок»), При этом арабский историк явно цитирует древний документ, говоря, что халиф ал-Му'тасим потребовал от нубийцев «ликвидации заставы известной (под названием) ал-Каср, расположенной на границе между ними и мусульманами, так как застава находится на их земле» [38, стр. 325]. В других случаях ал-Макризи сообщает о «деревне ал-Каср» или «Деревне Замка»: «В этой деревне находятся застава и во рота в страну нубийцев» [38, стр. 307, там же на стр. 321].

говлю была абсолютной и лишь изредка нарушалась окраинными племенами. У бакуба существовала царская монополия на торговлю слоновой костью, медью и латунью, у балуба — па торговлю невольниками и т. п. [173, стр. 140]. В «империи» Розви цари предпочитали вести торговлю с португальскими факториями Мозамбика непосредственно через своих агентов [162].

Почти повсеместно цари и другие крупные феодалы снаряжали торговые караваны и посылали их на большие расстояния под присмотром доверенных лиц, обычно невольников. Этот порядок вообще характерен для раннефеодальных государств, где торговля отнюдь не считалась делом, позорным для правителей.

Установление монополии феодальных правителей традиционных африканских обществ на внешнюю торговлю происходило и путем монополизации источников получения экспортируемых продуктов. Становясь контрагентами иностранных купцов, африканские цари стремились присвоить в качестве дани либо путем принудительного обмена как можно большую часть экзотических продуктов: слоновой кости, золота, шкур некоторых видов зверей и пр., представлявших интерес для этих купцов, готовых закупать такие товары в практически неограниченных количествах. Поэтому в связи с развитием торговли приобрели новое экономическое значение права вождей и царей на долю охотничьей добычи их подданных. Пигмеи-охотники обязаны были отдавать своим «хозяевам»-банту все бивни убитых ими слонов. У мембе Северной Замбии охотник должен был передать вождю шкуру каждого убитого им льва, получая в награду за это быка [444, стр. 159; 120, стр. 9], — характерный пример принудительного обмена. У баротсе, где феодализм был более развит, царь безвозмездно получал шкуры всех убитых в стране львов, леопардов, гепардов и питонов, а также половину слоновых бивней [214, стр. 68—71]. Возможно, подобные порядки существовали у них еще в середине XIX в. при господстве ма-кололо; Д. Ливингстон записал в своем дневнике в мае 1851 г.: «Секелету (царь макололо. — Ю. К.) получает от множества подвластных ему племен дань просом... земляными орехами, мотыгами, копьями, медом, челнами, веслами, табаком, коноплей... всевозможными дикими плодами, выделанными шкурами и слоновой костью....

Слоновая кость номинально принадлежит ему одному... Продавать слоновую кость вождь может только с ведома и одобрения своих советников, и доход с «ее должен распределяться на открытом собрании. Вождю принадлежит право выбирать себе все, что ему понравится, но если он берет себе больше, чем дает другим, он теряет популярность» [172, стр. 123]. Здесь явно проступают социальный смысл и происхождение монополии вождя на торговлю.

У соседних с макололо матебеле царю также принадлежала вся слоновая кость, добытая в его владениях. У зулусов царь получал от своих подданных все слоновые бивни, шкуры львов и леопардов и перья страусов [357, стр. 221]. У балуба и бакуба вся слоновая кость, шкуры леопардов и орлиные перья принадлежали царям [173, стр. 157]. У бемба верховный вождь требовал себе безвозмездно всю слоновую кость, добытую его подданными; он также монопольно владел соляными копиями в Мпике (214, стр. 76). В Руанде царь и правители провинций получали от охотников-батва в виде дани шкуры всех убитых ими львов, леопардов, цивет и обезьян колобус, а также бивни слонов [371, стр. 14, 81, 114]. У алуоров каждый вождь имел право на получение определенной части охотничьей добычи в своем округе, а именно на бивни слонов, шкуры львов и леопардов и окорока копытных животных [353, стр. 80, 198].

У бамбара округа Бугуни вождь имел право на получение от своих подданных всех военных трофеев, всего золота, захваченного на войне или добытого на подвластной ему территории, а также части любой охотничьей добычи и шкур всех хищных зверей, убитых в его владениях [271, стр. 10—11; 171, стр. 65].

Подобные порядки существовали и в раннефеодальных государствах Северо-Восточной Африки. В Каффе (на юго-западе Эфиопии) в XIX в. царь обладал монополией охоты на слонов [85, стр. 97]. Возможно, в VI в. такая монополия имела место и в Аксумском царстве [139, стр. 178—179].

Вместе с тем торговые монополии свидетельствуют не только об известном развитии товарно-денежных отношений, но и об ограниченной степени их развития.

О сравнительно незначительной роли внутренней торговли в раннефеодальных государствах Африки говорит неразвитость форм и единиц обмена. Преобладал простой обмен товарами, например невольников — на лошадей, коров — на железные мотыги и пр. Начиная с поздней античности в Тропической Африке засвидетельствованы различные примитивные виды денег: коровы и козы, латунные, железные, медные браслеты и бруски, железные мотыги, копья и крицы, куски тканей определенного размера, раковины каури и нзимбу и пр. Они выступали в виде платежного эквивалента при уплате выкупа за невест или виры за убийство, а также при покупке продовольственных или ремесленных товаров, при определении ренты или -заработной платы и пр. 'Весьма характерно, что все они, за исключением, может быть, каури, являлись в той же мере потребительными стоимостями, как и платежным средством. Звонкая монета часто переплавлялась (для поделок из серебра) или превращалась в мониста (старейшими из них являются два мониста из римских монет, найденные в Матара в Эфиопии (265, стр. 49—86)). Обмен на звонкую монету совершался лишь на северной и восточной периферии Тропической Африки, но и здесь монета никогда не могла полностью вытеснить примитивных видов денег; наоборот, она сама время от времени уступала им место. Известно, что собственная монета, золотая, серебряная и бронзовая, имела хождение в Аксумском царстве в III—VIII вв.³¹, в мусульманских государствах Восточной Африки в конце XIII—XVI вв. [321, стр. 31 — 43], в сахарском оазисе Тадмекка в XI—XII вв. (сообщения арабских географов ал-Бакри (XI в.) [37, стр. 166.—167] и Ибн Васиф-шаха (начало XIII в.)³² и, возможно, в некоторых других государствах доколониальной Тропической Африки³³, кроме того, в IX в. в

³¹ О монетах Аксума существует обширная литература, в том числе и на русском языке: [238; 139, стр. 37—38, 67, 69, 75, 110—112, 194—197; 140, стр. 148—170].

³² Приношу благодарность Л. Е. Куббелю за указание на источ- ник- рукопись В 613 Л О ИВАН.

³³ См. [140, стр. 157—159]. Ср. также приведенные выше стихи из средневекового эфиопского гимна.

Нижней Нубии, до Верхнего Макаса, имели хождение арабские динары и дирхемы ³⁴, находимые также в Сомали, на Занзибаре, на севере и востоке Эфиопии 1140, стр. 50—51], но далее к югу они в качестве средства платежа не принимались [38, стр. 308]. И лишь после победы «слама в Восточном Судане (XIII—XVI вв.) металлическая монета иностранного чекана распространилась вплоть до Сеннара [53, стр. 56, 58, 60, 61, 63]³⁵.

В общем, занесенное извне ремесло чеканки монет прижилось лишь в немногих районах Африки; оно исчезало вместе с гибелью государств и не возобновлялось вплоть до XIX—XX вв.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТОРГОВЛИ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

В свете всего сказанного выше очевидно, что ни в коем случае не следует преувеличивать значения товарной формы комбинирования труда и торговли в историческом развитии африканских цивилизаций. Отнюдь не эти факторы сыграли решающую роль в классовом расслоении доколониальных африканских обществ и в образовании здесь государств. Это относится не только к местной торговле, но и к торговле на большие расстояния, несравненно более значительной.

Какую роль могла сыграть заморская или дальняя караванная торговля в создании изолированных государств средневекового Конго, Межозерья, Йорубы, Бенина? Почему, несмотря на тысячелетия торговли с Египтом, Аравией, Индией, Цейлоном, Средиземноморь

³⁴ См. приведенное выше сообщение Абу-Салиха ал-Усвани в [38, стр. 308].

³⁵ Ср. сообщение Франческо Суриано [50, стр. 40, 43, 41, 44]. Во всех случаях речь идет о покупке верблюдов, мулов, бурдюков для снаряжения торговых караванов. В то же время современные Франческо и Давиду эфиопские жития святых упоминают, что один молодой монах купил, а затем продал экземпляр Евангелия за 50 быков («Житие Филиппа Дабра-Либаносского») [47, стр. 412]; некая вдова продавала яйца своей курицы за другое продовольствие [там же, стр. 409], а в голодный год «была цена одной одежды — 8 мер [зерна] масаш», а одного хлеба — один царик, медная моцета [43, стр. 361-362].

ем, государственность во внутренних областях Восточной Африки (если не считать прибрежных арабских и суахилийских городов) появилась намного позже, чем в изолированных районах Межозерья, Междуречья Замбези — Лимпопо и Южного Конго?

Нам уже пришлось доказывать, что возвышение Ак-сума нельзя объяснить развитием внешней торговли [139, стр. 7—8], что система б акт в товарообмене между средневековой Нубией и Египтом, с одной стороны, укрепляла позиции центральной государственной власти, но, с другой стороны, тормозила развитие национального ремесла и местной торговли и вела к глубокому кризису нубийского общества и цивилизации [ИЗ, стр. 125—127].

Л. Е. Куббель обосновал мнение, что в целом торговля государств Западного Судана с государствами Северной Африки имела для первых двойственное значение. С одной стороны, «в особенности на раннем этапе — в Гане VIII—X вв., торговля с Северной Африкой играла роль 'классообразующего фактора первостепенной важности. Сложение первого из трех великих государств западноафриканского средневековья было вызвано потребностями транссахарской торговли, пожалуй, в большей мере, чем внутренним экономическим и социальным развитием народов, говорящих на языках манде северной группы... Но, с другой стороны, влияние, которое через эту торговлю оказывала на хозяйство Западного Судана несравненно более высокоразвитая экономика Магриба и Египта, имело определенный и четко выраженный тормозящий характер... Усиленный вывоз золота и рабов способствовал консервации застойных форм хозяйств...» [165, стр. 170—171].

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Как отмечено выше, комбинирование труда имеет двойственную природу, принадлежа одновременно к производительным силам и к производственным отношениям общества. Развитие комбинирования (разделения и кооперации) труда возможно лишь на основе развития производительных сил, и вместе с тем комбинирова

ние труда является фактором их развития. Особенно эта двойственность заметна при комбинировании труда в ЯУКП и СНВ, даже в самой примитивной форме простой кооперации мелких производителей.

У скотоводов-земледельцев Верхнего Нила существует спонтанное, неорганизованное комбинирование труда внутри деревенской общины. Деревенские стада могут выгоняться на пастбища не всеми, а лишь некоторыми мужчинами, которые принимают на себя временную заботу о соседском скоте. У ланго несколько хозяев могут держать свой скот в общем краале, владлец которого — строитель этого крааля или его наследник — выступает в качестве организатора пастбы и третейского судьи при спорах; на него ложатся заботы не только о его собственном скоте, но и о скоте его соседей, допущенном в крааль [305, стр. 206; 334, стр. 60; 287, стр. 38, 93]. У туркана такого же рода кооперация дополняется тем, что иногда две-три семьи объединяются для рытья колодца, которым затем пользуются сообща и разрешают пользоваться посторонним [331, стр. 57]. У скотоводов восточной половины Африки перед началом дождей мужчины (у галла Эфиопии — мальчики) поджигают сухую траву на будущих пастбищах влажного сезона; часто несколько человек делают это в интересах всей общины.

Такое комбинирование труда возможно потому, что труд пастуха сравнительно производителен: хотя туземные породы скота малоудойны, молока одной-двух коров обычно достаточно для прокормления человека, пасти же он может во много раз больше; более того, простая кооперация дает здесь большой дополнительный эффект: трое-четверо и более пастухов могут, работая вместе, пасти стадо коров или овец, более чем втрое (или более чем вчетверо и т. д.) превосходящее то количество голов скота, которое в состоянии пасти каждый из них в отдельности. Еще больший эффект дают более высокие виды кооперации.

На массовых строительных работах в традиционных африканских обществах различались две основные формы разделения (и кооперации) труда. Одна из них, простейшая, применялась при ремонте дорог, насыпке земляных и каменных террас, валов, плотин и пр. Она выражалась в разделении функций руководителя работ

и массы рядовых труженников, объединенных, как и при коллективных земледельческих работах, на основе простой кооперации мелких производителей. При строительстве же, особенно монументальном, имело место разделение труда между 1) руководителями разного ранга и функций: архитектором, разного рода начальниками и надсмотрщиками и пр., 2) мастерами-строителями и каменщиками, обтесывавшими камни и деревянные балки, укладывавшими их и т. д., и 3) массой подсобных рабочих, занятых доставкой, подготовкой и первичной обработкой строительных материалов.

Эта масса неквалифицированных рабочих, в основном крестьян-общинников, привлекавшихся к указанным выше видам работ в порядке трудовой повинности, могла и должна была подразделяться на группы для производства отдельных видов работ. В древних Египте и Нубии добычей строительного камня в каменоломнях, его транспортировкой и т. п. занимались разные группы (или «отряды») крестьян. Такого рода разделение труда между подсобными рабочими мы наблюдаем и в других обществах, находившихся на 'сходном этапе развития. Предания маашона района Уайка говорят, что во времена «империй» Мономотапа и Розви общинники-строители разделялись на три группы: рабочих каменоломен, переносчиков камня и укладчиков камня на монументальных сооружениях [160, стр. 132].

Сами руководители работ, в том числе цари (как это было в Эфиопии), нередко принимали символическое участие и в «черной работе», бросая горсть земли или закладывая первый камень; однако это отнюдь не говорит о реальном смешении функций руководства с физическим трудом.

При такой организации строительных работ высококвалифицированные их участники: архитекторы и мастера-строители, освобожденные от наиболее грубой, подсобной работы, трудятся особенно производительн³⁶.

³⁶ Что касается мануфактурного разделения труда, то зачатки его можно проследить в ремесленной промышленности Египта начиная с эпохи Птолемея, однако в Африке южнее Сахары и тропика Рака оно не было известно. Единственное исключение — мануфактурное разделение труда на рудниках Нубийской пустыни, широко известное описание которого, заимствованное у Агафархида, дает Диодор; оно относится к птолемеянской эпохе и позднее сменяется работой старателей-кустарей.

Из приведенных выше примеров мы видим, как проявляется двойственная природа комбинирования труда через виды кооперации. От вида кооперации зависит, во-первых, большая или меньшая производительность труда, а во-вторых, его организация, т. е. отношения, возникающие непосредственно в процессе производства, производственные отношения в 'собственном смысле слова, одним из которых и является кооперация (а вместе с тем и ее другая сторона — разделение) труда.

Так же двойственна связь комбинирования труда с эксплуатацией. Многочисленные указания на эту связь мы находим у классиков марксизма-ленинизма: во-первых, там, где они отмечают, что эксплуатация человека человеком стала возможна лишь при известном уровне производительности общественного труда [12, стр. 161 и сл.], во-вторых, там, где подчеркивают зависимость процесса классовобразования от различных форм разделения труда. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что разделение труда приводит к разделению классов, из которых один господствует над всеми другими, и что естественно возникшее разделение труда в семье ведет к распаду общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, к неравенству в распределении труда и его продуктов и, следовательно, к появлению совершенно новой формы собственности. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» связывал появление класса купцов с появлением третьего крупного разделения труда [12, стр. 175—177] в его товарной форме и денег, как посредника между производителями.

Человека можно эксплуатировать лишь в том случае, когда он производит несколько больше того, что потребляет. В условиях господства мелкого натурального производства могучим фактором повышения производительности труда были развитие общественного разделения труда, прежде всего в его рентной форме, и кооперации труда, прежде всего в виде простой кооперации мелких производителей. В то же время не только абстрактная возможность, но и конкретные формы эксплуатации человека человеком зависят от конкретных форм разделения труда и его кооперации. Высказывания классиков марксизма-ленинизма, приведенные выше, следует трактовать как указание на зависимость форм

эксплуатации от форм комбинирования (разделения и кооперации) труда.

Конкретные формы этой зависимости (прежде всего при феодальной и рабовладельческой эксплуатации) будут показаны ниже, пока же остановимся на самом существе эксплуатации.

Уже в развитом первобытном обществе мы находим неравенство между его членами как в распределении физической нагрузки, так и в распределении материальных благ, добытых в значительной мере совместным трудом, а также неравенство в престиже, определяемое различием общественного статуса. У всех народов, ведущих бродячее охотничье-собираческое хозяйство, — пигмеев, 'бушменов, тиндига, австралийских аборигенов и др., физическая нагрузка, приходящаяся на долю женщин, ежедневно занятых собирательством, намного больше, чем физическая нагрузка мужчин, выходящих на охоту далеко не каждый день. Зато мужчина-охотник и воин, преследуя зверя, поражая его примитивным оружием или сражаясь с врагом, затрачивает в это время экстраординарные физические и духовные усилия и даже порой гибнет. Поэтому мужчина по традиционным нормам распределения получает большую часть добытого мяса, более полноценную пищу, чем женщина, а в случае многоженства (у лучших охотников, например у охотников на слонов у пигмеев) различие в распределении благ между мужчинами и женщинами и отдельными мужчинами особенно заметно. Физическая нагрузка стариков меньше физической нагрузки молодых, однако по существующим нормам распределения старики получают наиболее питательные части убитых животных и во многих обществах так или иначе присваивают себе самых лучших, молодых и здоровых женщин. Эти старики пользуются и наибольшими моральными благами. Однако моральное усилие, приходящееся на их долю как руководителей общества и воспитателей молодежи, является экстраординарным. Поэтому вряд ли правы те авторы, которые говорят об эксплуатации стариками молодежи и мужчинами женщин у пигмеев или аборигенов Австралии (см. стр. 67 и сл.).

С развитием разделения труда при мелком натуральном производстве усиливается неравномерность затрат

энергии отдельными членами общества, особенно заметная в сфере управления, военной, интеллектуальной, художественно-ремесленной сферах деятельности и др. В связи с этим возрастает необходимость компенсации усиленного расхода энергии через распределение произведенных обществом материальных и духовных благ. Например, занятие художественными ремеслами требует более длительного обучения и несравненно большего морального напряжения, чем земледелие или скотоводство; военное дело, особенно в условиях распространения тяжелого вооружения и высокого развития военного искусства, требует весьма длительного обучения и особой моральной и физической подготовки, способности к экстраординарным перегрузкам в момент боя и на марше и т. д.; занятие караванной или морской торговлей при весьма примитивных средствах сообщения, существовавших в допромышленную эпоху, особенно в Африке, и многочисленных в то время опасностях пути требовало развития особых качеств и часто сопровождалось гибелью купцов-путешественников; занятия интеллектуальными видами деятельности также требовали специальной подготовки и повышенного морального напряжения и т. д.

Сама по себе неравномерность распределения благ, как материальных, так и моральных, не равнозначна эксплуатации. Элементы эксплуатации появляются при злоупотреблении неравномерностью распределения благ, прежде всего избыточного продукта труда непосредственных производителей, выражающемся в чрезмерном увеличении доли благ, потребляемых носителями тех или иных общественных функций (правителями, жрецами, воинами, купцами и пр.). Эти социальные группы исторически выделяются из массы непосредственных производителей в ходе конституирования новых сфер деятельности, но, в отличие от первых, благодаря своему привилегированному положению получают возможность паразитировать. При этом избыточный продукт, производимый непосредственными производителями, не возвращается к ним в виде ответных услуг, а становится прибавочным продуктом, присваиваемым эксплуататорами. Последние же освобождаются не только от физического, но и от всякого иного труда. Разумеется, речь идет о тенденции, которая чрезвычайно редко до

стигает полного завершения. В частности, описанный выше (стр. 156 и сл.) процесс освобождения традиционных африканских вождей от определенных видов деятельности в большой степени является выражением этой тенденции, равно как и процесс дробления функций управления между разными категориями «царских слуг» и т. п. Таким образом, чрезвычайно трудно провести четкую грань между развитием разделения труда в обществе и развитием паразитизма определенных общественных групп, эксплуатирующих непосредственных производителей. Способ эксплуатации определяет их принадлежность к тому или иному эксплуататорскому классу. Количество способов эксплуатации исторически ограничено, так как обусловлено вполне определенными формами разделения труда и кооперации внутри исторически определенных ячеек и систем производства, прежде всего большесемейной общины.

В 'большесемейной общине существуют разделение труда и производственная кооперация: 1) внутри складывающихся ЯМНП (одной из которых является и сама большесемейная община, см. выше) и 2) между ними. В первом случае младший член семьи живет, ест и работает вместе с главой большого или малого дома. Здесь наблюдаются постоянная простая кооперация труда, централизованное распределение продукта и почти максимальное отчуждение личности производителя. Самостоятельность рядового труженика минимальная, мелким производителем его назвать нельзя. Эти же черты характерны и для рабства, но разница в том, что внутри семейного коллектива царит взаимопомощь, а внутри рабовладельческого хозяйства — эксплуатация.

Патриархальное рабство

Промежуточное состояние между тем и другим мы наблюдаем при патриархальном, весьма неразвитом рабстве, где между рабом и младшим членом семьи разница еще очень незначительна. Можно указать целую гамму переходов между положением вольного члена семейного коллектива, где еще не существовало эксплуатации человека человеком, и патриархальным рабом. Жены отца семейства, его родные дочери и сыновья,

усыновленные и купленные Дети находились и Менно S
таким положении. Оно определялось прежде всего
элементами рабовладельческой эксплуатации, которая
выражалась в более или менее частичном паразитизме главы
большесемейной общины. Характерную раннюю форму
патриархально-рабовладельческой эксплуатации, ее зачатки
мы видим прежде всего у тех африканских народов, где
бремя работ, лежащих на плечах женщин, во много раз
тяжелее, чем то, которое ложится на мужчин. Несомненно,
здесь присутствует элемент эксплуатации отцами семейств
своих жен и дочерей. Нетрудно заметить, что она базируется
на половом разделении и внутрисемейной кооперации труда.

Если происхождение патриархально-рабовладельче- ской
эксплуатации связано со специфическими формами
внутрисемейной организации, то базой, на которой она
могла возникнуть, был рост производительности труда в
земледелии, скотоводстве, домашнем хозяйстве на основе
развития производительных сил общества, благодаря чему
труженик начинал производить избыточный продукт. В
результате повышения производительности труда
увеличилось благосостояние семейных коллективов. В этих
условиях людьми дорожат больше, чем прежде, всеми
средствами стремятся увеличить число членов семьи
(большесемейной общины): приобретают как можно больше
жен, усыновляют подброшенных детей или покупают для
усыновления детей бедняков, захватывают людей на войне,
стремятся удержать в семье взрослых ее членов и т. п.
Однако уже на сравнительно архаичной ступени развития,
еще в рамках позднего первобытнообщинного строя,
начинает развиваться паразитизм глав патриархальных (и
матриархальных) больших семей.

Высшие представители общинно-племенной знати (как и
главы складывающихся государств) имели больше
возможностей для приобретения патриархальных рабынь. Им
доставалась львиная доля военнопленных; богатство,
созданное рентой, позволяло им покупать невольниц и
невольников у иноземных купцов. Кроме того, у многих
африканских народов существовал обычай, по которому царь
(или племенной вождь) волен был брать без уплаты брачного
выкупа любую девушку своей страны; эта девушка
становилась его женой (или на-

ЛоЖниЦей) и одновременно служанкой. Наконец, у некоторых народов, как у занде и бакуба Заира, лишь знатные люди, сородичи царя, имели привилегию многоженства; эта привилегия позволяла им использовать труд своих жен для обработки 'сравнительно больших участков земли, которая приобреталась методом свободной заимки [353, стр. 105 и сл.; 173, стр. 136—137]. В других случаях, получая в дар (например, за предоставленную дарителю выгодную должность) девушку, знатный человек мог «продать» ее замуж и получить за нее брачный выкуп.

Известный прототип этого обычая мы наблюдаем в первобытном обществе, где никогда не существовало полного равенства между поколениями, но старшие имели привилегии перед младшими. Эти привилегии выражались в получении лучших частей охотничьей добычи, более молодых и работоспособных жен, «дополнительных» жен, в управлении общиной, определенных обрядах и церемониях и пр. Однако паразитизм был настолько неизвестен первобытному обществу, что бесполезных членов (глубоких стариков, калек и даже «лишних» детей) нередко предавали смерти. Лишь на стадии разложения первобытнообщинной формации мы наблюдаем развитие паразитизма «старцев» за счет молодежи и женщин, что создает почву для конфликта между разными поколениями и полами.

Этот паразитизм выражается в том, что главы большесемейных общин работают меньше, но получают больше жизненных благ, чем младшие ее члены (см. выше). Правда, обычай, составляющий основу первобытного права, ограничивает своекорыстные действия «большака»: так, у многих, если не у большинства, африканских народов общественное мнение и обычай не позволяют главе большесемейной общины брать («покупать») вторую жену, не обеспечив женами всех взрослых сыновей и младших братьев. Однако обычай нередко расходится с практикой, и вряд ли это можно объяснить лишь его разрушением в условиях колониального общества. История знает немало не только частных случаев, но и массовой практики, когда «большаки» узурпировали права младших членов семей (снохачество и пр.). Так в недрах первобытнообщинной формации развивалось патриархальное рабство.

Дальнейшее развитие общества Ведет к Превращению патриархального рабства в более высокие формы домашнего и «каторжного» рабства. Однако в определенных условиях, когда, как это происходит в колониальных (и полуколониальных) обществах, господствующая морально-правовая надстройка стесняет развитие этих более высоких форм рабства при одновременном развитии ранних форм капитала, патриархальное рабство расцветает необычайно пышным, но искусственным цветом. Подобное явление наблюдалось в мусульманских странах Ближнего Востока, в досоветской Средней Азии, в арабской Африке и Западном Судане, в Китае и др.

В подобных случаях патриархальное рабство в основном сохраняет лишь свою оболочку, наполняясь новым экономическим содержанием; это, в сущности, плантационное рабство с элементами домашнего и патриархального. Патриархальное же рабство внутри первобытнообщинного строя не составляет социально-экономического уклада.

Рабовладельческие уклады

В то время как способ производства охватывает всю экономику, отдельный уклад может доминировать лишь в одной какой-либо отрасли экономики общества. Такова была историческая участь рабовладельческих укладов: рабства домашнего, плантационного, на галерах, в рудниках, на строительных работах и пр.

Прежде чем приступить к анализу этих социально-экономических укладов, попытаемся уточнить понятия: «класс рабов», «сословие рабов» и «рабовладельческая эксплуатация». Класс рабов — это экономический класс непосредственных производителей, полностью лишенных средств производства, рабочая сила которых (и производимый ею необходимый и прибавочный труд) отчуждается в процессе производства нетоварным путем. Этим рабы отличаются от мелконатуральных производителей, которые не отделены от средств производства, хотя их труд (а именно прибавочный) и отчуждается нетоварным путем, и от наемных рабочих, лишенных средств производства, но постоянно продающих свою рабочую силу (с производимым ею необходимым и прибавочным

трудом) для ее воспроизводства. Для продажи своей рабочей силы пролетарий должен быть лично-свободен; иао-борот, труд раба и феодально-эксплуатируемого мелконатурального производителя отчуждается с помощью внеэкономического принуждения. В то время как при найме пролетария его прибавочный труд маскируется необходимым, и создается впечатление, что продается лишь необходимый труд, весь труд раба, даже необходимый для его частичного или полного воспроизводства, кажется отчуждаемым безвозмездно как прибавочный. С точки зрения современной политэкономии рабы выступают как бы одним из средств производства, во всяком случае в процессе распределения производительных сил.

'Самое лапидарное определение понятия «раб» дал К. Маркс: «Раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно» [5, стр. 353—354]. Здесь указаны две главные черты рабского состояния: отделение производителя от средств производства и внеэкономическое принуждение его к труду.

Из развернутых определений заслуживает внимания то, которое дал Ю. И. Семенов [218, стр. 254—255].

Для старой западной науки характерно стремление прежде всего к определению рабского состояния юридическими критериями. Так, крупнейший американский специалист по античному рабству У. Уэстер мен указывает на следующие основные признаки свободы в отличие от рабства: 1) статус, 2) неприкосновенность личности, 3) свободу передвижения, 4) свободу труда [446, стр. 51]. Все это юридические определения, связанные с экономикой лишь постольку, поскольку последняя выражается через действующие в обществе правовые нормы.

Напротив, для многих советских ученых типично стремление «экономизировать» подобного рода определения. Примером может служить определение, данное К. К. Зельным. Полемизируя с У. Уэстерменом, он предлагает дополнить его определение следующими признаками: прежде всего, наличием или отсутствием средств производства у зависимого человека; «далее имеет значение форма или характер личной зависимости: является ли она односторонней, т. е. ограничивается ли обязанностью зависимого человека подчи-

маться, или же имеются и известные обязательства со стороны того лица, от которого зависит. Необходимо учесть, от кого зависит данное лицо: от частного же лица или от государства, — и с чем связана эта зависимость: с личностью зависимого человека или с землей, на которой он живет и работает. Далее существенно отметить степень и формы регулирования труда, а также напряженность эксплуатации, то бремя, которое падает на зависимых людей, длительность соответствующих повинностей, являются ли они постоянными или временными, способ распоряжения результатами труда зависимого человека (отбирается ли весь полученный продукт или часть его, натурой или в денежной форме и т. д.), наконец, индивидуальный или коллективный (например, зависимость общин) характер зависимости, ее юридические формы и основание зависимости и т. д. Но подобное рассмотрение будет неполным, если мы не выясним также происхождения отношений зависимости, не проследим их генезиса» [118, стр. 107—108].

В сущности, это программа конкретно-исторического исследования. Поэтому не выглядит, неожиданным конструктивное определение К. К. Зельным понятия «рабство»: «Для античного рабства характерны следующие существенные признаки: непосредственный производитель составляет собственность, часть имущества рабовладельца. Непосредственное принуждение со стороны рабовладельца распространяется как на труд раба, так и на его личность. Раб не владеет юридически средствами производства» [118, стр. 109].

Здесь перед нами не только соединение экономических и юридических критериев, но и явное предпочтение вторых первым. К. К. Зельин прямо заявляет, что даже «наличие первых двух из указанных выше признаков заставляет отнести данный тип социальных отношений к рабству» и «отсутствие средств производства само по себе еще не является решающим признаком, хотя и приближает к рабству, если лишенного этих средств заставляют работать в принудительном порядке» [118, стр. 109].

Обратимся теперь к категории «сословие рабов». Сословная структура разных феодальных обществ (в том числе африканских) настолько различна, что о какой-то общей, универсальной модели «сословия рабов»

говорить очень трудно. В общем, это правовая категория лично-зависимых людей, которая существовала почти в любом докапиталистическом обществе с антагонистическими классами начиная с ранних эпох зарождения феодализма. Внутри этого сословия «рабов» можно выделить множество страт с различной, иногда прямо противоположной экономической характеристикой: 1) доверенные лица правителя, чиновники, управляющие; 2) придворные фавориты и другие домашние слуги; 3) воины на полном довольствии; 4) воины с держаниями, приносящими им ренту; 5) воины с наделами, обрабатываемыми собственным трудом; 6) торговые агенты; 7) оброчные торговцы; 8) оброчные ремесленники и лица свободных профессий; 9) мелкие земледельцы; 10) каторжники и т. д. Все эти страты невозможно объединить в один экономический класс: они принадлежат к разным, порой антагонистическим классам общества, производящим и паразитическим (феодалам и купцам, крестьянам и ремесленникам, к промежуточным слоям).

Перейдем, наконец, к рассмотрению рабовладельческих укладов, существовавших в тех или иных обществах, в основном в условиях господства феодальных отношений.

Не только исторически, но и экономически домашнее рабство — прямое продолжение патриархального: постоянной производственной ячейкой домашнего раба является дом его господина, труд раба идет на удовлетворение непосредственных жизненных нужд господина, заключаются ли они в производственной деятельности, бытовых услугах или имеют целью удовлетворение духовных потребностей. От патриархального рабства оно отличается прежде всего в правовом отношении: домашние рабы не являются признанными обществом членами семьи господина. Это основная черта всякого домашнего рабства, безотносительно к месту и времени, одинаково характерная и для челяди римского богача, и для дворни русского вельможи XVIII в.³⁷

Принципиальные отличия между разными категориями домашних рабов существуют не в их отношении к

³⁷ Именно в свете предлагаемой здесь концепции рабовладельческих укладов следует рассматривать и домашнее рабство в Аксумском царстве [146].

средствам производства, ибо оно одинаково для всех подлинных рабов вообще, и не в тонкостях юридического оформления их гражданского бесправия, а в отношении раба к самой производственной деятельности. Является ли раб данной категории непосредственным производителем: земледельцем, пастухом, рыбаком, ремесленником, горнорабочим и пр., или он является непроизводительным элементом: слугой, актером, воспитателем и т. д., — вот основной критерий, пользуясь которым можно установить относительное значение рабовладельческих укладов в производственном базисе данного общества. Что касается относительного значения непроизводительных элементов как из числа господствующего класса, так и из числа рабов, а также люмпен-пролетариата, то оно говорит о степени и особенностях развития социальной структуры.

На заре феодализма и в ранние периоды его развития домашнее рабство еще оставалось по преимуществу производительным, ибо владельцы рабов сами еще продолжали заниматься производительным трудом и не выделились в паразитический класс. Домашние рабы находились во владении многих мелких производителей: крестьян и ремесленников; они трудились в хозяйствах своих владельцев вместе с ними самими и членами их семей. При этом, конечно, положение домашних рабов не было равным положению членов семьи, и все наиболее тяжелые работы в хозяйстве приходились на долю рабов.

Чем большую часть производительного труда господ перекладывали со своих плеч и плеч своих домохозяев (включая патриархальных рабов) на плечи зависимого крестьянства, тем больше рабы выполняли специфические обязанности домашних слуг. Некоторые из этих обязанностей имели производительный характер, другие же совершенно его не имели. Поэтому, в отличие от патриархального рабства, домашнее не обязательно является производительным, и чем слабее в общественном производстве пережитки первобытного общества, чем большего развития достигает разделение труда и отношения эксплуатации, тем большее значение по сравнению с производительной деятельностью приобретает паразитизм домашнего рабства. Он был отражением паразитизма господствующего класса, подобно

тому как само наличие домашнего рабства отражало выделение господ в непроизводительный класс. Таким образом, исторически домашнее рабство выкристаллизовывается из патриархального под влиянием развития отношений эксплуатации, феодальных по своей сущности.

В Тропической Африке мы находим домашнее рабство почти везде, где феодальные отношения (особенно в земледелии) достигают значительного развития. Домашние (не патриархальные!) рабы имелись у правителей всех африканских государств (кроме Руанды, Бурунди и некоторых соседних княжеств), их вассалов и вельмож. Наибольшего распространения, притом уже с I тысячелетия до н. э., домашнее рабство достигло в Северо-Восточной Африке:

Напате, Мероз, позднее также в Аксуме [139, стр. 156 и сл.]. Далее на запад и юг оно появилось позже и было распространено не так широко, как в Нубии и Северной Эфиопии, где в XIX в., например, домашних рабов имели не только крупные феодалы, но и представители средних слоев населения.

В хозяйствах крупных феодалов Нубии, Сеннара, Северной Эфиопии, Харара домашние слуги, рабы и «свободные» были разделены на множество специализированных групп, которыми управляли «начальники рабов», «начальники царского дома» и т. п. В противоположность этому в государствах зоны южных саванн, от Мономотапы до «королевств» XIX в., «слуги царя», составлявшие его двор, делились на четыре главные категории: домашних слуг, придворных колдунов, музыкантов-певцов и телохранителей-палачей. Двор зулусского короля, самого могущественного правителя этого района Африки в XIX в., составляли следующие категории «царских слуг»: 1) евнухи, следившие также за соблюдением титулатуры короля; 2) трапезники, заботившиеся о приготовлении пищи для короля; 3) колдуны во главе с верховным колдуном; 4) массажисты, парикмахеры и «камердинеры»; 5) королевский лекарь; 6) девушки-умдлункулу, служанки и наложницы царя; 7) телохранители-палачи [357, стр. 219 и сл.; 82, стр. 291—292 и сл.]. Служанки-наложницы и Телохранители-палачи (в Дагомее и некоторых других государствах Западной Африки эти две категории совпадали,

а в некоторых государствах банту гвардейцы были фаворитами цариц) составляли наиболее многочисленную часть двора у большинства доколониальных африканских владык, от султанов Сеннара до царя Дагомеи и короля зулусов. В некоторых случаях таких придворных слуг можно считать домашними рабами царей, в других это определение не бесспорно. Если в Сеннаре, на северо-востоке Тропической Африки, дворцовые служанки были настоящими рабынями, то девушки-ки-умдлункулу при дворе зулусского короля в такой же мере напоминают патриархальных рабынь, как и домашних. То же самое можно сказать о телохранителях правителя зулусов, хотя они пользовались практически не большей личной свободой, чем «рабы-гвардейцы» сеннарского или дарфурского султанов, набравшиеся из пленных или их потомков. Рабство военнопленных зулусам вообще не было известно, и в их языке не существовало эквивалента слову «раб». У матебеле, ближайшего родственного им народа, и у макололо, соседей последних, с пленниками (главным образом мальчиками) обращались почти как с членами семьи; матебеле и макололо готовили из них воинов наравне с собственными сыновьями. Правда, вырастая, юноши матебеле и макололо в зависимости от своего происхождения становились членами одной из трех сословно-кастовых категорий. У матебеле это были: 1) абесанзи — привилегированная группа, чистокровные игуни по происхождению; 2) абенла — потомки племен суто-тсвана, к которым относились дети суто и тсвана, захваченные в плен, их прямые потомки, а также потомство от смешанных браков игуни с женщинами суто и тсвана; эта категория населения появилась в обществе матебеле во время пребывания их в Трансваале, на пути из Зулуленда в Родезию, и вместе с абесанзи пришла в область к северу от Лимпопо; 3) амахоли — пленники, захваченные матебеле в Родезии и Замбии, в основном машона, а также макололо и др. по происхождению. Однако, несмотря на эти градации, высшие должностные лица и придворные слуги отбирались королем из всех трех групп матебеле. По своему положению они не были его домашними рабами [344, стр. 43]. У масаев, у которых племена скотоводов превращались в господствующую этносоциальную группу среди покоренных

или переселенных на новые места земледельцев и ремесленников, также существовал обычай захватывать в плен женщин и мальчиков (мужчин убивали). Женщины становились женами воинов, а мальчики воспитывались вместе с детьми масаев и, как и последние, должны были прислуживать воинам и вождям и выполнять обязанности общинных пастухов. Достигнув зрелости, они либо адаптировались в племя, либо присоединялись к общинам зависимых земледельцев (аруша, тиакус и др.) и кузнецов [350, стр. 115, 123 и сл.]. В сущности, у масаев, матебеле, масаев и др. пленные мальчики находились на положении патриархальных рабов, получавших освобождение по достижении зрелости. У тутси Руанды и Бурунди, находившихся на более высокой стадии общественного развития, в семью охотно принимали всех детей, потерявших родителей, независимо от их этносоциальной принадлежности. Однако их статус не был тождествен статусу родных детей и зависел от касты: дети тутси, вырастая, получали свободу, а дети хуту и батва становились «клиентами» воспитавших их семей. Цари государств Южного Межозерья и правители отдельных провинций окружали себя толпами придворных и слуг, среди которых были представители тутси, хуту и батва. Первые, в свою очередь, подразделялись на «клиентов», или вассалов, и свободных, добровольно прибывших ко двору. К числу последних принадлежали, в частности, разведенные жены аристократов, находившиеся на положении придворных куртизанок. Весьма значительную часть слуг составляли сыновья «клиентов», остававшиеся при дворе царя или князя порой до женитьбы (примерно в 25 лет у тутси, в 17—18 у хуту и в 15 у батва), и взрослые дочери, а иногда и жены «клиентов», совмещавшие обязанности служанок и наложниц патрона. Обязанности слуг зависели от их кастовой принадлежности и фамильного престижа. Так, тутси работали очень мало, хуту обрабатывали поля правителя и охраняли по ночам его резиденцию и т. д., батва использовались как ремесленники, шуты и плясуны. Руководили слугами особые «мажордомы» и фаворитки правителя. Практически большинство руандийцев в детстве или в зрелом возрасте выполняли обязанности слуг в доме своего патрона, причем тутси вели праздный образ жизни, а хуту трудились

в земледелии илй домашнем хозяйстве. Ни Те, ми другие не могут считаться рабами; это вассалы и крестьяне-барщинники. Лишь одна категория лиц находилась на положении, близком к рабскому,— пленники. Однако обращались с ними так же, как со свободными бедняками-«клиентами», и по прошествии нескольких лет службы господин обязан был женить пленника, дав ему достаточно скота для уплаты брачного выкупа либо дав ему в жены собственную дочь. Пленницы обычно становились наложницами своего господина i[371, стр. 66, 67, 75, 78, 82, 95, 102, 120, 130, 153, 164; 328; 367; 353, стр. 86].

В Руанде, Бурунди, Анголе, Торо, Макололо, Баротсе и некоторых других государствах банту, достигших сравнительно высокого уровня развития, отсутствие института домашних рабов восполнялось развитием феодальной придворной службы (у вождей низших рангов—соответственно дворовой службы). И лишь в королевстве Конго в XVI—XVIII вв. каждый знатный человек («гранд» и «фидалгу») имел много рабов, занятых его обслуживанием: поваров, камердинеров, домоправителей, носильщиков и прочей челяди. Даже многие разбогатевшие «рабы» имели собственных домашних рабов [194, стр. 275 и сл.]. Еще шире институт домашнего рабства распространился в Анголе и в суахилийских государствах XVII—XIX вв., но здесь это явление было непосредственно связано с расцветом работорговли на внешний (американский) рынок.

Таким образом, степень развития домашнего рабства в Африке в общем уменьшалась все в том же знакомом направлении: с севера на юг и с востока на запад.

Не следует преувеличивать роль этого уклада в экономической жизни Африки, но и не надо забывать о том, что он существовал почти во всех феодальных обществах. Феодализм без домашнего рабства (но с сильными пережитками первобытнообщинного строя) известен лишь в немногих регионах ойкумены, в том числе в африканском Южном Межозерье (Руанда и Бурунди) и в Микронезии.

Ю. И. Семенов справедливо отмечает, что «слабое развитие рабства в том или ином конкретном раннеклассовом обществе еще не свидетельствует о его более

НозДйбМ, **сраВfiiifельпо** с другими формами эксплуатации, появлении» [216, стр. 162—163]. Однако он имеет в виду прежде всего распространенность рабства, т. е. количественную, а не качественную сторону дела. Кроме того, порой рабство, особенно домашнее, достигало большого распространения именно в сравнительно развитых феодальных обществах, например в Китае конца IV—VI вв. [443], в странах Ближнего Востока (и Северной Африки) после арабского завоевания в VII в., в странах Среднего и Ближнего Востока в позднее средневековье³⁸.

С другой стороны, на Новой Зеландии и Маркизских островах было известно лишь патриархальное рабство, тогда как на Таити и Гавайях оно переходило в стадию домашнего. Установленная 10. И. Семеновым зависимость в общем характерна для патриархального рабства, но для домашнего и других видов рабства действует зависимость прямо противоположная.

Это подтверждается африканскими историко-этнографическими материалами. У африканских народов, находящихся на самых ранних ступенях развития (пигмеи, бушмены и пр.), нет и следов рабства, но появляются первые, еще слабые элементы феодальной по существу эксплуатации этих охотников посредством рентных отношений (батва, манджо, манна и др.).

В доклассовых африканских обществах, например у нилотов и многих народов банту, известно лишь патриархальное рабство и близкая к нему «кабальная» форма эксплуатации [см. 218]; и здесь же появляются самые ранние формы феодальной по своему существу эксплуатации. С выделением господствующего социального слоя вождей-рентовладельцев патриархальное рабство в их домах превращается в домашнее рабство, и вместе с тем усиливаются и растут ранние формы феодальной эксплуатации. Очевидно, общий закон развития рабства — его параллельность развитию феодализма³⁹, несмотря на ряд неизбежных исключений.

³⁸ Большое число примеров такого рода из истории развитых феодальных обществ разных районов ойкумены приведено в работах В. П. Илюшечкина [121, стр. 23—47].

³⁹ Большое количество примеров, иллюстрирующих эту мысль, приводит В. П. Илюшечкин [121, стр. 3—48 и сл.]. Если наибольшему расцвету патриархального рабства соответствует патриархальный

Структура большесемейной общины и общин более высокого порядка, как показано выше, представляет собой систему ЯМНП и ЯУКП. Кооперация, связывающая отдельные ячейки этой системы, выражается не только во взаимопомощи между ними, но и в отчуждении избыточного труда или избыточного продукта от ЯМНП. Весь этот непосредственный и овеществленный труд первоначально предназначался на нужды общины (для создания запасов на случай праздников, неурожая, войн, строительство оросительных сооружений, храмов и пр.). Паразитируя, родо-племенная знать узурпирует права на этот избыточный труд, используя его в своих целях.

Господство мелкого натурального производства приводит к тому, что наиболее рациональной формой участия мелких производителей в расходах всей общины является складчина, т. е. отчуждение из ЯМНП части готового продукта. Такого рода складчина — один из видов экономической связи между ячейками производства, первоначально нерегулярный, осуществлявшийся от случая к случаю (при посещении общины верховным вождем-жрецом, при снаряжении посольства, устройства празднества и пр.). Однако сама регулярность сельскохозяйственного производства и связанная с ней регулярность общественных работ и празднеств вызвали необходимость регулярной складчины, которая превращалась в примитивный налог. Еще одна одна из регулярных функций народной жизни эпохи позднего родового общества — ежегодные войны [12, стр. 164] — требовали регулярных отчислений натурального продукта в

феодализм, то перерастание последнего в ранний феодализм, при господстве феодальщго способа производства, соответствует развитию из патриархального рабства рабства домашнего. С переходом феодального способа производства на ступень развитого феодализма появляется (наряду с домашним рабством и порой ограниченным феодальными рамками патриархально-рабовладельче'ским укладом) другой, сравнительно высокий вид рабства—это применение больших партий рабов на тяжелых работах.

Применение больших партий рабов на Строительных работах засвидетельствовано лишь в развитых феодальных обществах Африки: в Нубии XIII в. [38, стр. 623; 39, стр. 130—131 и прим. 161] и в Эфиопии XVI в. (45, стр. 154). Плантационное рабство не было известно в Африке шжнее Сахары до европейской колонизации.

общественный фонд. Эпизодический характер складчина сохраняет пережиточно даже в период развитого феодализма. Например, во многих странах Европы и Африки (Эфиопия, Мадагаскар и др. в XIX в.) существовал обычай, по которому крестьяне обязывались снабжать всем необходимым проезжающего через территорию общины феодала или направляющегося к нему посла. Первоначально складчины и налоги не являлись данями и оброками — отчислением прибавочного продукта, однако, подобно «взносу трудом» на общественных работах, избыточный продукт, взимаемый в виде налога и складчины, имел тенденцию превращаться в прибавочный.

Таким образом, развитие мелкого производства внутри общин неизбежно приводит к разделению всего труда и всего продукта на две основные части: ту, которая оказывается внутри ЯМНП, и ту, которая привлекается на общественные нужды. В этом разделении — зародыш феодального способа эксплуатации. Разделение общественного труда на последнем этапе первобытнообщинного строя уже выделило категорию лиц, руководящих экономической и политической жизнью общества, осуществляющих кооперацию труда и распределение продуктов; это вожди и старейшины, пользующиеся чрезвычайно возросшей властью (см. выше). Организуя кооперацию труда общин, они имеют некоторую возможность дополнить ее эксплуатацией. Поэтому, как только возможность становится действительностью, рождается эксплуатация мелких производителей-общинников или общин через посредство даней и трудовых повинностей.

Спротивление мелких производителей зарождающейся эксплуатации было так же естественно и неизбежно, как и появление самой эксплуатации. Поэтому на первых порах, до становления государства, развитие эксплуатации должно было идти по линии наименьшего сопротивления. Таких линий было несколько.

Первый путь состоял в использовании старейшинами и вождями для установления эксплуатации своих сородичей-общинников самых различных институтов, появившихся в эпоху расцвета первобытного общества; характеризовавшиеся взаимопомощью и равенством в условиях появившегося теперь имущественного расслоения.

ним, они оказались способными вместить в себя новое экономическое содержание. Известно, что у народов западносибирской тундры (энцы, нганасаны) богатые оленями скотоводы требовали у своих сородичей-охотников доли охотничьей добычи, установленной древним обычаем эпохи присваивающего хозяйства; мяса же домашних оленей они бедным охотникам не давали, ибо такой обычай не был установлен. По-видимому, нечто подобное происходило и в Африке (у охотников Эфиопии, Сомали, у бакалахари и дамара) при переходе отсталых племен к производящим формам хозяйства; надо сказать, что имеющиеся об этом сообщения не вполне ясны. Сходным образом охотники-пигмеи превращались из добытчиков мяса в поставщиков слоновой кости, которая в руках их «хозяев» превращалась в товар.

Еще чаще (так было в истории многих стран) богатые земель общинники заставляли небогатых соседей даром или только за харчи производить на них коллективные работы, пользуясь обычаем общинной взаимопомощи; разумеется, ответная работа па более мелких участках, при постройке меньшего размера домов, колодцев, каналов и пр., не была равной по затратам труда. Такого рода практика хорошо известна в исторической и современной африканской действительности, причем особое значение она приобрела в последние годы при переходе мелконатуральных хозяйств к товарному производству.

Известно бесчисленное множество исторических примеров того, как общественные повинности на нужды всей общины превращались в барщину, трудовую повинность в пользу рентовладельцев. К сожалению, никто не пытался проследить этот процесс на примере какого-либо общества Тропической Африки. Может быть, различные стадии подобного процесса мы наблюдаем у народов банту района южных саванн. Сохранилось интересное сообщение итальянских миссионеров XVII в. Микельанджело и Дениса Карли о провинции Мбамба в Конго: «Когда урожай собран (что происходит два раза в год), они собирают в одну кучу все бобы, в другую — кукурузу, а также все остальное; затем, отдав макулунте (старосте деревни) [долю] для его пропитания и отделив то, что предназначается на посев, остальное делили

по хижинам, в соответствии с количеством людей, которое имеется. После этого женщины вместе сеют и обрабатывают землю, чтобы снова собрать свой урожай» [цит. по: 194, стр. 269].

Характерно, что доля старосты — его можно определить как патриархального феодала — специально выделялась из общественного фонда до раздела его по душам.

У бакуба (в Заире) до настоящего времени существует общий фонд матрилинейной общины и куун, куда каждая семья вносит половину всех своих доходов. Из этого фонда уплачивали в XIX в. долги членов общины, штрафы, налагавшиеся на них, выкупали общинников из рабства и т. п., но также и покупали невольников. Глава общины и деревенская верхушка, приобретая на общественные средства невольников, явно использовали в своих личных интересах средства общинной казны [173, стр. 155, 162 и сл.].

Даже обычай гостеприимства мог быть использован для феодальной по своему существу эксплуатации мелких общинников методом «полюдя».

Подобные примеры знает и история доколониальной Африки. Вот, например, что сообщал в XVII в. итальянский миссионер в Анголе Джанаитонио Кавацци да МоНтекукколо: когда знатные баконго узнавали, что человек, стоящий ниже их по своему общественному положению, имеет большие запасы продовольствия, они являлись к нему со своими приближенными «в гости», ели, пили как можно больше, разыскивали припрятанные им припасы и уносили их с собой [см. 194, стр. 235]. Здесь также уже существовал (в Нсуиди) или только зарождался обычай «полюдя» [194, стр. 249; ср. стр. 212]. При этом размер дани не был строго фиксирован [194, стр. 210].

Происхождение подобных порядков от традиционного гостеприимства в отношении сородичей ясно выступает у баконго, у которых знатного человека принимают, угощают и снабжают продуктами па дорогу точно так же, как прибывшего издалека сородича [194, стр. 249, 260].

Современник Кавацци, португалец Жуаи душ Сан-туш, сообщал следующие сведения о придворных «короля» Китеве, вассала «императора» Мономотапы: они

путешествуют по стране в качестве королевских гонцов, питаясь безвозмездно в домах местных жителей; если гонцу понравилась какая-либо вещь в доме, где он остановился, он забирает ее себе [244, стр. 781. В Мо- номотапе дань также собиралась полюдьем [244, стр. 76, 77]. Аналогичные порядки мы наблюдаем и в других государствах банту (по сообщениям путешественников XIX в.).

Внутри болынесемейной патриархальной общины постепенно вызревало и усиливалось правовое и имущественное неравенство, социальная по существу, хотя и облеченная в форму «степеней родства» стратификация ее членов. Классические примеры этого процесса дают некоторые общества за пределами Африки (Тонга, Тикопия и другие архипелаги и острова Полинезии, Китай эпохи Чжоу и др.) [325, стр. 133; 318, стр. 370—371; 160, стр. 89—951.

В Тропической Африке такого рода общественные системы не выкристаллизовались, но кое-где процесс их образования, возможно, уже начинался. Так, у шиллу- ков правящий род KV/areth делился на три ранга: 1) reth (князь), 2) nyireth (сыновья и дочери князя, а также его братья и сестры, т. е. дети покойного князя) и 3) kwanyireth (внуки и более отдаленные потомки князя). Когда князь умирал, один из его сыновей, — nyireth, занимал его место, а сын последнего из kwanyireth возводился в ранг nyireth [287, стр. 48—49]. У тикаров Камеруна мы находим аналогичную систему. Потомки царя-фона вплоть до четвертого поколения носили титул у он то, что значит «дети дворца». Титулу н ь и р е т у тикаров соответствовал титул у а н т о ; дети уанто назывались у а н у а н т о, а внуки — у а и у а я у а н т о. Потомки царя в пятом поколении назывались у и р д у и й и пользовались настолько незначительными привилегиями, что нередко жили в бедности. Фон имел право требовать старшую дочь уирдуий себе в жены, а старшего сына — в дворцовые слуги [380, стр. 32].

Создание такого рода общественной системы (которую я отношу к числу феодально-патриархальных) означало институционализацию правового, а затем и экономического неравенства на основе традиционных представлений о родстве и старшинстве.

В основном же развитие патриархально-феодального

уклада пошло в Африке иными путями. Намного более распространенной, чем предыдущая, была иная общественная система, также основанная на принципах родства, старшинства и первородства. Упор в ней делался не на общественные ранги внутри семьи, а на неравное наследование имущества.

Право первородства было известно древним семитам (предкам арабов, эфиопов и др.) и многим другим народам мира; одним из его последних следов, в частности, является мировой сказочный сюжет о младшем и старшем братьях.

Право первородства мы находим и у ряда народов Тропической Африки, находившихся на последней стадии первобытнообщинного строя, особенно в области саванн Восточной Африки. Так, у элгейо умершему отцу семейства наследуют все его сыновья, однако старший сын первой жены получает самую большую долю, второй сын — меньше, чем первый, третий сын — меньше, чем второй, и т. д. Раздел имущества производит старший сын первой жены, что дает ему дополнительную возможность увеличить ценность своей доли наследства. Однако по обычаям элгейо каждый из сыновей умершего должен получить какую-то долю его имущества, поэтому по крайней мере одна корова или коза достаются младшему сыну. Если у покойного было трое сыновей, старший и младший забирают себе весь скот, а раздел производит средний сын. Землю наследуют аналогичным образом, причем делит ее между братьями старший сын от старшей из жен умершего. Если участок настолько мал, что дальше делить его невозможно, старший сын оставляет его себе, но в этом случае он должен при первой же возможности «купить» для своих братьев земельные участки [277, стр. 51; 338, стр. 87; 350, стр. 721. У пастухов равнинных сук умершему наследуют его сыновья и младшие братья, однако старший сын получает львиную долю отцовского имущества, а самый младший сын — большую часть имущества матери. Раздел производит один из братьев покойного, очевидно старший. По другим сведениям, доля старшего сына в наследстве больше доли второго, доля второго больше доли следующего по старшинству и т. д., а братья умершего наследуют ему только в том случае, если сыновья не успели пройти инициации, т. е. считаются несовершеннолетними

ми. У горных сук (земледельцев), по некоторым сведениям, скот наследуется таким же образом, а земля делится поровну между детьми покойного [277, стр. 35; 338, стр. 87; 350, стр. 81, 82]. У туркана первородный сын наследует вдов и большую часть имущества; он распределяет остальные доли между своими братьями и братьями умершего [338, стр. 87]. У кипсигис, по-видимому, скот, составляющий главное имущество, наследуется таким образом: еще до раздела наследства старший сын от старшей жены покойного получает двух коров и быка, а старший сын второй жены или, если умерший имел лишь одну жену, второй сын получает корову и теленка; эти животные предназначаются для погребальных жертвоприношений. Весь остальной скот поровну делится на столько частей, сколько у покойного было жен, а его сыновья затем делят между собой то, что пришлось на долю их матери. Раздел производится старшим сыном, который, по-видимому, может отступать от этих правил в интересах своих братьев [350, стр. 431. У доробо скот наследуется так, что старший сын умершего получает больше второго и т. д. Дж. У. Хантинг-форд приводит пример: если у покойного было семь коз и трое сыновей, то старший сын получает три, второй — две, а младший — одну козу; последнюю козу получает вдова. Коров же делят так: старшему — две, остальным — по одной и одну корову вдове. Младший сын имеет также право на приплод от коз и коров, доставшихся его матери [350, стр. 61]. У нанди старший сын покойного согласно распространенному среди паранилотов правилу наследует наибольшую часть скота, второй сын или старший сын от второй жены — меньше, следующий по старшинству — еще меньше и т. д. Во внимание принимается не старшинство матери в семье, а возраст сына. Женщины скота не наследуют, но получают в пожизненное пользование по корове, а также огороды и менее ценное имущество [345, стр. 66 и сл.; 350, стр. 23—24]. У барабаиг законы наследования довольно сложны, однако общее правило состоит в том, что старший сын умершего наследует львиную долю отцовского скота, а следующий по старшинству — соответственно меньше [350, стр. 93—96]. У масаев старший сын от старшей жены покойного также наследует большую долю скота и его бездетных вдов, а также имеет

долю в имуществе своей матери; его младшие братья наследуют лишь определенные доли в материнских стадах [346, стр. 309; 338, стр. 87; 350, стр. 108]. Те же правила наследования существуют у вандороббо [338, стр. 86]. У акамба старший сын первой жены умершего наследует, большую часть отцовского стада и некоторую часть коров и коз, принадлежавших вдовам отца [338, стр. 85]. У сандаве скот умершего сыновья делят более или менее поровну, однако, если младшие сыновья слишком молоды, старший сын забирает себе львиную долю. Женщины скота не наследуют [350, стр. 136].

У динка отец семейства все свои стада распределяет среди своих жен, и его сыновья (кроме младшего сына главной жены) после его смерти получают равные доли, однако старший сын умершего имеет некоторые привилегии [411, стр. 187]. У алурув главный наследник семейного имущества имеет преимущество перед своими братьями. Обычно это старший сын от старшей из жен, но часто в роли главного наследника оказывается любой другой сын покойного, если только ему удалось заручиться поддержкой вождя и старейшин [419, стр. 31 — 32]. Хотя сведения о наследовании у пилотских народов крайне отрывочны, можно сделать заключение, что у них не существует права первородства в отличие от более социально развитых паранилотов и акамба ([287, стр. 59, 61, 86, 99—100, 113, 128, 171; 419, стр. 31—33].

Как у древних семитов, право первородства у народов Восточной Африки касалось в основном наследования скота и вдов. Избыток земли делал излишними строгие правила ее распределения и вместе с тем неравенство в наследовании земли. Однако там, где сказывалось аграрное перенаселение, в наследовании земельных участков могло развиваться право первородства. У ибо Восточной Нигерии право на большую долю наследства по сравнению со своими братьями имеет старший сын от первой жены умершего. Он выбирает лучшие земельные участки для себя и своих кровных братьев по матери (у ибо женщины землю не наследуют). Затем выбирает участки для себя и своих кровных братьев старший сын от второй жены умершего, затем — старший сын от третьей жены и т. д. Кроме того, в дополнение к установленной доле старший сын от старшей жены покойного получал участок, называвшийся

У дй - м п и р и т и и находившийся в его личном пользовании, и участок а л а и с и - а б и а м а (букв, «место для встречи»), где принимают гостей. При разделе масличных пальм умершего старший сын выбирает несколько самых лучших, а остальные делит поровну между братьями. К старшему сыну от первой жены переходит также большая часть запасов зерна. Через несколько поколений таким образом создается значительное имущественное (земельное) неравенство [433].

Сходные права наследования мы находим у восточных соседей ибо — народов Центрального Камеруна. У бамилеке наследником всех титулов, жен и имущества покойного становится старший член старшего поколения семьи, обычно его брат, иногда старший сын. Он не обязан делиться наследством с другими детьми и родичами умершего, но обычно по собственному желанию уделяет им ту или другую часть имущества. У баненов умершему наследуют его сыновья, но не вдовы, дочери, сестры или братья. При этом старший сын распределяет наследство между своими братьями, забирая себе львиную долю его [380, стр. 116, 142—143]. Многие авторы отмечают всякого рода споры и злоупотребления, возникающие в Камеруне при* разделе наследства, особенно в том случае, когда главный наследник отказывается передать братьям насаждения товарных культур. В прошлом главным яблоком раздора были вдовы и дочери покойного, которых старший сын стремился оставить при себе, так как женщины здесь являлись главной рабочей силой. Результатом было резкое имущественное неравенство, отличавшее старшую ветвь клана или патронимии от младших ветвей.

С течением времени даже при сохранении родо-племенной структуры социальное и имущественное неравенство внутри общины могло стать руководящим принципом, сменившим прежний принцип равенства.

В конечном счете в общине (клане) на одном полюсе образовывался небольшой слой богачей, в избытке владевших средствами производства, на другом полюсе — слой бедняков, лишенных средств производства. Бедняки должны были добровольно соглашаться на патриархальную эксплуатацию их богачами, чтобы сохранить свою жизнь и членство в клане или племени.

Некоторая часть таких бедняков вступала непосред-

етвенно в ячейки производства зажиточных общиннйКов. На ранних стадиях развития классового общества эксплуатация всех категорий трудящихся была, как правило, невелика. Однако она неизбежно появлялась и росла. Бедняки, поселившиеся в чужих домохозяйствах, составляли одну из первых в истории категорий эксплуатируемого населения. По мнению Ю. И. Семенова, они подвергались «самой простой разновидности кабальной эксплуатации» — без «подсобного хозяйства», когда работники, сохраняя в большой мере личную свободу, но не имея собственных ячеек производства, должны работать в чужих хозяйствах, притом не за плату, а лишь за пропитание, кров, кое-какую одежду [218, стр. 250].

Такие труженики засвидетельствованы в раннеклассовых обществах всех времен, климатических зон и регионов земли ,[см. 218, стр. 250].

В Тропической Африке они описаны у некоторых земледельческих и скотоводческих народов: банту Межозерья, в частности логоли и вагусу Кавирондо [436, стр. 232; 368, стр. 138; 218, стр. 257], а также луо, тутси, хуту и др. В Руанде подобного рода неимущие называются а б а т и н д и (мужчины; женщины — а б а д ж а), что значит буквально «бедняки». Интересно отметить, что этим же словом обозначали и пленников, находившихся в патриархальной рабстве (см. выше). Они получали от своих господ пищу, одежду, кров и защиту, а с течением времени (обычно три года) —также скот и другие средства для внесения брачного выкупа (либо дочь хозяина в жены), после чего превращались в фео- дально-зависимых «клиентов» [371, стр. 95]. По-видимому, такой обычай существовал и у остальных народов Межозерья. У алуров на северо-востоке Конго подобные работники назывались д ж у м и р у , б о н г и л и а н - г е ч а . Э. У. Саутхолл подчеркивает, что их статус не был рабским. Такого рода отношения связывали отдельные семьи алуров с семьями ленду, которые становились клиентами первых. Работники ленду выполняли в домах алуров обязанности слуг, в частности «дядек» при детях своих патронов. Платы они не получали, но с течением времени женились на дочерях своих хозяев. В сходном положении находились одинокие пришельцы и (в XIX в.) рабы [419, стр. 199]. У гереро Намибии и

Ботсваны бедняк мог стать слугой богатого владельца скота, который кормил его (или просто позволял кормиться от своих стад), но не давал какого-либо иного¹ вознаграждения за его труд пастуха и работника на дому. В любой момент такой слуга мог покинуть своего господина [382, стр. 22, 64; 422, стр. 158]. Подобный вид эксплуатации, в сущности, близок к патриархально-рабовладельческой. От настоящего патриархального раба «кабальник без подсобного хозяйства» отличается лишь пресловутой «личной свободой»; однако налицо несомненная тенденция к ограничению этой «свободы», тенденции к воздействию на «кабалышка» внеэкономического принуждения, как и на раба, и на феодально-эксплуатируемого мелкого производителя.

Господство мелкого производства ставило определенный предел росту ЯУКП, какой являлось патриархально-рабовладельческое хозяйство. Дальнейшее развитие эксплуатации было возможно лишь за его пределами, в ЯМНГ1, как отпочковывавшихся от патриархально-рабовладельческой большесемейной общины, так и вступавших в те или иные связи с пей.

Образовывая собственные ячейки производства, младшие члены патриархальной общины, патриархальные рабы, бывшие «кабальники без собственного хозяйства» и пр., не порывали связей с патриархом, но должны были в тех или других пределах подчиняться его власти и нести в его пользу трудовые и натуральные повинности. Такого рода эксплуатацию, основанную на отчуждении прибавочного труда мелконатуральных производителей через механизм патриархальных социальных связей, я считаю патриархально-феодальной.

Патриархально-феодальные общественные структуры, основанные на родо-племенных общностях и различных элементах патриархально-феодальной эксплуатации внутри них, были распространены по всей Тропической Африке — от Сахары до южноафриканских банту и готтентотов. Эксплуатируемыми являлись (и отчасти являются до сих пор) мелкие производители, в большинстве общинники, эксплуататорами — главы общин (больших семей, кланов, племен): старейшины и вожди разных рангов. В сравнительно менее развитых обществах (у большей части нилотов, у северных паранилотов, народов Центральной Африки, многих народов банту, гот-

ienTOTOB и др.) патриархально-феодалная эксплуатация сочеталась с патриархально-рабовладельческой; у сравнительно более развитых народов (таких большинство)— с более высокими формами феодальной и отчасти рабовладельческой эксплуатации.

В истории как Тропической Африки, так и других регионов ойкумены мы наблюдаем весьма различные формы установления и распространения патриархально- феодальной эксплуатации. Всех их можно свести к двум главным линиям. Обе они выражаются в подчинении массы ЯМНП родо-племенной знати на основе их эксплуатации последней; однако первая линия состоит в укреплении традиционных уз и структур, в результате чего растет зависимость общинников от своих прирожденных патриархальных глав — старейшин и вождей; другая же линия состоит в установлении новых связей, часто путем воссоздания гибнущих ЯМНП с помощью богачей, либо защиты их от гибели переходом под покровительство этих богатых и влиятельных лиц, либо — чаще всего — того и другого вместе.

История многих феодальных стран знает коммendaцию, когда, спасаясь от разорения, мелкие производители добровольно передавали себя иод покровительство могущественных лиц либо целые общины приглашали для своей защиты «сильного человека». В основе коммendaции лежали уже определившиеся отношения обмена услугами между равноправными членами общины, однако теперь они наполнялись эксплуататорским содержанием. В результате такого рода коммendaции устанавливались отношения взаимного обязательства, согласно которым «клиент» получал от патрона гарантию своего положения мелкого производителя, а патрон становился его эксплуататором.

История африканских стран, особенно находившихся на севере и северо-востоке Тропической Африки, знает немало примеров и различных форм коммendaции. В этих районах, а также в Межозерье были известны и иные способы индивидуального перехода мелких производителей в разряд патриархально-эксплуатируемых «клиентов».

Эту категорию эксплуатируемых Ю. И. Семенов называет «кабальниками» [218, стр. 250 и сл.].

«Кабальники», по Ю. И. Семенову, это, во-первых,

трудящиеся, лично-свободные, но работающие в чужих хозяйствах без платы, за одно питание и содержание; во-вторых, отличающиеся от первой категории «только» собственным подсобным хозяйством. В Африке к ним относятся пастухи баньоро и баньянколе в Уганде (а также, добавим, других скотоводческих групп Межозерья)⁴⁰, обладавшие небольшим собственным стадом коров в дополнение к хозяйским, которых они пасли.

У алуоров северо-западной Уганды и северо-восточного Заира вожди владеют большими стадами крупного рогатого скота, часть из которых пасется поблизости от их постоянных резиденций, а другие перегоняются на более отдаленные пастбища. Каждое стадо передается «клиенту»-а и д в а ч и на один-три сезона; нередко несколько андвачи кооперируются для пастбы своего и господского скота в порядке очередности. Весь скот, включая приплод, должен быть возвращен вождю по первому его требованию, но молоком андвачи имеет право пользоваться все время, пока стадо находится в его ведении (т. е. в его временном владении). Обычно вождь — владелец стада вознаграждает пастуха одним из телят, родившихся во время его службы; так у андвачи появляется собственный скот. У алуоров владение скотом символизирует высокое общественное положение человека, и конфискация скота у того или иного младшего вождя равносильна его низложению. Если же последний имеет скот, то он раздает его в пользование как своим приближенным, так и рядовым общинникам, живущим в его округе, которые благодаря этому становятся его андвачи [419, стр. 78, 195].

Эта система существует также у родственных алу-рам луо и у других народов Кении и Танзании. В научной литературе она описана под теми названиями, которые распространены у тех или других африканских народов: «система убухаке» или «система убугабире» у тутси, «система каптик» у нанди, «система киманакан» у кипсигис и пр. У нанди «система каптик» часто служит не столько средством эксплуатации, сколько своего рода формой взаимного страхования скота от падежа, а в прошлом — и от угона врагами (буквально *kaptik*

⁴⁰ Ср. [404; 405]. Ценный фактический материал по этому вопросу содержится также в работах: [294 ; 347; 350; 367; 368; 370; 371; 372; 419 и др.].

зйачит «место, где укрыт скот»). О степени ее распространения свидетельствует следующий факт: по словам Дж. У. Хантингфорда, если у скотовода-нанди имеется 28 коров и два быка, 12 голов он оставит себе, по 5 голов передаст двум своим двоюродным братьям по отцу, а 8 голов — трем «собратьям по возрастному классу» в пользование и хранение. Держатель скота по «системе каптик» берет себе молоко, но приплод принадлежит хозяину коров, который может в любой момент и без объяснения причин забрать все стадо. Таким образом, труд пастуха вознаграждается лишь молоком коров, находящихся в стаде (вместе с ними в каптик передают телят). В конце XIX — начале XX в. у нанди уже не было таких больших стад, как в прежние времена; обычно у одного общинника имелось от 20 до 50 голов крупного рогатого скота, не считая овец и коз. Но при этом были и совершенно неимущие, и такие, кто владел сотней и более голов [350, стр. 21, прим. 4]. Теперь уже не боязнь вражеских набегов, как в период экспансии масаев и сук, а стремление эксплуатировать труд соплеменников было главной побудительной причиной, заставлявшей богатых скотовладельцев передавать свои стада в каптик беднякам. Дж. У. Хантингфорд считает, что сохранение «системы каптик» в колониальный период объясняется главным образом традицией, а также отчасти Стремлением богачей избежать обложения налогами i[350, стр. 21]. Между тем прирост стад, находившихся в пользовании пастухов,— свидетельство их эксплуатации владельцами скота.

Эта же система распространена и у элгейо. Известны случаи, когда элгейо брали скот в каптик не только у своих соплеменников, но и у нанди [350, стр. 71]. У барабаиг богатые скотовладельцы, обычно главы родов, передают скот в пользование своим бедным сородичам [350, стр. 93—95]. У кипсигис описана аналогичная система под названием «киманакан», почти тождественная «системе каптик» у нанди и элгейо. Различия состоят в том, что, во-первых, у кипсигис больше нуждающихся в получении'скота в'держание, а во-вторых, права держания у них более разработаны; владеец скота не имеет права отнять его у держателя без достаточных причин [350, стр. 41]. У масаев подобной социальной системы нет [350, стр.' 108], но она обнаружена

почти у всех соседних с ними народов. У ираку, живущих к югу от масаев, существует такая система под названием к в а с а р а ; по ее условиям пастух имеет право на молоко и навоз, но приплод принадлежит владельцу коров. По «системе коме» пастух может приобрести право на первую телку из приплода каждой из пасомых им коров [350, стр. 128].

Наивысшего развития такого рода отношения по поводу скота в Тропической Африке достигли у народов Межозерья, а также у фульбе Центрального Судана. В Руанде, Бурунди, Карагве, Анколе, Торо, Ньоро и в меньшей степени на севере Межозерья существовала сложная система владения скотом и разветвленная иерархия владельческих прав на скот. Верховным владельцем скота, как крупного, так и мелкого рогатого, в пределах государства был его правитель. Кроме того, ему принадлежал весь захваченный на войне крупный рогатый скот (захват скота был главной целью войн в Межозерье до появления здесь работорговцев). Однако имелись и другие владельцы и держатели скота. Скотом владели практически все представители высшей касты — аристократы и скотоводы-тутси и почти все земледельцы-хуту. Часть тутси и подавляющее большинство хуту непосредственно занимались уходом за скотом. Между ними и правителем стояла целая иерархия рентовладельцев — крупных владельцев стад, в которой вышестоящий (ш е б у д ж а) имел своим «клиентом», «вассалом», или «вассальным арендатором» (га р а г у), нижестоящего. Непосредственными «клиентами» правителя были военные вожди и должностные лица в провинциях, ведавшие распределением пастбищ и другими вопросами, связанными со скотом.

Стада, находившиеся в распоряжении военного вождя (в пограничных провинциях он часто являлся также местным «владыкой скота»), подразделялись на несколько категорий. И н ь я м б о назывались стада. Особенно красивого, длиннорогого скота, подобанные по масти, голов по 50 в каждом. Это были как бы священные царские стада. Другие стада, а м а б а р а, также оставались в непосредственном владении царя, хотя и тте были столь красивы и священны, как иньямбо. Эти стада пасли и охраняли специальные подразделения воинов-пастухов. Не каждому военному вождю переда

вались стада амабара и иньямбо, но каждый владел собственным скотом. Большую часть своих стад вождь (эта категория скота называлась имбата) распределял среди подчиненных, а также пришлых бедняков и соседних крестьян-хуту, которые становились его гарагу. Гарагу имел право на молоко полученных от шебуджи коров и коров, рожденных последними, а также на всех бычков и на мясо и шкуры коров, павших, зарезанных хищниками или погибших по другим причинам. Кроме того, он мог передать коров в субаренду и сам становился, следовательно, шебуджей. Шебуджа сохранял право владения скотом, переданным клиенту-гарагу, и коровами, родившимися от прежде принадлежавших шебуджи коров, т. е. стадом с его женским потомством. Шебуджа получал от своего гарагу «приношения» пивом и, если хотел, молоком или сливочным маслом, а также время от времени требовал известных услуг. Между шебуджей и гарагу устанавливались отношения особой личностной связи, которые обычно наследовались и детьми. Однако, вернув взятый у шебуджи скот, гарагу становится свободным от такой зависимости. Шебуджа же мог в любое время забрать свой скот у гарагу, если тот плохо исполнял свои обязанности усердного пастуха и лояльного «клиента». Не только шебуджа имел обычно множество клиентов, но и гарагу мог взять в держание коров у нескольких шебуджей и стать «клиентом нескольких господ». Кроме того, гарагу мог владеть собственным стадом, составленным из коров, купленных или полученных в дар, в качестве штрафа или брачного выкупа и пр. [434; 370, стр. 111—156; 371, стр. 91—92; 347, стр. 70—78].

В разных странах Межозерья эта социальная система имела местные различия. Например, в Руанде почти все шебуджи были тутси, а гарагу — хуту, тогда как в Анколе и те и другие принадлежали в основном к одной и той же этносоциальной группе хима, родственной тутси и занимавшей сходное положение в кастовой иерархии. Аналогичная система передачи в держание коров существует и у банту района южных саванн, тесно связанного исторически с восточными саваннами. Они подробно описаны у зулусов, матебеле⁴¹, ангоны, лози,

⁴¹ У зулусов и матебеле окот царя и вождей выпасали войны, которые имели право лишь на молоко и шерсть этих животных.

Ила, toiira й Др. У гереро Юго-Западной Африки владельцы больших стад скота охотно распределяют его среди бедняков, друзей и родственников. В старину это было своего рода формой страхования имущества в условиях постоянных набегов. В то же время, передавая скот беднякам, богатые гереро эксплуатируют их труд. Первые пасут и охраняют скот и пользуются частью продуктов животноводства; вторые сохраняют права собственности на скот. К сожалению, более подробные сведения на этот счет отсутствуют [422, стр. 157—158, 159, 160, 164].

Ф. Мейсон определяет эту систему как «разновидность феодальных отношений во владении скотом: богатый человек передавал скот зависимым от него лицам, которые, могли потреблять молоко, но не могли забить скот без разрешения владельца... Король, отождествляемый с духом предков, может быть сравним с собственником или попечителем, пользователь — с вассалом, своего рода арендатором» [373, стр. 187—188; 120, стр. 12—13]. Раздача скота в пользование порождала такую же иерархию феодальной зависимости, как и поземельные отношения [373, стр. 188].

10. И. Семенов, приведя несколько подобных примеров⁴², анализирует их следующим образом: «И здесь естественно возникает вопрос, не имеем ли мы тут дело с феодальной формой эксплуатации. Казалось бы, все признаки феодализма имеются налицо: наличие у работника собственного хозяйства и сочетание экономической и личной зависимости. Однако такой вывод является преждевременным. Работник может иметь свое хозяйство и, тем не менее, система эксплуатации даже внешне не будет походить на феодальную... Работник не только трудился в чужом хозяйстве, но и вел свое собственное. Но его хозяйство не только не являлось

«Можно предполагать,—добавляет советский исследователь южных банту И. И. Потехин,—что наряду с обязательным выпасом скота существует и ссуда скотом, Нq на этот счет имеются лишь случайные и довольно глухие намеки в доступных нам источниках» [204, стр. 244].

⁴² Их число, кроме приводимых Ю. И. Семеновым данных по скотоводческим народам Сибири, можно значительно увеличить за счет такого типа пастухов у скотоводов Азии, Африки, Латинской Америки (гаучо, вакеру и др.) и даже пастухов в римских саль-туссах.

основой производства прибавочного продукта, как это обстоит при феодализме, по не могло даже обеспечить существование самого работника и его семьи, что и заставляло последнего работать на богача, от которого он получал содержание. Собственное хозяйство работника носило чисто подсобный характер. Поэтому наличие его так же мало меняло характер существовавшей у якутов, чукчей, баньоро формы эксплуатации, как, например, наличие у пролетария небольшого надела не меняет сущности капиталистических отношений... Мы неизбежно наблюдаем наличие гаммы переходов между человеком, для которого работа в чужом хозяйстве есть основа существования, а собственное хозяйство носит чисто подсобный характер, и человеком, для которого основой существования является собственное хозяйство, а работа в чужом — лишь подспорьем или даже просто вынужденным делом» ([218, стр. 264—265].

Ю. И. Семенов, несомненно, прав, вскрывая феодальный элемент в эксплуатации такого рода трудящихся. Однако, по-моему, он склонен преуменьшать значение феодальных методов эксплуатации; так, он не учитывает, что не только «собственные», но и хозяйские животные находились в пользовании и владении пастухов. Более прав, по-моему, Ю. М. Иванов, дающий описанному выше институту следующее толкование: «В связи с тем, что вождь был собственником скота, уход за последним для крестьянина был отработкой в пользу вождя. Лишь дойка коров выступала для него как труд, который он непосредственно затрачивал на себя. Как и при всякой отработке, труд на феодала получает здесь самостоятельное выражение во времени и пространстве и является условием существования крестьянина. Однако рассматриваемая разновидность барщины имеет свои специфические черты, которые, на наш взгляд, сводятся к следующему. За работу на поле вождя крестьянин получает не продукт труда, который поступал феодалу, а землю — предмет труда. При наделении скотом наблюдается совершенно противоположная картина — скот (предмет труда) воспроизводится для феодала, в то время как крестьянин получает производный от него продукт — молоко. Следствием этого является то, что здесь нет такой зависимости между барщинным трудом

и работой крестьянина на себя, как это имеет место в тех случаях, когда крестьянин обрабатывает поле вождя. В известных пределах, чем больше крестьянин ухаживает за скотом, тем больше он получает молока» [120, стр. 14].

Действительно ли Ю. И. Семенов открыл новый вид эксплуатации, принципиально отличной от феодальной, ростовщической, рабовладельческой и капиталистической? Едва ли это так. Скорее, в положении «кабальника с подсобным хозяйством» естественнее видеть промежуточное, синкретическое состояние между «кабальником» без подсобного хозяйства и мелким производителем, ибо это «подсобное хозяйство» представляет не что иное, как ячейку мелкого производства.

Перед нами, следовательно, одна из форм патриархально-феодальной эксплуатации — весьма неразвитой формы феодализма. Правильно оценить ее можно лишь с учетом основных законов феодального способа производства.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПРИ ФЕОДАЛИЗМЕ

Существование ЯУКП теоретически допускает разные формы эксплуатации труда членов большесемейных или храмовых (монастырских) общин, неженатой молодежи, рабов, наемных работников или временно мобилизуемых мелких производителей (так называемые общественные работы, трудовая повинность и пр.). Однако абсолютное или относительное господство мелкого производства делает исторически наиболее рациональным преобладание в крупных хозяйствах повинностных способов эксплуатации, основанных на простой кооперации мелких производителей. Труд последних на общественном поле еще нельзя рассматривать как прибавочный, так как его продукты потреблялись самими же общинниками; однако такой труд имел несомненную тенденцию к превращению в прибавочный, поскольку основные свои потребности мелкие производители удовлетворяли в собственных хозяйствах.

Возможны две основные формы, два способа принуждения мелкого производителя. Первый способ — экономический, осуществляемый посредством неэквива

лентного обмена, ростовщичества и до известной степени краткосрочных и некоторых специфических видов аренды. Он предполагает значительное развитие товарно-денежных отношений и далеко зашедшее общественное разделение (и кооперацию) труда и постоянные превращения мелкого производителя в безземельного люмпен-пролетария и обратно. Оба явления типичны, но имеют ограниченную сферу распространения в эпоху мелкого натурального хозяйства, особенно на ранних его этапах. Второй способ — «внеэкономическое» принуждение мелкого производителя: организованное (в частности, государственное) и моральное. Оба они допускают два способа эксплуатации мелкого производителя:

1) временно отрывая его от своей ячейки мелкого производства и заставляя работать в крупном хозяйстве (на общинном или помещичьем поле, на строительных или других работах), т. е. непосредственно отчуждая прибавочный труд, и 2) отчуждая прибавочный продукт, производимый в самой ячейке мелкого производства. Первый способ дает отработочную ренту, второй — продуктовую. Оба они, по существу, способы феодальной эксплуатации. В обоих случаях отчуждению подвергается труд рабочей силы, воспроизведенной и по-прежнему продолжающей воспроизводиться в ячейках мелкого производства.

В той части производительного труда и произведенного продукта, которая остается в ячейке мелкого производства, почти всегда присутствует и частица прибавочного, присваиваемого купцом, ростовщиком, странствующим монахом и пр., а в той части, которая отчуждается феодальной властью, всегда есть частица необходимого труда, ибо господствующий класс не является чисто паразитическим. Кроме того, часть отчужденного труда мелкого производителя возвращается ему в виде угощения на повинностных работах и праздниках или же в результате орошения полей, создания общественно полезных сооружений и т. д.

Каковы особенности основных экономических процессов при феодализме?

Разделение и кооперация общественного труда в эпоху мелкого натурального хозяйства осуществлялись в основном внутри ячеек производства (во-первых, мелких, затем — крупных) и между ячейками (в основном

мелкими). Эксплуатация, извлечение прибавочного продукта из ячейки мелкого производства в этот период может превышать потребности необходимой кооперации труда между мелкими производителями и господствующим классом; тогда речь идет о паразитизме этого класса. В силу господства натурального хозяйства в основных производственных ячейках извлечение прибавочного труда (или продукта) возможно в основном внеэкономическим путем. Но эксплуатация мелких производителей путем такого принуждения, без посредства обмена,— это и есть феодальная эксплуатация.

Наряду с феодальной может существовать и торгово-денежная эксплуатация посредством рынка и неэквивалентного обмена. Однако она носит подсобный характер, главным образом из-за натуральности общественного хозяйства и господства конкурирующих с ней феодальных отношений. Внутри ячеек производства (мелких и условно-крупных) возможна также рабовладельческая эксплуатация, рабовладельческие уклады, с которыми опять-таки конкурирует господствующая в обществе феодальная эксплуатация. «Обмен деятельностью», являющийся формой разделения и кооперации труда, при феодализме осуществляется между ячейками производства в основном нетоварным путем. Если руководство экономической, политической и культурной жизнью общества в основном перешло в руки особого, относительно малочисленного класса и дополняется эксплуатацией этим классом мелких производителей, осуществляемой без посредства рынка, это рентная форма разделения труда и рентная организация обмена деятельностью (см. выше). С нею внутри ячеек производства может сосуществовать иной обмен деятельностью, например рабовладельческий.

Распределение средств производства, также связанное с общественным разделением труда, при мелком натуральном производстве имеет свои особенности. Средства производства в основном производятся внутри ячеек производства, в меньшей мере — за их пределами. Земля, рабочий и продуктивный скот, семена, удобрения, значительная часть орудий труда воспроизводятся тут же. Часть орудий труда приобретается на стороне, но нередко — по заказу, без посредства рынка. Рабочая сила почти всегда воспроизводится внутри ЯМНП.

Поэтому применительно к мелкому натуральному производству следовало бы говорить не о распределении средств производства, а о распределении производительных сил.

Распределение (перераспределение) производительных сил при феодализме имеет определенные отличия от соответствующего процесса как при первобытнообщинном строе, так и при капитализме. Лишь в небольшой степени оно осуществляется при посредстве товарно-денежных отношений, хотя «покупка должностей» (практически покупка ренты) известна уже в раннефеодальных государствах балуба [173, стр. 138], бакуба [173, стр. 139] и др.; а «покупка земли» была известна на таких ранних ступенях общественного развития, как у кикую и других банту Кении, бари, лотуко, лулуба, локойя и др. Южного Судана, консо и галаба Южной Эфиопии, балуба и других банту южных саванн и пр. Однако представление о цене земли появляется лишь на стадии позднего феодализма (а также в особых условиях высокоразвитого античного общества); на ранних ступенях «плата за землю» может быть либо непомерно низкой (символические подарки, угощение), либо непомерно высокой по сравнению как с хозяйственной ценностью земли в условиях мелкого натурального производства, так и с «ценой земли» в соседних районах (общинах, дистриктах и пр.).

Большое значение в распределении производительных сил при феодализме имели волевые акты государственной власти («пожалования», или «дарения»), а также волевые акты подчиненных владельцев («дарение» производительных сил отдельным лицам либо религиозным организациям). «Жаловали» целые ЯУКП и СНВ, реже — отдельные ЯМНП либо конструировали новые ячейки производства, переселяя на новые места непосредственных производителей, снабжая их землей, скотом, семенами и пр. Своего рода «полумерой» между этими двумя возможностями было «пожалование» отдельным лицам со стороны государства элементов производительных сил: пустующей земли, невольников и пр., с тем чтобы «жалуемые» сами сконструировали ячейки производства.

Однако основным и самым частым способом распределения производительных сил при господстве нату

рального хозяйства было наследование, регулируемое обычным правом.

Основное отличие, распределения производительных сил при феодализме от соответствующих отношений при первобытнообщинной формации — в наличии волевых актов государственной власти и частных владельцев; в относительном значении этих факторов плюс наследования — отличие от распределения производительных сил при капитализме, когда оно осуществляется в основном через рынок.

Производительные силы внутри ЯМНП находятся в двойственном положении: они принадлежат мелким производителям и в то же время не принадлежат им, что выражается помимо юридических норм в отношениях руководства и подчинения между производителями и феодалами, волевых актах и в распределении произведенного продукта.

Распределение продуктов — вернейший и наиболее уловимый показатель действительных отношений собственности. Для воспроизводства своей рабочей силы и заключенных в его ячейке средств производства мелкий производитель оставляет себе часть произведенного продукта. В силу того что общественное разделение труда все же в известных пределах существует и развивается и часть средств производства и продуктов потребления мелкий производитель получает извне, он может оставлять себе не только необходимый продукт, но и часть прибавочного, присваиваемого затем купцом. Другую часть произведенного — основную массу прибавочного продукта — мелкий производитель передает феодалу (рентовладельцу), другому владельцу той же ячейки производства. Владение мелкого производителя основано на его труде, владение рентовладельца — на характере производственной, общественной и политической организации в эпоху мелкого натурального производства. Именно в особенностях этого производства, его кооперации, обмена деятельностью, распределения производительных сил и продуктов потребления заключается двойственный характер феодального владения, от которого во многом зависит и раздельное, неполное феодальное право владения. И трудящийся мелкий производитель, и эксилуатор-рентовладелец — оба они владеют одними и теми же ячейками производства [см. 2,

стр. 730], что базируется на соответствующем комбинировании труда, тогда как эксплуатация (феодалная, рентная) и отношения господства и подчинения создают различие между трудовым владением крестьянина и феодалным владением рентовладельца.

Учитывая указанное выше, можно дать рабочее определение феодалного способа производства. Его основная черта как классового способа производства — эксплуатация человека человеком. Основная черта его экономики — господство мелкого натурального хозяйства. Эксплуатация мелкого производителя осуществляется в основном средствами «внеэкономического» принуждения. Следовательно, феодалный способ производства заключается в эксплуатации мелкого производителя путем «внеэкономического» принуждения⁴³.

Как известно, понятие «способ производства» включает производительные силы, т. е. субъект и объект экономического процесса, и производственные отношения, т. е., грубо говоря, самый экономический процесс. Однако экономические отношения полностью совпадают с собственно производственными отношениями (непосредственно складывающимися как комбинирование труда в процессе производства) лишь при идеально «чистом» капитализме. В докапиталистических обществах наряду с собственно производственными отношениями в состав экономических отношений входят отношения по поводу производства, не возникающие в самом процессе производства. Они подробно исследованы Розой Люксембург и другими марксистами начала века, которые справедливо указывали на то, что К. Маркс терминологически различал эти явления. В 1857 г. К. Маркс, составляя план главы о производстве и производственных отношениях, специально сделал заметку «насчет тех пунктов, которые следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты... *Вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения*», при этом отметил «роль, которую здесь играют международные отношения» [9, стр. 46].

Все виды экономического принуждения и основные формы распределения (в том числе распределения про

⁴³ По этой причине и само «внеэкономическое» принуждение играет экономическую роль.

изводительных сил) при феодализме относятся к категории отношений по поводу производства. Необходимость их для феодального общества вытекает из самой роли мелкого натурального хозяйства в ту эпоху. В самом деле, разве «внеэкономическая» власть феодала (рентовладельца) над производителем или рента-налог, особенно в виде дани или оброка, складываются в самом процессе производства? Но в то же время все это — экономические отношения⁴⁴.

Что касается морального принуждения, то оно составляет часть «внеэкономического» принуждения и вместе с последним фактор отношений по поводу производства⁴⁵.

Как и ранняя капиталистическая (или торговая и ростовщическая) эксплуатация мелких производителей, феодальная эксплуатация происходит при комбинировании труда за пределами первичных ячеек производства. Наоборот, рабовладельческая эксплуатация возможна

⁴⁴ Некоторые авторы противопоставляют «внеэкономическое» принуждение (сводимое в этом случае к личным отношениям верности и зависимости) экономическим отношениям, которые они сводят исключительно к вещным отношениям. Однако знак равенства между экономическими и вещными отношениями можно ставить разве только при идеально «чистом» капитализме.

⁴⁵ Б. Ф. Поршнев, В. Козловский и многие другие советские ученые не отделяют производственных отношений от отношений по поводу производства, поэтому «внеэкономическое» принуждение они считают элементом производственных отношений общества. Что касается морального принуждения, то его Б. Ф. Поршнев не считает «внеэкономическим» и вообще не относит к какой-либо категории экономической жизни общества [203, стр. 44]. Однако есть и другая концепция. Так, например, Ф. Морозов относит «внеэкономическое» принуждение к политико-юридическим отношениям [178, стр. 28].

Дж. Гэлбрейт следующим образом классифицирует побудительные мотивы деятельности труженика на капиталистическом предприятии: 1) принуждение, 2) вознаграждение, 3) отождествление личных целей трудящегося с целями организации и 4) приспособление целей организации к своим личным целям [109, стр. 176]. Сравнивая капиталистическое общество с феодальным, он видит, что в последнем господствует «принуждение, замаскированное или усиленное традицией» [109, стр. 204]. Это верно, однако почти во всяком феодальном обществе принуждение, в том числе моральное, дополняется некоторой долей отождествления (в том смысле, который вкладывает в этот термин Дж. Гэлбрейт), а экономика владения при феодализме дает труженику некоторое натуральное вознаграждение за его труд.

лишь при комбинировании труда внутри этих ячеек. В этом отличие феодальной эксплуатации от рабовладельческой и собственно капиталистической (с применением наемного труда), сходство ее с торгово-ростовщической и сходство между рабовладельческой и капиталистической эксплуатацией.

Экономические и социальные законы, действующие при феодализме, с одной стороны, и при капитализме — с другой, настолько отличаются по самой своей сущности, что было бы неверно рассматривать такие категории, как доход, рентабельность, собственность, как идентичные в обеих формациях. Возьмем категории дохода.

При капитализме главным его видом является прибыль на вложенный капитал. Капиталистическая земельная рента выступает как одна из форм прибыли на одну из форм капитала (землю). К. Маркс подчеркивал, что в отличие от докапиталистических' обществ «в буржуазном обществе... Земельная рента не может быть понята без капитала» [9, стр. 44]. Без малого все на свете при капитализме превращается в капитал и становится видимым источником прибыли (которую на самом деле производит прибавочный труд рабочего). При феодализме же не прибыльна рента является основным Видом дохода, причем феодальная рента не подчиняется действию закона прибыли и вложенный капитал. В условиях неразвитости товарно-денежных отношений цена на землю отнюдь не определяется ее доходностью. Известно, какие огромные суммы тратили богачи Римской империи или арабской Северной Африки на скупку участков земли, не задумываясь об их доходности; порой же владение заброшенной землей насильно навязывалось производителям. С другой стороны, «покупка» земли в доколониальной Кении, у кикуйю, в Южном Судане, у лулуба, или в некоторых районах Западного Судана выражалась в поднесении традиционному «хозяину земли» подарков весьма небольшой ценности. Хотя земля передается из одних рук в другие через акт продажи, она не становится регулярно товаром, да и не может им быть по самой своей природе, ибо на ее производство затрачивается лишь небольшая доля человеческого труда. Лишь при капитализме, несмотря на свою природу, земля, как и все остальное, превращается

в товар. Точно так же, лишь в весьма ограниченной мере, превращается в товар имеющаяся в феодальном обществе рабочая сила по причине неразвитости работы по найму.

Поэтому феодальная рента определяется не ценою земли, хотя в конкретных феодальных обществах и в конкретные периоды она начислялась на землю (поземельный налог, поземельная арендная плата и пр.), и не количеством рабочей силы, хотя порой она начислялась по этому признаку (подушный налог и пр.). Источником феодальной ренты является прибавочный труд (но не прибавочная стоимость как источник капиталистической ренты!) мелких производителей, ведущих натуральное в основном хозяйство. Эта рента, дробясь на доходы землевладельцев, «душевладельцев», различных властей и пр., превращается в аренды, фьефы, подати, обязательные подарки, пошлины, налоги — словом, все разновидности и составные части феодальной ренты-налога.

Ренту получает и владелец человека, трудящегося на своей земле или на земле третьего юридического лица, если этот трудящийся человек — мелконатуральный производитель. Ренту получает и владелец земли, на которой трудится лично-свободный мелкий производитель, владелец воды, владелец стад скота и пр.

Для ЯМНП характерны слитность и самовоспроизводимость элементов производительных сил, заключенных в ней, тогда как для ячейки капиталистического производства характерны расчлененность всех ее элементов на различные формы капитала. Поэтому для правового оформления эксплуатации мелконатуральных производителей эксплуататорам достаточно «ухватиться» лишь за некоторые, даже за один из основных факторов производительных сил — людей, землю, продуктивный скот, оросительные сооружения — при условии, что обеспечена сохранность и самовоспроизводимость ячеек производства. Отсюда «право на владение людьми», «право владения землей» и пр. «Монополия на землю», «монополия на рабочую силу», «монополия на недра земли», «монополия на скот» — все это лишь составные части монополии на производительные силы общества, необходимые для господства рентовладения, господства феодальных производственных отношений и

феодалных отношений по поводу производства, господства класса феодалов-рентовладельцев над мелкими производителями. Таким образом находит одно из своих выражений единство вещных и личных отношений при феодализме⁴⁶.

Таким образом, принципиально нельзя отождествлять феодальную ренту с одной лишь земельной, хотя последняя может частично или полностью совпадать с первой. Такое совпадение наблюдалось в высокоразвитых феодальных обществах Западной Европы и некоторых других регионов. Но для раннефеодальных обществ Африки такое определение ренты недостаточно. Здесь рента, рентные отношения — это такие отношения по поводу производства⁴⁷ (или, выражаясь словами К. Маркса, вторичные производственные отношения) [0, стр. 46], при которых прибавочный труд в его непосредственной либо овеществленной (продуктовой, денежной) форме отчуждается от непосредственного производителя, более или менее самостоятельно 'ведущего натуральное в основном хозяйство' [5, стр. 362 и сл.].

Эту особенность феодальной ренты следует учитывать при определении основного экономического закона феодализма. В настоящее время стало, по-видимому, общепринятым мнение, что получение феодальной ренты является (главной целью феодальной эксплуатации, чертой, без которой феодализм не может существовать, и что производство и получение феодальной ренты являются основным законом феодализма.

В силу относительного господства - в рассматриваемую эпоху мелкого натурального производства продук

Можно условно согласиться с А. Я. Гуревичем, когда он возражает против ошибочного, но весьма распространенного мнения о том, что личные формы связи лишь маскируют в феодальном обществе вещные отношения, так как «межличностные отношения древнее вещных и никак не могут быть к ним сведены. Скорее наоборот, в вещных, материально-экономических связях можно распознать фетишизированную форму тех же личностных отношений» [107, стр. 22]. Не вызывает возражений и наблюдение А. Я. Гуревича о том, что при феодализме заметно «преобладание непосредственных межличностных связей» и «переплетение... социальных связей: личностных и вещных» [107, стр. 23], однако лишь с той оговоркой, что личные связи играют экономическую роль.

⁴⁷ Ср. у А. Я. Гуревича противопоставление внеэкономической зависимости «чисто рентным отношениям» [107, стр. 24].

товая рента, как правило, исторически превалирует над денежной и отработочной. Рента последнего типа является хотя и важной, но дополнительной к продуктовой и лишь на заре капиталистической эры может приобрести исключительное значение (барщинное хозяйство и крепостная мануфактура в Восточной Европе и пр.). Однако значение трудовых повинностей относительно повышается там, где: 1) развитие мелкого производства еще не привело к распаду общинной общины или 2) хозяйственные нужды общества требуют ирригационных работ (как было в ряде стран Востока) .

Обратимся к категориям рентабельности при капитализме и феодализме. При капитализме рентабельность—■ это способность предприятия приносить максимальную прибыль на вложенный капитал, при феодализме— лишь способность ЯУКП или системы ЯМНП приносить среднюю для данного общества ренту безотносительно к материальным средствам, затраченным предварительно на приобретение земли, скота, инвентаря, покупку или переселение и устройство на новом месте людей, проведение каналов и пр.

Так же мало общего и в отношениях собственности при капитализме и при феодализме. При изучении их следует отличать действительные, т. е. экономические отношения собственности, от их правового оформления, т. е. прав собственности, владения, пользования и т. п.

В развитой капиталистической формации права собственности, в том числе поземельные отношения, в сравнительно высокой степени совпадают с экономическими отношениями, во всяком случае, такова господствующая тенденция капитализма. Поэтому К- Маркс и Ф. Энгельс нередко говорили безразлично об отношениях собственности и о правах собственности. Но они постоянно напоминали, что отношения собственности имеют двоякую форму выражения: экономическую (основополагающую, реальную, фактическую) и юридическую, вторичную.

Лишь только речь заходила по существу вопроса, К. Маркс и Ф. Энгельс давали понять, что собственность для них — категория экономическая, система экономических отношений. В таком виде она рельефно вы

ступает в «Немецкой идеологии» и особенно в «Капитале». Величайшей заслугой К- Маркса стало то, что в отношениях собственности он увидел не отношения людей к вещи, а отношения людей друг к другу в процессе производства, то по поводу средств производства и результатов этого производства⁴⁸.

Он беспощадно критиковал любые попытки рассматривать собственность как независимое отношение вне экономических процессов, протекающих внутри исторически конкретных обществ. И в тоже время Маркс подчеркивал, что на вопрос об отношениях буржуазной собственности «можно было бы ответить только критическим анализом „политической экономии”¹¹, обнимающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении, как волевых отношений, а в их реальной форме, т. е. как производственных отношений» [il5, стр. 153—154]. Таким образом, К. Маркс открыл экономическую основу права собственности и вложил экономическое содержание в понятие «собственности».

С тех пор в марксистской литературе утвердилось представление об экономической природе собственности и об отдельных ее формах. Собственность в марксистско-ленинском понимании представляет собой единство процесса и формы присвоения продуктов природы человеком внутри исторически определенного общества. Таким образом, это экономический процесс и производственное отношение одновременно. Экономическое содержание этого процесса и этой формы неизбежно изменяется в связи с развитием производства и общества.

Все политэкономы-марксисты сходятся в том, что не может быть абстрактного, внеисторического вида «собственности», но что в разных общественно-исторических формациях экономическое содержание «собственности» (© широком смысле слова) в корне различно, так как различны производственные отношения, составляющие содержание собственности (или — по другой версии — лежащие в основе собственности). Разногласия вызывает лишь вопрос о соотношении про-

К. Маркс неизменно различал собственно производственные отношения и отношения по поводу средств и результатов производства (ср. выше).

производственных отношений и собственности как экономической категории⁴⁹.

В разработке этой проблемы особенно велика заслуга М. В. Колганова, который «действительные отношения» пользования, владения и собственности в узком смысле слова (или «полной собственности») рассматривал как экономические, а не юридические, и указал их историческое место в развитии общественного производства, фактически признавая зависимость этих трех основных форм собственности от производительного труда, от производства. Пользование М. В. Колганов определил как форму присвоения естественных продуктов природы без посредства производительного труда, владение — как присвоение на основе производства, но без обращения товаров, а собственность в узком смысле — как присвоение, основанное на производстве и товарообмене [146, стр. 6 и сл.].

Определение исторических форм собственности М. В. Колгановым верно по существу, но, на наш взгляд, неполно и требует некоторых оговорок и дополнений. Так, М. В. Колганов несомненно недооценивал роль производительного труда в «присваивающем хозяйстве» охотников-собирателей, отождествляя в этом случае пользование с присвоением. Более правы, по нашему мнению, И. Д. Колесов, рассматривающий пользование как категорию воспроизводства, лежащую в основе различных форм присвоения [147, стр. 14—15], и Е. П. Дятел, подробно развивающий это положение на примере африканских первобытных обществ [113; 114; 115; 116]. Определение М. В. Колгановым самого понятия «собственность» (в широком смысле), с одной стороны, как присвоения людьми предметов, а с другой — как общественного, имущественного отношения между людьми [146, стр. 3, 8, 9]⁵⁰, представляется нам

⁴⁹ Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые видят в собственности экономическое отношение, сущность которого составляет совокупность производственных отношений общества на данном этапе его развития [196, 202, стр. 3—14 и сл.; 178, стр. 3—24 и сл.; 167; 78, стр. 3—24 и др.]. Наиболее последовательно эта точка зрения развита в статьях А. К. Покрытана [202; 196, стр. 3—14 и др.], где также подвергнут справедливой и острой критике «юридический» подход к собственности (см. ниже) •

⁵⁰ В то же время М. В. Колганов признавал неизбежность вопроса, могут ли производственные отношения иметь две основы: производительные силы и собственность [146, стр. 3].

недостаточным и даже противоречивым. Оно возникло, видимо, как компромисс между «юридическим» и «экономическим» подходом к проблеме собственности. Другой недостаток этого определения М. В. Колганова в том, что различные исторические формы собственности он не всегда связывает с историческими формами комбинирования труда. Особенно это относится к 3-го определению владения, тогда как, говоря о собственности в узком смысле слова, исследователь показал, что она овладевает основной частью производства лишь в эпоху капитализма, а в предшествующие эпохи развивается в ограниченных пределах, на базе общественного разделения труда и товарообмена [146, стр. 211 исл.]. Наконец, М. В. Колганов склонен был на каждом этапе общественной эволюции искать, так сказать, «чистый» тип собственности: пользования, владения или собственности в узком смысле слова. Между тем приведенные выше материалы показывают, что у пигмеев, например, наряду с отношениями пользования появляются и отношения владения (охотничьей собакой, сетью, оружием, когда они передаются другому лицу, которое за это предоставляет владельцу известную часть добычи, и убитым слонем, которым по обычаю владеет не только охотник, но и его «господни»-банту, а также владение локальной группы молодыми людьми — невестами и женихами).

К сожалению, верное в своей основе представление М. В. Колганова об экономической природе владения не привлекло со стороны историков и социологов того внимания, которого оно заслуживает. Например, нередко пытались рассматривать (применительно к обществам древнего Востока, Африки, «варварской» Европы и пр.) государство как собственника основных средств производства, вождей, вельмож и пр. — как осуществляющих владение ими, а мелких производителей — как осуществляющих пользование основными средствами производства. Крупнейший советский ассириолог И. М. Дьяконов показал, как трудно говорить о так называемом праве раздельной собственности в древних обществах Передней Азии и Африки, и вскрыл беспочвенность широко распространенного представления о «верховой собственности на землю» древневосточных царей [112, стр. 19 и сл., 27 и сл.]. Он справедливо

говорит: «Хотя до сих пор никто не мог доказать, что царь в древней Западной Азии (и Африке) был верховным собственником всей земли в государстве, такое утверждение продолжает повторяться из книги в книгу, из статьи в статью» [1112, стр. 13]⁵¹. Чрезвычайно плодотворным представляется и его объяснение различия между большесемейными общинами и малыми семейными хозяйствами тем, что первые были относительно независимы, а вторые — тесно связаны с царскими и храмовыми хозяйствами (малые семьи обрабатывали царскую землю) [112, стр. 33—34],

В этом, как и в трактовке природы налогов в древних обществах, И. М. Дьяконов имеет своим предшественником А. В. Венедиктова, который критиковал историков-античников за слишком вольное употребление термина «собственность». Он полагал, что они не проводят должного различия между правом собственности и верховными правами государства (и его представителя—царя) и поэтому нередко считают признаком или выражением права государственной собственности то, что в действительности является проявлением государственного суверенитета, например налоги [90, стр. 51 и сл.].

Следует отметить, что А. В. Венедиктова интересовал исключительно правовой аспект проблемы, но при этом он, к сожалению, рассматривал ее в категориях современного и римского права, а не в свете менее развитых норм, более типичных для феодальных обществ с крайне ограниченной ролью товарно-денежных отношений.

Вместе с тем И. М. Дьяконов не делает оговорки о коренном экономическом различии отношений собственности в разных общественно-экономических формациях. Он приходит к выводу, что царь на древнем Востоке, взимая натуральный налог, «выступает в публичной функции, а не как собственник, и поэтому — в отличие от условий, существовавших в феодальном обществе,— этот налог не является рентой (разрядка И. М. Дьяконова,— Ю. К.). Подобные прерогативы осуществляет любое государство, в том числе буржуазное...» [112, стр. 23].

⁵¹ Сходную мысль см. также в [110, стр. 51, прим. 43].

Здесь мы видим пример отождествления капиталистической и феодальной ренты. Налог, взимаемый буржуазным государством, представляет собой часть капиталистической прибыли и в известной мере подчинен ее законам. Налог же в феодальных государствах не подвержен действию законов, управляющих прибылью (даже тогда, когда она спорадически появляется), но подчиняется закону феодальной ренты, частью которой этот налог и является.

Эту точку зрения, неоднократно высказывавшуюся нами в докладах и сообщениях, энергично поддержал В. П. Илюшечкин в своей новой работе о докапиталистической ренте [122, стр. 39 и сл.]. В этой чрезвычайно содержательной работе впервые разъяснено происхождение известных высказываний К. Маркса о ренте именно как о земельной ренте и обосновано мнение, что основоположнику марксизма отнюдь не было чуждо понимание докапиталистической ренты не только в качестве земельной [5, стр. 183]. При этом, как показал

В. П. Илюшечкин, К. Маркс неоднократно указывал на существование докапиталистической, или добуржуазной, ренты в античных обществах, например в Римской империи [5, стр. 183—184, 361, 367]. Можно отметить совпадение многих наших взглядов со взглядами В. П. Илюшечкина на значение докапиталистической ренты в экономике всех обществ древности, средневековья и нового времени, стадияльно расположенных между первобытнообщинной и капиталистической формациями. Вместе с тем имеется и ряд расхождений. Прежде всего вызывает возражение определение докапиталистической ренты как «рабовладельческо-феодальной» [122, стр. 36 и сл.]. В том случае, когда докапиталистическая (по нашему определению — феодальная) рента создается трудом «рабов», являющихся мелкими производителями, эксплуатируемыми средствами внеэкономического принуждения, перед нами феодальный по существу способ эксплуатации, и вряд ли могут быть сомнения в феодальном характере ренты. Несомненно иначе обстоит дело при наиболее развитом рабовладельческом укладе (сюда мы относим также эксплуатацию посессионных и других безнадельных крестьян, получающих месячину, которую В. П. Илюшечкин считает феодальной [122, стр. 9 и сл.]); в этом случае рента в известной ме

ре утрачивает свой докапиталистический характер и приобретает черты прибыли и вложенный капитал; иначе и не могло быть при крупном товарном производстве.

Далее, разделение феодальной ренты на личностную, земельную, личностно-скотоводческую и личностно-земельную, как оно проведено у В. П. Илюшечки-на [122, стр. 21 и сл.], представляется нам искусственным в свете того, что прибавочный продукт создавался в ЯМНП в целом и извлекался из ЯМНП также в целом и лишь начислялся по признаку количества земли, воды, скота, урожая, «душ» работников или всех «душ» и т. д. Очевидно, следует более строго отличать феодальную ренту, как таковую (в том числе ренту-налог), от видов податей, через которые она находила юридическое выражение.

В этих частностях В. П. Илюшечкину не вполне удалось избежать смешения (феодальной ренты с капиталистической, против чего он справедливо борется в своей последней работе.

Несомненно, отождествление феодальной ренты с капиталистической земельной рентой затемняет коренное различие между капиталистической и феодальной собственностью, или, по терминологии М. В. Колганова, собственностью и владением. Между тем они отличаются принципиально, вследствие различия в экономических отношениях той или другой формации, хотя и имеют общие черты, так как та и другая формации являются классовыми.

В различных работах К. Маркса и Ф. Энгельса мы находим указания на предшествующую капитализму форму собственности. В «Немецкой идеологии» исторические формы собственности рассматриваются как обусловленные развитием общественного разделения труда («Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности») [14, стр. 20]. Далее К. Маркс и Ф. Энгельс дают характеристику двух видов собственности, докапиталистической и капиталистической. При этом первая обнаруживает такие черты, как особая роль землевладения и непосредственно, естественно возникающее господство, личностные связи между индивидами: семейные, племенные, территориальные и пр., господство

Собственника над несобственником, опирающееся На личные отношения, на тот или иной вид общности. Вторая же выступает как господство труда, в особенности накопленного труда, капитала, над человеком, причем индивиды независимы друг от друга и связаны только посредством обмена, господство же собственника над несобственником принимает вещественную форму, выражаясь в деньгах [14, стр. 165]. В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» К. - Маркс указывал, что «*собственность* означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) [в „Капитале“ к этому добавлены общинные формы Индии и румынских областей — см. 2, стр. 249. — Ю. К.] отношение трудящегося... к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы» [8, стр. 485]. Здесь особый интерес вызывает объединение в одну группу целого ряда докапиталистических форм собственности и ее противопоставление капиталистической. В первоначальном варианте «Капитала» К. Маркс, критикуя Гегеля за чисто юридическую трактовку владения, писал: «Никакого владения не существует до семьи или до отношений господства и подчинения... Напротив, было бы правильно сказать, что существуют такие семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Более простая по сравнению с собственностью категория выступает, таким образом, как отношение, свойственное простым семейным или родовым сообществам» [9, стр. 38—39] (Здесь ясно указана та же самая связь владения с личностными отношениями, которая характеризует докапиталистическую форму собственности в «Немецкой идеологии»). Это позволяет отождествить владение как историческую форму собственности с докапиталистической, феодальной ее формой, чему не противоречит и то, что владение в его первоначальных видах появляется еще в дофеодальных обществах.

Нельзя забывать о множественности видов владения; некоторые из них охарактеризованы К. Марксом как азиатские, славянские и другие формы общинной собственности. Экономическое содержание (и юридическое оформление) владения неизбежно изменялось с разви

тием общественных отношений, прежде всего комбинирования труда, начиная от появления первых элементов владения в недрах первобытнообщинной формации и кончая его развитием в частную собственность в позднем феодальном обществе.

Таким образом, владение есть основной вид отношений собственности при феодализме, характеризующийся рентной формой комбинирования труда, рентными отношениями эксплуатации, личностными отношениями между владельцами (совладельцами, субъектом и объектом владения), при максимальной множественности конкретных форм, наиболее примитивные из которых приближаются к отношениям пользования, а наиболее развитые — к отношениям собственности в узком смысле слова.

Очень хорошее определение пользования, владения и собственности предложил С. М. Каштанов [133, стр. 172 и сл.1. В своей концепции он исходит из попытки связать вопрос о собственности и владении с вопросом о потребительской и меновой стоимости в трудах М. В. Колганова, справедливо критикуя последнего за смешение экономических и правовых критериев [133, стр. 165—172]. С. М. Каштанов дает следующие сжатые формулировки: «Собственность — такая форма присвоения, при которой функционирование объекта присвоения в качестве потребительной стоимости не обусловлено приложением к нему личного труда субъекта присвоения или присваиваемой этим субъектом другой потребительной стоимости.

Владение — такая форма присвоения, при которой функционирование объекта присвоения в качестве потребительной стоимости невозможно без приложения к нему личного труда субъекта присвоения или присваиваемой им другой потребительной стоимости.

Пользование — такая форма присвоения, при которой функционирование объекта присвоения в качестве потребительной стоимости сводится к производственному или непроизводственному потреблению его субъектом присвоения» [133, стр. 172].

С. М. Каштанов совершенно справедливо указывает, что «пользование существует и как самостоятельная форма присвоения, и как составная часть владения и собственности» и что «в ряде случаев собственник и

владелец объединяются в одном лице» [133, стр. 174]. Следовательно, вполне законно предположить и существование в истории ряда обществ переходных форм между пользованием и владением, владением и собственностью. Действительно, в условиях феодализма не всегда можно определить, является ли данное лицо собственником или владельцем, имеем ли мы дело с собственностью или только с владением. Критерием здесь далеко не всегда могут служить юридические или даже фактические права [ср. 133, стр. 175 и сл.]; подлинный критерий — развитие меновой стоимости и товарного производства, которое превращает владение по своему экономическому содержанию в собственность и создает бесчисленные переходные формы.

По нашему мнению, в условиях становления и поступательного развития феодализма, когда паразитизм господствующего класса еще сравнительно невелик, феодал был владельцем ячеек мелкого натурального и ус- ловно- крупного производства постольку, поскольку он вкладывал свой труд в их защиту и руководство ими; с ростом товарно-денежных отношений, роскоши и паразитизма все заметнее проявлялись элементы собственности. В связи с этим менялось и экономическое содержание ренты.

Рентные отношения в первоначальном виде, как свидетельствуют бесчисленные примеры из истории раннефеодальных и патриархально-феодальных обществ, предполагали взаимные услуги и взаимные обязательства владельцев — непосредственных производителей и владельцев-эксплуататоров. С течением времени, в связи с ростом товарно-денежных отношений и паразитизма господствующего класса, рентные отношения приобретают все более односторонний характер, натуральная рента все более становится данью, затем рента капитализируется, превращается в деньги, начинает рассматриваться как прибыль и т. д.

Насколько понятие «полной собственности» неприменимо к отношениям докапиталистического общества, видно на примере сахарских туарегов. А. И. Першиц, учитывая отличие владения у туарегов от капиталистической собственности, весьма осторожно употребляет в отношении туарегского общества термин «собственность»-. Он говорит лишь, что у туарега-мужа был свой

скот, помеченный его родовой и личной тамгой, у жены — свой и даже дети часто являлись собственниками нескольких животных, подаренных им родителями или другими родственниками по случаю каких-либо торжеств [200, стр. 327—328]. А. И. Першин говорит о «наследовании собственности» в семье [200, стр. 329], о различных видах «племенной собственности», которую называет также «общественным достоянием» [200, стр. 331], что, по-видимому, точнее первого выражения. Относительно же земельных участков он употребляет термин «владение» [200, стр. 328], хотя в другом месте говорит и о том, что в собственности верхушки господствующего сословия — ахаггаров — «или в фактическом распоряжении» верхушки податного сословия — амгидов — «находились пастбища, часть которых они отводили под свои заказники или даже сдавали за арендную плату чужим племенам. Они наследственно владели большими и лучшими участками охотничьих и собирательских угодий и плодородными землями в оазисах» [200, стр. 346].

Ахаггары не занимались физическим трудом и эксплуатировали арендаторов-пастухов, в основном из числа своих невольников и вольноотпущенников (личнозависимые арендаторы стад), таких же лично-зависимых арендаторов-земледельцев в оазисах (харатины), обрабатывавших землю на условиях пятиричной аренды хума са или хамаса т, иногда земледельческое и ремесленное население долины Нигера (особенно в районе Томбукту), низшую касту кузнецов инегедов, а также скотоводческие племена данников; эти последние составляли сословия амгадов, или амгидов, и бугеллитов, и редженатенов, и секкемарей и др. Особенно многочисленны были козоводы-имгалы, главное податное сословие туарегского общества. Они разводили коз и были должны: 1) платить ахаггарам ежегодную подать... У кель-аджер отмечена подать в размере одного верблюда, молока от 20 коз и одной меры масла с племени (308, стр. 335; 200, стр. 340), у западных кель-ахаггар — в размере одной меры фиников с шатра или 12 верблюдов с племени [280, стр. 20; 200, стр. 340]; 2) предоставлять ахаггарам в безвозмездное временное пользование нужный им скот; 3) после смерти вождя амгидского племени отдавать его верхового

верблюда вождю ахаггаров; 4) при чрезвычайных обстоятельствах, например при утрате ахаггарами скота из-за грабительского набега или эпизоотии, отдавать им совсем нужное количество животных; 5) обеспечивать ахаггаров продовольствием во время совместных кочевок; 6) выпасать принадлежащий ахаггарам скот; 7) отдавать ахаггарам абелладж — половину своей добычи в военных набегах [200, стр. 339—340].

А. И. Першиц вполне справедливо характеризует все указанные выше виды эксплуатации как феодальные, только издольщину называет «полуфеодальной эксплуатацией» [200, стр. 345]. А. И. Першиц правильно указывает суть отношений между воинами-верблюдо- дами ахаггарами и безоружными (исторически — разоруженными) козоводами-данниками имгадами. Исторически сложилось так, что военное сословие, сражавшееся на быстроногих верблюдах и регулярно обходившее свои владения для сбора дани, не могло обременять себя скотом (козами), разведение которых стало обязанностью и главным занятием имгадов.

В чьей же собственности (капиталистической) в таком случае находился скот? Явно не в собственности ахаггаров; лишь получив от имгадов причитающуюся им ренту скотом, они обращали это имущество в свою собственность (под несомненным воздействием товарно- денежных отношений); при этом строго различались животные, принадлежавшие ахаггарам, и оставшиеся у имгадов. Может быть, козы находились в собственности имгадов? Но почему тогда в случае утраты скота ахаггарами имгады безвозмездно передавали животных ахаггарам? Черты капиталистической (или пракапиталистической) собственности на скот у имгадов выступают только в случае продажи. Кроме того, если большая часть коз считалась принадлежащей имгадам, то другая часть коз и все верблюды лишь передавались имгадам для выпаса и ухода, а также для пользования ахаггарами. Ясно, что перед нами экономические отношения владения (докапиталистического), типичные для феодализма. В сущности, взаимоотношения между имгадами и ахаггарами напоминают взаимоотношения «кабальных» бедняков и богачей у скотоводческих народов Межозерья, о которых говорилось выше, а также у многих других народов Восточной и Северо-Восточ-

Мой Африки (например, у скотоводческо-земледельческих племен Эритреи [382а; 383 и др.]). Перед нами разные виды докапиталистического владения (докапиталистической собственности), при которых права на владение скотом, дополненные личностными отношениями, суть юридическое оформление экономических отношений владения. В сущности, экономические процессы, составляющие смысл этих отношений, касаются не только скота, а всей совокупности производительных сил, заключенных в ЯМНП имгадов, «кабальных» пастухов и пр. В этом специфика докапиталистического владения; в ней находит одно из своих выражений единство личностных и экономических отношений при феодализме.

Другой характерный пример — эфиопская «система геббар». Происхождение ее таково. В конце XIX в., подчинив себе обширные области Восточной, Южной и Юго-Западной Эфиопии, амхарские феодалы обратили все их крестьянское население в крепостную зависимость. Крепостные крестьяне-геббары вместе с обрабатываемой ими землей были распределены между завоевателями, в том числе и между простыми солдатами. Каждый солдат в зависимости от конкретных условий дайнной провинции, а также от своих заслуг и срока службы получал от 1 до 5 и даже до 8 семей геббаров. Младшие офицеры получали по 7—8 и даже по 20 семей, а правители небольших областей и мислення (сборщики налогов) получали от 30 до 80 или до 100 семей крепостных.

В связи с перемещениями войск и естественным движением солдатского населения, а также в связи с естественным движением крестьянского населения и бегством крепостных от своих господ происходили периодические перераспределения геббаров между солдатами. Геббаров продавали с землей и без земли, хотя такие сделки не считались вполне законными, так как крестьянские семьи передавались солдатам в условное держание. Эта система сохранялась в Эфиопии вплоть до итальянской оккупации в конце 30-х годов нашего века.

Являлась ли она рабовладельческой, как считали многие европейские авторы? Несомненно нет, так как геббары (если их не продавали без земли в чужие края) оставались мелконатуральными производителями, несущими

щими трудовые и натуральные повинности в пользу своих владельцев. Самое владение людьми было лишь видимым выражением феодального владения ЯМНП геббаров. Точно так же через личную зависимость выражалось владение ЯМНГ1 сахарских харатинов, «рабов», ведущих свое собственное хозяйство, во многих обществах Северо-Восточной и Восточной Африки и других субрегионов Тропической Африки — все это варианты одного и того же типа отношений.

Известную аналогию описанному выше порядку мы находим в тех раннефеодальных обществах Африки, где представители господствующей этносоциальной группы получали в управление и «в кормление» отдельные земледельческие общины. Так было в Баротселенде по крайней мере со времени покорения этой страны мако- лоло во главе с их царем Себитуане в первой половине XIX в., а возможно, и ранее, когда в начале XIX в. находившееся здесь древнее царство Луйи было покорено племенем бахурутсе. После того как баротсе свергли владычество макололо и сами стали господствующей этносоциальной группой этой страны, они в основном сохранили порядки государства макололо. Они описаны Д. Ливингстоном, открывшим страну макололо в 1851 г.: «Семейства макололо разбросаны по всей стране по одному или по два в каждой деревне. Все они являются властителями и хозяевами покоренных ими племен, которых они называют в целом „макалака“. Макалака вынуждены оказывать им определенные услуги и помогать в обработке земли, но каждое покоренное племя имеет собственную землю для посева и в других отношениях является почти независимым... Такой вид порабощения можно определить как крепостничество. Хотя оно есть результат подчинения силой, но по необходимости проявляется в мягких формах. Тому, с кем плохо обращаются, бывает... легко перебежать к другим племенам... Некоторые хозяева, которым, вследствие своего дурного характера или просто нежелания, не удалось привлечь к себе покоренных людей, часто остаются без единого слуги. Закона против беглых рабов не существует, и он невозможен» [172, стр. 118].

Из этого описания следует, что ни «макалака», ни обрабатываемая ими земля не находились в собствен

ности макололо; несомненно, их связывали отношения владения.

В наиболее развитых обществах Северной и отчасти Северо-Восточной Африки ведущей формой феодального владения являлась аренда земли (иногда, как при хам-масате в Северной Африке, также воды, инвентаря, рабочего скота и пр.). На деле же землевладелец осуществлял владение ЯМНП, образованной на его земле, а арендатор земли и сам через нее поступал в его владение. Закабаление, а затем и законодательное закрепощение х а м м а с о в лишь окончательно оформило и закрепило это феодальное владение путем внеэкономического принуждения мелких производителей.

Все виды экономического и внеэкономического, в том числе морального, принуждения в эпоху мелкого натурального хозяйства тесно связаны между собой, и относительная слабость одного из них компенсируется усилением другого. Только в тех случаях, когда при избытке рабочих рук не доставало удобной для обработки земли, или крупное производство давало значительную часть необходимого продукта (в странах искусственного орошения и у скотоводов), или товарно-денежные отношения достигали значительного развития, т. е. там, где существовала повышенная возможность экономического принуждения, внеэкономическое принуждение отступало на второй план.

Внеэкономическое принуждение — наиболее обычный путь соединения непосредственных производителей со средствами производства при феодализме. Оно оформлялось в виде личной зависимости крестьянина от рен-товладельца либо законодательным прикреплением его к земле, либо долговым закабалением его. Было ли возможно что-нибудь подобное при патриархальном феодализме, в условиях разложения родового, первобытнообщинного строя?

Указанные выше формы зависимости характерны в основном для сравнительно более зрелого феодального общества (раннефеодального, развитого феодального и отчасти позднефеодального). Однако некоторые из них (личная и «кабальная» зависимость) появляются в известных пределах и при феодально-патриархальном строе. Но в основном для прикрепления мелких производителей в ЯМНП используются в этих условиях тра

диционные общинно-родовые узы (см. выше). Уже в силу самой своей принадлежности к той или, иной общине труженик должен был нести повинности в пользу ее 'вождей'. Этот вид патриархально-феодальной зависимости был широко распространен по всей территории Африки, кроме крайних северо-восточной и южной оконечностей материка, а также немногих других районов. Развитие более прогрессивных форм феодализма, а затем и товарно-денежных отношений не смогло окончательно ликвидировать здесь патриархально-феодальную эксплуатацию, хотя и заставило ее во многих местах отступить на второй план.

ПЕРЕХОД ОТ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНОГО К РАННЕФЕОДАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

Нетрудно заметить, что уже на поздней стадии первобытнообщинного строя появляются в зародышевой форме все основные черты феодальной формации: состояние производительных сил общества характеризуется диалектическим сочетанием двух основных типов ячеек производства — мелкой и условно-крупной, из которых первый тип является определяющим. Господствующей формой собственности (в широком смысле слова) теперь является владение. Между ячейками производства поддерживаются экономические связи в основном в виде натурального обмена продуктами и услугами. Они принимают форму продуктовых и трудовых повинностей. Весь общественно полезный труд (или продукт труда) мелких производителей разделяется на две части, одна часть его имеет тенденцию превращаться в труд необходимый, а другая — в прибавочный; при господстве феодализма эта тенденция усиливается, но никогда не достигает полного завершения.

Расцвет мелкого натурального производства как в период позднего первобытнообщинного строя, так и во время господства феодальных отношений определяет основные противоречия в производстве той и другой эпох: в условно-крупном производстве это противоречие между мелким, партикуляризированным характером производительных сил общества и коллективной формой ячейки производства как частный случай (в помещичь

ем хозяйстве) — противоречие между крупным землевладением помещиков и мелким производством крестьян, а главное — между мелкочастным характером основной сферы производства и общественным характером его защиты, расширения, развития и других общественных нужд⁵². Эти противоречия тем острее, чем более развито мелкое производство, но они присутствуют уже в позднем первобытном обществе.

В этом смысле представляют большой научный интерес идеи, высказанные социантропологами Ж. Гиаром, Э. У. Саутхоллом и др. в их работах, посвященных общественному строю некоторых народов Тропической Африки и Океании. Средний уровень общественного развития в этих двух регионах был сравнительно близок, поэтому сопоставление африканских и океанийских обществ вполне правомерно. Ж. Гиар выделяет в Центрально-Западной Океании (Новая Каледония, о-ва Лой-алти, Новые Гебриды, Соломоновы острова, Фиджи, Тонга и Самоа) следующие основные формы общественного устройства: а) сеть (reseaux) солидарности и идентификации, или конфедерация деревенских вождей (Новая Каледония); б) пирамидальная структура наследственных вождей (Тонга, Фиджи, острова Лойалти); в) пирамидальная структура выборных вождей (Самоа, о-ва Пастухов в центральной части Новых Гебрид). Вожди являются гарантами установленного порядка, распределителями земельных угодий, организаторам производительных сил. В то же время они получают символические дары и начинают паразитировать экономически. На примере Тонга и Гаваев мы видим дальнейшее развитие государственной власти из института вождей⁵³ [330, стр. 254—256].

⁶² Освоение новых земель, освоение новых ячеек производства, как правило, не под силу мелким производителям эпохи мелкого натурального хозяйства. Эта задача осуществима лишь при поддержке, оказываемой крестьянину общиной в порядке взаимопомощи или феодалом в виде ссуд, льгот и т. п. Что касается прогресса в производстве, то его общественный характер очевиден. В эпоху мелкого натурального хозяйства увеличение суммы произведенного продукта достигается увеличением ячеек производства, простым усилением эксплуатации через рост повинностей и увеличение наделов, повышением производительности труда путем внедрения новых технических средств и приемов.

⁵³ По-видимому, для придания схеме Гиара эволюционного вида следовало бы переставить местами пункты «в» и «б».

Тезис Ж- Гиара можно доказать и на материале Тропической Африки, в частности обществ нилотов и банту. У нилотов мы находим целую гамму переходов от разветвленной родо-племенной структуры и конфедерации наследственных вождей (у динка, нуэров) и деревенских общин (у луо, западных ануаков, южных шил- лук-луо, пари, бурунов и других) к зародышевым формам государства (у алуоров, шиллуков, восточных ануаков). Институт общинно-племенных вождей и некоторые другие институты позднего первобытнообщинного строя превращались у них в зародышевые формы государственности. У шиллуков и ануаков имеется даже особый «язык уважения», на котором простолюдины обращаются к знати [287, стр. 74], характерный для раннефеодальных обществ (джанджеро в Эфиопии) [291, стр. 16—17, 61—64, 65—86] и развитых феодальных обществ (Юго- Восточная Азия и Япония). Еще более широкую гамму переходов от позднего первобытнообщинного строя к сравнительно зрелым раннефеодальным государствам мы видим у народов банту, в Межозерье, в бассейне Конго и в Юго-Восточной Африке.

Личная зависимость мелких производителей, служащая выражением внеэкономического принуждения и столь характерная для феодализма, как указывалось выше, появляется в эпоху разложения первобытной общины в виде власти патриарха над членами семьи и хозяина — над «рабами», «клиентами», «вассалами», «крепостными». В позднем первобытном обществе появляется публичная власть, которая при феодализме, в виде государственной власти, окончательно обособляется от общества. Даже община, главная отличительная черта первобытнообщинного строя, сохраняется в эпоху развитого феодализма в виде большесемейной и сельской общины. Сами классовые деления при феодализме никогда не выступают в непосредственном виде; они лишь приближенно передаются в форме сословий и каст. Первые сословно-кастовые градации появляются в первобытной общине в эпоху ее разложения (см. ниже). Они могут первоначально совпадать с родо-племенным делением, когда полноправные общинники и всякого рода неполноправные принадлежат к разным родам. Даже в эпоху расцвета и разложения феодализма принадлежность к сословию определяется в основном рождением;

низкая социальная мобильность — общая черта позднего первобытного и феодального обществ.

Такого рода близость между феодальным и поздним (или разлагающимся) первобытным обществом нельзя объяснить «схожестью внешних форм»; это сходство генетическое. Оно говорит о том, что феодализм закономерно рождается из разложения первобытнообщинного **■** строя, который почти незаметно переходит в раннефеодальный. На практике часто бывает трудно определить, является ли то или иное общество Африки, доколумбовой Америки, Океании, некоторых районов Юго-Восточной Азии поздним первобытнообщинным или раннефеодальным. Поздний первобытнообщинный строй, для которого характерны преобладание мелкого натурального производства, отношений владения, соседская община и публичная власть, является переходной стадией к феодальному.

Если той стадии в развитии производительных сил, которую называют присваивающим хозяйством, в общем соответствуют первобытнообщинные отношения, то стадии мелкого натурального производства соответствуют феодальные отношения в их становлении и расцвете. В переходную эпоху незаметно резкого преобладания одного производственного уклада над другими и, кроме того, внутри ведущего уклада производительные силы общества уже сделали скачок вперед, перейдя на новую стадию, а новые производственные отношения еще не сумели полностью овладеть производством. Такой представляется нам эпоха позднего первобытного и раннефеодального обществ. Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что феодализм в Тропической Африке вырастал прямо из разлагавшейся первобытнообщинной формации.

Существует ли грань, отделяющая позднее первобытное общество от раннефеодального? В позднем первобытном, предклассовом обществе развивались патриархально-феодальная и другие формы феодальной эксплуатации, однако сохранялись и черты прежнего равенства и взаимопомощи. Между ними происходила борьба, длившаяся веками. В ходе этой борьбы феодализирующиеся элементы могли нести временные поражения: концентрация производительных сил во владении немногих лиц приостанавливалась, порой земля и другие сред

ства производства подвергались уравнительному переделу, личная и кастовая зависимость лишалась прежнего содержания (как у римских «клиентов»/и плебеев, арабских мауля и подчиненных, «рабских» племен и др.), верхушка общества меряла свою власть над массой мелких производителей. В таких условиях победа феодализма была возможна лишь благодаря решительному внедрению внешнеэкономического принуждения в его самых грубых формах.

Древняя и средневековая история стран Востока и Европы, а также сравнительно недавняя история многих стран Африки и Океании рисуют множество примеров рождения государственной власти в ходе ожесточенной борьбы сначала между общинами и племенами, а затем и внутри общин, между различными группами эксплуататоров и мелких производителей, вступающих в союзы друг с другом в самых разнообразных сочетаниях. Впервые в истории государства возникают на базе племенных образований; лишь установление классового строя делает возможным завоевание стран, где этот строй установился, другими, часто менее культурными народами, и даже создание колоссальных империй.

Как указывалось выше, возникновение государства сопровождается борьбой внутри первобытного общества, достигающей такой остроты, что оно раскалывается на группировки с противоположными, антагонистическими интересами. Главным результатом этой борьбы было становление государства, в основном в форме примитивной монархии, еще опутанной пережитками первобытнообщинного строя. В большинстве случаев монархия приходила к власти в лице чужеземного завоевателя или тирана более или менее сомнительного происхождения, но часто монархами становились племенные вожди.

Появление государства (вернее, его постепенное становление) и было той вехой, которая обозначает границу первобытного и классового, прежде всего феодального, общества.

Нередко в истории мы наблюдаем следующую последовательность событий: борьба массы мелких производителей против патриархально-феодальной эксплуатации и закабаления их общинно-племенной знатью приводит к демократическим реформам (отмена долгов,

уравнительное перераспределение земель, ликвидация или смягчение личной зависимости, изредка даже уравнение неполноправных групп населения с «полноправными общинниками»); в результате реформ укрепляется военная мощь племени (или общины, полиса) и власть «тирана»; вслед за тем, пользуясь этой мощью и этой властью, реформированное общество подчиняет себе соседние общины и племена, превращаясь в привилегированную общину и подвергая их феодальной по существу эксплуатации. Вместе с тем (или вслед за тем) вожди победившей общины и его приспешники становятся политическими руководителями и государственными администраторами своих сограждан. Разумеется, нарисованная выше схема имеет множество вариантов; в частности, в ней могут отсутствовать некоторые из перечисленных выше звеньев. Возможен и такой вариант: в результате борьбы внутри общины перевес остается на стороне знати, и она продолжает оставаться во главе процесса генезиса государства. Чаше же всего «демократические» вожди и старая знать объединяются и дружными усилиями направляют наступательный, порыв общинников на завоевание соседних общин. Так образовались государства Межозерья (Руанда, Бурунди и др.) в позднем средневековье и южных банту: зулусов и басуто в XIX в.

В бурную, насыщенную войнами и переселениями народов эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому строю масса мелких производителей тем или иным путем начинает подвергаться эксплуатации. Лишь немногие привилегированные общины-завоеватели и общины, благосостояние которых базировалось главным образом на торговле, сохраняют относительную свободу от такой эксплуатации. Однако и они с развитием государства неизбежно низводятся к общему уровню. Еще сохраняющийся институт военной демократии при господстве классового государства превращается в свою противоположность. «Общественное устройство... из организации племен для регулирования своих собственных дел превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и, соответственно этому, его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» [12, стр. 164—165].

Раннефеодальное государство не только и не столько* являлось гарантом эксплуатации патриархально-феодальной верхушкой общин зависимых от нее категорий населения (порой оно, в собственных целях, поддерживало борьбу против этой верхушки для поддержания боеспособности мелких производителей, для ослабления соперничающих с ним вождей, а главное — для увеличения своей доли в получении прибавочного продукта), но и само оно выступало в роли феодала-рендотладельца. Уже в период позднего первобытнообщинного строя усложнившаяся общественная организация требовала средств для своего содержания. Помимо ирригационных, и оборонительных сооружений, общественных зданий, дорог, лодок и пр. создаются ячейки крупного производства в земледелии — общественные поля, урожай с которых идет на содержание клубов неженатой молодежи, святилищ, устройство празднеств, накопление общественных запасов и другие общественные нужды. С развитием государственного аппарата требуется все больше средств на его содержание, тем более что, достигнув беспрецедентной власти, представители молодого государства обычно были склонны ею злоупотреблять для скорейшего обогащения.

Государство становится главным орудием внеэкономического принуждения мелких производителей, но его появление не приносит новых форм эксплуатации, следовательно, и новых форм собственности. Оно лишь способствует дальнейшему закреплению и распространению форм уже сложившихся. Как в позднем родо-племенном обществе накануне образования государства, так и в ранних государствах существовали только три вида эксплуатации: феодальная, рабовладельческая и торгово-ростовщическая.

Анализ любого раннеклассового общества (до или после рождения государства) показывает, что основную массу трудящихся составляли мелкие производители. Везде мы находим одни и те же (в принципе) способы комбинирования труда мелких производителей и общие способы распределения производственного продукта. Можно спорить о том, присутствует ли в комбинировании труда элемент эксплуатации, а в произведенном продукте — прибавочный, однако общий характер обоих экономических процессов не вызывает сомнения. По на

шему мнению, первые классовые общества и первые государства появляются как феодальные, точнее, как раннефеодальные.

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

До тех пор пока масса мелких производителей не стала объектом эксплуатации, классовое перерождение первобытного общества не завершено. Это вытекает из роли мелкого производства как экономической основы общества на определенном этапе истории. Итак, в начале процесса находится первобытное общество, в конце — феодальное; переходные стадии образуют патриархально-феодальное и раннефеодальное. Генезис зачаточных элементов феодализма осуществлялся в патриархально-феодальном обществе, генезис классов феодального общества, консолидация классов зависимых мелких производителей (крестьян) и рентовладельцев (феодалов) произошли в раннефеодальных государствах.

В свою очередь, раннефеодальное общество помимо местных вариантов имеет внутренние стадийные градации. В Тропической Африке мы находим все ступени перехода от патриархально-феодальных к развитым феодальным обществам. На последней из них находились лишь наиболее передовые общества Северо-Восточной Африки: средневековой и новой Нубии, Сеннара, средневековой и новой Эфиопии. На самой начальной ступени находились общества паранилотов, ануаков, шиллуков, малых народов Суданской Гезиры и гор Нуба, мао Эфиопии, алуров, азанде, мангбету и соседних с ними народов, а также некоторых лесных племен Западной Африки, в частности народов вольтийской группы (догоны, лоби, сенуфо и др.).

У восточных ануаков, где только начинался процесс формирования раннефеодального государства, кланы, подразделявшиеся на патронимические группы разных степеней до большесемейных общин включительно, делились на три специальные категории: 1) знатный род в а т н и й и е (иначе «благородные» — н й и й е), 2) род д ж а в а т о н г , считающийся ответвлением царского рода, утратившим почти все привилегии (джаватонги живут также в западной половине страны ануаков);

3) «простые» кланы. Царской власти ни восточные, ни

западные ануаки не знают, самая высокая должность,, которой мог достичь ануак,— место деревенского вождя, чей сан редко бывал пожизненным. В некоторых деревнях восточных ануаков «благородных» было столько же и даже больше, чем джаватонгов и «простолюдинов»; во всех деревнях они монопольно занимали должности вождей, чего не было у западных ануаков. У вождя- нийе имелся небольшой штат приближенных, один из которых ведал барабаном—важнейшей эмблемой власти вождя — и надзирал за приготовлением пищи для него, другой занимался приготовлением этой пищи, третий командовал вооруженным отрядом деревенской молодежи, находившейся в распоряжении вождя. Сходное положение и у западных ануаков. Общинники обязаны были мотыжить поле, принадлежавшее вождю, приносить ему в дар часть улова рыбы и охотничьей добычи, которой он делился со своими приближенными. В случае убийства какого-либо общинника вождь взимал с виновника в свою пользу штраф —одну корову [312,. стр. 44—52]. Несомненно, что в обществе восточных ануаков происходило формирование правящей касты.. Рентные отношения лишь зарождались, и степень эксплуатации была невелика. Однако в конце XIX — начале XX в. некоторые вожди, вооружив молодежь ружьями, стали правителями небольшой группы деревень.

У шиллуков все большесемейные общины также являлись (или считались) ответвлениями нескольких кланов, которые подразделялись на четыре социальные категории. На вершине пирамиды находился царский клан кварет. Значительно ниже стоял клан оро ро, напоминавший по своему положению джаватонг у ануаков. Основную массу народа составляла категория голо,, к которой принадлежали до 100 кланов. Наконец, четвертую, низшую, категорию составляли б а н г- р е т и б а н г- н ь и р е т, лично-зависимые «люди царя» и «люди принцев». Ядро этой категории составляли пленные иноземцы и их потомки, получавшие от царя средства производства. Их состав пополнялся братьями осужденных за убийство, одержимыми духом Нйиканга (божественного предка царя), и бедняками, не имевшими скота для покупки жены. Последние, приобретая жену на средства царя, становились его банг-рет, так же как и их дети. Категория банг-рет превратилась в особый;

фиктивный клан; переходя в эту категорию, свободный шиллук исключался из клана, к которому он принадлежал по рождению. Банг-ньирет — «люди принцев» — находились в личной зависимости от членов царского рода. Когда рождался один из многочисленных сыновей царя, последний дарил ему несколько банг-рет, которые поселялись вместе с ним, образуя зависимую общину (фиктивный подклан), и становились его банг-ньирет. Их потомки принадлежали потомкам принца. Банг-рет и банг-ньирет несли трудовые повинности в пользу своих господ: пасли их скот, мотыжили их поля, строили и ремонтировали для них дома и помертвные святилища, выполняли некоторые другие работы [287, стр. 49—50]. В сущности, общины банг-рет стояли на пути превращения в главное сословие лично-зависимых мелконатуральных производителей, подвергавшихся феодальной эксплуатации со стороны господствующего класса. Это сословие росло за счет основной категории мелких производителей — голо, но последние еще были многочисленнее и подвергались сравнительно незначительной эксплуатации со стороны вождей. Что касается прослойки общинно-племенных вождей, то внутри нее, как и у восточных ануаков, члены аристократического царского клана вытесняли представителей других кланов, превращаясь в правящую касту [287, стр. 50].

Интересно отметить, что большинство других пилотских народов (за исключением алуров, речь о которых пойдет ниже), а также все ларанилотские народы не создали даже зародышевых форм государственности. По-видимому, причину этого явления следует искать в экономике экстенсивного скотоводческого хозяйства, которым занимались эти народы накануне колонизации (см. выше). Они подразделялись на племена, которые, однако, не были объединены в союзы и не управлялись племенными вождями. Тем не менее внутри племен отдельные общины не были равноправны, а делились на три основные категории, принадлежность к которым передавалась по наследству: 1) вожди, главным образом вожди-жрецы; 2) свободные, равноправные общинники и 3) неполноправное население, находившееся в зависимости от вождей. К третьей категории принадлежали кузнецы, охотники и рыболовы, а также некоторые группы земледельцев-охотников.

Это позволяет говорить о специфической для паранилотов форме генезиса классового общества в доколониальной Африке при отсутствии сильной власти наследственных вождей и узости территориально-племенной организации. При этом существовали варианты, характерные для северных паранилотских (суданских) племен, южных паранилотских (кенийских) племен и для масаев Танзании (последний вариант кратко описан выше).

У северных паранилотов неполноправное население называлось генетически близкими между собой терминами дупи, опи, уфи, тимити. У бари к категории дупи относятся охотники, рыболовы и кузнецы, а также сервилльный род Лудири. Все дупи группировались в десять родов, или «кланов», из которых шесть составляли кузнецы. Дупи не имели права держать скот и подвергались иным притеснениям и ограничениям в правах (см. выше), но не платили дани и могли свободно покинуть территорию племени. Между дупи и свободнорожденными скотоводами существовал взаимовыгодный обмен услугами. Вместе с тем дупи не считались соплеменниками бари; традиция отождествляет их с аборигенами Южного Судана, жившими здесь до прихода бари и нилотов [349, стр. 29]. К. Селигмен сопоставляет термин «дупи» с «опи» — названием доробо у нанди [411, стр. 256]. Возможно, как и доробо, все дупи в прошлом вели бродячее охотничье-собира- тельское хозяйство и лишь в начале нового времени были инкорпорированы в общество скотоводов-земледельцев.

У родственных бари куку, в хозяйстве которых земледелие играло более важную, чем у бари, роль (отчасти, по-видимому, благодаря смешению с земледельцами мади), неполноправное население состояло из трех социальных групп: кузнецов, рабов и дупи. Последние составляли эндогамную касту, находились в наследственной личной зависимости от вождей-жрецов и прислуживали им во время религиозных церемоний [349, стр. 46]. У бари вожди-жрецы также имели собственных, дупи, обязанных, как и у куку, прислуживать им во время магического действия «вызывания дождя» [349, стр. 43]. У педжулу уфи (дупи) такие же «иеродулы», связанные с вождями-жрецами, как и у других родст

венных им племен. У лулуба, народа, образовавшегося от смешения мади с различными паранилотскими племенами, положение дупи (здесь они назывались опи) было неопределенным. Они занимались земледелием и скотоводством и не смешивались с кузнецами, находившимися на положении низшей касты [349, стр. 74].

У каква статус дупи (которых называли также кад- жуа) был иным: они не участвовали в обрядах «вызывания дождя» и из иеродулов превращались в «клиентов». Дупи у каква были обязаны оказывать различные услуги своим патронам, в роли которых выступали не только вожди, но и другие богатые общинники. Эта социальная группа пополнялась бедняками, которые не имели достаточно скота для внесения выкупа за невесту; получая от богача скот и другие ценности, бедняк становился его дупи. Кроме того, в эту категорию зачислялись военнопленные. Пленные женщины обычно становились женами свободнорожденных, а дупи, как правило, женились на дочерях свободных общинников. Интересно отметить, что кузнецы у каква также утрачивали свой традиционный статус презируемой низшей касты и имели тенденцию интегрироваться с дупи в единую социальную группу. Таким образом, сервилное сословие консолидировалось из различных категорий разорившегося, несвободного и неполноправного населения. Характерно, что у каква, а также у лотуко и некоторых других паранилотских племен крайнего юга Судана уже начали выделяться наследственные вожди, объединившие под своей властью каждый по несколько общин и оттеснившие вождей-жрецов от реального управления общественной жизнью [349, стр. 53].

У мондари существовала категория зависимого населения тимиси (ед. число — тимит); это были бедняки из различных родовых общин мондари, а также динка, ат- вот, мору и ньянгбара, добровольно переходившие под покровительство вождя чужого «клана». Последний наделял своего тимита землей, скотом и орудиями производства, снабжал его средствами для женитьбы и оказывал моральную поддержку в спорах с его новыми соседями. Тимит считался членом того «клана», вождь которого становился его патроном. Он мог, вернув ему

полученное от него имущество, покинуть своего патрона и перейти к другому вождю. Дж. У. Хантингфорд отмечает тенденцию к эндогамии внутри социальной группы тимиси, хотя обычное право мондари не запрещало тимиси жениться на свободных [349, стр. 63].

Несмотря на этнически смешанное происхождение каква и мондари, классовое образование у них, как и у шил-луков и ануаков, проходило в доколониальный период без иноземного завоевания или переселения народов, а также без заметного влияния более высокоразвитых обществ. Напротив, в истории формирования элементов классового общества и государственности у алуров, зан-де, мао и ряда других народов присутствовали указанные выше факторы.

Алуры сложились в этнос на своей нынешней территории (занимающей северо-западную часть Уганды, северо-восточный угол Заира и пограничный район Судана) в результате смешения различных племен группы мору-мади (мади, окебо и ленду) и «протобанту» (нья-ли, бенди, бира и другие) с нилотами, пришедшими с востока. Нилоты по пути в нынешнюю страну алуров из Кении некоторое время жили в государстве Ньоро, которому дали правящую династию и где смешались с хима и херу. Некоторые княжества долинных алуров находились в зависимости (более или менее номинальной) от царя Ньоро. Таким образом, они испытали влияние сравнительно высокой цивилизации Межозерья. На своей новой родине алуры подчинили себе племена различного происхождения, не имевшие даже вождей и зачатков государственности и жившие самостоятельными родовыми общинами. Интересно отметить, что военный элемент играл незначительную роль в установлении господства алуров над аборигенными племенами. Алуры принесли политическую организацию и мир, которого прежде не знали враждующие между собой общины, а также новый для Центральной Африки вид богатства — скот. Передавая несколько голов скота той или иной общине земледельцев-охотников, вожди алуров получали от нее признание покорности и обязательство платить дань. Богатые и авторитетные вожди алуров обычно без применения военной силы уговаривали общины аборигенов признать свою власть. Нередко отдельные общины ленду, окебо и других племен сами

просились под власть алурских вождей, дабы прекратить бесконечные 'войны и получить скот'⁵⁴.

Если отвлечься от различий в социальном строе долинных и горных алуров, а также подвластных им племен, то структура алурского общества будет иметь следующий вид. Верхний слой составляли княжеские роды (или «кланы вождей»), каждый из которых правил в нескольких соседних княжествах и происходил от ни-лотских вождей эпохи переселения предков алуров на их теперешнюю территорию. Члены княжеских родов подразделялись по своему положению на четыре категории: 1) независимые князья, правившие десятками тысяч подданных; 2) подчиненные вожди, обычно близкие родственники первых; 3) сыновья, братья и другие близкие родственники великих и малых вождей, живущие в их резиденциях и их щедротами в ожидании (часто напрасном) собственного удела; 4) обедневшие потомки князей, поселенные отдельными деревнями и низведенные до положения крестьян. Следующий слой составляли алурские крестьяне — члены некняжеских родов. Низший слой составляли земледельцы-неалуры, которые, однако, несли отчасти те же повинности, что и алуры, отчасти другие, но не более тяжелые. Крестьяне платили дань зерном, вассальные вожди — скотом из своих стад, окебо — железными изделиями (мотыгами и пр.), ленду — корзинами и т. д. Кроме того, обходя общины «полюдьем», князь получал от них дары скотом, мотыгами и пр. и кормил в пути свою многочисленную свиту. Однако наиболее регулярную повинность составляла работа крестьян на полях князя, его жен и вассальных вождей. Отдельные родовые общины у алуров пользовались по традиции определенными привилегиями, враждовали между собой и еще не составляли единого класса крестьянства [419, стр. XII, 15, 18—23, 77—81; 90, 124, 153 и сл., 188—189, 208, 210, 215, 219—220]. Кроме лично-свободных были и зависимые пастухи и земледельцы (андвачи, джумиру, бонг и ангеча, о которых уже говорилось выше). При дворах князей и младших вождей узами личной связи с ними объединя

⁵⁴ Примеры см. [419, стр. 79, 200 и сл.]. В то же время имели место случаи переселения общин на новые места для выхода из-под власти вождей! [там же, стр. 79 и сл.].

лось множество людей различного происхождения. В их числе были жены, дети и родственники вождей, их андвачи, рабы и др., составлявшие штат «придворных» (джукал). Они сопровождали своего патрона в «полюдь» или при получении им удела в более или менее отдаленном районе. Так, одного вождя, переселившегося к группе общин мади, сопровождали: 1) его собственная большая семья; 2) большие семьи семи его племянников по отцу; 3) большие - семьи трех его 'братьев;

4) родовая община алулов, представители которой по традиции являлись ритуальными возжигателями огня в клане этого вождя; 5) две другие родовые общины алулов; 6) родовая община ассимилированных мади [419, стр. 208]. На новом месте вождь и его спутники приобрели себе новых «клиентов» и друзей (в специфическом для алулов - смысле слова). Сын алурского князя или младшего вождя воспитывался вместе со своими сверстниками из числа окрестных крестьян-общинников, которые на всю жизнь становились его друзьями, обязанными оказывать ему различные услуги [419, стр. 78]. Порой князь отсылал одну из своих жен с малолетним сыном и штатом приближенных в одну из отдаленных областей, которая становилась как бы ее «уделом». Вместе с тем каждая из княжеских жен считалась «матерью» определенной области, общины которой строили для нее хижину и зернохранилища, несли барщину на ее полях, делали ей обязательные «подарки» и искали у нее заступничества [419, стр. 81]. Из числа «придворных» князя или вождя назначались специальные гонцы, или вестники, каждый из которых ведал определенной областью «ли группой общин и доставлял сюда, т. е. вассальным вождям и главам родовых общин, распоряжения своего патрона. Э. У. Саутхолл справедливо отмечает, что в обществе алулов по сравнению с обществом нуэ-ров появился «новый принцип зависимости одного человека от другого без каких-либо родственных уз, существующих между ними» [419, стр. 234]. Так, ни один из алурских «кланов» - и «субкланов» мади, окебо и ленду не был связан узами родства со своей «матерью» — княжеской женой [419, стр. 81]. Хотя пленники и пришельцы у алулов часто адаптировались «кланами» господ, «клиенты» всегда оставались членами своих собственных родовых общин [419, стр. 78, 199]. В то же

время окружавшие князя или вождя советники и гонцы в большинстве принадлежали к старинным алурским родам, в которых эта должность вместе с определенными ритуальными функциями передавалась по наследству [419, стр. 88 и сл.].

Административная система у алуров представляла собой сочетание общинно-родовой структуры с несложной иерархией вождей, назначаемых князем и непосредственно ему подчиненных. При князе и вождях имелся «зачаточный административный аппарат» в виде гонцов, советников и дружинников. Княжества, особенно у горных алуров, были независимы и не составляли единого политического целого.

Б то же время у алуров нет государственности, как таковой, есть лишь («зачаточная специализация политической власти» [419, стр. 234], а «зачаточный административный аппарат, который имеется у вождей в лице их гонцов и придворных, никогда не приобретал какой-либо формально установленной административной или судебной власти, оставаясь лишь агентами от случая к случаю, советниками и доверенными лицами вождя» [419, стр. 240].

Э. У. Саутхолл отмечает, что, хотя у алуров имелись ■ более развитые элементы государственности, чем у ачо-ли, политическое развитие шиллуков было выше [419, стр. 252].

Намного более сложным был политический строй занде — народа, живущего на границе Южного Судана (округ Занде), Заира и Центральноафриканской Республики. Около 1880 г., в конце доколониального периода, страна Занде делилась на 15 больших княжеств, боровшихся между собой и порой поглощавших одно другое. Границами княжеств служили реки, берега которых превращались в необитаемые пограничные зоны. Население каждого из княжеств насчитывало от нескольких десятков тысяч до 100 тыс. и более человек, прочно связанных с правителями княжества узами личной зависимости. В. В. Юнкер в 1882 г. посетил и описал несколько княжеств занде: Ндорума, Япати, Земио и др. [257, стр. 170—445].

Организация власти была уже вполне феодальной. Княжества подразделялись на провинции, провинции — на округа, округа — на волости, а последние — на хуто

ра, или «компаунды». Имелись и небольшие вассальные княжества, зависевшие от более мощных. Князь непосредственно управлял центральной провинцией, где находился его двор, и посылал своих наместников в остальные провинции; вожди провинций назначали вождей округов и т. д., причем центральными округами управляли непосредственно, периферийными — через правителей округов, а последние — через глав волостей. Этой иерархии власти соответствовала иерархия ренты. Произведенный крестьянами прибавочный продукт взимался в качестве дани правителями всех рангов. Глава волости собирал дань и передавал половину ее правителю округа, тот отправлял часть дани правителю провинции и т. д. Состав дани был описан В. В. Юнкером в 1882 г.: «Зерно, грубая мука, овощи, в зависимости от времени года, части убитой дичи, бананы, красное, т. е. свежее, неотстоявшееся пальмовое масло, обыкновенное пиво, пальмовое вино, мед, табак и т. п.» [257, стр. 215]. В железодобывающих районах в состав дани обязательно входили железные крицы. Кроме того, крестьяне должны были работать на полях правителей всех рангов, особенно вождей провинций и князей, строить для них и их жен дома, поставлять строительные материалы, следовать за своим князем в поход. Однако лично они оставались свободными и могли уйти от чрезмерной эксплуатации в другую волость, провинцию либо примкнуть к воинственному княжичу, отправлявшемуся на чужбину основывать собственное государство,

Князья имели и другие экономические привилегии, увеличивавшие присваиваемую ими ренту. Они монопольно владели перегонными аппаратами для производства пальмового вина, за пользование которыми простолюдины платили натуральную подать. В случае смерти жены и необходимости вновь жениться вожди получали от крестьян крицы железа, игравшие у занде роль всеобщего эквивалента и вносимые в качестве выкупа за невесту. В западных княжествах, где получила сравнительно большее развитие работорговля, в пользу князей взималась пошлина за продажу рабов [353, стр. 103—105, 107].

Вместе с тем паразитизм правящей группы и ее стремление к богатству были еще сравнительно невелики

ки. При получении дани князь каждый раз спрашивал оракула, принять ее или нет, и, если следовал отрицательный ответ, князь отказывался от дани. Если же дань принималась, князя и вожди щедро раздавали ее своим приближенным, слугам и просто подданным, пришедшим ко двору. После удачного похода князь раздавал своим воинам часть пленниц либо выдавал им достаточное количество железных криц для покупки жен; щедро награждались старики. Жены князей делились на две категории. Немногие главные жены (негбиа) не работали в поле, но собственноручно готовили пищу, которую в установленном размере ежедневно посылали своему супругу. Многочисленные рядовые жены работали в поле наравне со служанками и рабами [353, стр. 105, 108, 109]. Быт князей и вождей был во времена В. В. Юнкера очень скромным, их потребности весьма умеренными, стремления к роскоши не было и в помине.

И все же в обществе занде появилось экономическое и правовое неравенство. Зарождающийся класс эксплуататоров составляли князья и их наместники — вожди всех рангов. Все князья принадлежали к аристократическому роду вонгара. Правда, большинство вонгара не имели собственных княжеств и поступали на службу к своим сородичам-князьям, но ни один вонгара не снисходил до занятия физическим трудом. Обычно вонгара становились наместниками провинций и округов, реже — отдельных волостей, но уже в конце XIX в. было немало нищих аристократов-вонгара, живших исключительно трудом своих жен и детей и подачками вождей.

В. В. Юнкер в 1882 г. описывал «бесчисленных вождей, потомков княжеской линии Томбо», которые «опустились до положения безвластных вождей» [257, стр. 219]. Они стремились получить хотя бы небольшую территориальную единицу в «кормление» от того или иного князя, отдавая ему часть дани. У занде лишь вонгара имели многих жен, за которых платили пониженный брачный выкуп. Быстро возрастая в численности, вонгара повсеместно вытесняли представители других родов о постов провинциальных и окружных вождей. Однако во многих княжествах имелись и вожди-невонгара, представители других родов занде и даже покоренных занде племен. Последние более зависели от князей и их наместников, чем аристократы-вонгара, передавали вышестоящим

вождям сравнительно большую долю ренты и не пользовались многими привилегиями.

(Крестьянство также подразделялось на группы более и менее привилегированные. Так, в Судане (округ Занде) в более почетном положении находились крестьяне и волостные старосты подродов мбому и ауро, а также потомки вонгара по материнской линии, затем шли другие занде и, наконец, крестьяне из покоренных занде племен. Но эти различия были столь трудно уловимы в социально-экономическом отношении, что можно говорить о рядовых общинниках у занде как экономически и юридически нерасчлененной массы.

Им противостояли, в сущности, лишь аристократы-вонгара и другие феодализующиеся вожди, а также различные по происхождению элементы, группировавшиеся вокруг князей и вождей. Последние были в большинстве весьма социально низкого происхождения: рабы, перебежчики из других княжеств или простолюдины. Более влиятельными из них являлись военачальники, советники или жрецы при оракулах, другие же просто были слугами и вестниками, но порой получали назначения наместниками князя на местах [353, стр. 121 — 126]. Вместе с вождями-наместниками эти княжеские слуги составляли зародыш государственного аппарата у занде.

В лежащей южнее экватора части Тропической Африки, населенной народами банту, раннефеодальные общества достигли более высокого развития. В области восточноафриканских озер таковыми являлись Буганда, Буньоро, Анколе, Торо, Руанда, Бурунди, Бухайя, в области южных саванн — средневековое королевство Конго, «империя» Мономотапа и талассократии суахили* а также государства нового времени: Баротсе, Бемба, Лунда, Кизембе, Луба, Бушонго и др.

В то же время на перифериях этих государств сохранились племена и общины, не подвластные политической власти, не имевшие иной общественной организации, кроме общинной и родо-племенной. У некоторых из них имелась иерархия наследственных вождей, другие знали только патриархальных старейшин и глав небольших волостей. К первым в Замбии принадлежали ачева, ауши, амбо, мамбве, ндембу, ньямванга, в Южной Африке — все банту до времени Чаки и Мошеша, в Мозамбике*.

Танзании, Кении и на северо-востоке Уганды — большинство народов банту. Ко вторым в Замбии принадлежали ила и тонга [214, стр. 41], в бассейне Конго — многие лесные племена, а также буби о-ва Фернандо-По и др. Промежуточное место занимали в Замбии каонде, ламба, лима, свака, виса, луано, сева [214, стр. 41] и др., имевшие не только деревенских, но и окружных вождей.

Однако у всех этих народов имелась эксплуататорская верхушка (вожди и старейшины), отчуждавшая прибавочный труд общинников и «клиентов» в форме натуральных податей и трудовой повинности. Так, у мам-бве каждый взрослый мужчина обязан был работать два дня в году на полях вождя и его жен. Вождю полагалось отдавать часть урожая зерна и часть пива, приготовленного из того зерна, которое оставалось у общинников, часть улова рыбы и крупных животных, убитых на охоте [120, стр. 9]. Вместе с тем размер дани, которую отдельные общины или племена банту южных саванн вносили правителям государства или различным их представителям, как правило, не был строго фиксирован. Так было в королевстве Конго позднего средневековья, так было и в государствах, возникших в XIX в. Например, король матебеле взимал с племен машона, тсвана, маколело и др. дань скотом, слоновой костью и некоторыми ремесленными изделиями, причем размер дани менялся год от года. Некоторые пограничные области должны были содержать гарнизоны матебеле, расположившиеся на их территории. Но главной повинностью была отдача мальчиков для пополнения армии народа матебеле [344, стр. 39 и сл.]. В сущности, в государствах банту зоны южных саванн в доколониальный период лишь устанавливалась феодальная рента, которая еще не приобрела постоянного характера. Показательно, что взималась она нередко способом «полюдьа» [144, стр. 67 и сл.].

Как отмечает Ю. М. Иванов, «различие между эксплуатацией крестьян государственным должностным лицом и главой патриархальной семьи заключается, лишь в том, что в первом случае рента совпадает с налогом, а в другом является частноправовым отношением. Между этими видами ренты существует множество переходов. Например, рента продуктами может целиком совпадать с государственным налогом и фактически

•остаться таковым, когда вождь собирает его, поскольку он является представителем государственной власти. В то же время отработки в хозяйстве вождя, по существу, относятся к сфере частноправовых отношений, хотя формально они остаются государственной повинностью. Это свидетельствует о том, насколько легко может осуществиться переход от ренты, взимаемой государством, к ренте, взимаемой частным лицом, по мере роста хозяйства вождя... Хотя феодальные формы эксплуатации крестьян характерны для всех племен, населяющих ту часть территории Центральной Африки, которая ныне составляет Родезию и Замбию, это не исключает того, что отдельные племена находились на разных стадиях развития феодальной формации» [120, стр. 10—11].

Можно сказать, что в доколониальный период все народы банту (кроме буби о-ва Фернандо-По и некоторых лесных племен) переживали период становления и начального развития раннефеодального общества. У всех этих народов существовали развитые феодально-патриархальные отношения; с появлением и укреплением государства феодальные производственные отношения становятся господствующими. Характерно, что они достигли наибольшего развития там, где государственность банту была наиболее развита: в Буганде, Руанде, Бурунди, Бушонго и Баротсе XIX в., в Конго XVI — начала XVIII в., в талаесократиях суахили. Это видно, в частности, при сравнении форм докапиталистической собственности (владения), существовавших в тех или иных обществах банту. Речь идет в данном случае и о действительных (экономических, собственно личностно-экономических) отношениях собственности (в широком смысле слова), и об их юридическом оформлении.

И. А. Сванидзе называет области Замбии, в которых в доколониальный период не сложились государства, «районами общинного землевладения» [214, стр. 45]. Здесь права на землю трудящихся были наибольшими, а вождей — наименьшими по сравнению с порядками у более развитых народов. В этом смысле интересно проследить, кто фигурировал в качестве «хозяина земли». В «районах общинного землевладения» таковым являлся прежде всего старейшина клана первопоселенцев, как старший по рангу потомок своего предка, дух которого

считался подлинным «хозяином земли» [214, стр. 45].. Там же, где имелась иерархия вождей, члены ее присваивали себе права владения, превращая низестоящих вождей, старейшин и мелких производителей в цепь держателей земли. Права на землю дробились между феодализирующимися вождями всех рангов и крестьянами-общинниками. При этом вожди последовательно захватывали основную часть прав. У малави они являлись «хозяевами земли». У бемба верховный вождь раздавал отдельные группы общин в управление и одновременно во владение своим родственникам и наместникам. Однако ни сам он, ни какой-либо вождь или старейшина не могли ни согнать общинника с земли (если он не совершал тяжкого преступления), ни запретить ему покинуть свой участок. Впрочем, в условиях кочевого-подсечно-огневого земледелия это было бессмысленно.

Согласно древним традициям вождь обязан был наделить подчиненного ему соплеменника участком земли,, а также снабдить его зерном в голодный год [447, стр. 24—28; 214, стр. 45—46]. У баротсе наделение соплеменников земель тоже входило в обязанности царя. Однако царь мог переместить любого землевладельца на новое место или совсем лишить его земли; самовольно покинуть свой надел крестьянин не мог; все крестьяне выступали в качестве держателей земли от верховного* владельца — царя. Высокая культура земледелия настолько повысила ценность обрабатываемых участков,, что вызвала строгие правила наследования и отчуждения их. В частном владении у крестьян баротсе находились, поля, дикорастущие плодовые деревья, заводи и запруды с рыбными ловлями, тростниковые заросли и рощицы, являвшиеся охотничьими заказниками [327, стр. 29— 30; 214, стр. 69—90]. У баконго в частном владении крестьянских семей также находились ноля, дикорастущие плодовые деревья, рощицы — охотничьи заказники (в; которых во время облавных охот искала спасения дичь), ручьи, болотца, заводи и 'протоки рек с рыбными ловлями. При этом существовали известные ограничения владельческих прав на те или иные угоды в пользу общины. Например, в рощах (а все они имели владельцев) можно было свободно охотиться во влажные сезоны, рубить неплодовые деревья и пр. [194, стр. 270].

Что касается феодалов баконго, то в их владении,,

жак и во владении феодалов баротсе, балунда, балуунда, бемба и др., находились целые деревни, округа, области. Верховные же права феодальной собственности принадлежали царю — м а н и Конго.

У бакуба, как и у перечисленных выше народов, иерархия прав на землю строго соответствовала иерархии административной власти [173, стр. 141], во главе которой стоял царь-н'ыми. Он передавал во владение своим вассалам целые провинции, области, округа и деревни, а также отдельные охотничьи заказники, солончаки, рощи масличных пальм и т. п., причем при желании мог отобрать у провинившегося вассала любое из этих владений. Кроме того, у н'ыми имелись «дворцовые земли» его домена, обрабатываемые лично-зависимыми мелкими производителями — нгете. Поселения нгете имелись и во владении других крупных феодалов. В общинном владении находились пашни (земли под посев занимались методом свободной заимки), охотничьи и рыболовные угодья, иногда рудники и соляные копи [173, стр. 141].

Сходные порядки существовали и у балуба, хотя здесь не было царского домена. Известно, что у балуба поля наследовались по определенным правилам — зарождалась аренда деревенской земли; известны случаи, когда огород обменивался на реку, где водилась рыба, лесок-заказник — на рабыню и пр. [173, стр. 141].

Своеобразное положение сложилось в талассократиях суахили, где мусульманское право (шариат) сосуществовало с традиционным африканским (адат). Нелегко восстановить картину имущественных отношений у суахили в период до XIX в., когда они были подчинены арабской династии Омана; в частности, шариат и законы Занзибарского султаната признавали продажу земель, тогда как адат и общественное мнение ее не признавали. В XIX — начале XX в. у суахили мы находим весьма развитые юридические отношения владения рощами кокосов и т. п., а также обрабатываемой землей (Kiambo, Shamba), которую все крестьяне наследовали (по материнской линии), сдавали в аренду, продавали и т. д. В то же время необрабатываемая земля msitu оставалась в общинном владении [398, стр. 62 и сл.]. Целые общины и области находились в феодальном владении отдельных правителей в значительной части араб

ского и вообще иноземного происхождения; они взимал» с мелких производителей натуральную (временами также денежную) подать. Рентовладельцами являлись и традиционные вожди общин, «хозяева земли» и «хозяева моря», в ведении которых находилось управление земледельческим производством, распределение пахотных земель (крупного рогатого скота суахили почти не имели), регулирование правил рыбной ловли, суд по местным делам, примирение ссорящихся общинников, погребальные и магические обряды и пр. За свои услуги они каждый раз требовали обязательные «дары». Большое значение в средние века, и особенно в новое время, имели земледельческие поселения «к^{рабов}», получавших средства производства от своих хозяев, селившихся целыми деревнями и плативших натуральную и денежную подать, а также исполнявших трудовую повинность (в качестве носильщиков и пр.). Отдельные авторы отмечают разную продолжительность этой трудовой повинности, которую можно смело назвать барщиной. У. Принс утверждает, что по обычаю невольник у суахили должен был пять дней в неделю работать на хозяина и лишь четверг и пятницу — на своем поле, продукцию с которого он мог «продавать более или менее свободно» [398, стр. 69]. Фельтен дает другие цифры: четыре дня на хозяйском поле и три на своем; кроме того, невольник обязан был доставлять в дом своего владельца воду и дрова [435, стр. 34, 40—47].

Арабское влияние и арабская колонизация, а также повышенная (по сравнению с другими обществами банту) роль торговли, морской и караванной, особенно же работорговли, — все это стимулировало развитие у суахили частного владения в ущерб государственному. Однако последнее также успешно развивалось в периоды объединения различных суахилийских городов-государств под властью местных династий или иноземных завоевателей (португальцев, арабов).

Таким путем в раннефеодальных обществах банту •устанавливалась монополия складывающегося феодального класса на землю. Дальше всего она зашла в королевствах Конго периода его расцвета, Баротсе и Буган- де, а также в талассократиях суахили, однако и здесь была далеко не полной. Как указывалось выше, монополия на землю являлась лишь частью монополии на

производительные силы. Рост внеэкономического принуждения, закабаления, закрепощения, «порабощения» крестьян-общинников создавал монополию на рабочую силу, однако даже в самых развитых доколониальных обществах банту она еще не могла быть осуществлена. Лишь в военных государствах нгуни XIX в. (свази, зулусы, матебеле, ангони и др.) с их строжайшей дисциплиной и крайней несвободой массы трудящихся цари и вожди практически монополизировали в своем распоряжении рабочую силу. В значительной мере они монополизировали и продуктивный скот — одно из главных средств производства у нгуни. У зулусских королей Ча-ки и Дингаана имелись огромные стада скота; король и вожди, бывшие одновременно главами кланов и командирами подразделений армии, также владели большими стадами скота. Все эти стада пасли мобилизованные в армию молодые люди [82, стр. 303—304]. Р. Моффат, несколько преувеличивая, сообщал, что у матебеле весь крупный рогатый скот «находился в собственности короля» [цит. по: 120, стр. 13]⁵⁵. Такие же порядки засвидетельствованы у мамбве [120, стр. 13] и ряда других народов банту. У средневековых баконго весь крупный рогатый скот был монополизирован высшей аристократией; никто, кроме «грандов» Конго, не имел права владеть коровами и быками [194, стр. 229]. Но при этом монополия на владение скотом, как правило, не вела непосредственно к монополии на пастбища [ср. 120, стр. 13].

Аналогичную картину мы наблюдаем в истории раннефеодальных государств Северо-Восточной Африки. ■Огромные стада, принадлежавшие мероитским царям (которые в результате походов, например только Нас-тасена, увеличились на 673 471 голову крупного и 1 252 232 головы мелкого рогатого скота [131, стр. 268 и сл.]), вряд ли паслись исключительно на «царских пастбищах». Когда аксумский царь жаловал племенам беджа 25 140 коров и затем переселял эти племена на новое место или же посылал большое стадо коров с торговым караваном в далекую Сасу [139, стр. 46—47, 130, 190], то о выпасе этих стад на специальных «цар

⁵⁵ Между тем известно, что выкуп за невесту и штрафы вожди и простые воины матебеле уплачивали скотом.

ских землях» не могло быть и речи. Самый обычай «полюдья» позволил царю широко пользоваться пастбищами подвластных ему общин. В Сеннарском царстве огромные стада, принадлежавшие султану, пасли его невольники, перегонявшие скот по просторам саванн, пограничных с Эфиопией [303, стр. 244—245].

Монополия феодального клана на землю устанавливалась различными путями, но все они приводили к феодальному владению совокупностью производительных сил. Эта монополия на владение производительными силами означала в то же время монополию на ренту и распространялась на сферу охоты, рыболовства, резку тростника (у баротсе в пользу короля передавалась *Vio* всего срубленного в стране тростника) и т. д. С развитием торговли устанавливается монополия правителей на определенные виды охотничьей добычи или даже на охоту на некоторые виды животных (особенно слонов), а также на торговлю с иноземцами (см. выше).

Исследуя социально-экономические и 'социально-политические структуры у народов банту, необходимо учесть, что они являются «переходными» в весьма широком историческом смысле. И. А. Сванидзе высказал верное, по-нашему, предположение, что «примитивизм» некоторых из этих структур — результат исторического регресса, и привел в качестве примера общество ндем-бу, отделившихся в XVIII в. от народа балунда (государство Лунда) [214, стр. 41—42]. То же самое можно, видимо, сказать и о многих других народах банту. Первые, еще весьма примитивные государства появились у бантуязычных народов в раннем и среднем средневековье. Время от времени отдельные группы банту, не желая подчиняться государственной власти и эксплуатации со стороны раннефеодального государства, отделялись и уходили в глубь лесов и сухих саванн, населенных пигмеями, бушменами, тиндига, доробо и др. Со временем они создавали собственные государства либо попадали под власть государств, созданных более поздними переселенцами. Процесс формирования раннефеодального общества у бантуязычных народов затянулся на многие столетия и включал как удавшиеся попытки, так и частичный регресс, порой по несколько раз сменявших друг друга.

В задачу настоящей работы не входит развернутое

описание социальных и политических структур в отдельных африканских обществах; самое большее, что можно здесь показать, — это некоторые характерные черты основных обществ доколониальной Тропической Африки.

В области южных и восточных саванн, населенных бантуязычными народами, мы наблюдаем различные ступени развития раннефеодальных обществ, порой в условиях распада молодой государственности. При этом совладали наиболее развитые политические структуры, структуры владения и степень эксплуатации (в средневековом Конго, Бушонго, Буганде и Баротсе XIX в.), тогда как уровень развития производительных сил был примерно общим для всей зоны. Развитие раннефеодального общества на стадии мелкого натурального производства было возможно без резкого повышения уровня развития производительных сил и производительности труда благодаря простому росту феодальной эксплуатации с помощью внеэкономического принуждения, что предполагает, как показано выше, укрепление государственности.

В целом раннефеодальные общества 'банту характеризуют следующие черты:

1) ЯМ'НП объединяются в общины в основном на основе кровнородственных связей по материнской или отцовской линии;

2) основную массу мелких производителей составляют полноправные лично-свободные общинники, степень эксплуатации которых сравнительно невелика; •соединение их со средствами производства осуществляется в основном по линии традиционных общинно-родовых связей; эти лично-свободные мелкие производители сохраняют значительную долю прав землевладения;

3) с этой массой и на ее основе имеют тенденцию интегрироваться неполноправные и лично-зависимые мелконатуральные производители: припущенники, покоренные племена, '«клиенты», невольники и др.; эта тенденция была ненамного слабее противоположной — размывания слоя свободных общинников, превращения их в неполноправных и лично-зависимых;

4) степень эксплуатации этих категорий мелких производителей выше, чем лично-свободных общинников, но также не очень велика;

5) преобладают продуктовые формы ренты, трудовые

повинности имеют вспомогательное значение; размеры тех и других не твердо установлены;

6) внутри общин существуют патриархально-феодалная и близкие к ней формы эксплуатации мелких производителей деревенскими старейшинами и вождями;

7) внутри формирующихся и уже сформировавшихся раннефеодалных государств устанавливается государственно-феодалная эксплуатация мелких производителей, при которой представители государственной иерархии оставляют себе долю ренты-налога, передавая ■оставшуюся часть вышестоящим правителям;

8) основную военную силу государства составляет всеобщее ополчение общинников, причем жители одной из областей, отличающиеся наибольшей воинственностью и численностью, составляют ядро военного ополчения, а правитель этой области по традиции является главнокомандующим;

9) для организации войска широко используется система возрастных групп;

10) наряду с военным ополчением имеются отряды царской гвардии (и соответственно гвардии вассальных князей), выполняющие в мирное время полицейские ■функции телохранителей, палачей и свиты правителей;

11) складывающийся господствующий класс очень слабо консолидируется на основе назначений и вассалитета; сравнительно большая часть господствующего класса принадлежит к представителям царского рода;

12) государственный аппарат почти полностью совпадает с дворами правителей различного ранга, причем в одном лице сочетаются придворные и административные должности и пр. Лишь в наиболее развитых государствах (Конго, Бушонго, Баротсе) появились немногочисленные чиновники фиска;

13) царская власть носит сакральный характер, однако ограничена советом наследственной высшей знати ..либо имеет грубо-деспотический характер;

14) формы классовой идеологии и религии еще мало развиты, господствуют многочисленные элементы равенства и плюрализма. Некоторые другие черты раннефеодалных обществ банту, такие, как начавшееся выделение привилегированных ремесленных каст, царские монополии на торговлю и т. д., рассмотрены в других местах данной работы.

Нигде в областях, населенных народами языковой семьи банту (кроме Межозерья и талассократий суахили), развитие общества не вышло за пределы раннефеодальной ступени.

В Западной Африке также, по нашему мнению, преобладали раннефеодальные общества, однако средний уровень их развития был несколько выше. Это относится к наиболее передовым народам: йоруба, бини, дагомейцам, ашанти, мойи и особенно народам Западного Судана. Основные черты общественного развития здесь были те же, что указано выше для банту; однако имелись и некоторые важные различия:

1) процент неполноправного и лично-зависимого населения был намного выше;

2) тенденция поглощения этой частью населения свободных общинников была намного сильнее противоположной тенденции — поглощения его последними;

3) степень эксплуатации зависимого населения была намного выше;

4) отработочная рента преобладала над продуктовой;

5) дань, размер которой у банту не был твердо фиксирован, превратилась в регулярно собираемый натуральный налог, размер которого был постоянен;

6) государственное устройство было несколько сложнее, чиновничество все более отделялось от двора, хотя в основном они все же совпадали;

7) ополчение воинов-общинников отстает на второй план перед профессиональными воинами, как членами привилегированных военных общин, так и феодальным «рыцарством».

Труднее всего определить степень и норму феодальной эксплуатации в обществах Тропической Африки. Сравнивая их, следует учесть, что в наиболее развитых обществах Западной Африки свыше половины населения составляли лично-зависимые и «кабальные» должники-крестьяне. В оазисах Сахары норма феодальной эксплуатации была особенно высокой и примерно равна той, которая засвидетельствована в Северной Африке. Здесь феодал оставлял крестьянину лишь одну пятую часть урожая и сверх того требовал от него другие повинности и услуги. В горах Центральной Сахары эта норма несколько снижалась. На границе Сахары и За

падного Судана крепостные крестьяне арабов и туарегов — белла, иклены и отчасти сонгаи-габиби должны были отдавать половину урожая своим господам из числа кочевой знати⁵⁶. В странах Западного Судана, от Фута-Джаллона (Гвинея) и княжеств волофов и тукуле-ров Сенегала до оз. Чад, они обязаны были трудиться на своих хозяев до пяти дней в неделю.

У мандинго столько же трудился на свою общину и ее правителя лично-свободный крестьянин. В государстве Ятенга (Верхняя Вольта) невольник второго поколения обязан был работать на своего владельца пять дней в неделю; невольник в третьем поколении, работающий в собственном хозяйстве, обязан был трудиться на хозяина лишь три дня в неделю [231, стр. 116, прим. 91]. У йоруба зависимое население обязано было работать на своих хозяев свыше половины рабочего времени (по другим данным — пять дней из шести), у ишоко дельты Нигера — два дня из четырех, в Старом Калабаре — четыре дня на хозяев и два на себя, в Золотом Береге — три дня на хозяев и два на себя [157, стр. 126—127]. Эти нормы следует сравнить с соответствующей продолжительностью трудовой повинности у банту: обычно от одного до нескольких дней в -году.

В наиболее развитых государствах доколониальной Западной Африки (Бенин, Ашанти, государства волофов, средневековые Мали и Борну, особенно лее Сонгай и города-государства хауса) наметился переход от раннего к развитому феодализму, что нашло выражение в:

1) далеко зашедшем расколе общества на два основных класса: феодально-эксплуатируемых мелких производителей и феодалов-рентовладельцев, причем первые находились в личной или поземельной зависимости от вторых; прикреплении мелких производителей к земле или к своим владельцам, т. е. в монополии феодального класса на рабочую силу, что было предпочтительнее монополии на землю, которая в большинстве африканских стран имела в избытке;

2) увеличении степени феодальной эксплуатации, при

⁵⁶ Впрочем, в годы стихийных бедствий, когда урожай был невелик, господин оставлял большую его часть земледельцу; кроме того, первый урожай с целины по обычаю целиком принадлежал труженнику [323, стр. 30—31].

которой прибавочный труд крестьян превышал необходимый;

3) упорядочении налогообложения и других повинностей;

4) укреплении государственной власти за счет общинно-племенной, усложнении государственного аппарата, с его фискальным ведомством, профессиональными судьями и профессиональной армией;

5) развитии сравнительно высоких форм религии, распространении ислама; этот последний факт следует сопоставить с исчезновением христианства в Конго, а также Каффе и других государствах Южной Эфиопии ■ после крещения тех и других в XVI в. и с нераспространением ислама и христианства на внутренние районы Восточной Африки и страны Гвинейского залива до XIX в.

И все же даже в тех обществах доколониальной Тропической Африки, которые можно охарактеризовать как развитые феодальные, существовали весьма значительные элементы патриархального и раннего феодализма. Они выражались, в частности, в следующем:

1) феодально-эксплуатируемое крестьянство еще было весьма дифференцировано по своему экономическому и правовому положению, тогда как при развитом феодализме феодальный гнет «спрессовывает» его в один эксплуатируемый класс;

2) в связи с этим привилегированные крестьяне-общинники, еще обладавшие достаточной долей владельческих прав, имели возможность эксплуатировать при- пущенников, домашних рабов и членов низших каст;

3) также в связи с этим общинно-родовая верхушка еще сохраняла некоторую возможность подвергать своих сородичей и домочадцев патриархально-феодальной эксплуатации.

Даже в таком сравнительно развитом, феодальном обществе, как Северная Нубия IX—X вв., мы видим сочетание раннефеодальных и развитых феодальных элементов. Государственная рента-налог собиралась архаичным способом «полюдь», в то же время на севере страны появился новый эксплуататорский слой ренто-владельцев-арабов из Асуана, закабаливших местных крестьян [143, стр. 93—130]. ,

В Северо-Восточной Африке в новое время около

половины ее населения жило в условиях развитых феодальных обществ, к которым относятся средневековая Нубия, поздний Сеннар, Эфиопская империя XV—

XIX вв. Переходное состояние от раннего к развитому феодализму, по нашему мнению, наблюдается в Эфиопской империи XIV в., в государстве Адал XIV—XVI вв., в Дарфуре и Вадаи конца нового времени, а также в Межозерье. На периферии этой зоны имелись раннефеодальные государства нового времени Каффа, Джанд-жеро, княжества западных галла, омето, сидамо, конфедерация гураге, царство Тегали и зачаточные государственные образования мао, гумуз, шиллуков и пр. В Восточной Эфиопии и Сомали XVI—XVIII вв., несомненно, имел место некоторый регресс, затронувший элементы развитого феодализма и городской жизни, при этом патриархально-феодальные и раннефеодальные черты общества сохранились и даже, вероятно, усилились.

В Тропической Африке, в отличие от Северной, нигде не был завершен переход от развитого к позднему феодализму; элементы последнего появляются лишь в условиях колониальных и полуколониальных обществ XIX—XX вв.: в Судане после турецко-египетского и англо-египетского завоеваний, в Эфиопии конца XIX — начала XX в., в Занзибарском султанате, в Буганде периода протектората и др., главным образом на северо-востоке и отчасти на западе субконтинента.

Если сопоставить средний уровень развития общественных отношений в основных регионах Африки в доколониальный период, отвлекаясь от внутренних различий 'более или менее развитых обществ (внутри каждого из регионов), то можно сказать, что на самой низшей ступени развития находилась Южная Африка — заповедная земля первобытнообщинной формации, куда лишь проникали уходившие от гнета феодального государства группы банту; затем шли Экваториальная Африка, зона тропических лесов и болот, где первобытнообщинный строй находился на стадии разложения, развивались патриархально-феодальные и патриархально-рабовладельческие отношения и кое-где начинался переход к раннефеодальному обществу; далее шла зона южных и восточных саванн, населенная банту, где уже в основном произошел переход к раннему феодализму;

затем—Западная Африка, где ранний феодализм также в основном господствовал, но во многих обществах достигал более высокого развития, чем у банту, а кое-где начался или даже почти полностью совершился (сонгаи, хауса) переход к развитому феодализму; далее следует поставить Северо-Восточную Африку, где развитие феодальных отношений зашло в среднем еще дальше и переход к развитому феодализму был совершившимся фактом на значительной части территории; наконец, на вершине пирамиды находилась Северная Африка, где наряду с развитыми феодальными обществами (Марокко, Алжир, Триполитания) существовали высокоразвитые позднефеодальные (Египет).

В заключение этого по необходимости краткого и ограниченного по своим целям очерка экономики и социальной истории некоторых доколониальных африканских обществ подведем итоги. Относительное отставание Тропической Африки от Северной Африки и Евразии началось в весьма отдаленном прошлом, задолго до начала колонизации, и его нельзя объяснить одним лишь отрицательным влиянием европейско-американской работорговли. Работорговля нанесла неисчислимый ущерб многим африканским народам, но -своего наибольшего размаха она достигла сравнительно поздно, лишь в новое время, причем в наиболее отсталых областях Центральной и отчасти Южной Африки ее влияние было незначительно. Во всяком случае, работорговля внесла сравнительно небольшие изменения в общую картину неравномерности исторического развития Африки, где уровень социального развития в общем издавна понижался в направлении с севера на юг и с востока на запад. Несомненно, эта территориально-временная последовательность сложилась под влиянием более давно и постоянно действовавших, более разнообразных внешних факторов, чем европейская и даже арабская работорговля. Проблема отсталости существовала и в доколониальной Африке, причем не меньшее, если не большее, значение, чем относительное отставание всего этого исторического региона от передовых цивилизаций внешнего мира, имела неравномерность социально-экономического развития внутри этого региона и составляющих его областей.

И. В. Следзевский

**КОЛОНИАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И
ВОСПРОИЗВОДСТВА МНОГОУКЛАДНОЕ** (на примере Западной Африки)

Настоящая работа посвящена теоретическим проблемам многоукладноеTM в Тропической Африке и имеет целью привлечь внимание к вопросу о характере колониальных структур, их формационном типе, особенностях взаимодействия укладов. Она не претендует на систематический анализ формационного характера западноафриканских колониальных обществ. Эта задача под силу лишь коллективным усилиям социологов, экономистов, историков, да и вряд ли сейчас возможно ее полное решение. Не претендует автор и на хотя бы частичное эмпирическое описание становления и развития колониальных структур в Западной Африке. Задача очерка значительно скромнее — поставить некоторые теоретические вопросы, которые вводят нас в формационный анализ многоукладноеTM современных обществ Тропической Африки и довольно остро стоят в марксистской африканистике. Таковы, по нашему мнению, вопросы толкования социально-экономической отсталости бывших африканских колоний, отдельные аспекты генезиса капитализма южнее Сахары и разложения докапиталистических общественно-экономических укладов. Нет нужды подчеркивать, что все эти проблемы являются сугубо дискуссионными

¹ Пример Западной Африки выбран нами не случайно. Этот регион сравнительно лучше изучен в марксистской литературе. В его

Изучение последствий колониализма имеет прочные традиции в марксистской африканистике. В советской литературе эти традиции восходят к трудам И. И. Поте-хина, С. Р. Смирнова, Г. Е. Скорова и др. В их работах и в исследованиях других авторов анализируются колониальная структура африканской экономики, социальные сдвиги, характер аграрных отношений, особенности формирования рабочего класса и африканской буржуазии южнее Сахары и т. д.

Можно определенно говорить об отсутствии в современных странах Тропической Африки окончательно сложившегося капиталистического уклада. Исторический прогресс шел здесь очень сложными путями, и колониализм еще более увеличил эту специфику, резко усилив общую неравномерность развития Африканского континента. Неоднократно обращалось внимание на особую пестроту, «чересполосицу» общественных отношений южнее Сахары. В разной связи подчеркивались и другие черты африканских колониальных обществ: особо тесная, часто органическая связь капиталистических отношений с империалистической эксплуатацией и зависимым характером экономики, крайняя неравномерность развития товарного производства по отраслям и районам, живучесть традиционных форм хозяйства (при частичном видоизменении их функций в связи с условиями товарного хозяйства и колониального управления), исключительное разнообразие переходных форм общественно-политической организации — от родоплеменных образований, с одной стороны, до государственного уклада и новейших форм политической жизни — с другой, и т. д. {см., в частности: 74, стр. 110—113; 95, стр. 58—122; 123, стр. 53; 171, стр. 52-56, 73—81, 116—138; 184, стр. 305, 309; 221, стр. 19, 53, 87—88, 101—102}.

При крайней неравномерности и пестроте развития отдельных африканских обществ очень трудно определить их формационный характер и уровень, даже с точки зрения ведущей тенденции. Комплексная оценка этого развития выдвигает ряд сложных проблем, которые требуют и достаточного уровня конкретно-эмпири-

развитии особенно полис) проявились результаты торговой колонизации, породившей наиболее сложную организацию колониальных обществ к югу от Сахары.

•ческих исследований, и определенной дифференциации, уточнения общетеоретических критериев.

В появившихся работах проблема многоукладности в африканских странах рассматривалась больше в плане удельного веса различных укладов, а также влияния на них систем империалистической эксплуатации [см.: 171, стр. 139—140; 184, стр. 309; 221, стр. 87—88]. Например, господство в Западной Африке мелкого крестьянского хозяйства увязывалось в первую очередь с распространением торгово-финансовой эксплуатации, появление африканского пролетариата — с развитием иностранного капиталистического сектора и т. д.

Но вопрос о многоукладности этим не исчерпывается. По справедливому замечанию А. И. Левковского, «вся сложность проблемы, после того как проанализированы отдельные уклады, заключается в отыскании новой закономерности, возникающей из-за их взаимодействия... Конкретное „сложение”¹² закономерностей эволюции отдельных укладов может давать в каждом отдельном случае (страна, период) бесконечное число вариантов, раскрытие которых — задача страноведческих исследований» [168, стр. 13].

К сожалению, как раз вопрос о характере переходных структур или типе многоукладности в Тропической Африке почти не изучен.

Можно выделить несколько аспектов этой проблемы.

Эволюция многоукладности. Какой бы сложный, застойный характер ни носили колониальные структуры, решающим все же является конкретное направление их эволюции, формационный тип общества. В советской литературе уже неоднократно отмечалось, что категория общественно-экономической формации не сводится к количественно преобладающему укладу, требуется выделить ведущую форму производственных отношений.

При крайней неоднородности современных африканских Обществ выявить ведущее отношение довольно трудно. Колониализм породил сильные различия между районами экспортного хозяйства и глубинными, или периферийными, областями, удаленными от путей сообщения. Существует мнение, что в первой зоне уже к концу колониального периода определяющими стали капиталистические или полукapиталистические отноше

ния, тогда как вне городов и районов торгового хозяйства (главным образом в суданских колониях) основное значение сохранили феодальные или общинно-родовые отношения [74, стр. 138; 95, стр. 105—115; 184, стр. 309, 319; 207, стр. 38; 221, стр. 88].

Эта характеристика требует уточнений. Не подлежит сомнению, что колониализм сильно модифицировал, видоизменил как традиционные формы отношений, так и многие закономерности развития товарных укладов. Спорным остается вопрос о степени этой модификации: затронула она лишь форму ведущих производственных отношений или определила (в той или иной степени) также и их содержание, т. е. формационный тип общества. По этому вопросу можно встретить различные и даже противоположные суждения.

Так, в 1956 г. Г. Е. Скоров писал, что «в африканской деревне *преобладают* (здесь и далее курсив наш. — И. С.) полуфеодальные отношения, переплетающиеся с остатками родо-племенных порядков и *подчиненные* интересам империалистической эксплуатации» [221, стр. 88]. Но в какой мере это подчинение отразилось на структуре и эволюции самих феодальных отношений? По мнению А. Б. Летнева, в глубинных районах бывшей Французской Западной Африки (Восточный Сенегал, Северная Гвинея, северные области Верхней Вольты и Берега Слоновой Кости, Западное Мали) «преобладающей формой социальных отношений в деревне» остались «отношения патриархально-феодального типа», традиционные по своему характеру [171, стр. 139—140].

Однако, как отмечает автор, «патриархально-феодальные отношения, результат внутреннего развития самого африканского общества, переплетались с феодальными отношениями иного рода—с „бюрократическим феодализмом“, „искусственно насажденным извне колонизаторами“ и представленным институтом „вождей-чиновников“» [171, стр. 80]. Значение патриархально-феодальных отношений в системе колониальной эксплуатации расценивается уже по-иному: «Вопрос о точном соотношении этих двух видов эксплуатации сложен, ибо он не находил никакого отражения в статистике. Известны незначительные размеры ренты, взимавшейся традиционными вождями. Традиционная родо-племенная

верхушка прозябала... Можно предположить, что основное бремя феодальной эксплуатации взваливали на крестьян не традиционные вожди, а „водители-чиновники“, в особенности в районах сравнительно развитого торгового земледелия...» [171, стр. 80].

Вопрос о сочетании и удельном весе различных форм феодальных отношений в колониальном Западном Судане остался открытым и в более поздних работах [124, стр. 65—71; 186, стр. 46—47].

Сходные проблемы возникают и при анализе ведущей формы производственных отношений в районах экспортного земледелия и широкого развития товарного хозяйства.

Достаточно часто отмечалось сковывающее влияние, которое оказали на развитие местного капитализма колониальная эксплуатация, уродливая структура современной африканской экономики, дискриминационная политика колониальных властей и т. д. Несомненно определенная качественная специфика развития товарных отношений под влиянием мирового рынка. По словам Л. И. Александровской, «товарно-денежные отношения в современных африканских колониях развиваются в совершенно иных конкретных исторических условиях (курсив наш. — И. С.), чем это происходило в большинстве европейских стран. В Европе капитализм был результатом развития товарных отношений, а в африканских колониях развитие товарных отношений происходит в обстановке и под влиянием уже сложившейся капиталистической системы мирового хозяйства... Рост производства на мировой рынок не сопровождается таким же быстрым расширением внутреннего рынка колоний» [67, стр. 61].

Отсюда можно заключить, что основное производственное отношение в африканских колониях, формационный тип большинства местных обществ определялись господством иностранных монополий, т. е., строго говоря, отношениями и категориями мирового капиталистического хозяйства. Именно такой вывод делается при анализе производственно-экономических условий, движения национального продукта, структуры занятости в африканских странах и т. д. Менее ясен социальный аспект этой проблемы. Все исследователи единодушно отмечают слабость капиталистических элементов и низ

кий уровень производительных сил в зоне торгового земледелия к концу 50-х годов. В то же время трансформация социально-экономических укладов часто толкуется исходя из признания решающей роли местного капитализма.

В последнее время, однако, появились работы, в которых ставится под сомнение преимущественно капиталистический характер расслоения колониальной африканской деревни [134, стр. 102; 22—23]. 227, стр.

Большое значение при анализе ведущего производственного отношения в зависимых странах имеет вопрос о роли колониальной монополии. В марксистской литературе понятию («колониальная монополия») придается, определенное формационное значение: она рассматривается как специфическое производственное отношение мирового капитализма, определяющее характер международного капиталистического разделения труда и внутренние тенденции развития колоний [см., например: 94, стр. 406—417; 111, стр. 114, 115, 142; 179, стр. 347—348; 185, стр. 174—176; 239, стр. 104; 240, стр. 32; 242, стр. 252—254].

Применительно к странам Тропической Африки подробно исследована важнейшая сторона колониальной монополии: господствующее положение иностранного монополистического капитала в ключевых сферах экономики. Выделена и внимательно проанализирована также основная материально-техническая предпосылка засилья иностранных монополий: уродливая отраслевая структура африканской экономики. Известно, однако, что общественное значение колониальной монополии не сводится только к ее экономической основе — монополистической собственности иностранного капитала. Неоднократно подчеркивались огромная роль внеэкономического принуждения в эксплуатации местных производителей, государственное регулирование в интересах иностранного капитала, фискальная эксплуатация населения колоний, монополизация сферы обращения и т. д. [см., например: 74-, стр. 80—100; 95, стр. 80; 124, стр. 27—31; 158, стр. 7—9; 171, стр. 118—121; 243, стр. 11—138; 251, стр. 17—175, 261, 294—339]. Несомненно, что это — другие стороны проявления колониальной монополии; в своем совокупном действии она может объеди-

знять, «координировать» (в разных формах и до известной степени) различные уклады, общественные формы, в том числе я не связанные непосредственно с мировым рынком или товарным сектором хозяйства. Иными словами, колониальная монополия может приобретать определенное системообразующее значение по отношению к различным укладам, определять в той или иной степени их внутреннюю эволюцию.

К сожалению, эта вторая сторона колониальной монополии, непосредственно связанная с развитием многоукладноеTM в африканских странах, изучена значительно слабее.

При анализе формационной роли колониальной монополии определяющее значение имеет положение о двух •ее сторонах или тенденциях развития — тенденции к быстрому росту капитализма на колониальных окраинах и одновременно тенденции (присущей монополии вообще) к загниванию, паразитизму и застою. Таким образом, формационная принадлежность колониальных и полуколониальных обществ может мыслиться только в рамках мировой капиталистической формации, с учетом ее основных законов и новейших тенденций развития. Представляется, однако, явным упрощением такая трактовка развития капитализма в африканских странах, при которой обе стороны колониальной монополии противопоставляются друг другу по формальному признаку: тенденция к застою и загниванию связывается исключительно с прямой консервацией докапиталистических отношений, а тенденция к развитию капитализма предстает лишь как количественно уменьшенная модель «классического» капиталистического общества.

Это толкование обедняет значение колониальной монополии. Как специфическое производственное отношение мирового капитализма она неизбежно включает в себя моменты взаимного перехода, взаимодействия указанных тенденций, что имеет принципиальное значение для определения конкретного характера того или иного колониального общества. Необходимо учитывать не только тенденцию к росту капитализма в колониях и полуколониях, но и диалектическую связь ее с противоположной тенденцией, т. е. элементы паразитизма, загнивания и т. д. в самом процессе стихийного развития капитализма в колониальных странах.

На этом пути возникает ряд принципиальных проблем, которые не нашли -еще широкого освещения. Важно, например, установить место конкретных форм колониальной монополии среди других типов производственных отношений, ту качественную грань, за которой колониальная монополия подчиняет себе другие уклады, формы и степень этого подчинения (уклады — основные и побочные носители колониальной монополии), соотношение экономических и политических предпосылок колониальной монополии, пропорции (диспропорции) воспроизводства в различных секторах экономики, сложившиеся под влиянием колониальной монополии, их влияние на сумму социально-экономических отношений, соотношение рыночных и «внеэкономических» рычагов- организации хозяйства в условиях колониальной монополии и т. д.

Характер взаимодействия укладов. Многоукладность иногда называют главной чертой стран «третьего мира»².

Но, как верно замечает Л. Дворжак, само по себе наличие нескольких укладов еще не свидетельствует ни об отсталости, ни о прогрессивности общества, точнее, многоукладность может быть признаком и того и другого [111, стр. 113—114].

Для определения ведущей тенденции развития общества, главных его особенностей важен самый тип многоукладноеTM: характер взаимодействия между укладами.

Превращению капиталистического уклада в господствующий соответствовало подчинение общества модели капиталистического расширенного воспроизводства, иными словами, интеграция общества на основе относительно быстрого расширения внутреннего рынка, повышения национальной производительности труда, широкого вытеснения докапиталистических способов производства, наконец, утверждение в качестве ведущих основных классов буржуазного общества: промышленной буржуазии и индустриального пролетариата. Для африканских колоний данный путь социально-экономической

² Например, А. И. Левковский считает многоукладность важнейшей характеристикой современного «третьего мира». По его словам, государства в мире делятся, если принять общий критерий, на капиталистические, социалистические и многоукладные [168, стр. 9].

интеграции был закрыт или сведен к минимуму. Проведенные исследования рисуют картину общества, находящегося в состоянии глубокой отраслевой дезинтеграции (отсутствие до второй мировой войны межотраслевых связей, слабое взаимодействие отраслей, обслуживающих внутреннее потребление, обособленное технико-экономическое положение иностранного сектора и т. д.) (91, стр. 80, 61, 68, 69, 114, 117, 122, 130; 126, стр. 27—31; 127, стр. 117; 171, стр. 35; 185, стр. 36—39; 207, стр. 74; 223, стр. 5—7, 21—24].

Не ясна, однако, степень дезинтеграции укладов. С одной стороны, понятие отраслевой дезинтеграции переносится иногда на всю совокупность социально-экономических связей. Самостоятельное развитие экспортных отраслей истолковывается как обособленное сосуществование различных типов обществ — докапиталистического и полукapиталистического³. С другой стороны, отмечаются интеграционные тенденции (например, отходничество), приобретающие в некоторых районах весьма внушительные размеры.

В то же время результаты этих тенденций иногда уподобляются прямому подчинению хозяйства периферийных районов капиталистической экономике {см., например, 162, стр. 162}.

Большой интерес представляет вопрос о формах косвенной, или иерархической, организации взаимодействия укладов. Л. Дворжак обращает внимание на характерные черты такой организации и связь ее с господством монополий [111, стр. 114—116]. При косвенной форме интеграции укладов капиталистический способ про

³ «Дуализм» общественных структур в странах «третьего мира» широко отмечается в марксистской литературе, однако его формационное содержание получает различное толкование. По мнению С. И. Тюльпаова, «главными составными частями экономического строя любой входившей в колониальную систему страны являлись сектор иностранного монополистического капитала и сложная совокупность производственных отношений, которые можно объединить общим понятием „аграрный строй колоний и зависимых стран" и развитие которых проихехдило в своеобразных экономических условиях» [240, стр. 53]. Е. Клеер видит главную формационную черту бывших колоний и полукolonий в «стабилизированном до некоторой степени сосуществовании различных общественных структур и различных экономических укладов» [134, стр. 196]. По мнению Л. Дворжака, эта последняя характеристика нуждается в некоторых существенных ограничениях [111, стр. 113].

изводства подчиняет себе общественные отношения не столько через изменение технического базиса и углубление внутреннего разделения труда (т. е. отраслевую интеграцию), сколько через сложную систему промежуточных звеньев, опосредствованных форм производственных отношений (торговых, административно-фискальных, миграционных и т. д.), традиционные уклады и отношения приобретают новые функции, но не исчезают окончательно⁴.

Различия между прямыми и косвенными формами интеграции должны неизбежно сказываться на типе разложения докапиталистического производства, динамике развития мелкотоварного хозяйства, особенностях перенаселения, формирования армии наемного труда, урбанизации и т. д.

Уровень развития укладов. Тот факт, что ведущее производственное отношение не обязательно является количественно преобладающим, не умаляет, конечно, значения количественных показателей. Важно различать количественную оценку развития основного уклада и количественный подход к его определению.

Основной трудностью, с которой столкнулся в конце 50-х — начале 60-х годов марксистский анализ африканских колониальных обществ, явилось почти полное от

⁴ «Специфику колониальной интеграции» в Африке (между различными секторами и укладами) отмечает В. Л. Шейнис, подчеркивая, что речь идет о «взаимосвязи разнородных частей и о разнородных связях разной интенсивности». Интеграционный процесс здесь «не имел в качестве исходной точки высокоразвитых, диверсифицированных национальных хозяйств... поэтому степень его развития в последнюю очередь измеряется специализацией производства конечной продукции и усилением товарного обмена». К главным особенностям «колониальной интеграции» африканских обществ автор относит появление «специфических форм международного (или межтерриториального) разделения труда, захватившего ключевые Чтрасли народного хозяйства... формирование цепи взаимосвязанных международных рынков труда». Характеризуя эти особенности на примере Южной Африки, В. Л. Шейнис пишет: «Экономическая интеграция привела здесь не к унификации всеобщего уровня хозяйственного развития, а к углублению диспропорций, не к формированию единого хозяйственного организма в рамках региона, а к возникновению нескольких более или менее взаимосвязанных народнохозяйственных агрегатов, вышедших за рамки политических границ,— своеобразного комплекса, включавшего отнчительно развитые центры и экономически подчиненные им районы периферии и подразумевавшего систему пересекающихся связей» [251, стр. 125— 126].

сутствие статистических данных об уровне развития капитализма (а часто и товарно-денежных отношений вообще). Приходилось соизмерять уровень обобщений с объемом фактического материала. Начиная с конца 50-х годов в работах -советских африканистов (особенно И. И. Потехина) отчетливо звучала мысль: колониальная статистика не дает сведений о классовой дифференциации в деревне, можно судить лишь об общей тенденции развития Тропической Африки в сторону капитализма [см. 184, стр. 310; 221, стр. 7].

В последние годы фактический фундамент исследований заметно расширился как по охвату стран и регионов, так и по объему статистических данных. Более острой стала и проблема уровня развития товарных и капиталистических отношений южнее Сахары. Количественный аспект этой проблемы входит составной частью в вопрос об основном производственном отношении.

В статистических оценках уровня развития Западной Африки используются не всегда одинаковые качественные критерии. Экономисты, анализирующие формы и методы империалистической эксплуатации африканских колоний, оценивают прежде всего уровень зависимости мелкого хозяйства от производства экспортной продукции и торгового капитала [см., например: 73, стр. 175— 185; 81, стр. 209; 98, стр. 39, 47, 60—61; 186, стр. 32— 44; 212, стр. 41]. На первый план выдвигаются торговоростовщическая эксплуатация африканского крестьянства, зависимость местных товаропроизводителей от колебаний цен на мировом рынке, нестабильность воспроизводства мелкого хозяйства и т. д. Ясно, что за исходный критерий в данном случае принимаются отношения колониальной монополии. В социальном же плане акцент делается больше на классовое расслоение крестьянства: образование сельской буржуазии и пролетариата (в районах экспортного земледелия), т. е. на капиталистическую тенденцию в собственном смысле слова.

Несомненна связь между колониальной монополией и тенденцией к развитию товарных и капиталистических отношений. Но как влияют качественные особенности колониальной монополии на уровень и формы расслоения африканской деревни? Эту проблему нельзя считать окончательно решенной.

Возникает также немаловажный вопрос о стадийном критерии в исследовании уровня развития африканских стран к концу колониального периода. Этот критерий носит подчас слишком общий характер: уровень развития колониальных обществ мыслится в слабо- дифференцированных категориях феодализма, капитализма и т. д. Но эти категории сильно модифицировались под влиянием колониализма.

Между тем пока отсутствует детально разработанная типология африканских стран с точки зрения становления и развития колониальной монополии. Не совсем ясны различия между локальными и стадийными вариантами колониальной монополии. Нельзя отрицать, что в стадийном отношении, «периферийные» районы заметно отставали от очагов товарного производства, деревня отставала от города и т. д. Но носит ли это отставание чисто стадийный характер? Уже в колониальный период ряд «периферийных» районов стал специализироваться на обслуживании городов и зон экспортного производства (экспорт продовольствия, отходничество и т. д.). В какой мере особенности колониальной интеграции отразились на типе многоукладности в этих районах? Очевидно, с одной стороны, нужно проводить грань между обществами различного формационного типа (регионы преимущественно традиционных обществ и структуры, подчиненные так или иначе отношениям колониальной монополии) и, с другой стороны, локальными разновидностями одного формационного типа, разновидностями стадийного уровня и т. д.

Весьма актуален вопрос о соотношении локальных и стадийных особенностей формирования местного товарного производства. Сохранение даже в передовых районах Западной Африки различных форм общины и некоторых других традиционных институтов рассматривается в ряде работ, скорее, как стадийная особенность мелкотоварного производства, побочный результат влияния общинных традиций. Иную точку зрения выдвигает В. В. Анненков. По его мнению, правильнее говорить об «особой разновидности мелкотоварного уклада — полупатриархального, специализированного на экспортной культуре». «Неполная» развитость товарных отношений оценивается, скорее, как локальная типоло

гическая черта мелкотоварного уклада в Западной Африке [см. стр. 433, 436—437 настоящего сборника].

Особо важен вопрос о том, какое влияние оказало на уровень формационного развития стран Тропической Африки достижение политической независимости: идет ли речь о сдвигах, скорее, стадийного порядка, или изменении типа многоукладное™ в сторону более тесного слияния с капиталистической формацией, или, напротив, выхода из нее. Ведут ли. отдельные перемены в- надстройке и базисе независимых африканских стран (изменение политической ориентации, экономические сдвиги и т. д.) непосредственно к изменению ведущего формационного отношения, или для этого в специфических условиях Тропической Африки необходим структурный сдвиг во всей системе социально-экономических отношений? Как изменилась в современных африканских странах роль колониальной монополии под влиянием надстроечных перемен, борьбы двух социально-экономических систем, научно-технической революции и т. д.?

На эти вопросы вряд ли можно дать однозначный ответ, они также требуют специального анализа.

Известно, что для перехода от общих категорий исторического материализма к конкретно-эмпирическим исследованиям нужны промежуточные теоретические звенья — специальные социологические и политэкономические теории и обобщения [см. подробнее: 197, стр. 6, 12, 17—21, 33—47; 213, стр. 38—42].

Специфическое положение стран Тропической Африки в мировой капиталистической системе выдвигает задачу разработки таких теорий, в частности, на уровне формационного анализа колониальных и постколониальных обществ. Без них невозможно разработать методику конкретных социологических исследований.

Формационный анализ колониальных обществ имеет первостепенное значение и при рассмотрении таких общесоциологических проблем, как общественное содержание мирового капиталистического разделения труда (соотношение индустриальной и колониальной «моделей» развития капитализма), внутреннее содержание империалистического господства в странах «третьего мира» (специфические деформации общественно-экономических структур), особенности и перспективы не

капиталистического пути развития стран Азии и Африки и т. д.

Многие оценки уровня развития капитализма в Тропической Африке (высказанные в нашей литературе) непосредственно связаны с ленинским анализом капиталистического развития России в конце XIX в. В то же время далеко не полностью еще раскрыто значение ленинской теории империализма для изучения многоукладноеTM в колониальных и полуколониальных обществах. Учитывая важность этого вопроса, остановимся на нем подробнее.

Широко известны ленинские мысли о ведущей роли мирового капитализма в развитии колоний и полукolonий. Развивая мысль о значении экспорта капитала в эпоху империализма, В. И. Ленин писал: «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» [22, стр. 362]. Вместе с тем (В. И. Ленин не сводил развитие колоний в эпоху империализма только к вывозу капитала и «переносу» капитализма в зависимые страны. Положение об ускоренном втягивании колоний в капиталистическое производство отражало специфическую закономерность империализма — установление господства финансового капитала. Решающее значение для В. И. Ленина имело то обстоятельство, что иностранный капитал эксплуатирует отсталые страны в своей позднейшей, загнивающей, «перезрелой» финансово-монополистической форме. Он писал, что «финансовый капитал в буквальном... смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира» [22, стр. 363]. Таким образом, ленинская теория империализма непосредственно включает в себя вопрос о специфическом положении колоний и полукolonий в мировой капиталистической формации.

Еще в 1911 г. В. И. Ленин констатировал существенные различия между капитализмом в метрополии, который он характеризовал как «демократический», и колониальным капитализмом («октябристский», т. е. застойный верхушечный, нереволуционный) [27, стр. 13].

Это различие, согласно ленинской трактовке империализма, определяется не просто *стадиальной* незрелостью капитализма в колониях и полуколониях, но неоднородностью всей мировой капиталистической системы, особенно на империалистической стадии. К характерным чертам этой системы В. И. Ленин относил существование пограничных областей, подчеркивая невозможность развития в действительности «чистого», лишенного исторических «примесей» капиталистического способа производства. Сохранению относительно отсталых элементов и укладов внутри капиталистического общества соответствует существование стран, в которые только начинает проникать капитализм, порождая не только физическую нищету, но и прямое голодание масс населения [19, стр. 218].

В. И. Ленин неоднократно, в ясной и определенной форме обращал внимание на то, что только крупное машинное производство создает действительные предпосылки для окончательного уничтожения остатков •прошлых формаций, на более ранних стадиях развитие товарных и капиталистических отношений связано с переживанием всякого рода докапиталистических форм и не влечет за собой полного отделения мелкого производителя от средств производства ⁵.

Именно поэтому для В. И. Ленина самым важным было не доказательство развития капитализма вообще (где бы то ни было), а исследование его конкретных путей, стадий, возможностей перехода на более высокую стадию, форм разложения докапиталистического базиса, т. е. анализ многоукладности во всем богатстве

⁵ Этот вопрос был одним из центральных пунктов полемики В. И. Ленина с легальными народниками, считавшими, что капитализм возникает только при условии отделения производителя от средств производства. Имея в виду революционизирующее значение крупной машинной индустрии, В. И. Ленин писал в то время: «Только последняя, высшая стадия представляет кульминационную точку развития капитализма, *только она* создает совершенно экспроприированного, свободного, как птица, рабочего, *только она* порождает (и в материальном и в социальном отношении) то „объединяющее значение“ капитализма, которое народники привыкли связывать с капитализмом вообще, *только она* противопоставляет капитализму его „кровное детище“» [17, стр. 460]. Эту мысль В. И. Ленин сопроводил характерным примечанием: «Народники всегда изображают дела так, что обезземеленный рабочий — необходимое условие капитализма *вообще*, а не только машинной индустрии» [17, стр. 460].

тенденций и контртенденций -ее развития (достаточно вспомнить ленинскую идею «американского» и «прусского» путей развития капитализма в сельском хозяйстве). Так, в работе «Развитие капитализма в России»

В. И. Ленин прямо отмечал: «Нередко сущность вопроса о „судьбах капитализма в России“ изображается так, как будто бы главное значение имел вопрос: *как быстро?* (т. е. как быстро развивается капитализм). На самом же деле несравненно более важное значение имеет вопрос: *как именно?* и вопрос: *откуда?* (т. е. каков был докапиталистический хозяйственный строй в России?). Главнейшие ошибки народнической экономии состоят в неправильном ответе именно на эти два вопроса, т. е. в неверном изображении того, как именно развивается капитализм в России...» [18, стр. 380].

Большое значение имеют также мысли В. И. Ленина о конкретном соотношении прогрессивной и консервативной сторон развития капитализма.

Заостряя в полемике с народниками момент поступательного развития капитализма, В. И. Ленин в то же время постоянно подчеркивал, оттенял, иллюстрировал ту мысль, что прогрессивность капитализма, даже по отношению к прошлым формациям,— фактор исторический и переменный: он определяется как реальной способностью капиталистического производства преодолевать докапиталистические отношения, так и общей непропорциональностью капиталистического развития.

Диалектика отсталости и капиталистического развития— одна из центральных идей книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Говоря об историческом месте капитализма в пореформенном развитии России, В. И. Ленин отмечал: «Прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его. Но оба эти факта проявляются в весьма разнообразных процессах в различных областях народного хозяйства.

Развитие произ>водительных сил общественного труда наблюдается с полной рельефностью *лишь в эпоху крупной машинной индустрии* (курсив наш.— И. С.). До этой высшей стадии капитализма сохранялось еще ручное производство и первобытная техника, которая прогрессировала чисто стихийным путем и с чрезвычай-

ной медленностью. Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории... Нет ни одной отрясли народного хозяйства, подчиненной капиталистическому производству, в которой бы не наблюдалось... полного преобразования техники. Процесс этого преобразования по самой природе капитализма не может идти иначе, как среди ряда неравномерностей и непропорциональностей: периоды процветания сменяются периодами кризисов, развитие одной отрасли промышленности ведет к упадку другой, прогресс земледелия захватывает в одном районе — одну, в другом — другую сторону сельского хозяйства, рост торговли и промышленности обгоняет рост земледелия и т. д. Целый ряд ошибок народнических писателей проистекает из их попыток доказать, что это непропорциональное, скачкообразное, азартное развитие не есть развитие» [18, стр. 597—598]. Таким образом, проблеме отсталости В. И. Ленин трактовал как вопрос о механизме социально-экономического развития в целом.

Находим мы в книге «Развитие капитализма в России» и прямую оценку условий развития колониальных окраин. Подчеркивая отсутствие конечной грани между внутренним и внешним рынком, В. И. Ленин в то же время отмечал, что образование рынка для капитализма имеет две стороны, тесно связанные друг с другом: «развитие капитализма вглубь, т. е. *дальнейший рост* (курсив наш.— *И. С.*) капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории,— и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории» [18, стр. 595]. «По плану настоящей работы,— писал далее В. И. Ленин,— мы ограничились *почти исключительно первой* стороной процесса (здесь и далее курсив наш.— *И. С.*) и поэтому считаем особенно необходимым подчеркнуть здесь, что *другая сторона его имеет чрезвычайно важное значение*. Сколько-нибудь полное изучение процесса колонизации окраин и расширения русской территории, с точки зрения развития капитализма, потребовало бы особой работы» [18, стр. 595-^596].

«Но что такое колония в политико-экономическом смысле?» — спрашивал В. И. Ленин и тут же ссылаясь на две отличительные черты колоний и полукolonий,

отмеченные К. Марксом в третьем томе «Капитала» (гл. 39 и 45): ■«!) наличие незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам; 2) наличие сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия, „которые, при других обстоятельствах, им пришлось бы изготавливать самим¹¹» (18, стр. 593].

Следовательно, уже в этот период В. И. Ленин подчеркивал не только неравномерность капиталистического развития империалистических и зависимых стран, но и различия в его исходных условиях. Вслед за К. Марксом В. И. Ленин относил к числу важнейших особенностей зависимых стран то, что они вовлекаются в орбиту капитализма на основе уже существующего мирового разделения труда в качестве подчиненных элементов единого процесса мирового капиталистического воспроизводства.

Логическим развитием этой мысли является ленинское положение о колониальной монополии и вывозе капитала как отличительных и тесно связанных чертах империализма и его колониальной политики. «Даже капиталистическая колониальная политика *прежних* стадий капитализма,— подчеркивал В. И. Ленин,—существенно отличается от колониальной политики финансового капитала» [22, стр. 379—380]. Правда, раскрывая в 1916 г. сущность империализма как высшей стадии капитализма, В. И. Ленин имел в виду прежде всего высокоразвитые капиталистические страны и капиталистическую систему в целом. Этим объясняется акцент на вывоз капитала и ускорение капиталистического развития колоний. Речь шла о *международном* аспекте загнивания капитализма в странах-метрополиях, растущем отвлечении капиталов от производительного использования в метрополии («избыток» капиталов) и известном ускорении благодаря этому развития капитализма в отсталых областях⁶.

⁶ То, что В. И. Ленин не ставил знака равенства между «ускоренным пересаживанием» капитализма в колонии' и ускоренным превращением их в капиталистические страны, особенно подчеркивалось на VI Конгрессе Коминтерна в связи с критикой теории «деколонизации» [29, стр. 229—230, 435; 154, стр. 36].

Можно, однако, согласиться с М. А. Мешковым, который пишет, что ленинский анализ империализма не ограничивался только очевидными формами экономической зависимости колоний (вывоз капитала, торговля). По мере роста национально-освободительного движения в колониях основное место в этом анализе стала занимать характеристика «колониальных стран как особых элементов мировой капиталистической системы, располагающих рядом существенных специфических черт, но вовсе не как объектов, лежащих за пределами этой системы и включающихся в нее лишь постольку, поскольку капитализм в этих странах становится господствующей формацией» [153, стр. 195, 196].

Историческое развитие капитализма в ленинской трактовке отнюдь не означало чисто количественного расширения сферы капиталистических отношений и превращения их непременно в господствующие. Принадлежность колоний и полуколоний к мировому капитализму определялась прежде всего в связи с господством колониальной монополии и специфической финансовой основой эксплуатации колоний в эпоху мирового империализма⁷. В этом заключалось принципиальное

⁷ Это подтверждают, в частности, подготовительные конспекты В. И. Ленина — «Тетради по империализму». В. И. Ленин принял основные выводы Р. Гильфердинга о вывозе капитала в колонии и полуколонии. Находим мы здесь и выписку: «Ускорение развития капитализма в новых странах...» [23, стр. 312]. Р. Гильфердинг трактовал развитие колоний и полуколоний под влиянием экспорта капитала в относительно, конкретном смысле. Он отмечал относительно подчиненный характер этого развития и то, что усиление капиталистических тенденций в колониях в конечном счете перекрывается отрицательными последствиями экономических диспропорций и односторонней эксплуатации: «Пока экспорт капитала служил в основном для того, чтобы в отсталой стране... создать транспортную систему и... развить отрасли, производящие предметы потребления, он ускорял капиталистическое развитие этой страны. Конечно, и этот метод имел для нее свои невыгоды: большая часть прибыли утекла за границу, где она потреблялась как доход, не приводя... к расширению промышленности страны-должника... Такой капиталистический „абсентизм“¹¹ чрезвычайно замедлял в этой стране накопление, т. е. дальнейшее развитие капитализма. Совершенно невозможной сделалась эта эмансипация, когда эксперт капитала изменил свой характер. Капиталисты крупных хозяйственных территорий отнюдь не стремятся создать в чужих странах отрасли, производящие предметы потребления. Напротив, они исходят из того, чтобы обеспечить за собой господство над сырым материалом для своих все более развивающихся отраслей, производящих средства производства» {96, стр. 426}.

отличие ленинской трактовки развития колоний от так называемой теории «сверхимпериализма», которая все изменения в колониях (вывоз капитала, разложение докапиталистических укладов, социальные процессы) рассматривала под углом зрения промышленной модели домонополистического капитализма⁸.

Известно, например, что в отличие от чисто промышленного или банковского капитализма финансовый капитал зависит от совокупной прибыли. В свете этой особенности финансового капитала становилось очевидно, что движение капитала в колонии и полуколонии не только отражает действие закона капиталистической прибыли, но определяется прежде всего конкуренцией монополий за сферы влияния и сбыта капитала, всей совокупностью отношений (экономических, политических, идеологических) в мировой капиталистической системе. Значение всемирной концентрации капитала как новой, ведущей основы развития мирового капитализма подчеркивал В. И. Ленин, говоря о разделе мира между союзами капиталистов.

Становилось также понятно, что эксплуатация колоний империализмом имеет несравненно более широкую основу, нежели присвоение чисто капиталистической прибыли «а вложенный промышленный капитал. В центре внимания оказывалась специфическая финансовая основа эксплуатации колоний и полуколоний, подчиняющая себе (в той или иной мере) всю систему отношений зависимых стран с мировой капиталистической си

⁸ Колонизация и развитие промышленного капитализма нередко отождествлялись в марксистской литературе первой четверти-XX в. Так, Р. Люксембург писала: «...Если насилие в борьбе против феодализма в Европе проявлялось в форме революций... то она во внеевропейских странах, в борьбе с более примитивными социальными формами, выливалась в колониальную политику» [174, стр. 260]. Аналогичные взгляды высказывались и в некоторых советских работах мчла 20-х годов. Так, во вступительной статье к книге английского экономиста Л. С. Вульфа «Экономический империализм в Азии и Африке», вышедшей на русском языке в 1923 г., говорилось об «энергичном перераспределении производительных сил в мировом масштабе», о том, что «капиталистическая периферия завоевывает все большее значения и грозит лишить старый капиталистический центр его бывлой гегемонии» [193, стр. 23]. «Если мировое хозяйство, — заключал автор, — располагало к моменту окончания войны таким же количеством хлеба, скота, угля, железа, нефти, как до войны, то этим оно обязано было быстрому накоплению производительных сил в заокеанских владениях и странах» [93, стр. 23].

стемой. По словам В. И. Ленина, в эпоху империализма вся совокупность отношений между метрополиями, и колониальными странами превращается в «звенья операций всемирного финансового капитала» [22, стр. 384]:.

Наполнялись важным общественным содержанием понятия «вывоз капитала» и «колониальная монополия». Даже то относительное ускорение капиталистического развития, которое обеспечивали иностранные инвестиции в колониальную экономику, при господстве финансового капитала стало определяться в значительной мере уже достигнутым уровнем хозяйственного и финансового развития страны. Еще Р. Гильфердинг писал о том, что общая норма прибыли и норма процента (следовательно, и общая сумма относительных потерь страны от экспорта прибылей иностранного капитала) «в странах с относительно низким уровнем капиталистического развития и недостаточной организацией кредитного и банковского дела... намного выше, чем в развитых капиталистических государствах» [96, стр. 406].

Становилось также возможным связать докапиталистические и полукapиталистические черты колоний и полукolonий с господством финансового капитала (особенно с его торговой и ссудной форм, роль которых в эксплуатации колоний была очень велика в конце прошлого и начале нынешнего столетия), увидеть в этих чертах специфически колониальное проявление паразитических тенденций мирового капитализма. Нельзя признать поэтому случайным, что в своей оценке уровня развития стран Востока в 1920 г. В. И. Ленин выделил прежде всего черты господства докапиталистических отношений, общей неравномерности развития мирового капитализма [24, стр. 244—245; 25, стр. 457; 26, стр. 162—168].

Таким образом, ленинская теория империализма имеет основополагающее значение не только для понимания процессов, характерных для высокоразвитых, капиталистических стран, но и для анализа развития, бывших колоний и полукolonий.

Особенно остро вопрос о пределах развития капитализма в колониальных и зависимых странах стоял, на VI Конгрессе Коминтерна, состоявшемся в 1928 г..

VI Конгресс отверг оппортунистическую теорию стихийной индустриализации колоний (теория «деколонизации»), выдвигавшую на первый план господствующую роль капиталистического уклада; он развил ленинское положение о колониальной монополии как специфической основе роста капитализма в колониях⁹.

Отчетливое выражение получил тезис о колониальной монополии как специфическом производственном отношении империализма, которое ведет, с одной стороны, к усилению эксплуатации и зависимости колоний, а с другой — к определенной модификации, ограничению развития капитализма на внутренней основе [см. 28, стр. 838—845]. Развитие колоний (аграрно-сырьевого типа) раскрывалось как растущее противоречие между включением их в современную систему производительных сил и ограниченным, подчиненным, неравномерным характером этого процесса (в силу монополии иностранного капитала на современные производительные силы).

Широкое признание нашла также мысль о воспроизводстве многоукладноеTM как специфической основе развития колониальных обществ в рамках капиталистической системы¹⁰.

Таким образом, вопрос о формационной природе колоний и полукolonий раскрывается в двух аспектах: ■ один из них связан с вывозом капитала и общими условиями мирового капиталистического воспроизводства,

⁹ Основы теории «деколонизации» и ее критика на VI Конгрессе Коминтерна достаточно широко освещены в советской литературе [среди последних работ см.: 128, стр. 489; 230, стр. 134—169]. Чаше эта теория рассматривается в связи с вопросом об индустриализации колоний, гораздо меньше освещены проблемы формационного порядка, затрагивавшиеся на дискуссии 1928 г. М. А. Чешков, который подробно коснулся дискуссии в Коминтерне вокруг вопроса о характере колониальных обществ, доводит исследование до 1927 г. [153, стр. 192-216].

¹⁰ Эта мысль была одной из центральных в докладе П. Тольятти: «...Не следует представлять рост производства в колониях аналогично развитию производительных сил в Европе в период раннего капитализма, в период первоначального накопления. Главная особенность этого периода — развитие производительных сил, которое носило всеобщий характер и представляло собой непрерывную линию. Эта черта или совсем отсутствует, или имеет совсем иной характер в картине экономического развития колоний, эксплуатируемых капитализмом» [29, стр. 40].

другой — с типом многоукладноеTM или механизмом социально-экономического развития на основе мирового капиталистического разделения труда¹¹.

КОЛОНИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ АФРИКАНСКИХ СТРАН И ПРОБЛЕМА ОТСТАЛОСТИ

Для понимания специфического характера многоукладноеTM, сложившейся в африканских странах, исходное, определяющее значение имеет толкование понятия и проблемы социально-экономической отсталости. В свою очередь, решение этой проблемы связано с выяснением соотношения двух сторон развития: эволюции и воспроизводства укладов и общественных структур.

Говорить о многоукладноеTM современных стран Тропической Африки как основе их экономической отсталости можно, лишь учитывая незавершенность или непоследовательность преобразований капиталистического типа. Однако это определение еще не содержит в себе ясного указания на причины и последствия отставания африканских стран. Важно учитывать два аспекта относительной неразвитости капиталистического способа производства южнее Сахары: одни из них выражает стадийный характер отсталости—запоздалость вступления африканских обществ в мировую капиталистическую формацию (как в мировом масштабе, так и в масштабе континента), другой — указывает на неравноправное, эксплуатируемое положение африканских стран в мировом капиталистическом хозяйстве, раскрывает внутренние противоречия капиталистической формации.

Из двух сторон отсталости ученые-марксисты выделяют в качестве главной, решающей вторую: неблаго

¹¹ В нашей литературе подробнее изучен первый аспект этой проблемы {см., в частности: 148; 225}. В то же время нет полной ясности в вопросе о влиянии вывоза капитала на характер многоукладноеTM в колониальных обществах. В одних работах выделяются те высказывания В. И. Ленина, которые раскрывают значение экспорта капитала с точки зрения развития капитализма в зависимых странах [188, стр. 348; 190, стр. 8; 237, стр. 6]. Другие авторы подчеркивают ленинскую мысль о связи вывоза капитала и колониальной монополии [94, стр. 412—413; 242, стр. 247]. Обращается внимание и на то, что одним из результатов «устремления» иностранных капиталов в колонии В. И. Ленин считал упадок колониальной экономики и ее уродливый характер [89, стр. 37].

приятное положение африканских стран в рамках мирового капиталистического разделения труда. Конкретное содержание отсталости раскрывается как несоответствие между подчинением африканских стран мировому капиталистическому хозяйству и низким уровнем развития капиталистических отношений.

Данное объяснение коренных причин отсталости Тропической Африки давно доказало свою правильность и жизненность. Можно, однако, согласиться с Л. Дворжаком, который пишет, что отсталость и зависимость от империализма не тождественны полностью друг другу: «Хотя одна сторона существенным образом воздействует на другую сторону, но она действует в системе многочисленных факторов, которые влияют в разных направлениях. Поэтому существуют страны относительно развитые, но подчиненные в большей степени империализму... Речь идет о сложной сети отношений, которые невозможно выразить в одной схеме» [111, стр. 265].

Проблема взаимодействия отсталости и зависимости в развитии Тропической Африки не получила пока всестороннего освещения в марксистской литературе. Это относится как к воздействию колониальных режимов на тип и характер многоукладности, так и обратному влиянию эволюции многоукладности на положение африканских стран в капиталистическом хозяйстве. Содержание экономической отсталости иногда толкуется довольно узко или с помощью отдельных показателей.

Прежде всего возникает вопрос: сводится ли проблема экономической отсталости Тропической Африки только к стагнации роста, низкому уровню производительных сил, обособленному сосуществованию различных секторов экономики? Ответ на этот вопрос можно получить, проследив развитие взглядов на сущность экономической отсталости африканских колоний.

Эволюция толкования отсталости африканских стран в буржуазной литературе

Среди буржуазных экономистов и социологов нет единства в подходе к проблеме отсталости и развития Африки. Тем не менее некоторые основные тенденции просматриваются достаточно ясно.

К концу 50-х — началу 60-х годов в буржуазной африканистике наметился отход от концепции географического детерминизма, определявшей долгое время подход многих западных ученых к объяснению причин отсталости Тропической Африки. Эта концепция, особенно распространенная среди историков и экономгеографов, совершенно игнорировала роль общественного фактора и сводила причину отсталости Африки к чисто географическим факторам, приобретавшим фатальное значение: к изоляции большинства африканских народов от других континентов, бедности естественными ресурсами, неблагоприятным климатическим условиям¹².

Еще в конце 50-х годов можно было встретить высказывания, подобные следующему: «География Африки повлияла на ее историю. Тысячелетиями основная часть Африки южнее Сахары была почти отрезана от остального мира пустыней и морем... В результате у народов Африки было мало возможностей учиться у других народов. Верно также и то, что, поскольку они жили в теплом климате и их нужды были незначительны, они не испытывали большой потребности в создании новых предметов. Поэтому прогресс в Африке был более замедлен, чем в некоторых других районах мира» [273, стр. 4].

Географический детерминизм объективно представлял колониализм благом для африканских народов на том основании, что он приблизил Африку к Европе, а также способствовал насаждению некоторых начатков современной технологии и хозяйства. Из этой концепции прямо вытекало, что, полагаясь только на собственные ресурсы, африканцы не смогут достигнуть уровня промышленно развитых стран.

Другой важной чертой буржуазных концепций до конца 50-х годов было отрицание какой-либо связи или зависимости между отсталостью африканских стран, с одной стороны, и тенденциями их развития — с другой. По молчаливому согласию между экономистами и

¹² Именно на концепции географического детерминизма чаще всего обращается внимание при критике буржуазных толкований отсталости Тропической Африки [см., в частности: 186, стр. 15—22; 231, стр. 67].

социологами проблема отсталости африканских народов была отнесена исключительно к сфере экономического анализа, ее истолковывали, скорее, как проблему бедности в связи с «недостатком» ресурсов, примитивным состоянием традиционной техники, низким уровнем потребления и т. д. Американские экономисты Бьюкенен и Эллис писали в 1953 г.: «Слаборазвитые страны часто именуются „бедными“ странами... За пределами экономической сферы слаборазвитая страна может быть высокоразвитой в области искусства, религии, философии или социальной организации. Определение страны как слаборазвитой предполагает, что ее нынешняя экономическая характеристика — подтверждаемая уровнем потребления и материального благополучия — может быть улучшена с помощью средств, которые известны и вошли в употребление» [284, стр. 4].

«Технологический» подход к определению экономической отсталости ярко проявился и в социологических школах колониального периода, особенно у сторонников «функционального анализа» (Б. Малиновский) и «культурного релятивизма» (М. Херсковиц). Общими принципами этих школ стали отрицание определяющей роли материальных отношений в развитии и функционировании различных обществ, характеристика общественных институтов лишь по их функциям в поддержании стабильности социальной структуры, релятивизм в толковании исторического прогресса [подробнее см. 72, стр. 50—83].

Выдвигая принцип «культурного релятивизма», западные африканисты, как, например, М. Херсковиц, видели в нем единственную альтернативу расизму и европоцентризму. Однако фактически этот принцип выхолащивал научную критику колониализма. Не происхождение отсталости африканских стран и пути ее преодоления интересовали сторонников этих школ, а исключительно вопросы регулирования трансформации традиционных институтов, поддержания традиционных норм интеграции африканца в общество, сохранения самобытной африканской культуры и искусства и т. д. Колониальное развитие трактовалось лишь как «вестернизация» — внешнее заимствование отдельных черт европейской культуры, чуждое африканским обществам и ведущее к их дезорганизации.

«Переход от африканской племенной агрикультуры к более высокой западной технологии,— отмечал, например, Б. Малиновский,— не может совершиться быстро. Введение новых методов дезорганизует старые. Чтобы добиться прогресса, африканец часто должен пройти через стадию хаоса и дезориентации, и на этой стадии ему должна быть оказана помощь. В прошлом такой помощи обычно не было. Подобного же анализа требуют изменения в административной сфере, семейной и домашней жизни и, особенно, вопросы образования, морали и религии» [368а, стр. 21].

К середине 50-х годов стало очевидно, что основные направления изучения колониального развития Африки в буржуазной науке — как прямое оправдание низких темпов развития континента, так и односторонний функциональный анализ общественных структур — все более расходятся с объективными тенденциями развития Африканского континента. С этого времени интересы большинства западных экономистов и социологов быстро перемещаются в плоскость анализа условий экономического роста африканских стран. Характерными чертами изучения проблем отсталости Африки становятся широкое обращение к проблемам слабо развитой экономики в целом, определенная критика колониализма и некоторых сторон господства иностранного монополистического капитала, трактовка причин отсталости в тесной связи с различными концепциями модернизации.

В качестве основного экономического критерия отсталости и развития африканских стран с конца 50-х годов утверждается понятие *эффективности* использования наличных ресурсов. В значительной степени оно было направлено против теорий и оценок в духе географического детерминизма. «При объяснении бедности Африки, — писал английский экономист А. Хезлвуд, — не следует придавать слишком большого значения географии и наличию естественных условий. Они делают невозможными некоторые виды экономической деятельности... но не решают, какие виды деятельности осуществляются» [337, стр. 23].

Анализ использования материальных и трудовых ресурсов выдвинул вопрос об эффективности всего экономического развития Тропической Африки. Как отме

чали П. Бауэр и Б. Ямей, «в ряде слаборазвитых стран некоторые из текущих социальных, политических и экономических проблем и трудностей проистекают не от стагнации, а от быстрого и неравномерного темпа развития — неравномерного как в том смысле, что экономическое развитие осуществляется гораздо быстрее в одних районах и сферах занятости, чем в других, так и в том смысле, что доходы и экономические связи населения изменяются быстрее, чем другие аспекты социальной и политической жизни» [275, стр. 7].

В анализе условий Экономического роста центр тяжести переместился с естественных материальных ресурсов на людские ресурсы и уровень капиталовложений, иначе говоря,—на общественно-экономические факторы.

У буржуазных экономистов не оказалось единого критерия в оценке эффективности экономического развития африканских стран. В левобуржуазных кругах проявилось признание уровня промышленного развития как важнейшей основы экономического роста. В ряде работ нашел отражение отраслевой принцип оценки эффективности экономического развития африканских, стран; наряду с отраслями материального производства в него включается также «третичная сфера», т. е. сфера услуг и управления. Подобный подход мы находим, в частности, в работах Ж. Буайона, С. Амина, Ж- Шар- донне [84; 263; 290].

«Все страны Западной Африки,— подчеркивал в 1965 г. С. Амин,— не вступили еще на путь индустриализации. Можно говорить лишь о разных ступенях развития экономики колониального типа, т. е. основанной на сельском хозяйстве и горнорудной промышленности, также ориентированной на внешний рынок... Развитие такого типа возможно еще в Гвинее, но оно никогда не было и, очевидно, не будет возможным в странах, удаленных от побережья, таких, как Мали, оно уже достигло своего потолка в Гане. Повсюду, однако, ощущается необходимость в ином пути развития: это — путь интегрированного экономического развития, основанного на индустриализации. Но этот путь будет оставаться блокированным до тех пор, пока не будет принята во внимание необходимая перегруппировка территории Западной Африки» [263, стр. 9—10].

В этих работах, однако, не вполне последовательно решался вопрос о причинах глубоких отраслевых деформаций: эти причины часто отождествлялись с непосредственным механизмом воспроизводства сложившихся экономических диспропорций.

С одной стороны, ряд исследователей признавали главной причиной уродливого развития африканской экономики политику бывших колониальных держав. Примечателен в этом смысле следующий отзыв Ж. Шардонне: недостаточность энергетических ресурсов, транспортные трудности, нехватка квалифицированной рабочей силы — все это «слишком часто служило лишь предлогом для проведения систематической политики европейских метрополий по отношению к их африканским территориям. Эта политика выразилась в недостаточности инвестиций, вкладываемых в африканскую экономику, и в крайней ограниченности планов развития» [290, стр. 28].

С другой стороны, причины недостаточной эффективности роста африканской экспортной экономики часто излагались в духе «порочных кругов» бедности [подробнее о концепциях «порочных кругов» отсталости см.: 150, стр. 21; 220, стр. 40—46]. «Различие между индустриальными и слаборазвитыми странами,—писал, например, Ж.-Буайон,—определяется не столько финансовым понятием дохода на душу населения, сколько экономическим понятием производства продукции на душу населения. Именно малое производство продукции на душу населения объясняет, почему экономика Ганы неустойчива и негибка. Уровень же производства на душу населения низок в свою очередь из-за неустойчивости и негибкости экономики Ганы» [84, стр. 118—119]. «Этот низкий уровень,—заключает автор, ■—объясняет отсутствие в стране промышленности».

Важнейшей формой апологии экономической отсталости африканских стран в конце 50-х—начале 60-х годов стала так называемая теория факторов производства: она получила отражение в работах П. Бауэра, Ф. Бези, А. Хезлвуда и некоторых других экономистов [274; 275; 278; 337]. Частично направленные против школы географического детерминизма, эти работы в то же время толковали существующее мировое капиталистическое разделение труда как нормальную и устойчивую

вую основу развития освободившихся африканских стран.

По теории факторов производства эффективность экономического развития определяется сравнительной «ценой» капитала, труда и земли и предполагает различную комбинацию этих факторов в индустриальных и аграрно-сырьевых странах [подробнее о теории факторов производства см. 253].

По мысли П. Бауэра, Ф. Бези и др., быстрому повышению темпов экономического развития Африки мешает не отсутствие естественных ресурсов, а недостаток или неудовлетворительное распределение факторов производства, что ограничивает эффективное использование механизма мировой торговли. В первую очередь отмечались недостаток наличного капитала и демографические трудности, обусловленные малой плотностью или быстрым приростом населения [274, стр. 5; 275, стр. 16—19, 113—117, 148—149; 337, стр. 32—33].

Основная же причина отставания Тропической Африки, утверждали эти авторы, коренится в отсутствии достаточно эффективного рыночного механизма, с помощью которого могли бы осуществляться перелив капитала и распределение «избыточных» ресурсов. Например, писал П. Бауэр, «в Восточной Нигерии ощущается нехватка земли, пригодной для обработки; в то же время в Северной Нигерии — избыток земли, но недостаток капитала и местного технического и административного персонала» [274, стр. 20; 275, стр. 76].

Признавая, таким образом, слабую эффективность свободного рынка в условиях африканского колониального хозяйства, сторонники теории факторов производства объясняли ее чисто внутренними «институциональными» условиями: узостью африканских рынков, сохранением общинного землевладения и общинно-родовых традиций, ограничивающих накопление и не обеспечивающих прав частной собственности, крайне низким уровнем образования, недостатком квалифицированных кадров, отсутствием навыков крупного предпринимательства и т. д. [84, стр. 128, 130, 133—137; 274, стр. 8—10, 13, 16, 18; 275, стр. 12, 65—66, 82, 86—88; 337, стр. 31]. Объяснение экономической отсталости приобретает, таким образом, в известной мере характер порочного круга: недостаток капиталов изображается как следствие истории

ческой отсталости африканских стран, тогда как неразвитость социально-экономических условий представляется результатом низкого уровня капиталовложений. «Общая бедность этих территорий (Западной Африки.— *И. С.*),— подчеркивал П. Бауэр,—отсталое состояние очень большой части населения, социальная и институциональная организация, быстрый рост населения — все это еще более усиливает трудности накопления капитала» [274, стр. 4]. Единственным выходом, по мнению П. Бауэра, является дальнейшая и максимальная интеграция африканской экономики с мировым рынком на основе свободного движения цен: создание благоприятных условий для деятельности иностранного капитала, усиление моноспециализации в производстве экспортных культур, ограничение экономической функции государства сферой инфраструктуры, поощрение частного накопления и частной собственности на землю [275, стр. 37, 50, 51, 132, 142—146].

По сравнению с концепцией географического детерминизма теория факторов производства содержала в себе известные позитивные моменты: впервые было привлечено внимание к проблемам накопления, социальноисторическим условиям. Определенное значение приобрел сравнительный анализ экономического развития африканских стран и промышленно развитых капиталистических государств. Распространению этой теории мешал, однако, ее односторонний и откровенно проимпериалистический характер: ускорение экономического развития Африки она сводила к проблеме частных инвестиций и расширения экспансии иностранного капитала.

Оказались непригодными для разработки конкретной экономической политики африканских стран и общие концепции западных ученых, как, например, концепция «единого индустриального общества» У. Ростоу. Достаточно прямо об этом сказал, например, известный нигерийский экономист, бывший министр планирования регионального правительства Восточной Нигерии П. Окиг-бо: «Теории „прорыва" и „взлета"¹¹ (понятия, введенные У. Ростоу.— *И. С.*), с их упором на рост доли инвестиций, отвлекли внимание от других проблем, возникающих перед новыми, независимыми странами в связи с задачей экономического роста. Обычно предполагается, что если доля инвестиций достаточно значительная, то

эти страны находятся на пути к самообеспечиваемому росту... Нужно, однако, признать, что проблемы роста являются столь же политическими, сколь и экономическими. Если бы лидеры независимых стран положились главным образом на внешнюю помощь, они бы подверглись на родине критике за то, что теряют контроль над экономическим будущим своей страны» [309, стр. 323].

Начиная с 60-х годов в подходе буржуазных ученых к проблеме отсталости и развития Тропической Африки стали все более проявляться новые, весьма примечательные тенденции. Важнейшей из них стало усиление интереса к общественно-экономическим сдвигам, постепенное сближение экономики и социологии.

Среди буржуазных экономистов все более укореняется убеждение, что проблема экономического развития Африки не может быть сведена только к отраслевой структуре хозяйства, размерам инвестиций или абстрактному соотношению факторов производства. Эту мысль проводят, например, редакторы вышедшей в 1969 г. в Лондоне книги «Экономика Африки»: «Чтобы дискуссия по вопросам экономической политики и развития была плодотворной, она должна учитывать политические и социальные изменения» [310, стр. 78]. И в 50-е годы в западной африканистике появлялись работы, посвященные социальным проблемам экономического развития (главным образом развития африканской деревни). Среди лучших из них можно назвать работы Р. Галетти, К. Болдуина, И. О. Дина, П. Хилл, М. Смита [322; 339; 416]. Однако в полной мере это направление исследований утвердилось лишь в 60-е годы.

Для современной буржуазной науки характерен постепенный отказ от рассмотрения социальных структур африканского общества (в том числе и доколониальных) лишь как внешних или заданных, «институциональных», условий экономического роста. Социальные проблемы начинают трактоваться как составная часть экономического развития Африки. На грани экономики и социологии возникла новая дисциплина — «экономическая антропология», рассматривающая социально-экономические структуры в их историческом развитии [см., например, 309]. Проблема экономической отсталости и развития Африки трактуется сейчас в западной литературе в связи с довольно широким кругом вопросов, таких, напри

мер, как характер традиционных социально-экономических систем (работы Е. Скиннера), взаимосвязь между экономическими процессами и типами социальной стратификации в доколониальной и колониальной Африке (П. Мерсье и А. Фаллерз), экономические предпосылки отходничества и его влияние на общественные структуры (Е. Берг, П. Метж, Ж. Руш, Е. Скиннер), тенденции в развитии мирового капиталистического хозяйства (У. Барбер и У. Уадсон) и т. д. [309; 417; 418].

В то же время в западной социологии (социальной антропологии) с начала 60-х годов стала укореняться мысль, что проблема отсталости и развития Африки — это комплексная проблема, имеющая не только экономическое, но и социологическое значение. Параллельно происходит пересмотр традиционных взглядов буржуазных ученых на задачи и методы социологических исследований в Африке. Был отброшен прежний антиисторический постулат социальной антропологии о том, что эта наука должна заниматься изучением лишь функционирования традиционных институтов и процесса их приспособления к новым условиям. В работах Ж.-Баландые» М. Глукмана был сформулирован тезис о необходимости изучать колониальное общество через призму происходящих в нем изменений в тесной связи с экономическими и историческими условиями [417, стр. 25—61]^{1а}. В западную социологию вошло новое понятие «колониальная ситуация», отразившее растущий интерес к переходному характеру колониальных структур и внутренним предпосылкам национально-освободительного движения.

Анализ различных аспектов отсталости и развития африканских стран приводит некоторых западных социологов к выводу о том, что содержание этих категорий может быть раскрыто только через анализ взаимодействия различных частей общественного организма: экономики, социальных структур, политической организации

¹³ Примечательна, например, следующая мысль М. Глукмана: «Чтобы понять сохраняющиеся племенные связи в городе, следует оценивать их значение в сравнении с господствующими формами организации, которые обусловлены жизнью в городе и работой в промышленности... Приверженность своему племени... в семейной жизни непререкаема, насколько позволяют обстоятельства... Но классовые отношения приобретают все более важное значение» [97, стр. 65].

и т. д. при выделении главных, решающих элементов, детерминирующих те или иные процессы.

Характерно, что к этому выводу в начале 60-х годов стал склоняться М. Херсковиц, ранее резко отрицавший значение сравнительно-исторического метода и теоретических обобщений в истории. Выступая в 1961 г. на конференции по проблемам африканской экономики, он считал необходимым подчеркнуть: «В обстановке, когда все чаще рассматриваются исторические и культурные условия изменений в экономике, важной проблемой становится выделение общих определяющих факторов в различных экономических структурах или, применительно к отдельному обществу, разработка теоретических моделей, которые соответствовали бы особенностям развивающихся экономических систем» [309, стр. 5]. Не менее интересна мысль М. Херсковица о том, что успех разрабатываемых программ экономического развития зависит от правильности использованных в них сравнительных критериев. По словам М. Херсковица, «экономисты-теоретики и плановые работники... начинают понимать, что их концепции и практические решения находили применение лишь в той степени, в какой экономические и социальные формы, найденные в развивающемся обществе, были сопоставимы с отечественными условиями. Вот почему намного легче изучать экономический рост в Южной Африке, чем в Судане, в Южной Родезии, чем в Габоне» [309, стр. 5].

В последнее время западные социологи начинают переходить от анализа отдельных сторон африканских обществ к изучению комплексных проблем их развития. Чаще всего рассматривается проблема дуализма колониальных и постколониальных обществ.

По мнению французского социолога А. Пиатье, «бедность, как и другие проявления голода и нищеты, не является существенным критерием (слаборазвитой экономики.—Я. С.)... Каждому уровню развития присущи периоды стагнации и подъема. Бедность не смертельна; невозможность обновления процесса производства и распределения — вот что губит общество на различных уровнях богатства» [392, стр. XIII—XIV]. А. Пиатье выступает против применения абстрактных экономических критериев к проблемам слаборазвитых стран. «При знакомстве с национальными и международными плана

ми развития,— пишет он,— создается впечатление, будто их авторы, отметив существование дуализма и выразив сожаление по этому поводу, вдруг начинают говорить о чем-то другом и действовать, как если бы каждая развивающаяся страна составляла единое целое, способное приблизиться к установкам плана, поглотить иностранную помощь и утилизировать оборудование» [392, стр. XVI].

По мнению американского ученого У. Хенса, «для современной Африки характерно 'сосуществование, часто обособленное, разнородных экономик. Большинство из них находится в стадии перехода от потребительского к рыночному хозяйству, но еще сохранились народы, не испытавшие какого-либо влияния со стороны современной экономики» [336, стр. 23]. На специфически дуалистический характер общественных структур в колониальной и современной Тропической Африке указывают и другие авторы [84, стр. 128; 324, стр. 13; 381, стр. 347— 348].

В 1968 г. группа французских социологов выпустила сборник, в котором, между прочим, делается попытка уточнить причины и характер дуализма африканских социально-экономических структур [392]. Известный исследователь Ж.- Перрэн, посвятивший этой проблеме отдельное исследование, определяет социально-экономический дуализм прежде всего как «сосуществование в рамках одного и того же целого двух экономических, технических и социальных систем, подчиняющихся различной исторической логике» [392, стр. 1]. От «дуализма сосуществования» Ж.- Перрэн предлагает отличать «дуализм вмешательства» (*un dualisme d'intervention*); последний, по его словам, характеризуется «внешним» воздействием на традиционное общество «национальных или иностранных агентов прогресса» [392, стр. 1]. Ж. Перрэн считает, что в современной Африке «наблюдается... усиление традиционных систем и их сопротивления внешним формам влияния», однако «эта негативная тенденция не означает застоя или возвращения назад, к примитивности; эта тенденция принимает форму собственной эволюции... Все происходит так, как если бы вместо ослабления и разрушения традиционной системы дуализм внес в нее дополнительную энергию и способность к возрождению, противоречащему, к несча

стью, задачам и формам технического прогресса» [392, стр. 2].

Мысль о глубоком дуализме современного африканского общества проводит также Р. Бадуэн. «Речь идет,— подчеркивает он,— о противоположности между различными типами *социальной организации*, а не только о разнице между экономическими секторами... общественные структуры не опираются на одни и те же элементы» [392, стр. 13]. Хотя «интенсивность дуализма» может быть разной, он характерен также и для развивающихся районов и отраслей, в частности для местного экспортного сектора. Основную причину дуализма Р. Бадуэн видит в общих особенностях колонизации, обусловившей «лишь частичный доступ к развитию» [392, стр. 14—16].

Главным, по мысли французских исследователей, является не вопрос о трансформации традиционных институтов вообще, а вопрос о путях и результатах этой трансформации. Авторы указывают на ограниченные возможности *стихийного* разрушения традиционных форм *извне* (на основе стихийного развития современного сектора экономики) или в итоге внутренней эволюции самих традиционных отношений [392, стр. 7, 22—37]. Первый путь ограничен прежде всего высокими темпами прироста населения, второй — исторической спецификой африканских традиционных институтов, основанных на замкнутых системах производства и социально-экономических связей. Кроме того, подчеркивает Р. Бадуэн, быстрое разрушение традиционных форм общества создало бы переизбыток свободной рабочей силы, что, в свою очередь, повлекло бы за собой появление или усиление дуализма общественных отношений в современном секторе. Переход африканской деревни к современному развитию, заключает автор, должен носить целенаправленный характер и осуществляться через несколько этапов: этап технической модернизации традиционного хозяйства и этап социального развития на основе кооперации, государственной помощи и расширения системы образования.

Ж. Перрэн и Р. Бадуэн идут дальше большинства буржуазных авторов в толковании сложной природы африканского колониального общества, однако нельзя не отметить крайнего схематизма и абстрактности их

собственной позиции. *И* дело здесь, видимо, не в том, что они не учитывают различную историческую природу традиционных и колониальных обществ. Напротив, авторы сборника поставили одной из своих задач рассмотреть характер традиционных обществ в его целостности и исторической трансформации [392, стр. 2—3]. Остается, однако, весьма абстрактным и неясным основной критерий исторического развития. По мысли

А. Пиатье, это — смена основных факторов производства, которой соответствует и смена господствующих классов. Специфику африканских обществ он видит в том, что в них уравниваются различные факторы производства, а это ведет к дуализму в социально-экономической жизни [392, стр. XIV]. Здесь мы наблюдаем попытку вывести общесоциологические законы непосредственно из абстрактного понятия факторов производства.

Ж. Перрэн отмечает, что производство и потребление в любом обществе реализуются в отношениях между людьми, а также между людьми и природой. Говоря об определяющей роли производства в человеческих отношениях, он видит главное различие между «индустриальными» и «традиционными» обществами в господстве вещных (объективированных) или непосредственно личных отношений [392, стр. 4]. В этом пункте (определяющая роль производственных отношений при их исторической специфике) Ж. Перрэн приближается к марксистской точке зрения. Однако это сходство, скорее, формальное: главное в развитии социальных отношений для Ж. Перрэна — это не исторически определенный тип собственности на средства производства, а непосредственные носители этих отношений (т. е. люди или вещи), а также «тип логики, который фиксирует социальную организацию» [392, стр. 8]. Таким образом, анализ не выходит за рамки начального различения чисто традиционных и индустриальных обществ. «Паши способы наблюдения и объяснения, — признает Ж. Перрэн, ■ — остаются поверхностными. Концепция и схемы, которые мы используем, слишком элементарны и общи, чтобы их можно было непосредственно применять к новым областям исследования» [392, стр. 3].

Весьма примечательна в смысле толкования отсталости и развития современной Африки вышедшая

в 1968 г. книга английского социолога С. Андрески под характерным названием «Трудности Африки. Патология модернизации» [264]. Уже в начале книги автор пишет о том, что понять в полной мере трудности совмещенных африканских обществ можно, лишь учитывая особенности их исторического облика и функционирование «всего социального механизма» [264, стр. 15]. «Экономическая теория будет оставаться стальной конструкцией, построенной на песке, до тех пор, пока наши представления о действии внеэкономических факторов не достигнут того же уровня генерализации и доказательности, что и изучение узкоэкономических вопросов, так что экономическая и социологическая теория образуют континуум» [264, стр. 16].

Исходная мысль книги — трудности и отставание Африки от промышленно развитых стран определяются крайней неравномерностью модернизации континента. Важнейшими проявлениями этой неравномерности

С. Андрески считает отставание производства от роста населения и его потребностей, а также отставание социального развития (с точки зрения социальных связей, морали, психологии) от растущих общенациональных задач.

Автор пишет о «постоянном экономическом кризисе, порожденном ростом паразитизма и вывозом за границу незаконно присвоенных фондов», о «квази-феодалной дани, изымаемой через систему управления», о «психологическом вакууме в национальной жизни, порождающем беспорядки и взяточничество», о «городских джунглях», насыщенных «насилием и хаосом», о тупиках «бедности, эксплуатации и паразитизма» и т. д. [264, стр. 28—31, 34—41, 75, 105, 190].

Нестабильность африканского общества С. Андрески понимает лишь как его дезорганизацию или деструкцию, порожденную сложным комплексом социально-экономических и исторических причин: демографическим ростом, возрастанием бедности и небеспеченности, влиянием жизненного уровня более развитых стран, перенесением клановой идеологии и методов власти на современную политическую жизнь и т. д.

«Главным источником слабости современных институтов в Тропической Африке,— утверждает автор,— является несоответствие между их функциональным на

значением и традиционными образцами социальной солидарности» [264, стр. 81].

С. Андрески пишет о коррупции в Тропической Африке как «системе управления», которую он называет «клептократией» (т. е. «продажной властью»), рассматривая ее как «сложный гибрид родственной солидарности, коммерции, квазифеодализма и дезорганизованной бюрократии» [:2'64, стр. 100—101]. «Проблема Африки,— приходит к выводу С. Андрески,—заключается не в том, как обеспечить быстрый прогресс, но в том, как предупредить или по крайней мере замедлить распространение -нищеты и насилия под действием демографического взрыва и 'быстрого роста -паразитических правящих групп» [264, стр. 214].

Нельзя отрицать, что в книге С. Андрески нашли отражение черты и процессы, действительно осложняющие развитие многих африканских -стран. В «клетто- кратии» (ее высшим выражением С. Андрески считает режим, существовавший в Нигерии до 1966 г.) можно, например, узнать слой, который в советской литературе часто называют бюрократической буржуазией. Однако нельзя согласиться с выделением дезорганизации в качестве единственного или главного процесса в современной Африке. Здесь наиболее отчетливо проявляется, пожалуй, самый существенный недостаток анализа африканских колониальных и постколониальных обществ в буржуазной социологической литературе. Признавая необходимость изучения этих обществ в их целостности и развитии, буржуазные социологи чаще всего освещают проблемы и противоречия современной Африки с позиций одностороннего структурализма, т. е. исключительно под углом зрения сохранения или нарушения равновесия в социальной системе. Развитие Африки рассматривается как нарушение устойчивости общества (С. Андрески) или, напротив, как «уравновешивание» новых и традиционных отношений (Ж. Пер- рэн, Р. Бадуэн). При этом исчезает критерий прогрессивности или реакционности данного явления. Не остается места и для анализа сложных взаимозависимостей, существующих между воспроизводством общественных отношений и конкретными формами их зарождения, развития и разложения.

Структурализм искажает действительное положение

Африки в мировом историческом процессе. Трудности африканских стран он представляет исключительно как результат форсирования темпов развития или своекорыстной политики правящих групп, а не как результат (прежде всего) подчиненного положения колоний и полуколоний в мировом капиталистическом воспроизводстве. С. АндресК'И, например, отрицает существование империалистической эксплуатации; он утверждает, что «большая часть экономических трудностей Африки проистекает от тенденции перескакивать через стадии развития» [264, стр. 22, 36]. При этом обходится вопрос, может ли современная Африка (как и многие другие страны «третьего мира») развиваться теми же темпами и с той же последовательностью стадий, в какой развивались ведущие страны капитализма.

Критику европоцентризма сторонники структурализма часто направляют против марксизма-ленинизма и признания единства исторического процесса вообще. Специфические черты строительства национальной африканской экономики выдаются за доказательство неприменимости к Африке марксизма и отсутствия предпосылок для движения в сторону социализма [264, стр. 191, 200, 228]. Таким образом, идеологически структурализм оказывается не чем иным, как определенной «моделью» развития, направленной на «авто- номидацию» и в конечном счете обособление Африки от мирового революционного процесса.

Только марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, объединяющее в неразрывной диалектической связи понятия развития и функционирования общества как единого целого, может служить основой для конкретной разработки проблемы исторического отставания и развития Африки.

Вопросы социально-экономической отсталости африканских стран в марксистской литературе

Марксистское объяснение причин отсталости Тропической Африки складывалось в тесной связи с критикой колониализма и неоколониализма. Его появление (в 40—50-е годы) было обусловлено прежде всего борьбой против особенно распространенных в то время

правобуржуазных идей извечной отсталости и застойности Африканского континента. Основной акцент совершенно определенно делался на установление колониального господства как исходный рубеж и главную причину отставания Африки.

Этот принцип был ясно сформулирован в работах И. И. Потехина: «Народы Африки действительно отстали в своем развитии; они отстали не только от передовых стран социализма, но и от народов буржуазной Европы или Америки... Причина этой отсталости лежит не в самих африканцах. Пять столетий работорговли и колониального рабства, тяжкий империалистический гнет и эксплуатация... в этом заключается причина отсталости современных народов Африки... Есть только один путь ликвидации этой отсталости—'уничтожение колониальной системы, освобождение африканских народов от колониального рабства, завоевание ими независимости» [123, стр. 41]. Уточняя эту мысль, И. И. Потехин писал позже: «Народы Африки прошли весьма своеобразный и сложный путь. Они испытали на себе тяжелые последствия европейской работорговли и колониальное порабощение. В силу этих обстоятельств они отстали от народов других континентов. Можно говорить о перерыве в их историческом развитии, продолжавшемся несколько столетий. Этот перерыв, конечно, не абсолютен. Народы Африки двигались вперед, но темпы развития не шли ни в какое сравнение со скоростью развития, например, европейских народов» [184, стр. 26].

Таким образом, главными причинами отставания Африки И. И. Потехин считал объективные исторические факторы — европейскую работорговлю и образование в конце XIX в. колониальной системы империализма. Соответственно историческое содержание и результаты отставания раскрывались во взаимосвязи двух аспектов: стадийного («перерыв» в развитии, отставание от метрополий по уровню капиталистических отношений) и функционального (подчиненное и эксплуатируемое положение африканских колоний в системе мирового капитализма).

После достижения народами Африки национальной независимости при решении проблемы преодоления отсталости на первый план выдвинулись вопросы конкретной экономической политики, практического перехо-

да молодых африканских государств к самостоятельному развитию. Связь между стадийным содержанием отсталости африканских стран и их подчиненным положением в мировой капиталистической системе стала более очевидной.

В экономической науке большое место занял анализ • конкретного механизма воспроизводства экономической отсталости и зависимости африканских стран. Полнее раскрылись различные стороны этого механизма и их взаимодействие: моноспециализация африканского экспортного сектора; низкий уровень накоплений; узость внутренних рынков; зависимость африканских стран от ввоза машин, оборудования и многих видов потребительских товаров; бюджетные дефициты по текущим расходам и капиталовложениям; рост цен на импортируемые товары; сильное экономическое влияние бывших метрополий; быстрый демографический рост; отставание общей занятости от урбанизации и общего прироста населения; трудности экономической интеграции и валютная разобщенность континента; низкий объем дохода на душу населения; растущая безработица; недостаток национальных кадров и пр. [см., в частности: 66, стр. 113—114; 81, стр. 141—145; 98, стр. 141; 229; 232, стр. 9, 41—55, 95—119; 259].

Признавая существование определенных функциональных зависимостей между этими факторами, марксистская наука рассматривает их лишь как одно из выражений общей неравномерности развития бывших колоний и полуколоний, но не как его главную, определяющую черту — «порочный круг» бедности. В частности, анализ функций африканских стран в мировом разделении труда позволил полнее выявить динамическую зависимость между экономическим развитием стран Африки и мировым капиталистическим рынком.

Еще в 50-е годы советские ученые указывали на то, что освобождение от колониального господства отнюдь не требует полного разрыва экономических связей с метрополиями. Однако содержание борьбы за экономическую независимость в ряде случаев сводилось лишь к задаче национализации собственности иностранных монополий' и проведения индустриализации по социалистическому образцу, т. е. на основе приоритета тяжелой промышленности.

Анализ реальных трудностей Тропической Африки вносит существенные коррективы в эту схему. Господство иностранного капитала в Тропической Африке (подобно многим другим развивающимся странам) воспроизводится не только благодаря прямому политическому принуждению со стороны империалистических держав (эту точку зрения можно было встретить в 50-е годы), но и в силу объективных диспропорций развития, ориентированного исключительно или главным образом на мировой рынок. Как отмечает В. Д. Щетинин, перераспределение части национального дохода в пользу развитых капиталистических стран имеет для развивающихся стран тем более тяжелые результаты, что «представляет собой также процесс распределения, нарушение которого вызывает неблагоприятные последствия для производства» (232; стр. 215]. По словам Л. И. Александровской, «экономические трудности независимых государств Африки оказались значительно серьезнее, чем предполагалось в период борьбы за политическую независимость. Стало очевидно, что их причины носят не случайный или кратковременный характер, а вытекают из самой структуры экономики бывших колоний, ее исключительной несбалансированности и нестабильности» [66, стр. 114].

Выдвигается, таким образом, качественно новый, специфический аспект проблемы экономической отсталости — неравновесие внутренней экономики, нарушение внутреннего баланса экономического развития.

Диспропорции в экономике Африки являются непосредственным результатом господства иностранного капитала и отражают важную сторону колониальной монополии. Развитие колониальной экономики привело к накоплению несоответствий между производством в сельском хозяйстве и промышленности, между общими темпами развития производства и естественным приростом населения, между производством сырья и его потреблением и т. д. В то же время хозяйственно-торговые и финансовые связи с метрополиями (опиравшиеся на сложившуюся и устойчивую систему мирового капиталистического разделения труда) в той или иной степени уравнивали диспропорции, хотя и усиливали их внутренний размах. Разрыв связей без устранения внутренних диспропорций может лишь усилить экономиче

ские трудности и отсталость. Л. И. Александровская и Л. В. Гончаров так раскрывают эту зависимость: «В экономических связях африканских стран с капиталистическими странами имеется две стороны: первая — эксплуатация африканских стран в процессе товарного обмена и экспорта капитала; вторая — возможность приобретать товары и услуги, производство которых отсутствует в африканских странах и в ближайшее время не может быть налажено. Импортируя такие товары, африканские страны значительно ускоряют свое развитие... Если для капиталистических партнеров Африки имеет смысл первая сторона этих отношений, то для африканских стран исключительно важна вторая. Для Африки разрыв экономических связей с Европой означает не только уничтожение первой стороны взаимоотношений, но автоматически лишает ее и второй их стороны... Разрыв связей может происходить лишь в той мере, в какой находится адекватная им или более выгодная замена. Вот почему экономическое освобождение стран Африки от империализма не может осуществляться единовременным актом, а требует довольно длительного периода развития национальной экономики, изменения ее структуры и на этой основе изменения характера внешнеэкономических связей» [232, стр. 19].

Это значит, что и роль национализации как главного средства экономической борьбы возрастает лишь по мере *реального освобождения* общественного воспроизводства от пут иностранного капитала. Тем самым уточняются качественные критерии экономического развития и его стадийная характеристика. В частности, возникает вопрос о смягчении существующих диспропорций как особом и необходимом этапе строительства национальной экономики.

Получает признание и то, что индустриализация в странах Тропической Африки по своим условиям и непосредственным задачам будет существенно отличаться от европейских схем индустриализации (первоочередное значение замены импорта промышленных товаров и развития отраслей промышленности, обслуживающих сельское хозяйство, а в ряде стран и развития инфраструктуры, необходимость экономической интеграции).

Новое значение приобрел также вопрос о стадийной неравномерности развития колониальных и постколо-

ниальных африканских обществ. Начало его разработке было положено в советской исторической науке, прежде всего в работах И. И. Потехина и С. Р. Смирнова. Придавая решающее значение изучению африканских обществ в исторической динамике, И. И. Потехин и С. Р. Смирнов не сводили стадийную характеристику отставания африканских обществ (относительно развитых стран мира) только к сохранению или преобладанию докапиталистических отношений. В концепционном плане проблема пережитков в современном африканском обществе трактовалась ими прежде всего в связи с существованием колониальной системы и перерождением или изменением роли традиционных институтов.

Единство исторического и системного анализа неравномерности развития африканских обществ, например, проявилось достаточно ясно в обобщающей монографии С. Р. Смирнова «История Судана». Он писал о «крайней, характерной лишь для колониальных стран неравномерности социально-экономического развития», выделяя в качестве ее главных причин «неравномерность развития капитализма в колониях» под влиянием империалистического господства, а также «применение различных систем управления, рассчитанных в конечном итоге на создание наиболее благоприятных условий для эксплуатации этих стран» (224, стр. 202}. Неравномерность развития капитализма в колониях С. Р. Смирнов рассматривал прежде всего как отражение общей неравномерности освоения их иностранным капиталом, результат специфики системы экономического районирования. «При этой системе,— отмечал он,—обычно выделяются сформировавшиеся или формирующиеся районы (районы наибольшего развития капитализма) и районы, в которых только начинается зарождение капитализма» [224, стр. 201—202]. Отсюда прямо вытекает, что низкие темпы развития африканских колоний являлись следствием, а не причиной сосуществования различных стадийных форм, когда «в границах той или иной колонии можно было найти и развитый капитализм, и различные формы феодальных отношений, и достаточно сильные пережитки родоплеменного строя» [224, стр. 202].

Таким образом, в марксистской интерпретации во

прос о стадияльных проявлениях отставания африканских стран неотделим от анализа структуры колониального развития или типа многоукладности. Без этого трудно выявить исторический потенциал более высоких общественных форм, привнесенных колониализмом. В признании этого факта — одно из принципиальных отличий марксистского анализа от взглядов различных школ буржуазного структурализма, сводящего современные проблемы Африки лишь к нарушению нормального функционирования общества в процессе быстрой или «форсируемой» модернизации и сохранению традиционных общественно-экономических структур.

Следует, однако, признать, что влияние многоукладности африканских обществ на темпы и формы их развития изучено пока довольно слабо. Отрицательные последствия колониализма нередко рассматриваются лишь с точки зрения слабого *удельного веса* капиталистических отношений. Бесспорно, что одной из причин замедленного развития обществ Тропической Африки явилась незавершенность классообразования, значительная устойчивость общинно-родовых отношений и структур. Но сам по себе этот факт раскрывает отставание африканских обществ лишь как стагнацию или задержку развития. Специфический характер этого развития, как и причины слабого развития капитализма, могут быть раскрыты только через призму взаимодействия различных исторических форм, укладов в рамках колониального общества.

Шире и полнее рисуется сейчас вопрос о влиянии колониализма на традиционные африканские институты. Советские исследователи всегда подчеркивали их различную социально-классовую природу. Однако сохранение традиционных институтов и укладов в колониальных обществах объяснялось иногда только потребностями колониального управления и прямым принуждением со стороны колониальных властей. Влияние колониализма было более сложным и многообразным: если в одних случаях действительно речь шла о консервации застойных институтов (как, например, высших форм феодальной власти в эмиратах Северной Нигерии) или искусственном насаждении вождей (в бывших французских колониях), то применительно к собственно докапиталистическим структурам или укладам решаю

щую роль играли общие социально-экономические условия, в том числе характер многоукладное™.

Анализ социальной структуры колониальных и пост-колониальных обществ все более перемещается в плоскость исследования переходных форм отношений. В начале 60-х годов эти формы анализировались главным образом с точки зрения заложенных в них возможностей и тенденций капиталистического развития. Сейчас в анализе этих тенденций большее внимание стало уделяться факторам регенерации, взаимодействия, а то и усиления переходных типов отношений. Так, отмечая тесное переплетение в африканских странах стадияльно-различных социальных форм, В. Б. Иорданский писал в 1969 г.: «Любая попытка механически разрывать сложную ткань существующих в Тропической Африке общественных групп на „старые" и „новые" рискует завести исследователя в тупик. В новых слоях, например в интеллигенции, в рабочем классе, легко прослеживаются пережитки традиционного общества. И, наоборот, столь старая общественная группа, как вожди, под воздействием капитализма изменила свой характер, ее верхушка смыкается с буржуазией» [126, стр. 68]. В своей последней книге В. Б. Иорданский высказывается ■ еще определенной: «Ни буржуазия, ни пролетариат, ни, наконец, интеллигенция не развивались в колониальную эпоху „нормально", в структуре каждого из классов африканского городского общества запечатлена как его внутренняя слабость, так и болезненность истории его становления» [127, стр. 19].

Широко признана качественная специфика африканского пролетариата и буржуазии, вытекающая из их двойственного, противоречивого положения в системе колониальной экономики. Отмечается, например, что консолидация рабочего класса ограничивается не только (и часто не столько) его исторической незрелостью, но и дуализмом экономики, при котором квалифицированный пролетариат (занятый главным образом на предприятиях иностранного сектора) и группы рабочих на мелких предприятиях местного сектора развиваются в неоднородных условиях, сталкиваются с различными группами эксплуататоров [126, стр. 72—76].

, Весьма актуален вопрос о соотношении стадияльных и системных особенностей промежуточных слоев афри

канского общества. Особая роль этих слоев в странах Тропической Африки бесспорна, однако до середины 60-х годов она трактовалась, скорее, как сугубо временная, преходящая, вызванная «недоразвитостью» основных классов буржуазного общества. В таком смысле оценивалась, например, ведущая роль интеллигенции в национально-освободительном движении южнее Сахары,

60-е годы принесли с собой дальнейшее усиление промежуточных общественных групп, что потребовало определенной переоценки их положения. Ясно обнаружилась, например, особая роль правящих групп, выделяющихся среди других социальных слоев. Остается неясным, какие факторы определяют эту тенденцию и в какой мере она стала решающей. Одни исследователи (В. Б. Иорданский) выдвигают на первый план историческую причину — ограниченность доступа к образованию в колониальных условиях, полагая, что-уже тогда африканская интеллигенция подчинялась в целом «классу или общественным группам, которые в силу исторических условий становились в данном обществе господствующими» [127, стр. 263, 266, 269,, 277]. Другие исследователи (Р. Барбе, Л. К. Туманова) подчеркивают в первую очередь специфику политических и экономических функций, выполняемых африканским правящим слоем, и отмечают рост его самостоятельности [75, стр. 198; 237, стр. 106—115], третьи (М. Ю. Френкель) видят в относительной самостоятельности управленческих кадров в странах Африки одновременно результат их исторической отсталости и усиления роли государственного сектора, особо выделяя тенденцию к обуржуазиванию правящего слоя¹⁴ [245, стр. 110, 111,, 114].

Более ясно взаимосвязь между диспропорциями колониального развития и историческим отставанием стран Тропической Африки прослеживается в характеристике африканского отходничества. Так, в книге «Рабочий класс Африки» отмечается, что «отходничество в Африке возникло не в результате развития капитала

¹⁴ Нерешенность проблемы правящего слоя в специфических условиях отсутствия сложившихся классов проявляется и в неустойчивости определений его социального положения: ' . интеллигенция, служилая интеллигенция, бюрократия, бюрократическая буржуазия, новая элита, обуржуазивающаяся элита и т. д.

стических отношений среди африканского населения, как исходная предпосылка этих отношений, а под влиянием мер экономического и внеэкономического принуждения, применявшихся европейскими колонизаторами», что «миграции непрерывно воспроизводятся, притом в растущих масштабах», превращаясь в «серьезный тормоз на пути подъема сельского хозяйства» (208, стр. 31, 35]. Несоответствие между ростом миграций и возможностями обеспечения занятости, искривляет тенденции развития как в городе («разбухание» городского дна), так и в районах отходничества (нехватка рабочих рук, падение урожайности, ухудшение продовольственного положения, растущее обнищание крестьянства при отсутствии условий для перехода к новым укладам и т. д.) [см.: 125, стр. 46; 126, стр. 81—83; 208, стр. 35].

В качестве отличительной особенности колониальных обществ все чаще выделяется также тенденция к известной регенерации или усилению традиционных институтов на новой колониальной основе (как одно из выражений несоответствия между ростом товарных отношений и ограниченной динамикой капиталистических преобразований).

Еще в начале 60-х годов подчеркивалось значение африканской сельской общины как условия воспроизводства рабочей силы отходников [см., в частности, 243, стр. 130, 134]. В. В. Крылов отмечает (порожденную условиями застойного мелкотоварного производства) тенденцию к «капитализации ряда традиционных форм эксплуатации без их решительного разрушения» [158, *стр. 5—12]. По его словам, «между исходным состоянием, общинными отношениями и капитализмом, как таковым, существует ряд переходных форм отчуждения прибавочного продукта мелких производителей. Быстрая непосредственная трансформация общинных отношений в капиталистические в широких масштабах оказывается неосуществимой. Тропическая Африка пошла по такому пути капиталистического развития, который, по нашему мнению, можно считать одним из вариантов консервативного типа капиталистической эволюции» [158, стр. 12].

Возникающие проблемы требуют уточнения понятия социально-экономической отсталости. Сущность ее нельзя свести только к экономической стагнации или

застой в развитии. Застой в одних областях сочетался с непропорционально быстрым ростом или разбуханием других сфер и потребностей экономической жизни. Сейчас совершенно очевидно: о перерыве в развитии Африканского континента в колониальную эпоху можно говорить только в определенном и относительном смысле — имея в виду нарушение или даже приостановку *самостоятельного* развития, основанного на преемственности и естественной смене общественных формаций.

Правильнее, очевидно, говорить об общей диспропорциональности или несбалансированности развития современных африканских стран как важнейшей основе их отставания и зависимости от мирового капиталистического воспроизводства.

Выделена важнейшая материально-техническая предпосылка отсталости африканских стран — крайне ограниченная диверсификация производства, связанная с односторонним ростом экспортного сектора и слабостью или отсутствием промышленности. «Темпы роста валового национального продукта в каждой стране,— пишет Л. И. Александровская,— определяются не только состоянием производства в отдельных отраслях народного хозяйства, но и их соотношением, самой структурой национальной экономики. В этом плане африканским странам присущи две основные черты:

1) исключительно сильное воздействие экспортных отраслей на динамику валового национального продукта и 2) небольшой удельный вес промышленности, т. е. отрасли народного хозяйства, способной расти наиболее быстрыми темпами» [229, стр. 25].

В некоторых работах, однако, деление колониальной экономики на внутреннюю и внешнюю рассматривается как *главная* или *исчерпывающая* характеристика отсталости и внешнеэкономической зависимости африканских стран. Проблема экономической отсталости или неравномерности развития этих стран в колониальную эпоху рассматривается прежде всего как проблема материально-техническая; ее решение связывается исключительно или главным образом с приданием зависимой экономике многоотраслевого характера. С этим взглядом можно- встретиться и в общей литературе по проблемам развивающихся стран [см., например, 209, стр. 59].

Известно, однако, что разделение труда не сводится только к диверсификации или технико-отраслевой структуре экономики; это прежде всего общественный процесс, отношение между людьми в ходе производства, распределения и потребления (т. е. в ходе всего процесса производства).

Мировой рынок влияет на развивающиеся страны не только через экспортную направленность их хозяйства, но также через мировые процессы распределения, обмена, потребления и т. д., касается всех сторон экономики и ее основных пропорций. Нельзя не согласиться с Л. Ф. Блохиным, который отмечает: «Производственно-отраслевая структура экономики свидетельствует об узости производственной базы, которая сама по себе ограничивает темпы хозяйственного развития страны. Однако она еще не дает представления о качественном своеобразии экономики колониального типа, которая сложилась в странах Тропической Африки» [81, стр. 141].

Колониализм изменил и в некоторых отношениях ускорил развитие народов Африки. Не подлежит сомнению, что это развитие, направлявшееся в целом в сторону капитализма, носило уродливый и ограниченный характер. В силу режима колониальной монополии в Тропической Африке, как и в большинстве других колоний и полукolonий, могли возникнуть лишь отдельные стороны или элементы капиталистического базиса.

Поэтому основное содержание экономической отсталости Тропической Африки не исчерпывается только слабой отраслевой диверсификацией; оно касается всего механизма социально-экономического развития и воспроизводства (т. е. формационного типа колониальных обществ). Нужен анализ взаимодействия всех его составных частей под влиянием колониальной монополии, имманентных законов товарного производства и местных исторических особенностей. Для буржуазных исследователей проблема причин отсталости Африканского континента — это в первую очередь проблема «равновесия» традиционного и современного общества или, напротив, проблема «распада», дезорганизации общественной жизни, для марксистско-ленинской науки — вопрос о пропорциях мирового капиталистического вос

производства, условиях и возможностях развития Африки внутри системы мирового капитализма¹⁵.

К сожалению, и в марксистской литературе проблема экономической отсталости стран «третьего мира» сводится иногда лишь к вопросу о равновесии капиталистических и докапиталистических укладов, т. е. к внешним проявлениям многоукладноеTM. Причем это равновесие понимается весьма односторонне¹—как «сохранение качественного постоянства структур», стагнация общества. (Такова, в частности, точка зрения Е. Клеера [134, стр. 12].) Иными словами, ставится знак равенства между многоукладностью и стагнацией общественного развития. Но при таком толковании понятия отсталости колониальных обществ теряет смысл само понятие многоукладности как переходного состояния всей общественной структуры.

Для характеристики многоукладности важнейшее значение имеют тенденции к нарушению равновесия между укладами, установлению связей между ними и взаимной трансформации. Уже в колониальный период на большей части Африканского континента произошли серьезные социальные и политические сдвиги, наметилась тенденция к разложению традиционных форм хозяйства. Именно неустойчивость, нарастающие противоречия и потрясения стали характерными чертами африканского общества 50—60-х годов.

Поэтому в первую очередь важен характер взаимодействия различных укладов колониального и постколониального общества, тенденции развития последнего с точки зрения форм и условий общественного прогресса в целом, положения в системе мирового капитализма, конкретных форм использования совокупного общественного труда. Иными словами, важно установить, каким образом, в интересах каких сил, классов, групп общество вынуждено использовать свой национальный про

¹⁵ На комплексный характер понятия экономической отсталости указывают ряд советских исследователей. Так, М. П. Шмелев подчеркивает: «Один из выводов, вытекающих из прошлого опыта развития многих стран, сводится к следующему: всесторонний экономический подъем не может быть достигнут с помощью одного или только нескольких факторов роста... В развивающейся экономике нет секторов и источников роста, которыми можно было, бы пренебречь в процессе хозяйственного строительства» [254, стр. 48].

дукт, т. е. совокупный общественный труд¹⁶. Для этого необходим прежде всего анализ условий развития капитализма южнее Сахары и общих особенностей процесса' общественного воспроизводства.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕЛКОТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

Для понимания формационного типа общества большое значение имеет вопрос о протяженности и сути (т. е. основной тенденции развития) переходного периода от господства одной формации к господству другой. Переходный характер африканских колониальных обществ определялся прежде всего развитием колониальной монополии и товарных отношений. В данном разделе мы остановимся на вопросе о характере господствующей тенденции развития в странах Западной Африки (к концу колониального периода). Рассмотрим прежде всего, в какой мере этот вопрос изучен в нашей литературе.

Одним из основных вопросов, которому советские-африканисты всегда уделяли большое внимание, является вопрос об уровне развития стран Тропической Африки к моменту достижения ими национальной независимости. На первых порах (40—50-е годы) данный вопрос находился больше в «компетенции» историков (работы И. И. Потехина, С. Р. Смирнова, Л. Д. Яблочкова и др.) и рассматривался в тесной связи с историческими проблемами — уровнем развития африканских

¹⁶ На тесную зависимость между проблемой экономической отсталости и сравнительной эффективностью общественного труда в развитых и развивающихся странах справедливо указывает Т. Сен-теш: «С того исторического момента, когда соединилось развитие этих двух обществ (т. е. докапиталистического и капиталистического.—• И. С.) и вслед за этим увеличилась между ними *разница в уровне* развития, уже нельзя говорить просто об отставании или прогрессе, а надо говорить о том, какие положительные или отрицательные эффекты, последствия имеет эта связь с точки зрения одной или другой из сторон. Ибо если выясняется, что подъему одной из стран... способствовали положительные эффекты этой связи и в то же время это не происходило у другой страны, тогда должно выясниться и то, какие отрицательные эффекты имела эта связь в другом направлении» [220, стр. 97].

народов к началу колониальной эпохи, установлением колониального господства, характером традиционных африканских институтов.

Ближе к середине 60-х годов произошло определенное разделение этих двух групп проблем. Вопрос об уровне развития товарно-денежных и капиталистических отношений стал привлекать в основном внимание экономистов как составная часть более общего вопроса о путях развития независимой Африки. Проблема ведущей тенденции развития африканских обществ поставлена во многих монографиях и статьях, в частности в работах Л. И. Александровской, Л. Ф. Блохина, Н. И. Гаврилова, Л. В. Гончарова, В. Б. Иорданского, П. И. Куприянова, А. Б. Летнева, И. Б. Маценко, И. А. Сванидзе, Л. К. Тумановой и др.

Многие оценки, которые получило в этих работах развитие африканских обществ, уже сейчас представляются бесспорными и создают основу для постановки новых вопросов. Не вызывает сомнений, что генезис капитализма в Тропической Африке совпал в целом с колониальным разделом континента и определялся прежде всего условиями международного разделения труда. Бесспорно также и то, что, с одной стороны, колониализм способствовал в огромной степени втягиванию африканской деревни в регулярный торговый оборот, а с другой — тормозил процессы диверсификации производства и развития внутреннего рынка для капитализма. Наиболее последовательный и быстрый путь генезиса капитализма: мелкое ремесло — мануфактура—фабрика, оказался закрытым для африканских колоний и не достиг (в Тропической и Южной Африке) даже второй ступени.

Ясны также отдельные тенденции в развитии мелкого товарного производства и вызревании капиталистических элементов: огромная роль торгово-ростовщического капитала и вообще непроизводительной сферы деятельности, дифференциация крестьянства в зонах торгового земледелия, растущее аграрное перенаселение в глубинных районах натурального и полунатурального производства и его специфическое выражение — массовые миграции (отходничество) сельского населения в города, на шахты, в зоны массового возделывания экспортных культур и т. д.

Нерешенность проблемы африканских колониальных обществ (в смысле их характера и тенденции развития) проявляется, на наш взгляд, в том, что существующие оценки уровня развития этих обществ не опираются еще на исследования развития капитализма как единой и в то же время многоплановой проблемы. В большинстве исследований этот процесс рассматривается почти исключительно под углом зрения выделения лишь «ростков нового», гораздо меньше изучена другая неотъемлемая сторона данной проблемы — каким образом «новые явления» пробивают себе дорогу через старое. «Старое» (т. е. колониальная структура экономики и традиционные африканские институты) чаще рассматривается лишь как тормоз развития.

Пока нет исследований, посвященных, например, месту, роли и эволюции в условиях колониальных обществ традиционных и промежуточных форм отношений, как и системе производственных отношений в целом. Не деформирует ли это действительную картину «нового», говоря точнее, представления об уровне и реальных перспективах развития капитализма в странах Тропической Африки?

Прежде чем говорить о тех проблемах, которые еще ждут решения, нужно ясно представить себе те реальные трудности, с которыми столкнулась марксистская наука в изучении африканских обществ.

Главный, вполне объективный источник трудностей — недостаточность наших знаний о развитии обществ южнее Сахары в доколониальный и колониальный периоды.

Кроме слабости источниковедческой базы существовали специфические трудности, связанные с почти полным отсутствием прямых контактов с африканскими странами до начала 60-х годов. Если специалисты по истории СССР могут спорить о датировке начала генезиса капитализма в России, то в советской научной литературе, посвященной Тропической Африке, до самого недавнего времени, например, успехом считалось фиксирование дифференциации мелких товаропроизводителей.

Лишь в 60-е годы благодаря известному развитию в африканских странах систем национальной статистики, а также появлению ряда полевых исследований стало

возможным несколько раздвинуть рамки исследований, взглянуть на проблему развития капитализма в некоторых странах южнее Сахары более широко (хотя и сейчас ряд ее аспектов, например эволюция форм общинного землевладения или подчинение торговому капиталу мелкой городской промышленности, с трудом поддаются анализу). Большее значение приобретают и общетеоретические критерии развития мелкотоварного и капиталистического укладов.

Исследование развития капитализма в Тропической Африке никогда не было чисто академической проблемой.

Раньше чем была исследована подробно социально-экономическая структура африканских обществ, потребовалось дать незамедлительный ответ на вопросы о причинах быстрого распада колониальной системы в африканских странах и будущих путях их независимого развития.

Кроме того, в 40—50-е годы советским исследователям пришлось вести борьбу с так называемой функциональной школой в буржуазной социологии, которая отрицала какие-либо сдвиги в традиционном африканском обществе.

И анализ колониальных структур в нашей литературе совершенно сознательно ориентировался на доказательство развития капитализма в Тропической Африке: новое сознательно противопоставлялось старому, внимание обращалось в первую очередь на те слои и классы (современный рабочий класс, национальная интеллигенция, обуржуазившиеся слои), развитие которых могло объяснить (хотя бы в первом приближении) движущие силы антиколониальной революции. Такой подход был в то время понятен и оправдан.

Однако в некоторых случаях это противопоставление «нового» «старому» стало рассматриваться как обязательная схема и при изучении всего процесса развития африканских стран. По этой схеме не уровень капиталистического развития той или иной страны оценивается на основе предварительного анализа форм, тенденций и возможностей развития капитализма в Тропической Африке, а, наоборот, отдельные предпосылки, элементы вызревания капиталистических отношений (эволюция традиционных форм землевладения, разви

тие торгово-ростовщического капитала и т. д.) толкуются исходя из заранее принятого представления об определяющей роли капиталистической тенденции (уже к концу колониального периода) в жизни многих африканских стран.

Еще в 40—50-е годы в советской литературе по истории капитализма сложилось направление, подчинившее всю проблематику генезиса капитализма выявлению капиталистических отношений. Сторонники этого направления толковали товарно-денежные отношения как начальный момент развития капиталистического уклада.. Соответственно и изучение исключительно «новых явлений» в развитии африканских стран объясняется иногда тем, что мелкотоварный уклад уже с момента своего появления выделяет во все возрастающих размерах слои капиталистического общества.

Но к настоящему времени концепция «изначального» автоматического превращения мелкотоварного уклада в капиталистический опровергнута конкретными исследованиями. На состоявшихся в 60-е годы дискуссиях по проблемам генезиса капитализма в России и Западной Европе она подверглась резкой критике. При этом отмечалась не только теоретическая несостоятельность ее исходных посылок, но и то, что она обеднила общую картину генезиса капитализма, априорно зачисляя многие черты и проявления мелкотоварного производства в капиталистические.

«Капиталистический уклад,— говорила на всесоюзной дискуссии 1965 г., посвященной переходу России от феодализма к капитализму, М. В. Нечкина,— не падает с неба... Суть вопроса как раз и заключается в изучении генезиса капиталистического уклада, самого становления уклада, а потом уже в самом укладе, ибо разложение старого, феодального общества освобождает элементы нового, капиталистического» |[199, стр. 118].

О несостоятельности одностороннего выделения «ростков нового» как методологического приема и средства идеологической борьбы подробно говорил в своем докладе на научной сессии, посвященной проблемам генезиса капитализма, А. Н. Чистозвонов. По его словам, «появилось немало работ локального... порядка, в которых местные особенности подавались в качестве магистральных путей развития, конъюнктурные колебания

и количественные изменения как качественные сдвиги, а частные наблюдения как общие выводы» [233, стр. 14—15].

«Сказывалось, — отмечал далее докладчик, — и бытовавшее в конце 40-х годов и первой половине 50-х годов увлечение концепцией „приоритета“ или по крайней мере синхронного социально-экономического прогресса России с наиболее развитыми странами Западной Европы. С целью доказать это категории товарного производства подтягивались до уровня капиталистических, купеческий капитал — до уровня промышленного, в денежной форме ренты подчеркивалась не ее феодальная основа, а лишь та ее сторона, в которой она была формой разложения феодальной ренты и эволюционировала в капиталистическую»¹⁷.

Остановимся теперь вкратце на некоторых общих проблемах развития капитализма в странах Тропической Африки (речь пойдет в основном о странах Западной Африки).

Прежде всего вызывает сомнение такая трактовка роли мелкотоварного уклада и наемного труда, при которой факт товарности земледелия, концентрации земли или найма рабочей силы уже сам по себе рассматривается как признак капиталистического расслоения африканской деревни [см., в частности: 73, стр. 120; 256, стр. 87].

Иногда во внимание принимаются также образование внутреннего рынка в африканских странах и развитие (в некоторых районах) отчуждения земли. Так, Л. К. Туманова пишет: «Рост товарного земледелия, специализация отдельных районов на производстве экспортных культур означали складывание внутреннего рынка, способствовали развитию частной собственности на землю, расслоению крестьянства и возникновению новых социальных групп» [237, стр. 67]. Таким образом, предполагается, что «специализация отдельных районов»

¹⁷ Сложность и многогранность генезиса капитализма в обществах Востока, необходимость специального изучения связанных с этим вопросов подчеркивались также в ходе дискуссии об уровне социально-экономического развития стран Азии до превращения их в колонии и полуколонии, проходившей на страницах журналов «Советское востоковедение» и «Проблемы востоковедения» [129, стр. 68; 190, стр. 363-423].

и «складывание внутреннего рынка» достигли уровня капиталистических отношений.

Существуют, правда, и несколько более осторожные ■оценки роли мелкотоварного производства и отношений найма в африканской деревне, это говорит о том, что в вопросе о степени развития капитализма в странах Тропической Африки нет пока полной ясности. Так, В. Б. Иорданский пишет: «О том, в какой степени социальный раскол общины соответствует поляризации классовых сил в деревне, могут быть разные суждения. Во всяком случае, в Африке нет районов, где бы классовые отношения полностью „очистились“ от общинных, так же, впрочем, как уже невозможно обнаружить район, где бы общинные отношения не были „заражены“ бациллой классовых антагонизмов... Видимо, не будет преувеличением сказать, что в наиболее экономически развитых сельскохозяйственных зонах континента производственные отношения капиталистического типа не вытеснили общинных производственных отношений. Еще нигде в Тропической Африке буржуазная прослойка не стала главной эксплуататорской группой крестьянства, а вместе с тем еще нигде к югу от Сахары сам сельский буржуа не освободился полностью от уз родовой зависимости» [125, стр. 44, 49].

В другой работе, оценивая уровень развития капиталистических отношений на банановых плантациях Гвинеи, В. Б. Иорданский пишет о том, что «в сущности район банановых хозяйств нужно рассматривать как ту точку, где достиг своего завершения происходящий по всей стране процесс выделения мелкой крестьянской собственности из общинной. Вместе с тем здесь же — исходный пункт, начало следующего этапа, соответствующего развитию и распространению в Гвинее капиталистического землевладения» [124, стр. 46]. Здесь уже ■определенно допускается возможность существования ■самостоятельного этапа в развитии мелкотоварного уклада, когда капиталистические отношения, складывающиеся внутри страны, не играют еще определяющей роли.

Н. Б. Кочакова обращает внимание на сложный характер наемного труда в западноафриканской деревне и на то, что он далеко не всегда вызывается развитием капитализма [227, стр. 22—23].

Мысль о том, что мелкотоварный уклад в Тропической Африке уже сам по себе служит основой быстрого развития капиталистических отношений, связана с высказываемым иногда несколько категорическим тезисом об экономической однотипности капитализма и мелкотоварных хозяйств в развивающихся странах¹⁸.

На чем, однако, основывается подобное утверждение?

Известно, что мелкотоварное (сложившееся) и капиталистическое производство подчиняются одному и тому же экономическому регулятору — действию закона стоимости, который находит выражение в конкуренции и социальной дифференциации товаропроизводителей. Говорить в обобщенном смысле об однотипности капитализма и мелкотоварного производства можно, лишь имея в виду этот закон. Но сам по себе закон стоимости еще не ведет к превращению товарного производства в капиталистическое. Он создает лишь формальную возможность перехода к капиталистическому способу производства. Последняя реализуется при строго определенных общественно-экономических условиях, через ряд последовательных количественных и качественных изменений, и может (особенно в докапиталистических и переходных обществах) ослабляться, искривляться действием других тенденций.

Ставя вопрос о генезисе капитализма в абстрактно-теоретическом плане, К- Маркс подчеркивал, что развитие товарного производства становится капиталистическим процессом, деньги превращаются в капитал только в том случае, если товарное производство делается всеобщей формой производства, если труд принимает характер наемного труда, если объективные условия производства противостоят труду в качестве чужой собственности «и таким образом по форме — *как капитал*» [7, стр. 515]. Он совершенно определенно указывал: «Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя

¹⁸ Так, С. И. Тюльпанов пишет: «Во всех развивающихся странах почва для развития капитализма глубже, чем для утверждения социализма... капитализм начал развиваться здесь еще в колониальный период и продолжает развиваться стихийно, поскольку его экономическая основа и экономическая основа мелкотоварных хозяйств, однотипны» (240, стр. 14).

всему обществу; но лишь тогда оно может развернуть также все скрытые в нем потенции» [2, стр. 601].

Таким образом, однотипность капиталистического и мелкотоварного укладов определяется степенью и общими условиями развития капитализма, но никак не наоборот.

Кроме того, и само по себе образование мелкотоварного уклада — это особый исторический процесс, который определяется не только уровнем товарности земледелия, но и возможностями разложения отношений натурального производства и имеет собственную, лишь при определенных условиях перерастающую в капиталистический процесс тенденцию к образованию основанного на частной собственности и деньгах мелкого парцеллярного хозяйства¹⁹. Мелкое производство «достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз» [2, стр. 771].

Анализ социальной структуры африканской деревни, проведенный к настоящему времени, свидетельствует со всей очевидностью о количественных сдвигах, которые произошли в развитии найма и стали особенно заметны после второй мировой войны. Но можно ли от количественных сдвигов прямо делать заключение о развитии капиталистических отношений непосредственно на базе мелкотоварного производства?

Ни К- Маркс, ни В. И. Ленин никогда не выводили развитие капиталистического способа производства из простого факта расширения сферы найма, совсем наоборот. К- Маркс подчеркивал, что «возможность... непосредственно эксплуатировать чужой труд» появляется еще при продуктовой ренте [5, стр. 359]. Превращение натуральной ренты в денежную расширяет эту возмож

¹⁹ На дискуссии 1965 г. по проблемам генезиса капитализма в России Я. К. Ядунский отмечал: «Нередко товарность земледелия рассматривается... как признак зарождающегося капитализма. Но ведь чисто натурального хозяйства и при феодализме не было... Товарность земледелия надо уметь измерять для правильной ее оценки» [199, стр. 267].

ность, создает предпосылки для образования, с одной стороны, «класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги», а с другой — «лучше поставленных... крестьянских хозяйств», у которых «складывается мало-помалу возможность накапливать известное состояние и самим обратиться в будущих капиталистов» [5, стр. 363]. Но чтобы эта возможность стала реальностью, отмечал далее Маркс, необходим ряд условий, и среди них «уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости» [5, стр. 363].

В другом месте К- Маркс писал, что развитие капитализма связано с возникновением массового, крупного производства на рынок: «Древние, которым никогда не удавалось выйти за рамки собственно городского художественного ремесла, никогда не могли поэтому создать крупной промышленности. Ее первой предпосылкой является вовлечение всей страны в производство не потребительных, а меновых стоимостей» [9, стр. 503].

Ф. Энгельс отмечал мимоходом, что «наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует, с давних времен; в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством. Но этот зародыш мог развиваться в капиталистический способ производства только тогда, когда были созданы необходимые для этого исторические предпосылки» [10, стр. 214].

Точно так же и В. И. Ленин ставил изучение капиталистических отношений в неразрывную связь с выяснением степени капиталистической трансформации найма и всего общественно-экономического базиса, подчеркивая, что в деревне «преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется..., с наибольшей медленностью и постепенностью.» [18, стр. 165].

Эти положения имеют принципиальное значение для понимания соотношения мелкотоварного и капиталистического укладов. Чтобы мелкое товарное производство и наемный труд полностью наполнились категориями капиталистического хозяйства, требуется совершенно определенное историческое условие: создание

стоимости в размерах, достаточных для ее непрерывного и расширенного воспроизводства.

То, что именно это условие является важнейшей качественной гранью между количественным ростом найма и капиталистической эксплуатацией, между имущественным расслоением деревни и разложением крестьянства (социальной дифференциацией), между внутренней эволюцией мелкотоварного уклада и началом его перерастания в капиталистический, подчеркивалось на недавних дискуссиях, посвященных проблемам генезиса капитализма.

«Чтобы тезис об использовании наемного труда как показателе капиталистического расслоения деревни приобрел должную убедительность,— говорилось, например, в докладе „Переход России от феодализма к капитализму“ на всесоюзной дискуссии 1965 г.,— необходимо доказать, что наемный труд создавал меновую стоимость, что в хозяйстве воспроизводилась прибавочная стоимость... Совершенно недостаточно констатировать наличие тех или иных отношений, необходимо показать их воспроизводство» [199, стр. 54]. «Необходимо помнить,— отмечалось в том же докладе,— что товарное производство, как бы высоко оно ни было развито, автоматически не ведет к капитализму. Для перехода к капитализму необходимо наличие соответствующих форм собственности, капиталов, отрыв непосредственных производителей от средств производства и ряд других условий» [199, стр. 21]²⁰.

Между тем вопрос о характере воспроизводства в африканском мелком товарном хозяйстве до сих пор не изучен в нашей литературе. Мало что известно, например, о соотношении доходов от эксплуатации наемной рабочей силы, подмастерьев и зависимых ремесленников в мелкой промышленности и издольщиков в сельском хозяйстве, доходов от личного труда и труда членов

²⁰ Можно было бы заметить, что применительно к колониальным и полуколониальным обществам эти положения «бьют мимо цели», поскольку названные условия обеспечиваются в той или иной мере (в какой мере — это как раз и подлежит выяснению) мировым капиталистическим рынком. Но в данном случае речь идет только о том, может ли мелкотоварный уклад перерасти сам по себе, стихийно или автоматически, в капиталистический способ производства, сделать частнокапиталистическую тенденцию господствующей.

семьи, ростовщических займов и всевозможных разновидностей общинной и родственной взаимопомощи.

Стремление во что бы то ни стало отыскать «новое» без анализа воспроизводства в мелкотоварном секторе приводит иногда к очень широкому толкованию капиталистического расслоения африканской деревни, когда к нему относятся явления, которые имеют иную или, во всяком случае, более сложную и недостаточно определившуюся природу.

Известно, например, что появление денежной заработной платы (или элементов таковой) само по себе еще не говорит о зарождении капиталистических отношений. Принципиальное значение имеет характер найма: независимость работника (по существу, а не формально) от кабальных форм эксплуатации. Между тем иногда к капиталистическому найму²¹ приравняются различные виды отработок и общинной взаимопомощи, издревле существующие в африканских земледельческих общинах/лишь на основании некоторого формального сходства с наемным трудом: использования отработок для расширения товарных хозяйств общинной верхушки и традиционной знати, оплаты труда общинников деньгами, обеспечения работников (в некоторых случаях) хозяйским инвентарем и т. д.²¹.

Сходные проблемы возникают при анализе поземельных отношений в деревне, различных форм издольщины и отработок, связанных с традиционным общинным институтом чужаков или припущенников, найма сезонных рабочих и т. д.

Могут возразить, что выяснение в деталях удельного веса мелкотоварных и капиталистических отношений —

²¹ Например, Е. М. Кривенцов, касаясь эволюции традиционной системы общинной взаимопомощи и отработок в какаропроизводящих районах Западной Нигерии («система эгба»), сразу же постулирует: «„Система эгба“ — по существу уже капиталистические отношения». «Капиталистический характер» отработок усматривается в том, что они используются «в хозяйствах вождей-феодалов и сельских буржуа», оплачиваются в значительной степени деньгами и выполняются в ряде случаев с помощью хозяйского инвентаря. «Приобретение землевладельцем своего инвентаря,— пишет Е. М. Кривенцов,— на практике означает, что отработочная система уступает здесь место капиталистической» (73, стр. 134). Но в какой мере модифицированная «система эгба» действительно опирается на отношения вольного найма и так ли уж она «безразлична» к традиционным нормам общинного принуждения?

это дело специального анализа, тогда как главным все-таки остается вопрос об основной, определяющей тенденции развития мелкого товарного производства, т. е. его эволюции в сторону капитализма. Действительно, задача никак не может сводиться к изучению только «старого» или нарочитому противопоставлению мелкотоварного уклада капиталистическому. Весь вопрос, однако, в том, можно ли рассматривать эту главную, определяющую тенденцию в отрыве от характера и масштабов воспроизводства капиталистических отношений, вне взаимодействия самых разнообразных тенденций и элементов колониального развития.

Как и всякий общественный процесс, капиталистическая тенденция — это не прямая линия, а, скорее, спираль, которая может быть крутой и пологой, приближаться к кругу или развиваться по нисходящей линии. Конкретно-историческая характеристика этой тенденции требует поэтому определенной дифференциации понятия «капиталистические отношения».

Наиболее полным и удачным в этом смысле представляется уже устоявшееся в советской историко-экономической науке подразделение капиталистических отношений (по их месту и роли в обществе) на капиталистические элементы, капиталистический уклад и капиталистический способ производства²².

Каждой из этих трех стадий в развитии капиталистического хозяйства соответствует определенная система воспроизводства, которая фиксирует достигнутый уровень капиталистических отношений, определяя взаимодействие укладов, устойчивость мелкотоварного уклада, степень социально-экономической интеграции общества и т. д.

Под возникновением «капиталистических элементов» понимается производство в отдельных хозяйствах прибавочной стоимости, однако без превращения ее в постоянную основу воспроизводства. Спорадическое появ

²² К данной классификации капиталистических отношений (предложенной и разработанной в советской науке Н. М. Дружининым и Я. К. Яцунским) близка схема развития капитализма в странах «третьего мира» Е. Клеера. В этой схеме различаются капиталистический уклад и капиталистическая система, иными словами, капитализм, который перерастает рамки уклада и превращается в господствующий способ производства, [134, стр. 66, 67, 199, 200].

ление этих элементов не меняет способа производства, структуру мелкотоварного хозяйства и господствующую систему общественных отношений. Характерной чертой этой «пракапиталистической», или «квазикапиталистической», формы отношений является то, что сама по себе она не ведет к развитию капитализма и может исчезать, например, при упадке торговли. Принято считать, что в некоторых странах Европы (Италия, Нидерланды) капиталистические элементы появились уже в XIII в., поскольку уже тогда купеческий капитал в известной мере проникал из сферы обмена в сферу мелкого товарного производства [233, стр. 20].

В подлинном смысле разложение докапиталистических отношений и становление капиталистического способа производства начинаются только тогда, когда элементы капитализма возникают «не в форме случайных и глохнувших его зачатков, а в форме процесса, который хотя и тормозится старой формацией, но уже не может быть ею подавлен» [199, стр. 17—18]. Это — начальная стадия формирования капиталистического уклада и одновременно начало переходного периода. «Специфически капиталистический способ производства,— подчеркивал К-Маркс,— перестает быть простым средством для производства относительной прибавочной стоимости, раз он овладел целой отраслью производства или, более того, всеми решающими отраслями производства» [2, стр. 519].

Развитие капиталистического уклада, в свою очередь, зависит от многих условий, способствующих «постоянному и возрастающему отчислению части прибыли на накопление или, иначе говоря, превращению прибавочного продукта в капитал, направленный на расширение производства» [134, стр. 65]. К ним относятся: наличие достаточно емкого и расширяющегося рынка, «нормальное» осуществление первоначального, а затем и капиталистического накопления, большое предложение рабочей силы (образование резервной армии труда), уничтожение докапиталистических уз и в конечном счете последовательное развитие крупной промышленности. Отсутствие одного или нескольких из этих основных условий может ослабить или даже пресечь динамический рост капиталистического уклада.

Кроме того, развитие капиталистического уклада

может ограничиваться одной отраслью и сравнительно слабо задевать другие отрасли и уклады, особенно если это развитие протекает под влиянием мирового рынка.

Радикальная буржуазная перестройка общественных отношений и подлинная их капиталистическая интеграция начинаются лишь по мере преобразования капиталистического уклада в господствующий *способ производства* (капиталистическую систему). Исходной гранью этого процесса служит промышленная революция, переход к работающей на внутренний рынок фабричной промышленности, третьей, самой совершенной и последовательной форме капиталистического хозяйства. Только при этом условии складывается единая (в масштабе всего общества) система расширенного воспроизводства, подчиняющая себе все прочие уклады и обеспечивающая окончательный переход на капиталистические рельсы сельского хозяйства..

«Первичные формы *капитала*, — писал В. И. Ленин, рассматривая характер воспроизводства капиталистических отношений в пореформенной России,— встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков. Но дело именно в том, что они являются в современном русском крестьянском хозяйстве не как единичные случаи, а как правило, как господствующая система отношений. Они связались уже (торговыми оборотами, банками) с крупным фабрично-заводским машинным капитализмом и тем показали свою тенденцию; — показали, что представители... „кабалы“¹¹ только боевые солдаты единой и нераздельной армии буржуазии» [17, стр. 509].

Преимущество «трехчленной» схемы развития капитализма в том, что она позволяет избежать смешения абстрактной модели капиталистического способа производства в его «чистом», «идеальном», «развернутом» виде с конкретной, исторической реальностью. Совершенно очевидно, что абстрактные категории товарного и капиталистического хозяйства всегда являются частью конкретной и многообразной системы производственных отношений; в зависимости от строя этих отношений они приобретают различное конкретное содержание, различную функциональную нагрузку.

Недифференцированное понятие капиталистического развития, когда оно применяется в конкретном анализе, грешит определенным методологическим недостатком:

низшие формы капиталистических отношений вместе с мелкотоварным укладом начинают рассматриваться лишь как прообраз высших форм, докапиталистические уклады предстают исключительно как пережиточные и не заслуживающие серьезного внимания, да и само капиталистическое развитие сводится иногда лишь к возникновению отношений найма и эксплуатации наемного труда.

Подобный подход иногда пытаются обосновать ссылками на работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», в частности тем, что В. И. Ленин считал найм признаком возникновения буржуазии.

Но ведь В. И. Ленин неоднократно писал о том, что составить исходное, общее представление об уровне развития капитализма можно только по всей совокупности социально-экономических признаков (обобщенных в понятии внутреннего рынка), но не по отдельным формальным показателям. Об этом говорят, например, следующие ленинские слова: *«Все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма. Народник для критики капитализма считает достаточным констатировать наличие эксплуатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе эти явления эксплуатации как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению»* [17, стр. 465].

Приведенные соображения, как нам представляется, достаточно ясно убеждают в том, что не капиталистическая тенденция является исходным пунктом при оценке характера африканских колониальных и постколониальных обществ, а, напротив, выяснение характера этих обществ (соотношения мелкотоварного и капиталистического укладов, внешних и внутренних условий воспроизводства капиталистических элементов, степени социально-экономической интеграции и т. д.) должно предшествовать определению уровня и характера развития капиталистических отношений.

На характер многоукладное™ в Западной Африке большое влияние оказали торговый тип колонизации и развитие товарного производства преимущественно на

экстенсивной основе. Ниже делается попытка поставить вопрос о некоторых характерных чертах развития многоукладности в Западной Африке исходя именно из этих локальных особенностей товарного' производства и колониальной монополии.

Колониальная монополия в западноафриканских странах и проблема ценообразования и инфляции

После второй мировой войны товарное производство стало важным источником дохода для довольно широких слоев западноафриканского населения, занятых в экспортном производстве или связанных с ним секторах деятельности. Через рыночный механизм присваивалась также большая часть прибылей иностранных компаний, монополизировавших сферу обращения, а также государственно-монополистических экспортных организаций. Поэтому анализ такого механизма крайне важен: он раскрывает одну из главных сторон колониальной монополии в Западной Африке.

Для характеристики товарного производства и его влияния на структуру многоукладности большое значение имеет то, на каких стоимостных отношениях базируется ценообразование, иными словами, в соответствии с производительностью какой отрасли или хозяйства осуществляются распределение и мобилизация ресурсов. К. Маркс писал о том, что при «докапиталистическом способе производства земледелие *производительнее*, чем промышленность..... Напротив, достаточно широкий процесс развития капитализма предполагает, что «развитие производительности в промышленности, по сравнению с земледелием, происходит очень быстро...» [6, стр. 115].

При крайней зависимости африканских стран от мирового рынка важнейшим экономическим регулятором стал механизм интернациональной стоимости, иначе говоря, установление таких ценностных пропорций, которые отражают уровень производительности труда в индустриальных странах и неэквивалентны трудовым затратам в технически отсталом производстве колоний и полуколоний. Эта неэквивалентность еще более усиливается под влиянием «ножниц цен» или прямого влияния монополий на ценообразование в зависимых странах:

Искусственного завышения цен на импортируемые ими товары и занижения расценок на сырьевую продукцию [подробнее о законе интернациональной стоимости и «ножницах цен» см. 239, стр. 28—36]. «Ножницы цен» и отмечаются в первую очередь при характеристике торгово-финансовой эксплуатации западноафриканских колоний.

Действительно, одной из важнейших причин роста дороговизны стала политика западных монополий, направленная на получение дополнительной торговой прибыли. Об этом говорит систематический рост индексов потребительских цен, продолжавшийся даже в периоды снижения доходов местных товаропроизводителей. Так, за десятилетие с 1949 по 1959 г. розничные цены выросли: в Лагосе — на 70%, в Аккре — на 50, в Дакаре — на 68% [подробнее см. 309, стр. 219, 221, 223]. Быстрее всего росли цены на предметы первой необходимости (продовольствие, ткани и т. д.), а также на жилье. Например, потребительские цены в Гане (в Аккре) выросли за период с 1955 по 1964 г.: на продовольствие — в 1,5 раза, ткани — в 1,4, жилье — в 1,5 раза [36, стр. 318].

Более детальные данные о росте потребительских цен в крупных городах бывшей французской Западной Африки (ФЗА) дает табл. 1. Данные таблицы относятся к середине 50-х годов — периоду ухудшения торговой конъюнктуры и снижения денежных доходов значительных слоев населения.

Таким образом, общее понижение цен отмечалось лишь в сфере коммунальных услуг. Цены на большинство других товаров (особенно на продукты питания) продолжали расти.

Основную массу товаров крупные европейские компании сбывали непосредственно производителям, а многочисленным торговым посредникам, мелким фирмам, которые, в свою очередь, перекладывали бремя повышения цены на покупателей или розничных торговцев. Тенденция к образованию монопольной цены и прибыли была особенно заметной в сфере крупной оптовой торговли: этому благоприятствовали (особенно в удаленных районах) узость рынков, засилье крупного европейского капитала, ограниченные масштабы конкуренции. Характеризуя ценообразование в бывшей ФЗА, французский

Таблица 1

**Индексы цен на важнейшие потребительские товары в
Дакаре, Абиджане и Конакри в 1954—1955 гг.
(июль 1945 г. = 100) ***

	Декабрь 1954 г.			Декабрь 1955 г.		
	Дакар	Абиджан	Конакри	Дакар	Абиджан	Конакри
Общий индекс	377	235	170**	389	247	172
Питание	352	190	157	373	207	158
Коммунальные услуги (вода, электричество и т. д.) Одежда ..	357	287	159	353	267	140
	440	288	132	435	278	133
Прочее	350	243	189	366	261	190

* Источник: [31, стр. 43]. **

Базис 100 на 1949 г.

экономист М. Капэ писал в 1958 г.: «Между оптовиками и розничными торговцами существует тесная зависимость... Может возникать конкурентная борьба, но она носит спорадический характер: намеренное сбивание цен приводит к ликвидации торговых запасов или появлению новой фирмы, которая может укрепить свое положение, 'вытеснив кого-либо из соперников (что случается особенно часто среди торговцев разных национальностей) или добившись перераспределения торговой прибыли, особенно если владельцы фирм связывает единство происхождения» [288, стр. 213—214].

Действие «ножниц цен» особенно усилилось после введения в английских колониях государственной экспортной монополии, закрепившей за государственными закупочными органами («Маркетинг Бордз») право устанавливать сезонные закупочные цены, закупать и сбывать на мировом рынке урожай экспортных культур²³. Это способствовало увеличению монопольных прибылей, поскольку фиксированные закупочные цены на экспортную продукцию устанавливались значительно ниже мировых, а торговые компании в ряде случаев шли на прямое снижение официально установленной закупочной це-

²³ Во французских колониях государственный контроль над экспортом получил меньшее развитие. Созданные в 1955 г. «Кассы стабилизации цен» занимались лишь субсидированием экспортеров в случае падения цен на мировом рынке (см.: 81, стр. 225; 95, стр. 97)

ны [подробнее о деятельности «Маркетинг Бордз» в Западной Африке см. 73, стр. 80—100]. В 1951—1955 гг., например, ганские какаопроизводители получали в среднем только 55% общей выручки от экспорта какао-бобов [309, стр. 226].

Важным фактором отклонения цен стали также косвенные налоги — основная форма налогообложения в африканских странах. Таможенные пошлины и акцизы оказывали растущее давление на рыночный механизм.

«Ножницы цен» ограничивали в определенной степени развитие мелкотоварного производства, но не ликвидировали его стихийно-рыночную организацию. Монопольные факторы могут определять уровень и соотношение цен, однако и при господстве мирового рынка основой ценообразования остается закон стоимости, хотя он и принимает форму закона интернациональной стоимости. Стоимостные отношения, как общая тенденция, прокладывают себе дорогу через колебания мировых цен, и эти колебания могут временно перекрывать ухудшение соотношения экспортных и импортных цен.

Так, в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы резко ухудшились условия торговли для африканских крестьян²⁴, однако главную роль в этом сыграли временные, конъюнктурные факторы: сокращение мировой торговли, ослабление связей с метрополиями, рост инфляции в капиталистических странах. В 1948—1949 гг. началось повышение цен на африканские экспортные культуры, которое достигло максимума в 1953—1954 гг., оно обеспечило рост денежных доходов африканских крестьян, более значительный, чем их потери от повышения импортных цен. Это подтверждают, в частности, следующие данные (табл. 2).

Табл. 2 свидетельствует о росте покупательной способности населения Ганы, общую тенденцию к ее повышению не могло остановить даже временное ухудшение экономической конъюнктуры в середине 50-х годов (хотя

²⁴ К 1942 г., например, реальные доходы ганских какаопроизводителей сократились (по сравнению с 1939 г.) на 40%, покупательная способность производителей какао и кофе в БСК упала соответственно на две трети и наполовину. Общие доходы товаропроизводителей и лиц наемного труда снизились в Западной Африке (за исключением Нигерии) за годы войны на 25—70% [309, стр. 203, 207].

Таблица 2

Индексы реальных доходов населения Ганы 1946 1960 г.
(1949 г. = 100)*

Год	Реальный доход какаопроизводителей	Доходы лиц наемного труда		Доход неквалифицированного рабочего относительно цен на какао, г. Аккра
		реальная заработная плата рабочего, г. Аккра	покупательная способность заработной платы относительно цен на импортные товары	
1946				90—64
1947	75	—	80—92	109—94
1948	170	104	98	152
1949	100	100	100	100
1950	143	97	107	139
1951	123	84	90	159
1952	132	113	122	105
1953	119	116	132	104
1954	130	117	136	104
1955	153	112	139	116
1956	170	117	150	109
1957	121	128	161	87
1958	149	136	170	84
1959	153	127	168	70
1960	158	133	168	68

* Источник: [309, стр. 222].

крестьянские доходы временно упали), покупательная способность заработной платы относительно импортных товаров почти непрерывно росла. В Нигерии реальный доход какаопроизводителей увеличился к 1960 г. на 58% (1949 = 100) (см. также табл. 7), реальная заработная плата неквалифицированных рабочих в Лагосе выросла за тот же период на 26% [309, <стр. 220]. Тенденция к повышению покупательной способности африканского населения наблюдалась и в странах ФЗА (табл. 3).

Таким образом, «ножницы цен» не раскрывают в полной мере пропорций стихийного товарообмена. Рост покупательной способности африканского населения в 50-е годы носил больше номинальный характер. Он вел главным образом к разбуханию массы денег без соответствующего товарного покрытия, т. е. к инфляции. Инфляционные тенденции были другой важнейшей причиной роста цен и деформаций рыночного механизма. Трудно отделить друг от друга монопольные и инфляционные факторы общего повышения цен, однако несом-

Индекс реальных доходов населения ФЗА, 1946—1966 гг.
(1949=100) *

Т а б л и ц а 3

Год	Условия торговли (отношение закупочных цен к ценам на импортные товары)			Доходы лиц наемного труда			Доходы сельскохозяйственных рабочих относительно цен на экспортные культуры	
	арахис, Сенегал	какао, БСК	кофе, БСК	реальная заработная плата неквалифицир ованных рабочих, г. Дакар	покупательная способность относительно цен на импортные товары		кофей ные план тации БСК	арахиспроиз водящие районы Сенегала
					г. Дакар	г. Абиджан		
1946	132			92	106	119		124
1947	123		—	87	105	131	—	117
1948	128		62	99	86	79	77	149
1949	100	100	100	100	100	100	100	100
1950	163	103	205	103	108	105	179	151
1951	115	149	280	111	112	120	234	103
1952	105	136	253	106	113	135	188	93
1953	130	334	437	112	142	183	239	91
1954	153	238	327	126	173	213	142	88
1955	144	153	303	127	175	243	125	82
1956	—	J	—	140	—	—	120	79
1957	—		—	130	—	—	129	77
1958	—		—	135	—	—	98	70
1959	—		—	148	—	—	76	63
1960	—		—	—	—	—	69	63

* Источник: [309, стр. 224].

ненно, что оно носило в значительной степени инфляционный характер. На это указывает ряд данных: крайняя неустойчивость производства экспортных культур и, как следствие, общая неустойчивость спроса и предложения, резкие колебания в денежном обращении. Например, среднемесячный объем денежной массы, циркулировавшей в БСК и Верхней Вольте, составлял в 1949 г. 56 410 тыс. фр. КФА, с повышением закупочных цен в последующие годы он возрос до 84 820 тыс. фр. КФА в 1950 г. и 138 041 тыс. фр. КФА в 1951 г. [428, стр. 284]. На размеры денежного обращения решающее влияние оказывал уровень экспортного производства и колебания цен на мировом рынке. Так, в 1949—1951 гг. в БСК и Верхней Вольте оборачивалось в среднем 45,64%

всей валюты ФЗА, в то время как на долю Дагомеи и Нигера приходилось всего 10,95% [428, стр. 284].

Инфляция оказывала несомненное влияние на пропорции африканской экономики и взаимодействие укладов, однако эта сторона рыночного механизма изучена слабее, чем результаты «ножниц цен». Наряду с многогодичными колебаниями спроса, вызванными движением мировых цен, существовал сезонный механизм инфляции, связанный с неравномерным распределением покупательной способности населения в течение года. Например, в какаопроизводящих районах тенденция к росту цен особенно усиливалась в сентябре—феврале, когда сбывалась основная масса какао-бобов, и резко слабела к середине года (табл. 4).

Таблица 4

**Квартальные колебания чистого дохода производителей
в какаопроизводящих районах Нигерии в % к
среднегодовой сумме**
(на основании выборочного обследования 187 семей за
1951—1952 гг.) *

	г о р о д	Сельская местность	В целом
Июнь—август . .	14	10	10
Сентябрь—ноябрь	32	44	41
Декабрь—февраль	43	42	40
Март—май . . .	11	4	9
	100	100	100

* Источник: [322, стр. 446].

Из табл. 4 видно, что рост и реализация доходов в экспортных районах определялись сезонным циклом производства какао. Подробные сведения о сезонных колебаниях в экономической жизни Ганы приводит Ж. Буайон [84, стр. 62—65].

Резкое падение мировых цен оказывало определенное дефляционное воздействие на рыночный механизм, уменьшая денежное обращение и платежеспособный спрос. Например, в 1955—1959 гг. валовой отечественный продукт Ганы вырос на 22%, в то время как находящаяся в обращении денежная масса увеличилась

Лишь на 13% [423, 1, стр. 316]. Дефляция, однако, редко бывала полной, она не ликвидировала сильных инфляционных тенденций: последние коренились в общем уродливом характере импортно-экспортной экономики, затруднявшей поглощение спроса. Местное предложение продуктов питания (и в целом производство для внутреннего рынка) было совершенно недостаточно для того, чтобы поглотить периодически возникавший избыточный спрос. Возрождению инфляционных тенденций способствовали также устойчивые прибыли торговцев, недостаточность торгово-транспортной сети, слабая пропускная способность западноафриканских портов. Высокие транспортные расходы допускали только перевозку дорогостоящих товаров (скот, рис, арахис), препятствуя тем самым выравниванию цен в прибрежных и глубинных районах.

В результате избыточный платежеспособный спрос населения очень медленно распространялся по стране и, как правило, не исчезал полностью даже при падении мировых цен. По словам Ж. Буайона, «широкой борьбе против инфляции препятствует совокупность различных тормозящих развитие факторов, которые делают экономику не только неустойчивой, но и негибкой. Такими факторами являются: невозможность создать запасы, неэластичность потребительского хозяйства, плохая организация транспорта, мешающая доставке товаров в районы, где цены на них наиболее высоки. Все это парализует усилия правительства по борьбе с инфляцией, затрудняя поглощение излишней покупательной способности» [84, стр. 68].

Наряду с механизмом монопольных цен процесс инфляции являлся основой роста цен. Как и система монопольных цен, инфляция отражала тесную взаимосвязь между механизмом ценообразования и колониальной монополией. Вовлекая миллионы африканских производителей в неравноправный обмен с мировым рынком и ограничивая в то же время развитие внутреннего рынка, колониальная монополия порождала острое противоречие между движением номинального (денежного) и реального национального богатства и дохода. Значительная часть реального дохода слаборазвитой страны переходила в распоряжение метрополии, а в это время номинальный, денежный, доход увеличивался в силу

развития экспортного производства, а также потому, что зависимая страна или колония вынуждены были оплачивать ввозимую продукцию по растущим монопольным ценам. Рост дополнительной массы денег в обращении являлся, скорее, следствием, а не причиной инфляции. Иначе говоря, инфляция, государственного-монополистическое регулирование в колониях, «ножницы цен» и обмен по интернациональной стоимости представляли собой тесно связанные, переходящие друг в друга стороны господства иностранного капитала.

Известно, что инфляция сильно меняет пропорции распределения национального дохода. При господстве монотоварной экономики рост цен на экспортную продукцию, образование избыточного спроса становятся также рыночной основой распределения ресурсов между различными хозяйственными секторами и укладами. На тесную связь между ростом цен и развитием товарных отношений указывает Ж. Буайон: «Крестьянин — производитель какао... должен покупать необходимые ему товары (продукты местного сельского хозяйства и импортные товары). Тем самым он заставляет работать крестьян, не выращивающих какао; он заставляет работать транспорт — железные дороги и безрельсовые пути, по которым перемещаются потребляемые им продукты и экспортируемое им какао; он заставляет также работать возникающие внутри страны мелкие промышленные предприятия, которые создают для него часть... потребляемых им промышленных товаров» [84, стр. 59]. «Чем более повышается покупательная способность населения, или, иначе говоря, чем более какао становится главным источником прибыли, — подчеркивает Ж. Буайон, — тем большее число крестьян оставляет другие виды сельскохозяйственной деятельности для возделывания какао» [84, стр. 61].

В сочетании с моноспециализацией инфляция глубоко деформировала рыночный механизм, а через него внутреннее разделение труда и характер товарообмена. Извращенное выражение принимал сам критерий производительности труда как основы распределения произведенной стоимости. При слабой диверсификации производства необходимое время в совокупной массе товарной продукции оценивалось прежде всего в соответствии с потребностями и стоимостными отношениями мирового

капиталистического рынка. Другими словами, появляется возможность отрыва цены от реального уровня производительности труда. Такая возможность заключена в самом механизме интернациональной стоимости.

Отрыв цены от стоимости, номинального 'национального' дохода от реального особенно важен для стран с торговым типом колониальной экономики, поскольку уровень производительности труда в мелкотоварном экспортном секторе здесь, как правило, почти не отличается от общенационального. Основной вопрос, который возникает в связи с проблемой многоукладности западноафриканских стран, состоит в том, могут ли реальные национальные ресурсы свободно переходить (при существующих отклонениях цен) из отрасли в отрасль, стихийно обеспечивая рост внутреннего разделения труда и расширенное воспроизводство частнокапиталистических элементов. При господстве колониальной монополии такой переход был исключен: распределение ресурсов подчинялось закономерностям монотоварной экономики, что находило отражение и в типе многоукладности.

Распределение ресурсов зависело (при стихийном рыночном механизме) прежде всего от движения цен на экспортные и импортные потребительские товары, а не от уровня производительности труда в отраслях товарной экономики²⁵. К середине 50-х годов в БСК более 90% импортных товаров потреблялось в районах экспортного земледелия, хотя в них проживало менее половины населения страны (исключая население Абиджана) [430, стр. 232]. 60% рабочей силы БСК было сосредоточено в лесном восточном районе, который произ

²⁶ Влияние движения цен на распределение людских и материальных ресурсов подробно дписывается в книге Ж. Буайона: «Увеличивая нажим на местные рыночные цены, 'избыточная' покупательная способность оказывает определенное влияние на национальное распределение рабочей силы: повышение цен на рыбу побуждает к переходу на рыболовство портовых рабочих, занятых погрузкой и разгрузкой кораблей, что замедляет снабжение страны импортными товарами и приводит к повышению цен на них... Рост покупательной способности обуславливает, в свою очередь, нарастающий, подобно снежному кому, процесс увеличения доходов. Население, не занимающееся выращиванием какао, тоже нуждается в импортных товарах. Чтобы... купить эти товары, они должны получать такие же высокие доходы, как и производители какао» [84, стр. 64].

водил 52% кофе и какао, 45% бананов и ананасов [430, стр. 41].

колебания цен оказывали растущее влияние на масштабы и направление миграций рабочей силы. Если на ранней стадии отходничество вызывалось прежде всего необходимостью получить *фиксированную* сумму денег (прежде всего для уплаты налога), то начиная с 50-х годов его размеры стали все более определяться соотношением цен на потребительские культуры в глубинных районах и цен на сельскохозяйственное сырье и на рабочую силу в экспортных отраслях экономики [417, стр. 114—136]. В 50-е годы, например, более высокие расценки на плантациях какао в Гане привлекали сюда больше сельскохозяйственных рабочих, чем в соседние районы БОК [309, стр. 216].

Растущая концентрация ресурсов (деньги, транспорт, рабочая сила) в экспортных отраслях сельского хозяйства не вела, однако, к соответствующему повышению отраслевого уровня производительности труда. Возможность извлечения спекулятивной прибыли из выращивания экспортных культур ограничивала развитие производства для внутреннего рынка, тогда как рост цен и обесценение денег ставили производителей перед острой проблемой увеличения доходов при наименьших расходах на хозяйство. Многоукладность при таких условиях становилась «нормальным» выражением и экономической основой противоположного движения номинального (денежного) и реального национального богатства: приток дополнительных денежных сумм и повышение цен резко усиливали роль мелкотоварного уклада и товарных отношений, тогда как относительное уменьшение реального богатства (в результате обращения спроса на импортные потребительские товары, колебаний конъюнктуры, монопольных цен и т. д.) способствовало сохранению элементов натуральной экономики.

Характер развития мелкотоварного уклада

Из всех укладов, существующих в современных странах Тропической Африки, основное внимание исследователей привлекают пока лишь два: частнокапиталистический и государственный. Мелкотоварное производство

рассматривается довольно статично — как основа развития капиталистического уклада либо как объект экономической политики африканских государств. Между тем поскольку мелкотоварный сектор хозяйства оказывает огромное влияние на характер воспроизводства капиталистических элементов, то, пожалуй, не меньшее значение с точки зрения выбора путей развития имеет вопрос об особенностях эволюции мелкотоварного уклада как составной части колониальной экономики. Полностью ли идентичен мелкотоварный сектор в бывших африканских колониях тому мелкотоварному укладу, который существовал в Европе в эпоху генезиса капитализма и послужил питательной почвой формирования капиталистического способа производства? — так примерно можно сформулировать эту проблему.

Для африканских обществ характерно крайне неравномерное развитие товарных отношений. С точки зрения уровня капиталистических отношений наибольший интерес представляют те районы, где мелкотоварный уклад получил наибольшее развитие и высок уровень доходов зажиточных слоев. Это в первую очередь районы экспортного земледелия в Гане, БСК и Западной Нигерии.

В 1955—1956 гг. в одном из самых старых какаопроизводящих районов Ганы (округа Ода, Сведру и Асаманкесе в Восточной области) было проведено обследование 1080 хозяйств, в которых разводилось какао. Материалы обследования дают определенное представление о характере африканского товарного производства в условиях наибольшего развития экспортной экономики.

Ниже приводятся суммарные результаты обследования (табл. 5).

Таблица подтверждает несомненный факт дифференциации крестьянства, бросаются в глаза различия между группами хозяйств по валовому производству, размерам чистого сельскохозяйственного дохода, абсолютному росту сельскохозяйственной прибыли, расходам на рабочую силу. В трех последних группах чистая прибыль составляла основную, или значительную часть чистого сельскохозяйственного дохода и покрывала с излишком расходы на семейное потребление.

При более внимательном анализе эта картина нуждается в уточнениях. Рост издержек на рабочую силу

значительно опережал увеличение чистого дохода (особенно если сопоставить показатели в крайних группах). Это должно было замедлять повышение нормы прибавочной стоимости (отношение между массой прибавочной стоимости и стоимостью рабочей силы), в последней группе она снижалась также абсолютно (72% по сравнению с 96% в группе 9).

Все хозяйственные группы имели бюджетные дефициты (причем весьма значительные), которые покрывались займами и другими доходами из внешних источников, доля займов в доходах и расходах какаопроизводителей говорит о систематической задолженности. Общий объем воспроизводства превосходил размеры доходов от хозяйства и промыслов. Хотя масса чистой прибыли от сельскохозяйственного производства и превышала в высших группах размеры семейного потребления, однако чистой прибыли (а в последней группе и чистого дохода) было недостаточно, чтобы покрыть сумму займов и обеспечить хотя бы самовозобновление процесса воспроизводства.

В начале 50-х годов подробные данные о крестьянских бюджетах были собраны также в основных экономических районах Нигерии. В 1955 г. известный английский социолог М. Смит опубликовал подробные сведения о 88 крестьянских и ремесленных хозяйствах в хлопководческом поясе Северной Нигерии [416]. В исследовании Р. Галетти и др. содержатся подробные данные о денежных доходах 187 семей в основных какаопроизводящих районах Западной Нигерии за 1951—1952 гг. [322]. Эти материалы позволяют уточнить характеристику товарного производства в западноафриканской деревне.

Общей закономерностью была зависимость мелкотоварного производства от всякого рода побочных и внешних источников дохода: промыслов, ростовщических займов, торговых спекуляций, общинной и семейной помощи и т. д. Среди промыслов на первом месте стояли отходничество, мелкая торговля и ремесленные работы. Промыслы • были особенно распространены в районах возделывания однолетних экспортных культур — арахиса и хлопка: сельскохозяйственное производство здесь, как правило, сочеталось с неземледельческим трудом в период сухого («мертвого») сезона. По данным М. Сми-

**Бюджеты 1080 какаопроизводящих
шилл.**

Общая статья бюджета	Годовой чистый доход		
	до 1300	1301—1899	1900—2499
Общий объем воспроизводства (совокупный доход и расход)	2250	2980	3320
Валовой хозяйственный доход	1360	2040	2850
В том числе:			
валовой сельскохозяйственный доход (А)	940	1790	2440
займы и другие доходы из внешних источников	890	940	470
Валовой расход на хозяйство	390	400	630
сельскохозяйственные издержки (В), включая расходы на:	100	250	380
издольщиков	70	190	280
сезонных рабочих	20	40	80
Потребление семьи (С)	1550	1870	2090
Выплаты по займам и т. п.	310	710	600
Чистый сельскохозяйственный доход ** (А—В)	840	1540	2060
«Чистая сельскохозяйственная прибыль»*** (А—В—С)	—	—	—
Число семей	94	173	197

* Источник: [35, стр. 150].

** Принятое в сельскохозяйственной статистике понятие чистого дохода включает в себя стоимость труда фермера, членов его семьи и вновь созданную прибавочную стоимость. Сумма сверх всех издержек производства составляет прибавочную стоимость, или чистую прибыль производства.

Т а б л и ц а S

хозяйств Ганы в 1955—1956 гг.*,

в различных группах хозяйств

2500-3099	3100-3699	3700-4299	4300-4799	4800-5999	6000-9599	свыше 9600	в среднем
4010	4910	5210	7220	7660	9990	23 400	4950
3640	4310	4970	5540	7080	9730	19400	4250
3100	3780	4430	5100	6470	9350	16 060	3730
370	570	240	1680	580	260	4 000	700
810	960	1060	1080	1800	2460	5 790	1000
490	680	810	820	1360	2240	4 420	710
350	540	670	620	1170	1970	4 190	580
110	110	110	150	150	230	180	100
2200	2350	2400	2290	2220	2550	4 950	2190
1000	1600	1750	3850	3540	4980	12 660	1760
2610	3100	3620	4280	5110	7110	11 640	3020
410	750	1220	1990	2890	4560	6 690	830
222	99	69	65	76	60	25	1080

*** Расчеты чистой прибыли произведены нами и носят приблизительный характер, поскольку за величину стоимости семейной рабочей силы приняты общие размеры семейного потребления. Можно полагать, что расхождения между этими величинами были в целом незначительны, так как общая стоимость семейного потребления в обследованных бюджетах приближалась к традиционному уровню жизни, а домохозяйин обычно также принимал участие в производстве.

Та, до 6,0% крестьян, занятых в производстве Хлопка, прибегали к сезонной работе по найму (главным образом в городах) как к дополнительному денежному промыслу (416, стр. 184-185]. В начале 50-х годов 40% крестьянских хозяйств в хлопководческих деревнях Северной Нигерии имели денежные дефициты, не могли самостоятельно свести денежные доходы с расходами.

Мелкотоварное хозяйство было тесно связано с промыслами также в районах плантационных культур (какао, кофе и т. д.), несмотря на то что они более прибыльны и требуют постоянного ухода. О довольно больших размерах побочных доходов свидетельствует табл. 5; их удельный вес относительно снижался лишь в наиболее крупных хозяйствах, получавших сравнительно устойчивый чистый доход. В Западной Нигерии производство какао обеспечивало в среднем лишь 66% чистого дохода крестьянских хозяйств, 34% приходилось на различные промыслы, в том числе 26% — на доходы от мелкой торговли [322, стр. 359]. В шести районах, обследованных Р. Галетти, только 65,7% крестьян занимались исключительно земледельческим трудом [322, стр. 202].

Ростовщичество, носившее постоянный характер, являлось одним из важнейших условий воспроизводства крестьянских хозяйств. Выплаты по займам еще более усиливали и воспроизводили денежные дефициты. В середине 1952 г., например, из 615 семей в 19 деревнях Западной Нигерии 437 имели задолженность, она равнялась стоимости одного-двух урожаев какао и, по словам Р. Галетти, превратилась в «тяжелое бремя и серьезную опасность» [322, стр. 498, 513; о ростовщичестве в ганской деревне см. 73, стр. 175—185]. Важно отметить, что к ростовщическим займам прибегали постоянно не только низшие слои крестьянства, но зачастую и более обеспеченные, или высшие, его группы. В сущности, это был важнейший источник кредита, которым пользовались все слои сельского населения. Размеры задолженности в некоторых случаях были прямо пропорциональны степени специализации крестьянских хозяйств. Так, по данным М. Смита, наибольшие денежные дефициты и наибольшую задолженность имела высшая группа семей (4%), которая почти не зависела от посторонних приработков и свой основной доход полу

чала от расширения посевов хлопка [416, стр. 187—188].

О масштабах ростовщической зависимости крестьянства можно судить на основании следующих данных (табл. 6).

Таблица 6

**Доля ростовщических займов в чистом денежном доходе 121
крестьянского хозяйства в Западной Нигерии в 1951—1952 гг. *,**
%

Группа хозяйств по размерам чистого денежного дохода, ф. ст.	Группа хозяйств по размерам задолженности, ф. ст.							
	10 и меньше	11- 20	21-40	41-80	81-160	161-320	свыше 320	в среднем
50 и меньше	11	40	71	87	309			50
51—100	7	22	41	57	116	—	—	22
101—200	5	11	19	41	66	150	—	41
201—400	3	8	8	19	39	71	—	24
401—800	1	2	—	—	21	—	71	18
801—1600	—	—	3	—	11	—	—	6
Свыше 1600	—	—	—	—	4	—	21	12
В среднем	4	13	15	29	20	86	31	19

* Источник: [322, стр. 514].

Судя по данным табл. 6, задолженность была особенно значительной в низших группах хозяйств, в отдельных случаях она достигала размеров чистого денежного дохода. В то же время от долговой зависимости не были свободны и более обеспеченные группы: в некоторых из них задолженность даже возрастала, поглощая заметную часть чистой денежной выручки.

Во всех бюджетах значительную долю расходов поглощало личное потребление, что, как известно, свидетельствует о неразвитости капиталистического производства. Расходы на хозяйство повышались в наиболее обеспеченных и зажиточных семьях. Однако даже в наиболее развитой товарной экономике Ганы эти расходы не превышали 25% и были меньше выплат по займам (см. табл. 5)ч В Северной Нигерии крестьяне-товаропроизводители затрачивали на личное потребление

80—90% валового расхода в год. Доля хозяйственных расходов (в общей сумме расхода семьи) колебалась от 1—2% в низших группах хозяйств (30% крестьянских семей) до 6—15% в высших группах (12% домохозяйств) {[416, стр. 196—197].

Все эти факты свидетельствуют об одном: к концу колониального периода расширенное капиталистическое воспроизводство не заняло господствующего положения в западноафриканской деревне. Даже в наиболее передовых районах экспортного земледелия социально-экономические отношения определялись в первую очередь развитием мелкотоварного уклада. Многие факторы препятствовали постоянному и растущему отчислению прибыли на расширение производства. К ним нужно отнести узость внутреннего рынка, низкий уровень производительности труда, неустойчивость производства экспортных культур в связи с колебаниями цен на мировом рынке, а также колебаниями урожайности²⁶, рост цен на импортные товары (в частности, сельскохозяйственную технику и удобрения)²⁷, эксплуатацию мелких производителей торговыми европейскими фирмами, государственно-монополистическим сектором (через систему низких закупочных цен, налоговую сферу и т. д.), давление традиционных (общинно-патронажных) форм перераспределения прибавочного продукта (семейные подарки и платежи, общинная взаимопомощь, патриархальная и феодальная эксплуатация), ограничивавших возможности накопления, и т. д.

Вывод о слабости расширенного капиталистического воспроизводства важен, но недостаточен. Он раскрывает характер мелкотоварного уклада преимущественно в его

²⁶ «Мировые цены на какао,— подчеркивает Ж. Буайон,— в гораздо большей степени, чем размеры производства, определяют уровень национального дохода Ганы. Значительные ежегодные колебания их почти полностью отражаются на национальном доходе и на покупательной способности населения». В течение 1926—1941 гг., например, экспортная выручка производителей какао в Гане колебалась (для отдельных годов) в отношении 1 : 4 [84, стр. 42—43]. В то же время коммерческая негибкость культуры какао* (плодоношение начинается только на шестой год и продолжается до 30 лет) особенно затрудняла приспособление к изменениям конъюнктуры.

²⁷ Дефициты и задолженность крупных хозяйств в Северной Зарин (см. выше) объяснялись как раз тем, что их владельцы пытались модернизировать традиционные методы земледелия, применяя дорогостоящие европейские плуги и минеральные удобрения.

статике. Гораздо важнее (и труднее) установить, в Какой мере специфические условия мелкотоварного производства в западноафриканской деревне влияли на самый механизм его роста, внутреннюю логику и тенденции развития. Этот вопрос требует серьезного, обстоятельного анализа, ниже >мы коснемся только тех его аспектов, которые непосредственно связаны с проблемой многоукладности.

Как уже отмечалось, усиление в 50-е годы монопольной эксплуатации западноафриканского крестьянства не всегда вело к падению реальных денежных доходов или абсолютному обнищанию мелких товаропроизводителей. Тенденция к абсолютному обнищанию имела место, но она не была постоянной или необратимой. Не приходится говорить и о полной стагнации мелкотоварного уклада. Рост его (особенно в экспортном секторе) стал важнейшим фактором экономического развития Западной Африки в 40—50-е годы. Возделывание монокультур распространилось на новые территории в Сенегале, БСК, Гвинее, Дагомее и в ряде случаев приобрело характер настоящего бума, проявившегося в скачкообразном расширении земельных расчисток, росте найма и отходничества из глубинных областей.

В Сенегале центр производства арахиса переместился из северных районов (Сен-Луи — Луга) в южные (Баоль, Сине-Салум, Казаманс). Благодаря экстенсивному росту удалось поднять производство неочищенного арахиса с 449 тыс. *т* в 1952—1953 гг. до 800 тыс. *т* в 1957—1958 гг. [95, стр. 82]. В 1960—1961 гг. в Сине-Салуме (основной район выращивания арахиса) работало 108 080 сельскохозяйственных рабочих-отходников, или 15% общего числа мигрантов (включая мигрирующих в города) [392, стр. 52].

В БСК, где широкое развитие экспортного сектора началось только после второй мировой войны, в 1950 г. было зарегистрировано 100 тыс. мигрантов, или 5% всего населения страны, в 1965 г. они составляли уже 950 тыс. человек, или 1/4 всего населения [263а, стр. 32]. По отзыву С. Амии, «развитие Берега Слоновой Кости в течение последних пятнадцати лет было почти исключительно основано на труде мигрантов из других стран» [263а, стр. 44].

Определенные сдвиги произошли в самом механизме

развития мелкотоварного уклада. До второй мировой войны наряду с экономическими стимулами увеличения товарного производства большую роль играли внеэкономические факторы: административные санкции, налоговая политика и т. д. В 40—50-е годы доминирующее положение занял рыночный механизм.

Известно, что мелкотоварный уклад развивается под влиянием рынка тем быстрее, чем большая прибыль остается в руках мелкого производителя. Господство колониальной монополии ограничивало и снижало эту прибыль, однако имелся фактор, который действовал в противоположном направлении. Это — крайне низкие издержки производства в мелком африканском производстве ввиду отсутствия (в большинстве районов) цены на землю и дешевизны рабочей силы отходников. По абсолютной величине этих издержек трудно судить о действительных размерах чистого сельскохозяйственного дохода и чистой прибыли, действительно получаемых в крестьянском хозяйстве (см. табл. 5). Благодаря низким расходам иа хозяйство крестьянин мог извлекать дополнительную прибыль не только из некоторого повышения закупочных цен, но также из роста валового объема производства (при расширении участков).

Табл. 7 свидетельствует о росте денежных доходов нигерийских крестьян, несмотря на отклонения сезонных закупочных цен. В большинстве случаев этот рост опережал повышение закупочной цены, следовательно, существовала тенденция к возрастанию потенциального фонда накопления. Тенденция к росту выручки от продажи экспортных культур наблюдалась также в Гане, БСК и Сенегале [309, стр. 221, 223].

Получение максимального чистого дохода довольно быстро становилось основной целью крестьянского хозяйства. Иными словами, производство экспортных культур почти сразу приобретало предпринимательский характер (хотя предпринимательские функции, как правило, продолжали сочетаться с функциями домашнего хозяйства). Эту закономерность отмечает Ж. Трикар на примере развития производства в БСК: «Когда крестьяне убеждаются в том, что коммерческая культура приносит денежный доход и что появляется все больше возможностей потратить деньги, тогда они начинают стремиться к предельному расширению посевов кофе или

Таблица 7

**Динамика денежных доходов нигерийских производителей от продажи
экспортных продуктов, 1946—1960 гг.**
(1949 г. = 100) *

Год	Какао		Арахис		Пальмовые ядра	
	Фиксированная закупочная цена	Валовая выручка	Фиксированная закупочная цена	Валовая выручка	Фиксированная закупочная цена	Валовая выручка
1946	50	56	75	129		
1947	63	47	75	132	63	61
1948	120	130	91	158	181	83
1949	100	100	100	100	100	100
1950	120	132	100	76	123	127
1951	170	180	170	384	138	126
1952	170	184	170	388	129	147
1953	164	161	165	372	117	140
1954	196	174	165	327	117	149
1955	196	225	167	469	117	135
1956	146	197	153	289	115	148
1957	146	118	153	579	115	131
1958	146	206	136	385	115	147
1959	156	242	208	493	112	132
1960	144	252	—	—	112	130

* Источник: [309, стр. 219].

какао... Каждая семья высаживает столько кофейных деревьев, сколько она в силах обработать... Лихорадка расчисток приобретает иногда крайние формы» [430, стр. 217].

Извлечение максимального дохода определяло главную тенденцию роста мелкотоварного уклада. В сельском хозяйстве предпринимательство развивалось через последовательные этапы расширения участков с помощью семейной рабочей силы, растущего найма сезонных рабочих, применения издольщины и постепенного освобождения части домохозяев от физического труда. К концу 50-х годов этот процесс зашел особенно далеко в лесной зоне Ганы, одном из самых старых районов какаопроизводства в Западной Африке. Здесь уже в полной мере проявлялась зависимость крестьянства от величины чистого денежного дохода, сильно колебавшейся в крайних группах хозяйств (см. табл. 5). Тах, в пяти из семи деревень, обследованных П. Хилл в об

ласти Ашанти, местные хозяйства располагали от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ общей суммы чистых доходов от какаопроизводства, средним хозяйствам принадлежало 15—35% чистых доходов, владельцы крупных плантаций с чистой выручкой 200—500 ф. ст. распоряжались 20—40% чистых доходов (в одной из деревень эта доля увеличивалась до 56%, в другой — снижалась до 13%), в деревне Хвидем крупнейшие хозяйства с чистыми доходами от какаопроизводства 500 ф. ст. и более располагали 80% чистых доходов деревни²⁸ [339, стр. 95].

По оценке С. Амина, к началу 60-х годов в БСК насчитывалось 10 тыс. хозяйств с доходом от 250 тыс. до 350 тыс. фр., 5 тыс. — с доходом 350 тыс. — 450 тыс. фр. и 5 тыс. «плантаторов», чьи доходы составляли в среднем 500 тыс. фр., наиболее крупные из хозяйств занимали 50—100 га и получали доход порядка 1 млн. фр. [263а, стр. 91].

Важно отметить, что и менее зажиточные хозяйства, как правило, приобретали в определенном смысле предпринимательский характер. Материальные трудности и задолженность беднеющая часть крестьянства пыталась компенсировать сохранением участков и спекулятивным повышением чистых доходов при благоприятной конъюнктуре. Из 1080 семей, обследованных в 1955—1956 гг. в Гане, 87% имели как новые, так и ранее созданные «плантации», они занимали 93% всей площади под какао. Только у 13% крестьян участки были заняты исключительно новыми насаждениями какао, не достигшими возраста плодоношения [35, стр. 10]. Ж. Буайон отмечал: «Высокие цены на какао позволяли производителям получать значительные доходы (после второй мировой войны. — И. С.) и поэтому крестьяне в лесной зоне предпочитали заниматься какао... Все происходит так, словно в этой „предкапиталистической“ экономике развитие сельского хозяйства определяется стремлением к прибыли» [84, стр. 44—45].

Тенденция предпринимательства особенно ясно проявлялась в хозяйствах крестьян-мигрантов, арендовавших или покупавших землю в общине. «Почти с самого начала, — пишет о такого рода хозяйствах П. Хилл, — фермеры вовлекаются в процесс расширения участков,

²⁸ Данные 1954 г.

который они не собираются прекращать. Почти с самого начала какао-фермы, заложенные на покупной земле, рассматриваются как своего рода инвестиции, т. е. как собственность, которая должна обеспечить приобретение новой собственности» [340, стр. 180].

Значительная часть ростовщических займов использовалась для поддержания или расширения хозяйств: на оплату рабочих или погашение уже имевшейся задолженности. Например, в ганских районах Ода, Свед-ру, Асаманкесе на каждое обследованное хозяйство приходилось в среднем 599,3 шилл. ростовщических займов, из этой суммы 247,9 шилл. были израсходованы на продолжение производства [35, стр. 85; см. также 73, стр. 183].

Таким образом, мелкотоварное производство в районах экспортного земледелия характеризовалось довольно быстрым развитием предпринимательских начал. «Чистая прибыль» (см. табл. 5), которую получали (при благоприятной конъюнктуре) наиболее зажиточные хозяйства, была достаточной, чтобы обеспечить известное расширение хозяйства и освободить домохозяина от участия в непосредственном производстве. Можно говорить поэтому о появлении (в основных центрах экспортного производства) капиталистических элементов. Больше того, при благоприятных условиях (относительно высокие закупочные цены, наличие издольщиков и сезонников и т. д.) расширение производства и получение максимального дохода становились главными целями крестьянского хозяйства. Отсюда как будто можно заключить, что в своей внутренней основе мелкотоварный уклад в западноафриканской деревне подчинился расширенному капиталистическому воспроизводству, иными словами, что ведущую роль приобрел капиталистический уклад. Этот вывод можно считать правильным при наличии двух условий: 1) прирост чистого денежного дохода обеспечивался прежде всего возрастанием чистой прибыли производства или прибавочной стоимости; 2) растущая доля чистого дохода выделялась на производство прибавочной стоимости, превращалась в капитал, направленный на расширение производства. Сложилось ли эти условия в западноафриканских колониальных обществах?

Многочисленные данные подтверждают рост приме

нения наемного труда в мелкотоварном секторе. Эксплуатация издольщиков и сезонных рабочих стала одним из главных источников роста чистых доходов зажиточных домохозяев в зонах экспортного хозяйства. В Гане в 1953—1954 гг. насчитывалось от 300 тыс. до 400 тыс. мигрантов из глубинных районов ФЗА, 120 тыс. человек составляли сезонные рабочие и частично издольщики [417, стр. 110]. В сельском хозяйстве БСК, по оценке С. Амина, к середине 60-х годов было занято примерно 670 тыс. семейных и наемных рабочих (численность нетрудовых слоев оценивалась в 20 тыс. человек), из них на долю мигрантов (т. е. в основном сезонных рабочих и издольщиков) приходилось 310 тыс. человек, или 46% всей рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве [263а, стр. 90].

Развитие найма протекало, однако, почти исключительно в условиях экстенсивного расширения традиционного мотыжного земледелия без изменений в его технической базе. «Прогресс в производстве товарной продукции, — пишет С. Амин о сельском хозяйстве БОК, — был достигнут не столько благодаря развитию вглубь плантационного хозяйства (т. е. его технической модернизации.—Я. С.), сколько путем простого территориального расширения. Именно таким образом почти все население Юга было вовлечено постепенно в производство кофе и какао...» [263а, стр. 98]. В 1954 г. в сельское хозяйство Ганы было вложено только 3% валовой суммы инвестиций, хотя какаопроизводство обеспечивало 30—40% национального продукта и 60% всего экспорта страны [84, стр. 37—38].

Экстенсивный рост участков оставался основным методом увеличения товарного производства и в районах с наиболее высоким уровнем развития экспортного хозяйства, например в лесных районах Ганы (та-бл. 8).

Расширение хозяйства почти исключительно за счет простой рабочей силы не может не отражаться на характере производства и присвоении прибавочной стоимости, уровне капиталистических отношений. Развитие товарного производства и увеличение чистых доходов определялись (с точки зрения технических условий) не повышением производительности труда, а абсолютным ростом его физических затрат: расчисткой новых участков или более интенсивной обработкой старых. Между

**Соотношение старых и новых
участков в какаопроизводящих
районах Ганы, 1954 г.***

Деревня	Число хозяйств	
	с новыми участками	без новых участков
Тетрем	74	12
Кокобен	36	20
Дуаява-Нкванта	33	3
Хвидем	29	1
Воравора	22	2
Шиа	47	3
Асафо	68	13
* Источник:	339, стр.	46].

тем, как подчеркивал К. Маркс, изменение одной экстенсивной величины труда создает условия лишь для производства абсолютной прибавочной стоимости или формального подчинения труда капиталу, только производство относительной прибавочной стоимости (в результате повышения общественной производительности труда) «предполагает специфически капиталистический способ производства», «революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки» {2, стр. 518}.

Из табл. 5 видно, что «чистая сельскохозяйственная прибыль» увеличивалась почти в той же динамике, что и чистый сельскохозяйственный доход, а также издержки на рабочих. Прибыль выступала как составная часть чистого дохода и определялась прежде всего абсолютным ростом последнего. Эта зависимость была особенно тесной, когда домохозяин принимал участие в производственном процессе наравне с наемными рабочими. «Почти во всех обследованных районах, — пишет Г1. Хилл, — была обнаружена строгая закономерность: среднее количество продукции, собранной рабочим для фермера, возрастает по мере увеличения общего количества произведенной фермером продукции» [339, стр. 24].

Но даже тогда, когда владелец участка переставал заниматься производительным трудом, прибавочная

Стоимость в собственном смысле слоя (т. е. вной созданная стоимость) практически не становилась главным источником роста чистого дохода, основой его капитализации. При крайне низком техническом составе производства весьма большое влияние на величину денежной выручки земледельца оказывали естественные и природные факторы—естественное плодородие почв, уровень осадков, возраст культуры (в районах разведения какао и кофе), количество деревьев на участке и т. д. Эти факторы значительно отклоняли величину чистого дохода от издержек на рабочую силу и величины вновь созданной стоимости (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Условия какаопроизводства и объем продукции в шести деревнях Западной Нигерии, 1951—1952 гг. *

Деревня	Среднее количество акров на одну семью	Средняя удаленность участков (в м)	Средний возраст деревьев (в годах)	Среднее количество деревьев на один акр	Средние затраты живого труда на один акр (в час)	Продукция с одного акра (фунты)	Продукция с одного дерева (фунты)	Средняя продукция за один час рабочего времени
Ибессе	6,60	3 216	19	590	130	404	0,68	3,11
Маму	3,30	1809	16	390	380	306	0,79	0,81
Аджия	1,60	3216	24	410	118	331	0,55	2,80
Олосун	1,25	1407	21	730	185	302	0,41	1,63
Гбонган	12,96	10251	22	400	160	230	0,57	1,43
О ш у	1,16	5427	нет сведений	870	671	304	0,36	0,48

* Источник: '[322, стр. 308].

Табл. 9 раскрывает зависимость между различными факторами производства и объемом произведенной продукции. Рост урожайности зависел от возраста и количества деревьев какао, а также от затрат живого труда: при росте этих затрат на единицу площади или единицу рабочего времени (т. е. при повышении интенсивности труда) производительность труда относительно снижалась.

Выделению прибавочной стоимости из крестьянского дохода препятствовал и другой, еще более важный факт: колебания закупочных цен и валовой денежной

выручки хозяйства. При относительном повышении закупочных цен рост чистых доходов в производстве экспортных культур носил в значительной степени спекулятивный характер, превышал действительные затраты живого труда. Поэтому «чистую прибыль» (см. табл. 5) в африканских хозяйствах можно лишь условно отождествлять с прибавочной стоимостью: она включала значительный элемент спекулятивной прибыли, погоня за которой обычно и определяла расширение производства, найм дополнительного числа рабочих и т. д.

Производство и присвоение собственно прибавочной стоимости отнюдь не являлись главной целью расширения хозяйств в зонах экспортного земледелия. При высокой доле живого труда и колебаниях цен «инвестирование» большей или значительной части «прибыли» в расширение собственного производства было делом малоперспективным (низкая динамика роста прибыли) или убыточным (при снижении закупочных цен). То, что переход к возделыванию экспортных культур модифицировал, но не изменил мелкокрестьянскую основу африканского земледелия, подчеркивает Ж.-Трикар: «Фактически это — спекулятивная культура (речь идет о культуре кофе в БСК. — Я. С.), полностью коммерческая, которая привита к традиционной потребительской экономике, частично модифицированной или даже деградировавшей, но это не ■ совершенно новый тип хозяйства, возникший благодаря притоку капиталов, более или менее механизированный, высоко специализированный, что присуще „плантационному”¹ хозяйству в собственном смысле слова» {430, стр. 216}.

В связи с низкой динамикой роста прибавочной стоимости возникает вопрос о роли найма в различных группах хозяйств и ведущей форме социального антагонизма (в районах развитого экспортного земледелия).

Наиболее широкое развитие в деревне получил труд поденщиков и сезонников, который оплачивается деньгами или из доли урожая. Гораздо меньше применялся труд постоянных сельскохозяйственных рабочих. Уже не раз отмечалось, что использование труда сезонников и поденщиков само по себе еще не является признаком капиталистической трансформации земледелия: боль

шое значение имеют трудоемкость мотыжного земледелия, а также крайне неравномерное сезонное распределение трудовых ресурсов [81, стр. 135; >100, стр. 29; 101, стр. 51; 227, стр. 22—'23]. Некоторые основные операции (особенно раскорчевка новых участков и уборка урожая) требуют, как правило, большой концентрации сил в очень ограниченные промежутки времени, жестко лимитированные тропическим климатом. К наемному труду в этих условиях вынуждены прибегать средние и частично даже бедные крестьяне. При периодическом характере найма и ограниченном его использовании он выступает как модифицированная форма простой крестьянской кооперации, широко распространенной в африканской деревне.

Экономисты, обследовавшие какаопроизводящие хозяйства в Западной Нигерии, отмечают: «Когда участки под насаждениями какао превосходят два или три акра, фермер не может обойтись без применения наемного труда. Когда же участки под какао занимают в общей сложности больше 10 акров и находятся на значительном расстоянии от дома... он вынужден соперничать с соседями из-за найма рабочих, число которых ограничено» [322, стр. 304]. «Семейные рабочие,— замечают авторы обследования,— могут одни выполнять все хозяйственные операции лишь во время „затишья“ в сельскохозяйственных работах, но когда потребность в рабочей силе достигает предела, семейные рабочие не могут обеспечить даже половины необходимых трудовых ресурсов» [322, стр. 304].

Развитие найма, несомненно, ускорило трансформацию африканской деревни, однако чаще этот процесс шел по линии усложнения, модификации традиционных форм простой кооперации, но почти не приобретал законченной формы капиталистической эксплуатации. В неразвитых формах крестьянская кооперация сохраняла свое традиционное ядро (родственники, кровнородственные коллективы и союзы взаимопомощи) и лишь периодически дополнялась трудом поденщиков.

В районах развитого экспортного земледелия в Южной Нигерии, ВСК, Гане сложился довольно своеобразный предпринимательский тип периодической простой кооперации. Для него характерны большее развитие поденного и сезонного найма, ослабление (подчас зна

чительное) традиционных форм взаимопомощи, дуализм . производственной организации (использование семейной рабочей силы в потребительском хозяйстве, а наемных рабочих только на возделывании товарных культур). «Недостаток семейной рабочей силы в производстве экспортных культур,—пишет К. (Мейяссу,— ведет к усилению роли наемных рабочих, которые используются исключительно для возделывания этих культур; это еще более усиливает различия между трудом в потребительском хозяйстве семьи и трудом на плантациях. Последний ассоциируется отныне с подчиненным социальным положением. Нельзя больше просить своего брата принять участие в расчистке кофейной плантации, не рискуя унизить его до положения „поденщика"» [381, стр. 335]. В обследованных хозяйствах Западной Нигерии наемная рабочая сила составляла 56,7% всех трудовых ресурсов, т. е. относительно большую их долю [322, стр. 389].

Однако в своих наиболее развитых формах наемный труд в деревне сохранял черты крестьянской кооперации. На тяжелых работах сезонники и поденщики трудились обычно вместе с домохозяином и членами его семьи, труд рабочих оплачивался из общего дохода, причем полученная прибыль зачастую с трудом покрывала издержки на их найм и содержание²⁹.

²⁹ При снижении урожайности или экстраординарных расходах даже крупные «плантаторы» сталкивались с быстрым уменьшением личных доходов. К. Мейяссу приводит хозяйственный бюджет крупного вожде из лесного района БСК, к югу от Б вафле. В 1958 г. он использовал 14 поденщиков, 6 своих жен, а также 4 жен . брата и несколько других родственников. Бюджет свидетельствует о неустойчивости хозяйственного баланса:

Доходы, тыс. фр.		Расходы, тыс. фр.	
Продажа кофе	375	Найм рабочих	288
Продажа ямса	75	Сушильный аппарат	30
Продажа риса	7	Декортикатор	230
Продажа орехов кола	4	Строительство школы в деревне	20
Домовладение	244	Строительство дома в Бвафле	50
Премии от колониальных властей	80	Содержание собственного дома	15
		Налоги и платежи	31,5
		Содержание сына	100
Всего	785		
		Всего	764,5

«Даже принимая в расчет только издержки на рабочую силу, — пишет К. Мейяссу,— предприятие выглядит не очень доходным» [381, стр. 329—330].

То, что труд наемных рабочих оплачивается из личного дохода владельца участка, а не из авансированного капитала (важный признак капиталистического найма), особо подчеркивает П. Хилл: «Рабочий, занятый на уборке урожая какао, оплачивался всегда по сдельному принципу, из части сельскохозяйственного дохода и одновременно с продажей продукции — фермер избегал использовать для этого оборотный капитал» [340, стр. 188].

По мере перехода крестьянина к более регулярному использованию наемного труда (при выращивании товарных культур) в отношениях найма усиливались черты эксплуатации: возрастала масса прибавочного труда, отчуждаемого домохозяином, более очевидными становились различия между семейными и наемными рабочими. Последние нанимались, как правило, на фиксированный срок, оплачивались в зависимости от своего труда, выполняли различные работы с помощью хозяйского инвентаря³⁰. Это, несомненно, высшая форма найма, которая приближается к капиталистической. Однако, как правило, она была связана с большими издержками и не стала определяющей. Ведущую роль в развитии мелкотоварного уклада играли формы издольного найма и издольной аренды.

Широкое распространение издольщины в районах торгового земледелия зафиксировано почти всеми исследователями. В Гане массовое разведение какао-бобов сопровождалось 'развитием системы а б у с а, сложной формы земельной аренды, -при которой урожай

³⁰ Годовые рабочие, отмечает П. Хилл, никогда не используются во время жатвы и отличаются от сезонников. «Это — рабочие на западный лад, их оплата зависит от времени (но не от физических усилий); они трудятся установленное количество времени, никогда не берут с собой родственников и обычно выполняют все задания, которые им дает хозяин. Такие рабочие содержатся в течение всего периода найма и обеспечиваются рабочей одеждой, орудиями труда; их содержание не только является дорогостоящим по сравнению с другими формами найма, но ведет к тому, что фермер вынужден нести денежные издержки в течение продолжительного времени... Только желание приобрести репутацию умелого хозяина может заставить фермера нанять таких рабочих, только те, кто не останавливаются ради этого ни перед какими расходами, преодолевают обычное нежелание использовать подобным образом оборотный капитал» [[340, стр. 189].

делится между арендаторами и хозяином земли в пропорции 1:3.

Широкое развитие издольщины было связано с появлением особой группы мелких товаропроизводителей—мигрирующих крестьян, они арендовали общинную землю для возделывания экспортных культур. Крестьянские миграции отмечались во всех зонах массового производства экспортных культур. В 1960 г. в Гане было зарегистрировано 522 320 человек, занятых в сельскохозяйственном производстве, 312 510 человек составляли владельцы какао-«ферм», 50 080 человек — так называемые кэртекеры, особая категория арендаторов-рабочих, ведущих хозяйство вместо собственников участков, 90 840 человек — семейные рабочие, 68 920 человек — лица наемного труда [423, I, стр. 239]. Таким образом, большая часть сельскохозяйственного населения была занята в самостоятельном или полусамостоятельном мелком производстве.

Разновидностью издольщины являлись наиболее распространенные формы сезонного найма. В районах многолетних культур они приближались к издольной аренде земли и тесно с нею переплетались. В Гане особенно широкое развитие получили две системы найма — абуса (абуса-рабочий, как абуса-арендатор, выращивает деревья какао на отдельном участке, получает треть урожая, но не имеет своего инвентаря) и нкотокуано (найм рабочих для сбора и первичной обработки какао-бобов за денежную плату из доли дохода). По словам П. Хилл, «в шести обследованных деревнях в области Ашанти три четверти или больше какао-бобов было собрано рабочими абуса. Общей практикой стало использовать, если возможно, труд абуса в очень мелких хозяйствах, производящих меньше 40 или даже меньше 20 мешков (по 60 фунтов). Это — нормальная форма разделения труда, роль фермера заключается в том, что он наблюдает за рабочими» [339, стр. 9].

В БОК широко применялся так называемый конт-ракт-какао, при котором рабочий и хозяин земли совместно выращивали деревья какао, продавали урожай и делили доход в пропорции 1 : 3 или 1 : 4. Элементы издольного найма и издольной аренды тесно переплетались в системе наветаната, широко распространен

ной в Сенегале и Гвинее. Наветаны получали от хозяина весь необходимый инвентарь, но самостоятельно выращивали и продавали урожай, оставляя себе часть денег.

В процессе расширения товарного производства значение издольных форм эксплуатации не только не уменьшалось, но, наоборот, резко увеличивалось. На резкое возрастание удельного веса издольщиков (арендаторов и рабочих) в высших группах хозяйств указывает табл. 5. Общая сумма -расходов на издольщиков в группах 8, '9, и 10 более чем в два раза превышала соответствующие расходы в других группах, вместе взятых. При достаточно высоких доходах представители деревенской верхушки не только отказывались от участия в производительном труде, но зачастую полностью передоверяли контроль над хозяйством арендаторам или специальным управляющим, ограничиваясь получением денежного дохода. В этом заключалось одно из основных отличий организации производства в высших хозяйственных группах.

Эта организация отражала прежде всего низкую доходность и низкую рентабельность -ручного земледелия. Зажиточные группы стремились обеспечить постоянный прирост прибыли не за счет модернизации хозяйства (т. е. относительного роста прибавочной стоимости), а путем капитализации части дохода в торговле, ростовщичестве, домовладении и т. д., т. е. в сфере непроизводственных и спекулятивных операций. Эти операции часто поглощали большую часть времени владельцев крупных плантаций, которые были тесно связаны с городом и часто постоянно жили там.

В то же время наблюдался обратный процесс — часть спекулятивных доходов и прибылей использовалась для создания новых «плантаций» и найма дополнительного числа издольщиков и поденщиков. По отзыву Ж. Трикара, этот процесс во многом способствовал быстрому развитию экспортного производства в БСК: «Владельцы транспорта и разбогатевшие торговцы приобретают участки под кофе и какао, которые обрабатываются трудом сезонных рабочих под руководством управляющих, также африканцев. Такой торговец владеет двумя плантациями кофе по 30 га и небольшой плантацией какао в 12 га, сам ОН живет в 30 км от

ближайшей плантации и навевывается туда только для того, чтобы проверить, как идет работа, или продать урожай» [430, стр. 217].

В Гане использование кэртекеров росло в прямой зависимости от роста какаопроизводства и побочных денежных доходов (табл. 10).

Т а б л и ц а 10

Число хозяйств, применявших или не применявших труд кэртекеров в зависимости от источников дохода *

Группировка хозяйств по характеру источников дохода	Чисто товарные хозяйства (только культура какао)		«Смешанные» хозяйства (какао и продовольственные культуры)		Потребительские хозяйства		Всего
	с кэртекерами	без кэртекеров	с кэртекерами	без кэртекеров	с кэртекерами (новые посадки какао)	без кэртекеров (только продовольственные культуры)	
Без побочных источников дохода	11	567	282	560	851	3889	11 981
С побочным доходом от заработной платы	170	36	448	278	62	283	2548
С побочным доходом от торговли	28	81	31	705	84	701	3 679
С прочими побочными доходами	9	56	14-	537	85	475	2479
С доходами от торговли и заработной платы С доходами от заработной платы и прочими	54	12	102	75	11	74	769
С доходами от торговли и прочими побочными доходами . С доходами от торговли и прочими побочными	4	7	12	57	6	30	264
С доходами от заработной платы, торговли и прочими побочными	3	16	2	112	21	129	971
С доходами от заработной платы, торговли и прочими побочными	2	3	4	17	3	11	81
Всего	381	778	895	738	1123	5592	
* Источник: [35, стр 55].	55].			6			

Таким образом, в основе выделения капиталистических элементов лежали прежде всего различные формы издольщины.

Хорошо известно, что сама по себе издольщина не является препятствием для развития капиталистического уклада. Внутри нее существуют переходные формы к капиталистическому найму и капиталистической аренде. Но для этого необходимо, чтобы участие арендатора или рабочего в доле урожая приближалось по своему характеру к капиталистической земельной аренде или заработной плате батрака, т. е., другими словами, определялось бы по своему содержанию отношениями прибавочной стоимости. Между тем, как мы уже убедились, формирование подобных отношений в западноафриканской деревне было ограничено рамками мелкого, мотыжного земледелия. Развитие мелкотоварного уклада в деревне определялось прежде всего колебаниями закупочных цен и затратами живого труда, его экстенсивной величиной. Поэтому и основными источниками увеличения чистых сельскохозяйственных доходов товаропроизводителей были низкая цена рабочей силы отходников или возрастание общей стоимости товара (в результате некоторого повышения закупочных цен, увеличения затрат труда и т. д.), но не капитализация основных условий производства — живого труда и материальных условий в качестве ведущей тенденции развития.

Распределение дохода между издольщиками и хозяевами участков производилось в соответствии с пропорциями и отношениями мелкокрестьянского производства (т. е. делением продукта на необходимый и прибавочный), но не отношениями прибавочной стоимости. Отсюда сходство принципов оплаты труда издольщиков-рабочих и издольщиков-арендаторов, как и сходство этих двух форм эксплуатации между собой; обе они имели общую основу — эксплуатацию мелких производителей методами и средствами, отличными от капиталистического расширенного воспроизводства, т. е. отношений сложившегося капиталистического уклада. Следовательно, принятое нами (в целях анализа) допущение, что «чистая сельскохозяйственная прибыль» мелких производителей равнозначна прибавочной стоимости, неправильно. Избыток сверх личного дохода

домохозяина в целом имел более сложную природу. Он состоял из прибавочного продукта различных категорий мелких производителей (за исключением элемента спекулятивной прибыли), а по форме — из платежей за аренду общинной земли и инвентаря (отличной от капиталистической аренды), труда, непосредственно отчуждаемого в хозяйстве домовладельца, платы за личное покровительство и некоторые услуги³¹.

Последовательный рост капиталистических элементов в деревне на определенной стадии пресекался технической отсталостью и стагнацией технического уровня производства, он не вел к преобразованию зачатков капитализма в капиталистический уклад. Тенденция к концентрации производства, несомненно зародившаяся в западноафриканской деревне, не находила последовательного выхода в появлении действительно крупного капиталистического производства и чаще приводила к противоположным результатам: распылению капиталов и доходов между мелкими зависимыми хозяйствами издольщиков и сезонных рабочих, отвлечению капиталов в непроизводственную сферу и т. д. Экстенсивное развитие мелкотоварного уклада сопровождалось непрерывным воспроизводством мелких хозяйств, хотя и на новой денежной основе.

Значит ли это, что отношения в мелкотоварном секторе продолжали определяться замкнутой моделью простого воспроизводства, т. е. простым повторением производства в неизменном масштабе? Для ответа на этот вопрос (а без него невозможно разобраться в диспропорциях и особой неустойчивости мелкотоварного уклада в деревне Тропической Африки) надо подробнее рассмотреть характер расходов мелких производителей, цели и стимулы мелкого экспортного производства.

Выше уже отмечалось, что доходы от выращивания экспортных культур служили прежде всего фондом личного потребления крестьянской семьи. Теперь важно подчеркнуть быстрый рост личных потребностей в районах товарного производства. После второй мировой войны этот рост особенно ускорился, во многих случаях он опережал соответствующий прирост личных доходов.

³¹ Вместе с тем нужно учитывать, что значительная или большая часть этого продукта реализуется через рынок, поэтому его денежное выражение включает элемент капитализации.

дов и, как правило, являлся главной причиной несбалансированности семейных бюджетов.

Табл. 11 свидетельствует о явно диспропорциональном смещении расходов в сферу личного потребления (включая и потребление услуг). Только расходы на питание и образование отнимали у ганских крестьян значительную или большую часть чистого дохода, а в некоторых случаях даже превосходили его. (Иа непропорционально большие номинальные размеры личного потребления, особенно в низших группах, указывает также табл. 5).

Во время обследования какаопроизводящих хозяйств в Западной Нигерии были изучены материальные фонды 738 семей из 19 деревень; 10,2% всей движимой собственности (по стоимости) составляли хозяйственные фонды, 10,4%—домашние постройки и 79,4%—одежда (322, стр. 164].

Относительно большая часть ростовщических займов также использовалась в потребительских и непроизводственных целях (табл. 12).

Т а б л и ц а 11

Удельный вес расходов на личное потребление и найм рабочих по отношению к суммарному чистому доходу от производства какао в деревнях Ганы, 1954 г. *, %

Деревня	Средний чистый доход, ф. ст.	Расходы на питание	Расходы на образование	Расходы на рабочих
Асафо	65		20	13
Асиаква	82	93	37	11
Кокобен	84-	73	13	15
Нквантакессе	114	54	25	11
Сениаджа	156	38	9	—
Тетрем	212	39	22	15
Дуаява-Нкванта	248	29	9	—
Воравора	382	27	—	—
Хвидем	■ 575	24	6	2

* Источник: [339, стр. 96].

В Западной Нигерии на приобретение или улучшение земли использовалось в среднем 8,4% общей суммы зай-

таблица 1й

Динамика средних расходов крестьянской семьи в какаопроизводящих районах Ганы и цели получения займов, 1955—1956 гг., шилл. *

Установленная цель займов	Средняя денежная наличность в семье 1 сентября 31 марта		Сокращение денежной наличности, сентябрь-март
Содержание хозяйства	145,0	102,9	42,1
Строительство	125,5	98,1	27,4
Приобретение велосипедов . . .	26,0	11,7	14,3
Расходы на приобретение прочей движимой собственности . . .	5,8	1,7	4,1
Торговля	54,7	23,2	31,5
Тяжбы	37,3	19,6	17,7
Образование	37,6	15,8	21,8
Расходы на похороны, религиоз ные праздники и пр	35,5	14,0	21,5
Прочее	131,9	65,2	66,7
Всего . . .	599,3	352,2	247,1

* Источник: [35, стр. 85].

ма (данные 1952 г.), 12,6% расходовались на строительство домов, 11,8% — на общинные тяжбы, 6,8% — на содержание семьи, 5% — на расходы, связанные с похоронами, 31,3% составляли оборотные средства [322, стр. 520].

Наряду с ростовщичеством, домовладением и прочими спекулятивными операциями личное потребление являлось важнейшей сферой приложения «чистой сельскохозяйственной прибыли». «По мере роста доходов от какаопроизводства,—пишет П. Хилл,— все большая часть их вкладывается в строительство домов или обучение детей, но, за исключением закупок какао и приобретения грузовиков, фермеры почти не были заинтересованы в другой экономической деятельности» [340, стр. 17—18].

Рассмотренные выше особенности развития мелкотоварного уклада в известной степени объясняют несбалансированность производственных и потребитель-

бких расходов. В то время как производственное использование капиталов росло очень медленно, личные потребности населения стимулировались относительным ростом реальных доходов, расширением ассортимента потребительских товаров и услуг, влиянием европейского образа жизни и т. д. В определенном смысле можно утверждать, что воспроизводство мелкого хозяйства в специфических условиях колониальной экономики быстрее подвергалось модернизации в сфере обмена и потребления, чем в сфере материального производства.

Не менее важно то, что ослабление или вытеснение натурального хозяйства в районах товарной экономики не сопровождалось общим разрушением модели простого воспроизводства. Физическая сила человека, его опыт и традиционные навыки продолжали оставаться главными факторами сельскохозяйственного производства, а это усиливало (в определенных границах и с учетом изменений) роль семейных, клановых и общинных уз, задерживало появление буржуазной частной собственности как важнейшего условия накопления. При этом отношения простого воспроизводства отнюдь не выступали в качестве застывшего или побочного фактора. Благодаря широкому проникновению в деревню коммерческих начал наблюдался процесс капитализации традиционных платежей и даже личных отношений между общинниками. Объем традиционных выплат и обязательств соизмерялся с существующей рыночной конъюнктурой, доходностью экспортных культур, потребностями в деньгах и т. д.³². Резко усилилось значение всевозможных личных и престижных расходов, что, в свою очередь, способствовало опережающему росту личных потребностей населения.

³² На этот процесс обращает внимание В. В. Крылов. Интересно предлагаемое им объяснение быстрого роста бра4i-iqо выкупа, который для многих африканских стран стал настоящей проблемой: «Рабочая сила жены... принадлежит... коллективу, из которого она вышла, точнее, ее родителям, старшим родственникам... Под видом жены муж нанимает часть рабочей силы, принадлежащей... другому коллективу. Оплата этой рабочей силы... осуществляется в своеобразной форме; под видом традиционного выкупа за жену Mi-iogq- женец выплачивает единовременную капитализированную заработную плату за ее рабочую силу. Не случайно выкуп за жену обладает на рынке труда всеми свойствами капитализированной заработной платы» [158, стр. 16].

Как отмечает Ж. Буайон, «рождение, брак, похороны и все другие религиозные церемонии требуют от их участников и организаторов огромных расходов, которые поглощают — или по крайней мере поглощали бы — возможные незначительные сбережения» [84, стр. 135]. П. Хилл подчеркивает, что потребительские расходы в престижных и личных целях приобрели в современной африканской общине своеобразный характер «инвестиций», которые способствуют экономическому и социальному возвышению общинника, хотя они не всегда связаны с материальными объектами³³. По словам С. Амина, владельцы наиболее крупных хозяйств направляют значительную часть денежной выручки «почти исключительно на потребление предметов роскоши, на обстановку жилищ и на приобретение велосипедов» [263а, стр. 91].

Таким образом, рост потребительских расходов в значительной степени воспроизводил себя, ограничивая еще больше переход к капиталистическому воспроизводству. Но это лишь частичное объяснение несбалансированности производственного и личного потребления в мелкотоварном секторе. Прежде всего нельзя преувеличивать действительные размеры потребления в африканской деревне. Даже в случае роста денежной выручки от продажи экспортных культур реальный жизненный уровень крестьянства, как правило, не повышался, значительное увеличение размеров потребления (обычно за счет современных видов услуг и дорогостоящих предметов потребления) наблюдалось лишь в наиболее обеспеченных слоях деревенского общества³⁴.

³³ «Главные нематериальные формы инвестиций,— пишет П. Хилл,— включают обычно расходы на похороны и семейные празднества, расходы по случаю болезни, смерти или других „семейных несчастий“. Материальные формы инвестиций включают: домостроительство в родных местах, расходы на образование, строительство домов для сдачи их в аренду в Аккре, Кофоридуа и т. д.; скупка какао и другой продукции не имеет (Цельшого значения, как и приобретение транспорта... В родных местах дома сооружаются с целью самопрославления и обычно отдаются под резиденции (для школьников, нуждающихся родственников и т. д.). Обычно они не приносят дохода и не продаются... Расходы на образование преследуют те же цели, что и строительство роскошных особняков» [340, стр. 190-191].

³⁴ «Сельский какаопронзвдитель,— отмечает П. Хилл,— не часто стремится обладать предметами длительного пользования: грузовиками, велосипедами и бытовым оборудованием» [339, стр. 101].

В то же время при благоприятных рыночных ценах общинные обычаи не могли полностью воспрепятствовать аккумуляции денежных доходов. Наблюдалась тенденция к росту сбережений в крестьянских хозяйствах.

В Мали сбережения домохозяйств выросли к 1962 г. (по оценочным данным) в 8 раз по сравнению с 1928 г. [263, стр. 61—63, 79]. В Гвинее прирост денежных сбережений составил в 1959—1962 гг. 32% [263, стр. 93].

Чтобы понять действительное значение роста потребительских расходов в мелкотоварном секторе, нужно учитывать особенности рыночного механизма и ценообразования, прежде всего общий рост цен на импортные товары и инфляцию. Рост цен на потребительские товары оказывал непосредственное влияние на характер воспроизводства мелкого товарного хозяйства. Он и обуславливал (в сочетании с другими факторами) массовое расширение участков под экспортными культурами; развитие мелкотоварного производства шло рука об руку с нездоровой денежно-потребительской лихорадкой, которая затрагивала широкие слои населения и усиливала значение монокультур.

Таблица 13

Колебания покупательной способности населения и общие размеры сельскохозяйственных площадей в Западной Нигерии, 1926-1938 гг.*

Год	Реальный доход от продажи какао (шилл. за центнер продукции)	Среднегодовой земельная площадь под посевами сельскохозяйственных культур (в тыс. акров)	Год	Реальный доход от продажи какао (шилл. за центнер продукции)	Среднегодовая земельная площадь под посевами сельскохозяйственных культур (в тыс. акров)
1926	31,1	26,9	1933	19,5	20,0
1927	34,2	29,8	1934	19,7	23,7
1928	36,1	34,4	1935	23,0	20,2
1929	35,7	32,1	1936	23,0	23,7
1930	29,5	32,4	1937	22,4	20,9
1931	25,0	27,5	1938	21,3	18,5
1932	22,0	26,9			

* Источник: [322, стр. 4].

В табл. 13 учтено соотношение цен на экспортные и импортные товары. Цифры в левой колонке отражают покупательную способность цены какао, выплачивав

шейся производителям. Из данных таблицы можно сделать вывод: закупочные цены влияли на расширение или сокращение земельных участков через колебания платежеспособного спроса населения.

Анализ месячных расходов крестьян со своей стороны свидетельствует о сильном влиянии сезонной инфляции на характер воспроизводства (т. е. соотношение производства и потребления). Как пишут авторы обследования какаопроизводящих хозяйств в Гане, уже в декабре (т. е. в период особенно значительных расходов и быстрого роста цен) большинство семей истощали полученные доходы и оставшуюся часть года жили на сбережения или ростовщические займы [35, стр. 29]. Резкие колебания потребительских расходов в условиях сезонной инфляции подтверждает табл. 14.

Т а б л и ц а 14

Расходы на личное потребление в какаопроизводящих хозяйствах Ганы в период сезонной инфляции, 1955—1956 гг. *, шилл.

Предметы потребления	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Продукты питания	90,9	96,0	101,8
Спиртные напитки и табак	13,7	13,5	29,2
Одежда	37,3	93,0	226,7
Товары длительного пользования .	7,2	8,8	11,6

* Источник: [35, стр. 32].

С учетом особенностей рыночного механизма и ценообразования можно точнее поставить вопрос об основной тенденции и общей модели развития мелкотоварного уклада в странах Западной Африки. Это развитие нельзя рассматривать исходя только из абстрактных моделей простого или-расширенного капиталистического воспроизводства; они объясняют лишь отдельные стороны роста мелкотоварного производства вширь. Выше мы обращали внимание на противоположное движение денежного и реального национального богатства как основу рыночного механизма и ценообразования в африканских колониях. Это движение видоизменяло рыночную основу развития мелкотоварного уклада и перерастания его в капиталистический,

Господство мирового рынка и движение цен обычно подрывали систему простого воспроизводства уже на первоначальной стадии развития мелкотоварного уклада и независимо от его технического базиса. Поскольку фактические рыночные цены не отражают в целом объективных затрат труда в мелкотоварном хозяйстве, то и стоимость его воспроизводства (и прежде всего личного потребления) начинает определяться внешними факторами, не связанными с реальным уровнем производительности труда. Почти непрерывный рост дороговизны еще более усиливал эту диспропорцию: за каждую единицу реального продукта, покупаемого на рынке, крестьянин в среднем должен был отдавать растущее количество собственного труда. Другими словами, денежный доход должен был расти гораздо быстрее реальной массы потребления.

Такой товарообмен в принципе невыгоден для мелкого товаропроизводителя. Если тем не менее он получал распространение, то прежде всего благодаря возможности получить дополнительную прибыль от продажи экспортных культур (при благоприятной конъюнктуре) .

Как мы видели, эта прибыль может компенсировать или даже превосходить сокращение реальных доходов в результате роста дороговизны.

Поэтому совершенно не случайно большинство крестьянских хозяйств стремилось (по мере роста покупательной способности) расширять посевы экспортных культур и добиваться максимально высокой денежной выручки: при росте дороговизны (распространявшейся и на местные продукты питания) простое повторение производства в неизменном масштабе могло только снизить реальные доходы крестьянина.

При неизменных условиях простого воспроизводства не играет большой роли рентабельность хозяйства. Иное положение складывалось в африканском мелкотоварном производстве. Рост потребительских расходов, колебания закупочных цен и инфляционные тенденции влияли на хозяйственный баланс мелкого производства при отсутствии капиталистического уклада.

Уже отмечалось, что крестьяне — производители экспортных культур могли обеспечить прирост денежного дохода двумя способами: расчистив новые участки или

обработав тщательнее старые. Однако при чисто экстенсивных методах хозяйства¹ второй способ малоэкономичен: он ограничивается естественным плодородием почвы. В тех случаях, когда крестьянские семьи не могли значительно расширить старые участки, хозяйственные и личные издержки сводили к минимуму чистый доход или поднимались выше его. Так, в 1951—1952 гг. товаропроизводитель в Западной Нигерии мог увеличить чистый доход, не затрачивая более 300 часов рабочего времени на 0,4 га. В случае повышения уровня интенсивности труда доход сокращался (относительно издержек труда), а при уровне в 1500 часов становился равным нулю [322, стр. 316]. Более подробно эту зависимость иллюстрируют таблицы 15 и 16.

Таблица 15

**Динамика интенсивности сельскохозяйственного труда и стоимости
продукта в 61 какаопроизводящем хозяйстве Западной Нигерии, 1951—
1952 гг.***

Уровень интенсивности труда (количество часов на 0,4 га) в различных группах хозяйств	Средняя интенсивность труда (количество часов на 0,4 га) в данной группе хозяйств	Стоимость продукции с 0,4 га (ф. ст.)	Стоимость продукции, произведенной за 1 час рабочего времени (ф. ст.)
75 и меньше	70	202	2,89
76—' 150	122	276	2,25
151— 300	207	309	1,50
301— 600	448	381	0,85
601—1200	890	521	0,59
Свыше 1200	1639	791	0,48

* Источник: [322, стр. 313].

Выше мы писали о том, что в условиях мелкого хозяйства большое влияние на величину экспортной выручки оказывают естественные и природные факторы: количество и возраст деревьев (в районах многолетних культур), плодородие почв, климатические колебания и т. д. Этот вывод нужно сформулировать точнее. Под действием рыночной стоимости важным (а с точки зрения возмещения трудовых затрат и решающим) фактором распределения денежных доходов в африканском экспортном секторе становятся средние издержки труда на единицу продукции. Иными словами, при данном уровне цен (закупочных и потребительских) личные до

ходы производителей колеблются вокруг среднего уровня интенсивности труда, который, в свою очередь, тесно связан с естественными условиями и факторами (размеры и среднее плодородие участков, возраст деревьев и т. д.). Это подтверждают следующие данные (табл. 16).

Таблица 16

Зависимость затрат рабочего времени, размеров земельной площади и объема сельскохозяйственного производства от интенсивности труда в 61 какаопроизводящем хозяйстве Западной Нигерии, 1951—1952 гг. *, %

Уровень интенсивности труда (количество часов на 0,4 га) в различных группах хозяйств	Процент к общему итогу		
	количество рабочего времени	земельная площадь	объем производ- ства
75 и меньше	0,6	1,8	1,0
76—150	21,8	39,3	35,0
151—300	43,8	46,6	46,0
301—600	18,3	9,0	11,0
601—1200	10,8	2,7	5,0
Свыше 1200	4,7	0,6	2,0
Всего . . .	100	100	100

* Источник: [322, стр. 313].

Табл. 16 свидетельствует о том, что большая часть земельной площади и производства была сосредоточена в хозяйствах со средней интенсивностью труда (примерно 76—300 часов на 0,4 га). При крайнем повышении или, наоборот, снижении этого уровня личный доход сокращался: в первом случае — из-за снижения прироста чистого дохода, во втором — в результате падения валовой выручки от какао (табл. 17).

Мы не случайно остановились на показателях рентабельности мелкотоварного производства. Тем самым удастся установить важный факт: мировой капитализм, закон интернациональной стоимости не только стимулировали развитие в Западной Африке товарного мелкокрестьянского хозяйства, но и подчиняли себе (в той

Таблица 17

**Прирост производства на вложенный труд в
какаопроизводящих хозяйствах Западной Нигерии.
1951-1952 гг. *,
шилл.**

Интенсивность труда (количество часов на 0,4 га)	Валовой доход от какао	Прирост какаопроиз- водства	
		валовой прирост	прирост чистого дохода
100	316		—
120	341	25	12,7
140	364	23	10,7
200	422	18	5,7
300	496	12	0,3
400	551	10	-2,3

* Источник: [322, стр. 336]

или иной мере) его простое воспроизводство. В мелкотоварных хозяйствах нормальное осуществление простого воспроизводства (т. е. обеспечение личного потребления) становится возможным только при средних издержках производства (труда), т. е. при условии, характерном для капиталистической экономики³⁵.

Отсюда вытекает и другой, не менее важный вывод: социальная дифференциация крестьянства (или по крайней мере ее появление) в районах экспортного земледелия возможна и при отсутствии сложившегося капиталистического уклада, т. е. в условиях сохранения общинного землевладения и низкой производительности труда. Основой перерастания имущественной дифференциации в социальную становится растущее напряжение мелкого воспроизводства. Чтобы сохранить или достигнуть оптимального уровня интенсивности труда,

³⁵ По словам Р. Галетти и др., «в каждой семье существует строго определенное соответствие между количеством акров, занятых посадками какао, и рабочим временем, затрачиваемым на обработку акра всеми работниками (семенными и наемными)... Это основной ключ к пониманию того, каким образом фермеры йоруба используют факторы производства, рабочую силу и землю... Труд оплачивается скорее за количество обработанных акров, чем за время на обработку одного акра: доход от первой сотни часов при обработке одного акра больше, чем от каждой последующей» [322, стр. 308].

Жен был расчищать новые участки или иметь Новые «плантации» (в районах разведения кофе), так как по мере ухудшения плодородия почвы или старения многолетних посевов уровень рентабельности снижался. Если закупочные цены сохранялись на относительно высоком уровне или повышались, расчистка новых участков становилась главной целью крестьянского хозяйства: только таким образом можно было создать сбережения, чтобы приспособиться к инфляционному уровню потребительских цен (сохранявшемуся и в случае падения цен на экспортные культуры).

Поэтому рост найма в западноафриканской деревне нельзя объяснить только одними агротехническими особенностями или сохранением крестьянской кооперации. Это прежде всего результат повышения среднего уровня трудовых затрат, к которому мелкое крестьянское производство может приспособиться с трудом.

Экономические основы расслоения деревни приобретали черты, сходные (по форме) с капиталистическим принципом рыночной или общественно необходимой стоимости товара, производимого в средних условиях производства. В наихудших условиях оказывались те производители, которые получали основную массу продукции со старых, истощенных участков: они затрачивали большее количество труда для получения единицы продукции, чем это было необходимо при средних условиях производства на новых или относительно молодых участках (см. табл. 9 и 17). Значительная масса крестьян (в наиболее развитых районах Ганы, Нигерии, БСК, Сенегала) могла обеспечить воспроизводство лишь путем напряжения всех семейных ресурсов, сокращения личного потребления, ростовщической кабалы и т. д. и фактически опускалась ниже «нормального» уровня простого воспроизводства.

В то же время хозяйства, быстрее всех расширявшие участки и достигавшие (при данном уровне закупочных цен) оптимального уровня рентабельности, получали дополнительный доход, который превышал «средние» издержки производства в массе хозяйств. В наиболее зажиточных группах сельского населения наметилась тенденция к отделению собственности от труда — исходный признак социальной дифференциации крестьянства.

Вместе с тем сходство мелкотоварного производства

С йринцпай капиталистической экономики йойло Сугубо формальный характер.

В условиях моноспециализации механизм интернациональной стоимости и ценообразования действует не совсем в отрыве от общих затрат труда в местном производстве; он определяет характер этих затрат, другими словами, воспроизводит себя в развитии мелкотоварного уклада. Во-первых, при господстве ручного труда и инфляционном уровне цен на импортные товары общественно необходимые затраты труда не могут определяться снижением стоимости единицы продукции, т. е. повышением производительности труда. Усиливается тенденция к увеличению стоимости единицы продукции, росту затрат на единицу продукции. Поэтому средние издержки производства в западноафриканской деревне неизбежно определялись средними условиями экстенсивного расширения хозяйства, или условиями средней интенсивности труда.

Во-вторых, средний уровень интенсивности труда определял, как правило, и общий предел динамики «чистой сельскохозяйственной прибыли». Зажиточные хозяйства расширяли участки, получали дополнительную массу дохода, однако с точки зрения уровня рентабельности, относительного прироста прибыли они оставались мелкими. Это определялось как условиями производства абсолютной прибавочной стоимости (см. выше), так и колебаниями экспортной выручки. Оптимальный уровень интенсивности труда (см. выше), обеспечивавший «добавочную прибыль», являлся, скорее, делом случая или удачи, но не прочной базой роста чистого дохода.

При благоприятных ценах или высокой урожайности в число крупных хозяйств могло войти значительное число средних, в то же время ухудшение конъюнктуры изменяло эту пропорцию в противоположном направлении.

На неустойчивость и неравномерность концентрации мелкого крестьянского производства указывают данные табл. 18.

В-третьих, производство основной массы сельскохозяйственной продукции при «средних» условиях означало относительное (а зачастую) и абсолютное обнищание основной массы крестьянства, т. е. уменьшение его доли в реальном национальном доходе. В конце 50-х — нача-

**Дифференциация хозяйств по уровню производства какао-
бобов в десяти деревнях Ганы, 1954 г. *,**
%

Деревня	До 20 мешков **	20-39 мешков	40-100 мешков	Свыше 100 мешков	Все хозяйства
Тетрем	3	7	29	61	100
Нквантакессе . .	8	23	39	30	100
Кокобен	14	38	32	16	100
Сениаджа . . .	6	11	38	45	100
Дуава-Нкванта	2	6	35	57	100
Хвидем	—	2	9	89	100
Шиа	9	25	46	20	100
Воравора . . .	2	4	21	73	100
Асиаква	23	19	21	37	100
Асафо	20	27	44	9	100

* Источник: [339, стр. 90]. ** В
мешке 24 кг.

ле 60-х годов на долю сельского населения приходилось: в Мали — 64 % валового отечественного продукта, в БСК — 61,8, в Нигерии — 61,6, в Сенегале — 40,8% [304, стр. 402]. Эта доля явно не соответствовала абсолютной численности сельскохозяйственного населения. Под давлением инфляционных и монопольных цен средние условия потребления мелкого производителя приближались к уровню простого воспроизводства или опускались даже ниже его.

Таким образом, формальное подчинение мелких производителей иностранному капиталу в целом препятствовало переходу к капиталистическому расширенному воспроизводству. Движущей силой развития мелкотоварного уклада становилось противоречие между развитием мелкого производства и уродливым рыночным механизмом, который навязывался извне, выражал господство колониальной монополий и усиливал общее неравновесие экономики. В условиях роста цен и моноспециализации рост денежных издержек воспроизводства неизбежно опережал повышение производительности труда и реальных доходов населения. В результате складывался весьма своеобразный тип мелкотоварного хозяйства: оно должно было обеспечивать рост номинальных и реальных доходов населения.

альных затрат на потребление при почти неизменном уровне производительности труда.

Искривлялись, деформировались и основные тенденции социально-экономического развития деревни. Значительная часть производителей не могла не переходить к предпринимательскому хозяйству. Однако предпринимательское хозяйство в деревне резко отличалось от капиталистического предпринимательства.

Расширение участков имело целью прежде всего обеспечение высоких потребительских расходов, втянутые в обмен крестьяне были вынуждены осуществлять простое воспроизводство на расширенной денежной основе. На противоположном полюсе деревни развивался не менее своеобразный процесс «перепотребления», повышения потребительских расходов выше уровня личного потребления (расширенное воспроизводство на денежной основе общинных престижно-патронажных отношений).

Аккумуляция денежных сумм в крестьянских хозяйствах по своим целям резко отличалась от капиталистического накопления. Избыток денежного дохода инвестировался в ростовщичество, домовладение и т. д., расходовался на престижно-потребительские цели или пополнял сбережения, тазаврировался (при снижении потребительских расходов).

Растущее напряжение воспроизводства не находило выхода в законченном разложении крестьянства на классы капиталистического общества. До определенной степени ухудшение средних условий воспроизводства смягчалось или балансировалось внешними поступлениями (займы, семейная взаимопомощь, денежные приработки и т. д.), а также наличием свободных и неистощенных земель. Однако уже с 50-х годов в развитии экспортного земледелия стали проявляться симптомы кризиса, опережавшего расслоение деревни. Непосредственной основой его явилось постепенное сокращение целинных земель, эрозия почв, растущее демографическое давление на сельскохозяйственные ресурсы. Кризисные тенденции проявились в Сенегале, Гане, ряде районов Юго-Восточной Нигерии и БСК. Важно отметить, что речь идет не только о кризисе экстенсивной агрикультуры, но и о подрыве основанной на ней социально-экономической структуры: еще более ухудшается основа воспроизводства

ства крестьянских хозяйств — средние условия производства на относительно плодородных участках.

Итак, главной тенденцией развития крестьянского мелкотоварного уклада к концу 50-х годов стало формальное подчинение производителей капиталу на основе колониальной монополии, давления рыночного механизма и потребительских цен, растущего напряжения воспроизводства, однако без перехода к господствующему капиталистическому укладу. Выражением этой диспропорции, типичной и для города ³⁶, явилось воспроизводство элементов различных укладов в самой организации мелкотоварного хозяйства: тесное «срастание» его с элементами натуральной экономики и общинными отношениями, с одной стороны, и с торгово-ростовщическим капиталом ■ — с другой; появление социальной дифференциации уже на базе докапиталистических условий хозяйствования; тесная связь колеблющихся условий крестьянского производства с образованием «избыточного» населения в городе и деревне и т. д.

Разложение традиционных общественно-экономических структур

Проблема многоукладное™ бывших африканских колоний не исчерпывается особенностями становления новых типов хозяйства и общественных отношений. Не меньший интерес представляет вопрос о путях развития и разложения традиционных общественных форм и укладов³⁷ под влиянием мирового капитализма. Этот вопрос не привлек еще должного внимания. Историческая почва для развития капиталистических отношений иногда рассматривается как нечто готовое, данное уже в самом процессе капиталистических преобразований.

³⁶ Условия развития мелкое производство в западноафриканском городе (на примере Нигерии) довольно подробно проанализированы в книге Л. К. Тумановой «Формирование африканской буржуазии» (237, стр. 5—33).

³⁷ Спорен вопрос о том, какие уклады существовали на территории Западной Африки до установления колониального господства, а также их взаимоотношения с общественными формами. В данном разделе мы устанавливаемся преимущественно на вопросах эволюции африканской деревенской общины (патриархально-чбщиц- ного уклада).

С одной стороны, тенденция разложения традиционных форм отношений в Тропической Африке приравнивается к их полному распаду, а с другой — в этой тенденции зачастую усматривается лишь проявление складывающихся капиталистических отношений. Можно ли считать такое толкование правильным?

Суть разложения докапиталистических отношений, как известно, составляют отделение производителя от докапиталистических условий труда, отрицание отношений личного господства и подчинения в качестве основной предпосылки присвоения средств производства. Важно помнить, что перед нами исторический процесс. Существует определенная разница между элементами разложения старого базиса, когда деформируются, перерождаются отдельные стороны господствующего общественного порядка, но в целом он обладает достаточной устойчивостью и силой, чтобы приспособиться к новым условиям и даже временно усилиться за их счет (характерный пример — «второе издание» крепостничества в России) и собственно процессом разложения докапиталистической формации (тем более ее кризисом), когда исчерпываются возможности приспособления старого базиса к новым отношениям, завершается формирование мелкотоварного уклада и хозяйственный прогресс, воспроизводство хозяйственных и жизненных средств становятся невозможными на традиционной социально-экономической основе.

К- Маркс различал четыре составные части или тенденции разложения докапиталистических формаций: *«Разложение отношения работника к земле как к природному условию производства»* (т. е. распад общинного землевладения); *«разложение тех отношений, при которых работник является собственником орудия труда»* (т. е. отношений мелкого ремесла); подрыв натуральной самообеспеченности хозяйства крестьянина или ремесленника; *«разложение тех отношений, при которых сами работники... еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и присваиваются в качестве таковых»* (отделение вещных и личных факторов производства) [8, стр. 487—488].

Таким образом, о широком разложении докапиталистических общественных форм можно говорить только в том случае, когда оно охватывает весь процесс воспроиз-

йзводства, не оставляет места для отношений натурального производства.

Определенная самостоятельность разложения общинных, феодальных и прочих отношений как исторического процесса проявляется также и в том, что, хотя для его начала требуется весьма высокий уровень товарно-денежных отношений, этот процесс может отставать от изменений в техническом базисе и потребностей капиталистического развития или, напротив, опережать генезис капиталистического уклада, когда (по тем или иным причинам) рост товарно-денежных отношений не ведет к коренным качественным сдвигам в общественном разделении труда и развитии внутреннего рынка. «Как далеко заходит... разложение старого способа производства...,—писал К- Маркс,—и становится ли на его место капиталистический способ производства,— это зависит всецело от исторической ступени развития и от обусловленных ею обстоятельств» [5, стр. 143].

В некоторых случаях для доказательства тезиса о вытеснении общинных отношений в Тропической Африке мелкотоварными и капиталистическими считается достаточно уже одного факта возделывания товарных экспортных культур и подрыва хозяйственной самообеспеченности крестьянских хозяйств [см., например, 256, стр. 85, 86]. Это, бесспорно, крайнее мнение в данном вопросе. Оно ограничивает содержание отношений натурального производства и, следовательно, рамки всего процесса разложения традиционных структур чисто хозяйственным аспектом.

Спорные проблемы возникают и в тех случаях, когда разложение натурального хозяйства определенно связывается с эволюцией социально-экономических отношений. Особенно важен с точки зрения развития капитализма в Африке вопрос о характере и уровне разложения общинного землевладения к началу 60-х годов.

Перерождение и разложение общинного землевладения в Тропической Африке иногда отождествляется с процессом вытеснения общины и становления частной собственности на землю в качестве основы имущественных отношений.

При этом указывается на широкое развитие в современной африканской деревне различных форм отчуждения земли, и прежде всего аренды участков для возде

лывания экспортных культур (мигрирующими крестьянами и издольщиками). По мнению ряда исследователей, тенденция к отчуждению земли подрывает устои африканской общины и ведет к образованию различных типов хозяйств, основанных на традиционном общинном землевладении и на современном праве частной собственности. Так, по мнению Л. И. Александровской, существование в Гане двух категорий производителей: «мигрировавших фермеров» («стренжерс») и местных производителей («нейтивз»), отражает прежде всего существование «двух социальных типов хозяйств». «„Стренжер“, — пишет автор, — должен платить за землю, в то время как „нейтивз“ может обрабатывать ее бесплатно... „Стренжер“ должен иметь определенные накопления для покупки или аренды земли, для покрытия издержек перемещения и т. п. „Стренжер“ — это предприниматель, в то время как „нейтивз“¹¹ — преимущественно крестьянин» [65, стр. 85—86]. Предпринимательские тенденции и разложение общины выводятся, таким образом, уже из одного факта арендных платежей.

Л. Ф. Блохин выделяет иные стороны перерождения общинного землевладения. Анализируя поземельные отношения в БСК, он выдвигает на первый план черты известного усиления контроля общины над отчуждением участков (прекращение в некоторых деревнях сдачи в аренду земли под многолетние культуры иноплеменникам, ограничение прав членов общин на расширение насаждений экспортных культур вблизи деревень, увеличение платы за аренду земли в пользу общины) [81, стр. 242—243]. Таким образом, не исключается, что перерождение традиционных форм землевладения может проявляться в их развитии, приспособлении к новым социально-экономическим условиям.

Для правильного понимания разложения традиционных форм общины большое значение имеет вопрос о сущности общинного землевладения в условиях Тропической Африки.

Распространено мнение, что традиционное общинное землевладение в Африке полностью идентично праву коллективной собственности на землю. Согласно этой точке зрения, основой и главным признаком традиционной африканской общины является неотчуждаемость земли, исключительное право семейных или общинных

коллективов (рода, деревни, группы деревень, города-общины и т. д.) на обработку, распределение и отчуждение земли³⁸. Исходя из этого, сфера общинного землевладения очень часто ограничивается только землями общего пользования — целинными угодьями, принадлежащими всему селению, и коллективными хозяйствами больших патриархальных семей (домовых общин). Соответственно рост расчисток целинных угодий, разделы больших семей, наследование земли в малых семьях, а также участвовавшие случаи аренды земли «чужаками» воспринимаются как доказательство почти полного (или, во всяком случае, далеко зашедшего) распада системы общинного землевладения, выделения из нее мелкого крестьянского производства. Например, В. Б. Иорданский так характеризует эволюцию земельных отношений в колониальной гвинейской деревне: «Конфликт между общинной формой земельной собственности и мелким крестьянским землепользованием становился тем острее, чем больше подтачивалась патриархальная семья, чем больше выделялось из ее среды отдельных мелких хозяйств. Мелкое крестьянское землепользование незаметно перерастало в землевладение. Хозяин, получивший землю в наследство и намеренный сам оставить ее своим сыновьям, уже не признавал за общиной каких-либо прав на свои поля. Он боролся за право полного распоряжения своими владениями вплоть до продажи и во многих районах Гвинеи добился этого» [124, стр. 42]. «Собственностью деревни,— утверждает автор,— считались целинные земли в тех районах, где они сохранились. Что же касается обрабатываемых или залежных земель, то на них деревня не имела никаких прав» [124, стр. 40].

Авторы книги «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке» противопоставляют традиционную африканскую заимку наследственному владению. По их мнению, «на большей части территории (Тропической Африки.— И. С.) землепользование эволюционирует от

³⁸ См., например, у Н. Б. Кочаковой: «Главное средство производства — земля была общим достоянием жителей города-государства. Коллективный характер этого достояния и основного условия существования города проявлялся в сохранении принципа иеэчужденности земли. Само понятие „продажа земли“ было неизвестно йорубам до прихода европейцев» [157, стр. 71].

„вольной¹¹ формы к наследственному держанию земельных участков, минуя стадию уравнительного (душевого) землепользования» [64, стр. 144].

Однако имеющиеся источники (обычное право и наблюдения этнографов) не подтверждают четкого обособления прав отдельных хозяйств на землю и прав деревенского коллектива или широких родовых групп как отдельного субъекта владения. Не существует каких-либо специальных обозначений для целины как коллективной собственности селения. Строгое юридическое обособление владельческих прав территориальной или родовой общины и ее отдельных членов вообще не имело большого смысла и в сельских районах не могло стать традицией уже потому, что расчистки свободных угодий при потребительском хозяйстве определялись, как правило, непосредственными хозяйственными надобностями семей и не исчерпывали земельных резервов. Не было и строгого юридического разграничения отдельных видов общинных угодий. Напротив, для западноафриканского крестьянина всегда было типично отношение к земле и ее плодам как к своему органическому, естественному достоянию, пользование которым доступно уже в силу *личной, наследственной* принадлежности к данному коллективу.

Владение землей носило непосредственный или, если так можно выразиться, «телесный» характер. Оно предполагало хозяйственное использование расчищенного участка, мыслилось только в рамках непосредственных нужд семьи и в этом смысле в равной мере являлось обязанностью. Владельческие права деревни приобретали реальный смысл только относительно других коллективов: родочлемеинных групп, различных территориальных общностей, а также выходцев из них. Однако эти права никак нельзя назвать правами коллективной собственности.

Собственность (частная или коллективная) предполагает определенное отделение объекта права (как самостоятельной ценности) от субъекта права, иными словами, расчленение основных элементов монополии на объект труда. Только в этом случае возникает право собственности. Подобное противопоставление, однако, полностью противоречило сущности традиционных поземельных распоряжений к югу от Сахары. Земля как осо

бая материальная ценность не имела, по традиционному обычному праву, самостоятельного юридического титула и не рассматривалась в качестве материальной основы деревенской общины или большой семьи. Характерно, что в некоторых случаях коллективные владения деревенской общины или большой семьи обозначались теми же терминами, что и сами эти коллективы.

Поэтому нельзя сводить основы общинного землевладения лишь к запрещению продавать и покупать землю. Это запрещение стало приобретать смысл только с началом широкого вторжения в африканскую деревню товарных отношений, переходом к массовому возделыванию экспортных культур, когда получили распространение *товарные* (вещные) формы отчуждения земли (коммерческая аренда, залог земли и т. д.). Говорить о неотчуждаемости земли в широком смысле как об основе африканской общины нельзя прежде всего потому, что в ней были широко распространены нетоварные или личностные формы присвоения обрабатываемых угодий: передача участков по наследству и аренда общинной земли ^чужаками или припущенниками.

Поземельные отношения в традиционных африканских обществах подчинялись различным формам докапиталистического владения, а не отношениям собственности. Важно не сводить сущность владения как экономической категории к иерархической условности прав на землю или к принципу неотчуждаемости участков. Эти признаки, несмотря на все их значение, раскрывают главным образом внешнюю, юридическую сторону отношений владения. Экономическая основа владения заключается в нерасторжимой органической связи земли (или другого объекта владения) с владевшей ею семьей, в иерасчлененности монополии па условия производства, о которой уже говорилось в предыдущем очерке. Речь идет о таком типе хозяйственной связи, при котором зачастую исчезала грань между субъектом и- объектом присвоения, личный наследственный статус владельца распространялся на землю и служил основой интеграции индивида в группу. При господстве отношений владения (а именно с этим мы сталкиваемся в традиционных африканских обществах) субъективные черты личности могли свободно переноситься на объект владения, тогда как земля воспринималась в единой связи с об

щественным, личностным окружением человека: его предками, родовыми группами, территориальными и этническими общностями и т. д.³⁹.

Важно отметить в этой связи, что в традиционном африканском праве земля не мыслится только как объект хозяйственного присвоения, т. е. самостоятельно от субъекта присвоения — индивида и общины, земля рассматривается как одушевленное, обожествляемое воплощение личных связей между людьми, гарантия потребностей индивида как члена родственного или территориально-земляческого (деревенского) коллектива.

По словам Ж- Буайона, «земля для жителей Ганы — совсем не то, чем считает ее классическая экономика: не один из трех элементов средств производства. Для ашанти, иапример, она уподобляется божеству, обладающему своей собственной силой, благодетельной, если с ней считаются, и пагубной, если ею пренебрегают. Считается, что земля — собственность предков, которые ей покровительствуют и следят за ее использованием...

У вождя... нет права собственности на землю; он — ее хранитель и обязан защищать ее „законом и оружием“. Земля принадлежит трону, то есть предкам; вождь может продать ее, только спросив мнения своего совета и принеся жертву предкам... Отдельный индивид обладает лишь правом пользования, передающимся по наследству по материнской линии» [84, стр. 133—134].

Ганский экономист Н. Оленну, в свою очередь, так характеризует общественное значение земли: «Существует убеждение, что через землю передается любая жизнь, кроме человеческой, что земля питает все живое. Поэтому на нее смотрят как на святой божественный дар и в ряде мест она все еще является объектом культа» [423, т. II, стр. 251].

Эти наблюдения можно легко умножить: они характеризуют не только религиозный мир африканского крестьянина, в них прежде всего отражены специфические отношения владения как нерасчлененного единства

³⁹ Например, в обычном праве хауса расчищенный участок приравнивается к физической силе человека, обработавшего его, само же понятие земли (k'asa) имеет множество значений, синонимичных для хауса: земля как физический объект, родина, отчизна, страна, земляческий союз (территориальная деревенская община), государство (эмират) и т. д.

Субъекта и объекта Производства. Отношения владений позволяют объяснить многие типические черты африканских общинных структур: трудовой характер непосредственных прав на землю, закрепление преимущественного права владения участками за первыми поселенцами и их потомками (традиционный институт «владык земли»), стремление общин (или системы общин) во что бы то ни стало удержать, укрепить, расширить свою гомогенность (семейно-родственную, территориально-земля-ческую, культурно-этническую, политическую и т. д.) перед лицом других локальных и племенных групп, многие особенности социальных норм, социальные корни религиозных верований и ритуалов, культ духов земли, религиозные функции «владык земли» и глав семей, земледельческие праздники и обряды и т. д. С учетом специфики владения (как исторически обусловленной формы пользования и присвоения условий производства) можно точнее сформулировать вопрос об уровне и характере разложения общинных структур. Прежде всего очевидно, что разложение землевладения не может определяться только на основе юридических или формальных признаков частной собственности — изменения субъекта владения при отчуждении земли, хозяйственной монополии производителя и т. д. Дело в том, что эти признаки не раскрывают в полной мере изменений в органической связи африканского крестьянина с землей. Эта связь (в традиционной африканской общине) не исключала, а предполагала сложную систему передачи личных прав на участки (через систему наследования, отчуждения земли в пользование чужакам, распределение земли между членами семьи для временной обработки и т. д.), а также хозяйственную самостоятельность ячеек производства как особых субъектов владения¹⁰.

Решающее значение для понимания эволюции общинного землевладения имеет его социально-экономическая характеристика, соотношение в нем личных и вещных

⁴¹ П. Хилл подчеркивает связь наследственных прав на землю с широкими расчистками участков для выращивания экспортных культур в Гане: «Тот факт, что обычные права наследования всегда обеспечивали перерастание индивидуальной собственности в семейную, дает сельским жителям широкие возможности для приобретения дополнительной земли, полными хозяевами которой они со временем становятся» [340, стр. 16].

начал ⁴¹. Наряду с коллективной обработкой полей большими семьями основной предпосылкой общинного землевладения в Тропической Африке была всеобщая обусловленность, «связанность» прав на полевые угодья с происхождением, корпоративным положением, принадлежностью (как правило, многоступенчатой) к роду, локально-деревенской группе или касте, племени, а иногда также к сословию и государству. Если, взглянуть на традиционные африканские структуры с этой точки зрения, то трудно сказать, какая категория доступных полевых угодий в Тропической Африке не подчинялась общинному (точнее, общинно-корпоративному — родовому или сословно-кастовому) землевладению. Важнейшим фактором развития общинного землевладения являлись именно наследственные, личные связи производителя с землей и определенным коллективом. Поэтому неверно противопоставлять традиционную африканскую заимку наследственному держанию. Даже если участок приобретался путем расчистки, право на это давала прежде всего наследственная принадлежность земледельца к родовой или территориальной общине.

Наиболее точными критериями разложения традиционных отношений по поводу земли представляются следующие: разложение докапиталистических форм владения или, пользуясь словами К- Маркса, *«разложение отношения работника к земле как к природному условию производства»* и вытеснение личностных связей по поводу земли вещными [8, стр. 487—488].

Сложный и непоследовательный характер развития товарно-денежных отношений в деревне особенно полно проявился в запутанных формах поземельных отноше

⁴¹ Представляется принципиально неверным встречающееся иногда в литературе формальное разграничение этих видов отношений, когда личные отношения рассматриваются как исключительно неэкономические (будто они свободны от обмена трудом и деятельностью), тугда как все экономические, имущественные связи причисляются к разряду вещных (будто экономические связи всегда принимают чисто вещную форму). Личностные связи включают в себя также экономический компонент (естественное разделение труда, наследование, отношения взаимопомощи или эксплуатации и т. д.), хотя он и не выступает в таком самодовлеющем виде, как при капитализме. Ведь социальные отношения становятся вещными не просто в силу перехода вещи, имущества от одного лица к другому, а в связи с определенным способом отчуждения — товарным отчуждением.

ний: наиболее характерной чертой их являлось переплетение (подчас в самых различных комбинациях) личных и вещных прав на землю. На базе взаимодействия этих прав возникали новые связи, отличавшиеся от чисто- традиционных отношений и от чисто вещного принципа частной собственности.

Усиление вещного начала поземельных отношений имело различные формы. Более отчетливое выражение этот процесс получил в развитии заклада земли. Закладные земельные сделки встречались и в традиционных западноафриканских обществах, однако систематическим явлением (в зонах экспортного земледелия) они стали только после перехода крестьянства к товарному производству. Особенностью африканского заклада земли является то, что он возникает и развивается еще при отсутствии сложившейся частной собственности на землю, главным образом в связи с ухудшением условий- воспроизводства мелкого хозяйства, бедностью и задолженностью крестьян. Вынужденный заклад земли или урожая с нее был одной из главных форм получения ростовщических займов во всех без исключения экспортных зонах. Об удельном весе заклада в общей сумме ростовщических займов можно судить по данным табл. 19.

Заклад земли выступает как неприкрытая денежная сделка, ведущая в ряде случаев к фактическому переходу земельных участков в руки ростовщиков и торговцев (в противоречии с нормами обычного права, не допускающими полного коммерческого отчуждения земли).

Особенно сложное переплетение вещного и личного начал — в различных модифицированных формах аренды. Наиболее распространенные из этих форм, несомненно, восходят к традиционному институту чужаков (припущенников) и должны рассматриваться в тесной связи с эволюцией корпоративного начала под влиянием товарных отношений. Непосредственной основой развития арендных отношений являются, как правило, широкие миграции крестьян в районы разведения экспортных культур. Коренные члены общин присваивали основную массу сельских угодий путем расчисток (захватный способ землевладения) или наследования. Так, по данным Р. Галетти и др., в начале 50-х годов 72,4% земель, принадлежавших в Западной Нигерии уроженцам деревен-

Таблица 19

Средняя сумма новых займов, полученных ганскими какаопроизводителями, в соответствии с источниками займов и размерами
чистого денежного дохода, 1955—1956 гг.*,
шилл.

Источники займов	Чистый денежный доход										
	до 1000	1001—1499	1500—1999	2000—2499	2500—2999	3000—3499	3500—3999	4000—4999	5000—7999	8000 и выше	в среднем
Заложенные участки	17,9	19,2	47,0	—	56,8	2,3	—	6,2	23,0	—	20,3
Заем под урожай . .	4,5	22,4	35,8	31,0	22,8	28,0	254,3	39,7	114,5	1547,1	81,1
Другие.....	29,1	54,4	14,0	11,9	14,1	4,2	14,1	32,4	74,1	376,4	33,7
В с е г о . . .	51,5	96,0	96,8	42,9	93,7	34,5	268,4	78,3	211,6	1923,5	135,1

* Источник: [35, стр. 82].

ских общин, были приобретены на основе права наследования, доля земли, приобретенной (местными общинниками) на коммерческих началах, составляла лишь 12,1% [322, стр. 138].

Учитывая разнообразие переходных форм аренды, целесообразнее остановиться на тех из них, в которых наиболее ярко проявилось усиление вещного, коммерческого начала; в известной мере это позволяет судить об уровне разложения традиционных форм поземельных отношений в целом. Для примера рассмотрим одну из форм «чужачества», особенно распространенную в лесных районах Ганы и получившую название «компаний» или товарищества по совместному приобретению земли (местное название — «хуза»). Институт «хуза», несомненно, является новейшей разновидностью аренды земли мигрирующими крестьянами. П. Хилл, посвятившая этой форме аренды отдельное исследование [340], пишет, что отношения «хуза» развились в течение последних 50 лет под влиянием «прославившихся на всю Гану фермеров из племени кробо, приобретающих дополнительные участки лесной целины для возделывания продовольственных культур и масличной пальмы» [340, стр. 2]. «Компания,— продолжает П. Хилл,— включает в себя группу фермеров, которые объединяются для покупки и коммерческого использования какао-участков. Каждый индивид заботится прежде всего о том, чтобы купить землю себе, никогда не бывает стремления к совместному или общинному владению землей и ее обработке. После того как земля приобретена у трона, каждый участник сделки получает (раньше или позже) небольшой участок, измеренный вдоль одной из его границ, длина которой прямо пропорциональна внесенной сумме денег. После этого каждый участник волен делать со своим участком все, что он пожелает; он даже не обязан сохранять его для себя, но может продать весь участок или часть его кому-либо из нечленов общины по своему выбору» [340, стр. 39]. Индивидуальный характер прав членов «хуза» на участки подчеркивает также Н. Олеину [423, т. II, стр. 256].

Таким образом, как будто все говорит за то, что перед нами чисто вещная сделка по приобретению земли, совершенно не связанная с традиционной властью общины. Однако это суждение верно только на первый

взгляд. Прежде всего показателен сам принцип объединения участников «хуза» в отдельную группу. Как отмечает П. Хилл, «земля для возделывания какао редко покупается отдельными индивидами: покупная сделка обыкновенно носит корпоративный характер, она заключается с вождями общины, правящими от имени народа, чью землю они продают. Чтобы сделать свои позиции в сделке более выгодными (в противовес корпоративному объединению владельцев земли) и по многим другим практическим (экономическим и социальным) причинам, индивидуальные покупатели объединяются в группу для приобретения земли» [340, стр. 38]. В то же время П. Хилл подчеркивает, что участники «хуза» редко являются родственниками и связаны преимущественно коммерческими узами. Сводится ли, однако, корпоративный элемент в отношениях «хуза» только к обратному, отраженному влиянию общинной организации? Н. Олеину отмечает своеобразное явление: перерастание коммерческого объединения «хуза» в новую общину, обладающую собственной социальной и административной организацией. По его словам, «человек, который покупает землю (на базе отношений „хуза“.— И. С.), заключает сделку на собственное имя и рассматривается как глава, отец или вождь новой общины, когда он умирает, его наследник может быть признан членами компании как ее глава... Собственность, которая является индивидуальной, завтра может стать семейной» [423, т. II, стр. 256—258]. П. Хилл отмечает, что члены «хуза» зачастую выступают как единое целое по отношению к чужакам в их среде, рядом с основной «компанией» могут возникать зависимые «субкомпании», воспроизводящие отношения между членами одной «хуза» [340, стр. 43].

Таким образом, вещные отношения, даже в такой открыто коммерческой форме, как создание групп или обществ по приобретению земли, отнюдь не подавляли общинную организацию деревни: они действовали в тесной связи с нею и часто развивались в направлении ее регенерации и усложнения на новой денежной основе.

Еще более активно влияние общинных отношений проявлялось в полутрадиционных формах «чужачества», основанных на отношениях пользования и признания верховного контроля общины. Основным направлением их эволюции стало расширение сферы арендных отноше-

Пий, более строгое регулирование правил землепользования (в частности, ограничение права выращивать многолетние экспортные культуры), усиление вещного начала в условиях приобретения и эксплуатации земли и т. д. Высшей и наиболее развитой формой арендных отношений являлась издольщина (см. выше). Однако даже эта форма, несомненно развивавшаяся под определяющим влиянием рыночных отношений, сохраняла непосредственные связи с институтом чужаков. Это проявлялось не только в том, что издольщиками, как правило, становились лица, посторонние в данной общине, но и в том, что сами отношения издольщины были наполнены элементами личного порядка и сильно отличались от издольной аренды земли в собственном смысле слова. Длительное пребывание в общине зачастую давало издольщику право на постоянную эксплуатацию земельных владений и передачу их по наследству. По словам

Н. Олейну, права на землю арендатора-абуса также прочны и постоянны (при условии выполнения им обычных обязанностей припущенника), как и человека, купившего право владения [423, т. II, стр. 256].

В деревнях Западной Нигерии основная масса арендуемых земель (71,8%) передавалась по наследству и была связана с традиционным статусом общинников [322, стр. 138].

Таким образом, незавершенность разложения докапиталистических форм в том и проявляется, что они продолжают играть активную роль в социально-экономической жизни, тесно соединяются с новыми отношениями и могут подчинять их себе. Даже утверждение вещных отношений еще не означает полного вытеснения из них личного элемента.

Это, однако, лишь социальный аспект проблемы разложения африканской общины и вызревания частной собственности на землю. Установить же действительный уровень этого процесса можно, только проанализировав его экономическое содержание или распад владения как единства хозяйственного присвоения земли, присвоения продуктов земледелия, присвоения труда и личности производителей. Можно думать, что наиболее характерной чертой эволюции общинных форм поземельных отношений в Тропической Африке являлось то, что превращение в товар продуктов земледелия заметно

-опережало развитие других условий частной собственности на землю, в частности капитализацию самой земли как экономического объекта. Содержание возникающих при этом отношений не всегда укладывается в понятия: «частная собственность», «коммерческая аренда», «продажа земли» и т. д.

Например, после второй мировой войны во многих районах Западной Африки, затронутых товарными отношениями, широкое распространение получила продажа урожая (на корню) или плантационных посадок отдельно от земли: урожай и земельный участок имеют в данном случае двух разных владельцев. Подобные сделки в работах западных авторов и в полевых наблюдениях приравниваются часто к продаже земли. На самом же деле перед нами своеобразная сделка, в которой личные узы владения переплетаются с вещными отношениями собственности. Продажа урожая для общинника отнюдь не означает продажи земли, так как он сохраняет личное право на участок, и это право имеет реальную ценность.

Характерно, что принадлежащие разным владельцам вещные права на урожай и личные права на землю, в свою очередь, могут закладываться и перезакладываться, порождая новые сложные комбинации элементов собственности и докапиталистического владения⁴².

Достаточно противоречивое содержание имеют и формы заклада земли: во-первых, формальное ограничение прав кредитора на приобретенное поле (запрещение разводить на нем многолетние культуры, обязанность вернуть участок его прежнему владельцу после возвращения ссуды и т. д.) в какой-то степени ограничивает (в смысле гарантии собственности) вещное содержание сделки.- Во-вторых, трудно считать ссуду, размеры которой могут произвольно изменяться⁴³, собственной ценой земли. В-третьих, фактическое приобретение земли за- логополучателем может отражать не столько реальное

⁴² Переходные формы отношений, складывающиеся в процессе перерождения и разложения элемента общинного землевладения, довольно подробно рассматриваются в книге «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке» [64, стр. 156—162].

⁴³ Известное исключение составляют формы заклада, при которых кредитор в подтверждение своих владельческих прав на участок выплачивает заемщику дополнительную сумму: вместе со стоимостью ссуды она может приближаться к реальной цене земли.

превращение земли в товар и развитие земельного рынка, сколько неплатежеспособность должника. Во всяком случае, элемент товарного отчуждения земли в сделках: подобного рода требует особого анализа.

На основании сказанного можно сделать вывод: процесс разложения общинного владения землей в районах экспортного земледелия не получил законченного и полного выражения, не сопровождался коренными изменениями во всей системе производственных отношений деревни. Перерождение общинных начал проявлялось обычно не в их распаде, а, скорее, в их видоизменении: усилении роли коммерческих начал, появлении новых форм корпоративных связей, приспособленных к условиям товарного хозяйства, распаде большесемейных коллективов и миграциях сельского населения и т. д. В то же время деформация отдельных сторон общинного базиса опережала развитие в деревне капиталистических отношений, что придавало особую специфику вновь возникавшим переходным формам отношений.

В заключение хотелось бы остановиться вкратце еще на одном вопросе, в известной степени подытоживающем сказанное выше. Это — вопрос о влиянии уровня исторического развития различных африканских народов на темпы и особенности развития товарных и капиталистических отношений.

Исследователи, ставящие знак равенства между разложением добуржуазных отношений и развитием капиталистического производства, фактически приравнивают разрушение (или ослабление) общинного землевладения к разложению мелкого хозяйства вообще. Между тем это далеко не одно и то же. «Естественное» развитие капиталистического уклада в числе многих условий предполагает разложение в деревне *мелкой свободной частной собственности*. К признакам этого разложения К. Маркс, как известно, относил: уничтожение сельской домашней промышленности (образующей придаток мелкого хозяйства) вследствие развития крупной индустрии, присвоение крупными землевладельцами общинной собственности, составляющей «второе дополнение парцеллярного хозяйства», конкуренцию крупного сельского хозяйства и т. д. [5, стр. 372].

Тут же, однако, К. Маркс отмечал, что свободная крестьянская собственность (парцеллярное хозяйство в

собственном смысле слова) сама возникает «у современных народов» как одна из форм «разложения феодальной земельной собственности», она выступает как условие полного развития мелкого хозяйства [5, стр. 371, 372]. В отличие от свободной парцеллярной собственности, «основное условие собственности, покоящейся на племенном строе (к которому первоначально сводится община) — быть членом племени... Рабство и крепостная зависимость являются поэтому лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе. Они неизбежно изменяют все его формы» [8, стр. 482].

В Тропической Африке условия для известного выделения свободной частной собственности в мелком производстве стали складываться только с началом колониальной эпохи, да и то лишь в тех относительных пределах, которые были ограничены колониальным господством. Можно ли поэтому безоговорочно утверждать, что основным содержанием перерождения или разложения общинной организации в африканских колониях являлось именно развитие капиталистических отношений? О каком разложении и о каких его результатах может идти речь в данном случае? Вопрос об основной тенденции развития западноафриканской деревни в 40—50-е годы остается поэтому открытым. Даже с чисто исторической точки зрения, учитывая только уровень развития африканского мелкого производства в доколониальный период, правильнее было бы считать, что эта тенденция не могла и не может приобрести сразу сложившиеся и стабильные черты капиталистического развития. Неизбежен особый этап выделения из общины самостоятельного парцеллярного хозяйства. Не этот ли процесс (при его специфических колониальных диспропорциях) составляет сущность многих проблем африканской деревни!

Мы коснулись лишь отдельных сторон многоукладности в колониальных обществах Тропической Африки, сосредоточив главное внимание на развитии стихийных процессов в мелкотоварном секторе производства и особенностях воспроизводства мелкотоварного уклада. Все сказанное выше приводит к следующим выводам:

1. Подтверждается решающая роль колониальной монополии в развитии различных укладов африканского

общества. Колониальная монополия определила основные черты многоукладное™ в Тропической Африке и общее направление ее развития.

2. Трудно говорить о стагнации развития как главной и определяющей черте многоукладных африканских обществ. Отличительными особенностями их эволюции в колониальный период, напротив, стали: резкое нарушение пропорций воспроизводства, несбалансированность изменений в различных сферах общественной жизни, деформация всего механизма общественно-экономического развития.

3. С точки зрения распределения ресурсов, условий формирования мелкотоварного уклада и т. д. многоукладность в Тропической Африке выступала одной из сторон колониализма и всего процесса мирового капиталистического воспроизводства.

4. Капиталистический уклад не занял решающего положения в системе национального производства. Рост товарных отношений опережал повышение производительности труда, что исключило превращение капиталистических отношений в господствующие.

В. В. Анненков

ФОРМИРОВАНИЕ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ ТОРГОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

По мере расширения исследований развивающихся стран все более распространяется убеждение в необходимости их группировки для правильной постановки и решения научных проблем [102, стр. 78; 149, стр. 123; 241, стр. 108; 166, стр. 108]. Однако разработка вопросов типологии стран в силу их сложности и комплексного, междисциплинарного характера продвигается очень медленно. Дискутируется вопрос о том, могут ли историки, экономисты, географы, специалисты других профилей использовать в своей работе одну и ту же классификацию стран или группировки в каждом случае должны быть различными в зависимости от рассматриваемых проблем. Неясны методы классификации: одни предлагают группировать страны по сходству некоторых современных явлений, другие предпочитают основываться на сходстве процессов, формировавших эти явления. В ходе исследования нередко допускается неоправданная генерализация представлений: страны, в государственных границах, целиком относятся к тому или иному типу, хотя на их территории можно наблюдать и другие типы.

На наш взгляд, сейчас имеет смысл временно отказаться от попыток классифицировать, страны (или, точнее, государства), а приступить к систематической разработке основ классификации. Одним из возможных путей будет изучение различных процессов, формирующих те наблюдаемые нами сегодня сочетания явлений,

которые мы привыкли рассматривать статически и в политических границах и которые на самом деле исторически изменчивы и имеют совсем иное территориальное распространение.

Настоящая статья является продуктом экономико-географического исследования. В ней рассматриваются процессы, в результате которых сложились некоторые общие для ряда стран Тропической Африки черты географии хозяйства. Те же процессы оказали влияние и на становление современных социальных структур. Поэтому нам кажется, что представления о типах формирования хозяйства в Тропической Африке, изложенные в статье, могут быть использованы и историками, и экономистами.

КОНЦЕПЦИЯ ТИПА ФОРМИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА

/Прежде чем перейти к основной теме статьи, уместно раскрыть содержание понятия «тип формирования хозяйства».

В настоящее время историко-географические исследования в большинстве случаев строятся как разрезы через соответствующие исторические эпохи или периоды. Экономгеографам приходится сталкиваться с другой задачей — реконструкцией всего процесса зарождения и развития современной структуры хозяйства. При этом надо не только воспроизвести обстановку отдельных исторических этапов, но показать их закономерную последовательность и вскрыть причины такой последовательности. Возникает проблема типов развития как своеобразных цепочек меняющихся во времени состояний объекта.

Нельзя смешивать понятия «тип формирования хозяйства» и «тип хозяйства». Первое из них отражает процесс, тогда как второе выражает результат процесса, наблюдаемый на определенной его стадии. Кроме того, в первом случае имеется в виду формирование хозяйства на больших территориях (в отдельных районах, странах), тогда как во втором речь идет о типах первичных хозяйственных ячеек — семейных крестьянских хозяйств, промышленных предприятий и т. д. Иными словами,

данный тип формирования хозяйства порождает определенные типы первичных хозяйственных ячеек.

Пример выделения типов формирования хозяйства дает нам работа В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». За основу деления США на три района В. И. Ленин берет не просто различия в уровнях развития капитализма в начале XX в., а своеобразие социально-экономической истории этих районов после гражданской войны в США. Такая трактовка ленинского подхода находит подтверждение в самих названиях выделенных районов. Определяя Север США как «промышленный», Ленин подчеркивает не только более высокий уровень развития промышленности в этом районе, но и другой тип развития капитализма на Севере по сравнению с Югом и Западом. На Севере развитие капитализма идет главным образом вглубь, тогда как Юг и Запад представляют для капиталистического Севера два района экспансии вширь, иными словами, две колонии. Различая «колонизуемый Запад» и «бывший рабовладельческий Юг», В. И. Ленин также обращает внимание на два особых пути развития этих территорий. На Западе хозяйство организуется по капиталистическому типу и развитие капитализма вглубь сдерживается лишь обширностью доступных для колонизации земель. На Юге развитие капитализма вглубь сдерживается пережитками рабовладельческой плантационной системы хозяйства [21, стр. 135—144].

В работах В. И. Ленина и в материалах международного рабочего движения мы находим и конкретизацию представлений о типах формирования хозяйства применительно к колониальным странам. Рассматривая колонизацию как процесс развития капитализма вширь, В. И. Ленин различал колонизацию «новых стран» и втягивание «некапиталистических старых стран» в водоворот мирового хозяйства [18, стр. 595]. В «новых странах», заселяемых колонистами из старопромышленных стран, капитализм развивался на чистом месте и не сдерживался пережитками докапиталистических формаций. В «старых странах», занятых «племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма» [20, стр. 85], последний заставлял самые различные способы производства и общественные формации, приспособлялся к ним и подчинял их себе по-разному.

Особенности развития зависели в последнем случае не только от социально-экономических условий в метрополии, но и от специфики местных укладов хозяйства.

Те же принципы группировки колониальных стран по особенностям развития капитализма проводились на VI Конгрессе Коминтерна. В частности, в тезисах «О революционном движении в колониальных и полуколониальных странах» записано следующее: «В отношении колониальных стран необходимо различать между теми колониями капиталистических стран, которые служили им в качестве колонизационных областей для их избыточного населения и становились таким образом продолжением их капиталистической системы (Австралия, Канада и др.), и теми колониями, которые эксплуатируются империалистами в первую очередь в качестве рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капиталов... Между этими обоими типами существует переходный тип (разновидность), где, наряду с многочисленным туземным населением, имеется весьма значительное белое население — колонисты (Южная Африка, Новая Зеландия, Алжир и т. д.)» [29, стр. 128].

Итак, в цитированных источниках содержится идея группировки стран не только (а может быть, и не столько) по набору статистических показателей на некоторую дату, но и по всему ходу социально-экономического развития в определенный исторический период. Попробуем с тех же позиций подойти к выделению типов формирования хозяйства в Тропической Африке.

ВОПРОСЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ТИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ

Общими чертами экономического развития в Тропической Африке были, во-первых, мелконатуральный характер производства в доколониальный период, когда африканские народы находились на различных стадиях перехода от доклассового к классовому обществу, во-вторых, ведущая роль колонизации эпохи империализма в формировании современных экономических и социальных структур, в частности в размещении ареалов товарного производства, экономических центров, путей сообщения и т. д.

Формы колонизации (т. е. развития вширь европейского капитализма) различались в зависимости как от процессов, происходивших в -самой метрополии, так и от местных условий в африканских колониях. Товарные и капиталистические отношения по-разному внедрялись в экономику Тропической Африки в случае, когда колонизация развивалась в форме переселения и создания европейскими колонистами крупного сельскохозяйственного производства или когда преобладающей формой была торговая (вовлечение мелких хозяйств африканских производителей в обмен с мировым рынком через посредство экспортно-импортных компаний), или, наконец, когда колонизаторов интересовали минерально- сырьевые богатства страны. Позднее, с достижением определенного уровня развития капитализма, некоторые колонии становились объектом промышленной колонизации, т. е. ввоза производительного капитала для инвестиций в обрабатывающую промышленность, ориентированную на африканский рынок.

Мы не будем останавливаться подробно на анализе местных причин различия в формах колонизации. В монографии «Народы Африки» распространение торговой формы в Западной Африке, а переселенческой — в Экваториальной объясняется различием в уровне развития товарных отношений в этих частях континента к началу колонизации [184, стр. 28—29]. Однако применительно к Западной Африке можно заметить, что многие ее народы, особенно в лесной зоне, не знали «вполне развитых» товарных отношений. Возможно, успех торговой колонизации в Западной Африке был связан даже не столько с привычностью отношений обмена, сколько с социальной дифференциацией внутри африканских обществ. Существовал и другой очень важный фактор различий в формах колонизации, а именно особенности географической среды. Переселенческая форма внедрялась легче всего в тех областях, где природные условия допускали акклиматизацию не только самих европейских колонистов, но и привычных им сельскохозяйственных культур. Вопрос о пространственных различиях в формах колонизации еще ждет своего исследователя.

Недостаточно проанализированы и последствия господства той или иной формы колонизации в отдельных странах и районах. Естественно, что экономическое изу

чение Африки в СССР на первых порах было сконцентрировано на анализе различных аспектов империалистического воздействия на хозяйство и общество в африканских колониях. Постепенно это направление дополняется исследованием эволюции африканского общества под влиянием колонизации. Однако систематическое изучение влияния форм колонизации на структуру и географию хозяйства африканских стран еще предстоит провести.

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ТИПА РАЗВИТИЯ

Попробуем более детально рассмотреть механизм формирования хозяйства при торгово-потребительском типе развития, когда торговая колонизация XIX—XX вв. накладывалась на эволюцию потребительского хозяйства коренного населения. Современные социальные и экономические структуры складывались в этом случае под влиянием двух взаимосвязанных, но относительно самостоятельных процессов: торговой колонизации, движущей силой которой выступали экспортно-импортные компании, и преобразования африканского потребительского хозяйства. Лучше всего такой анализ проделать на конкретном примере какой-либо африканской территории, для которой этот тип развития был характерным. Как установлено исследованиями советских историков и экономистов, торговая колонизация была типичной для Западной Африки [171; 184; 221 и др.]. Правда, в таком утверждении допускается известная генерализация, ибо в Западной Африке существовали и хозяйства европейских колонистов (Берег Слоновой Кости, Гвинея), и крупные капиталистические плантации (Либерия). Для разработки же концепции типа надо выделить и исследовать территорию, где данный тип не осложнялся другими.

Такой типичной территорией, или, как говорят географы, «ключом», для нас служил Сенегал. Торговая колонизация осуществлялась здесь со второй половины XIX в. в «чистой» форме. В Сенегале не было хозяйств европейских колонистов, вплоть до 60-х годов не развивалась сколько-нибудь значительно горнодобывающая

промышленность. Переход к промышленной колонизации в 40—50-х годах нашего века отражал естественное развитие торговой ее формы в специфических условиях Сенегала — этой ведущей территории Французской Западной Африки.

Сенегал удобен для анализа и тем, что товарное производство достигло здесь более высокого (по сравнению с большинством колоний в Тропической Африке) уровня. В сельском хозяйстве Сенегала в 1959 г. доля товарной части в валовом продукте составляла около $\frac{2}{3}$ [387]. Свыше $\frac{1}{5}$ всего населения страны проживало в городах с числом жителей более 20 тыс. [33, стр. 1, 4]. Промышленность и строительство в 1959 г. давали около 20% валового общественного продукта [358, стр. 664]. Следовательно, в определенной мере Сенегал можно рассматривать как пример будущей структуры хозяйства в странах, находящихся в сходных социально-экономических условиях, но отстающих в развитии товарного производства.

Изучая торгово-потребительский тип развития на материалах Сенегала, мы выделяли в его экономической истории три различных этапа. В доколониальный период здесь преобладало натуральное производство. Торговая колонизация, втянувшая местные хозяйственные ячейки в международный обмен, привела к образованию на части территории страны особой разновидности мелкотоварного уклада — полунатурального африканского хозяйства, специализированного на экспортной культуре. Наконец, в связи с индивидуальными особенностями колонизации¹ в Сенегале еще при колониальном режиме стал внедряться промышленный капитализм и начала складываться система территориального разделения труда внутри страны.

Периодизация по уровню и характеру развития товарного производства имеет существенное значение для лучшего понимания экономической истории африканских

¹ Благодаря положению на путях колониальной экспансии в сравнительной близости к Европе Сенегал стал «старейшей базой колонизации» [250, стр. 176] в Западной Африке. Здесь была построена первая в Западной Африке железная дорога Сен-Луи—Дакар (1885 г.), которая пересекла густозаселенные земледельческие области. «Морские ворота» Сенегала — Дакар в связи с исключительно выгодным географическим положением превратился в главный экономический центр Французской Западной Африки.

стран. Помогая вскрыть местные факторы экономического развития, она обогащает схемы периодизации по векам всемирной истории. Известно, что хронологические рамки этапов развития товарного производства в отдельных африканских странах зачастую не совпадают. В некоторых случаях (например, в Верхней Вольте) товарное производство до настоящего времени не получило широкого распространения. Другие страны уже вступили в стадию развития промышленного капитализма (например, Сенегал, Берег Слоновой Кости). Неравномерность процессов развития товарного производства, оказывающего влияние на многие стороны африканской действительности, требует пристального внимания историков и географов.

Намеченная выше схема этапов развития товарного производства нуждается в некоторых комментариях. Она отражает известную в политической экономии [16] общую закономерность исторического движения капитализма. В эпоху империализма переход от натурального хозяйства к крупной промышленности в торговых некапиталистических колониях имеет свою специфику, о чем будет сказано ниже.

Выделение патриархального, мелкотоварного и индустриального этапов существенно и для понимания территориальной организации хозяйства, ибо сочетание факторов развития и размещения производительных сил на этих этапах различно. Главная особенность патриархального этапа заключается в изолированности отдельных общин, ведущих натуральное хозяйство. Хозяйство изменчиво в пространстве, но мало меняется во времени. Основную роль в пространственной дифференциации хозяйства играют местные связи и отношения на уровне общин (между занятиями, агротехническими системами и особенностями природной среды; между агротехническими системами и возможностями демографического роста; между системами землепользования и формами землевладения и т. д.). Для объяснения форм патриархального хозяйства его исследователь анализирует прежде всего экологические комплексы, т. е. сочетания местных условий, в которых эволюционируют производительные силы общин.

Специфика индустриального этапа состоит в пространственной интеграции хозяйства на основе крупного

специализированного производства, территориального разделения труда между предприятиями, центрами и районами. Ведущее значение в хозяйственном комплексе приобретает обрабатывающая промышленность, развитие которой уже в меньшей степени зависит от местных условий, чем от положения в системе территориального разделения труда. Для выяснения причин возникновения и роста индустриального производства в том или ином месте необходимо определить рамки территориально-экономической системы, в которую оно входит, рассмотреть данное производство как функциональную часть территориально-экономической системы, проанализировать влияние местных условий на развитие этой части.

Между патриархальным и индустриальным этапами лежит переходный период мелкотоварного хозяйства, в котором ведущее значение экологического комплекса в формировании облика хозяйства данной местности постепенно сменяется определяющей ролью территориально-экономической системы. В процессе перехода от натурального хозяйства к индустриальному особенно важны начальный и конечный моменты мелкотоварного этапа, т. е. появление товарного производства и становление фабрично-заводской промышленности.

В торгово-патриархальных колониях в Африке товарное производство возникло не в результате естественного развития производительности африканского хозяйства и стихийного роста рыночных связей, а как следствие внедрения товарно-денежных отношений извне и в условиях монополизации рынка иностранными экспортно-импортными компаниями. Известны препятствия, с которыми столкнулся иностранный торговый капитал в XIX в. в попытках колонизировать области патриархального хозяйства экономическими средствами (открытием торговых факторий для обмена товарами с африканскими общинами). Только после установления колониального режима — с помощью денежного налога, системы принудительных культур и других форм внеэкономического давления — колонизаторам удалось (да и то в течение более или менее продолжительного срока) направить африканское натуральное хозяйство на рельсы товарного производства.

Внедрение товарного производства в африканское

хозяйство происходило без изменения орудий труда и традиционных систем земледелия — простым расширением посевов (насаждений) товарной культуры, что достигалось перестройкой бюджета времени крестьянской семьи (сокращение времени на возделывание потребительских культур), привлечением рабочих рук извне. Такой экстенсивный механизм развития товарных культур в первичных хозяйственных ячейках объясняет многие экономические и демографические явления в торговопатриархальных колониях, например остроту продовольственной проблемы в странах саванновой зоны (здесь и товарные и потребительские культуры были однолетними и конкурировали между собой в посевах), миграционные потоки из областей натурального хозяйства в ареалы товарных культур и т. д.

Проникновение товарно-денежных отношений в африканское хозяйство зависело от особенностей его социальной организации. Натуральное производство в доколониальной Тропической Африке осуществлялось в условиях большой этнической пестроты населения и широкой гаммы социальных укладов у различных народов. Исследователь товарного производства в торговопатриархальных колониях не может упускать из виду эту неоднородность натурального хозяйства, оказавшую значительное влияние на географию товарных культур.

Монополия экспортно-импортных компаний на зарождающемся рынке африканских колоний имела ряд последствий. Торговый капитал с помощью спроса на те или иные продукты африканского хозяйства добивался его специализации на производстве выгодных колонизаторам культур. Поскольку экспортно-импортные компании были заинтересованы в поставках тропического сырья на мировой рынок, для товарного сектора при торгово-потребительском типе развития в африканских колониях стала характерной экспортная ориентация. Искусственно ограничивая спрос только экспортными продуктами, колонизаторы затрудняли распространение территориального разделения труда внутри страны и развитие товарного производства за пределами ареалов экспортных культур. Монополия на рынке давала иностранному капиталу возможность навязывать мелким хозяйствам специализацию, не соответствующую местным природным и экономическим условиям. В целом

процесс перехода от натурального производства к товарному в торговых колониях Тропической Африки значительно отличался от классической схемы развития товарного производства в старопромышленных странах.

В отличие от переселенческих колоний, где развитие промышленности сдерживается преимущественно экономической политикой метрополий, проводимой в интересах ее монополистических групп, в торгово-потребительских колониях между началом колонизации и зарождением фабрично-заводской промышленности необходим довольно продолжительный мелкотоварный этап, в течение которого созревают предпосылки индустриализации. Формируется современная транспортная сеть. Товарное производство растет вширь, захватывая все новые области; перестройка структуры африканских хозяйств ставит их все в большую зависимость от рынка; конкуренция импортных промышленных товаров вытесняет местные ремесла; возрастает подвижность населения, особенно в годы неурожая или падения цен на экспортные культуры; происходит отделение части сельского населения от земли и рост торгово-промышленного населения в городах. Тем самым закладываются дева важных условия для развития фабрично-заводской промышленности: возникает рынок рабочей силы, расширяется местный спрос на промышленные товары.

Развитие обрабатывающей промышленности в африканских странах отражает два разнородных процесса: естественную эволюцию колонизации, которая вступает в промышленную фазу; становление новой движущей силы экономического развития — национального государства. Последний процесс знаменует собой перерыв постепенности, качественный скачок в истории африканских стран, и здесь его рассматривать мы не будем. Для характеристики торгово-потребительского типа развития нас интересует естественная эволюция колонизации.

В ходе торговой колонизации в некоторых африканских странах сложились местные колониальные группировки иностранного (преимущественно торгового) капитала, достаточно самостоятельные по отношению к промышленному капиталу метрополии. Эти колониальные группировки в определенных условиях (например, нарушение регулярных экономических связей с метрополией) были заинтересованы в создании в колониях

ленных предприятий, удовлетворяющих потребности местного рынка. Перелив торгового капитала в промышленность кладет начало переходу от торговой колонизации к промышленной. В этих случаях промышленное развитие начинается в старых экономических центрах колоний и выражается в возникновении и росте пищевой, текстильной, обувной и прочих отраслей обрабатывающей промышленности, производящих товары для населения.

Развитие обрабатывающей промышленности открывает индустриальный этап в экономической истории африканских стран. В условиях зависимости от иностранного капитала пространственная интеграция хозяйства идет крайне медленно. Промышленные предприятия нередко работают на привозном сырье и значительную часть своей продукции экспортируют в соседние африканские страны. Конкуренция промышленности, сосредоточенной в экономическом центре страны, обычно подавляет промышленное развитие на периферии. Новые предприятия чаще всего возникают в тех же экономических центрах, усиливая неравномерность развития отдельных частей страны. Вместе с тем появление обрабатывающей промышленности дает толчок специализации некоторых районов на производстве новых видов сырья уже для национального рынка. Создаются условия для развития товарного производства и за пределами ареалов экспортных культур.

С учетом общей картины формирования хозяйств при торгово-потребительском типе развития обратимся теперь к сенегальским материалам.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВА В СЕНЕГАЛЕ

В периодизации экономической истории Сенегала как важнейшие вехи выделяются следующие моменты. Рубежом между этапами патриархального и мелкотоварного хозяйства, вероятно, надо считать два последних десятилетия XIX в., когда закладываются основные условия нового этапа. Завершаются колониальные захваты, и французские торговые компании получают возможность намного расширить сферу своего влияния, дотоле ограниченного Зеленым Мысом и долиной Сенегала.

Начинает действовать железная дорога Сен-Луи — Дакар. В результате быстро возрастает производство арахиса на экспорт. Если в 80-х годах в среднем ежегодно вывозилось немногим более 30 тыс. *т*, то в 90-х годах — уже около 60 тыс. *г*, а в первое десятилетие нашего века — [более 130 тыс. *т* [330а, стр. 171].

Условия для перехода от мелкотоварного к индустриальному этапу возникают в Сенегале во второй половине 30-х — начале 40-х годов. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. тяжело отразился на положении мелкотоварных африканских хозяйств. Тысячи сенегальских крестьян покидали родные деревни, направляясь в поисках заработка в города. Численность населения Дакара в 1931—1945 гг. выросла почти в 2,5 раза (в 1921—1931 гг. — в 1,7 раза) [262, стр. 93— 94]. В это время в Дакаре вступают в строй крупные маслوبيнные заводы, ряд предприятий пищевой и легкой промышленности.

Региональные особенности хозяйства в доколониальной Сенегамбии были тесно связаны с различиями в природной среде, а также с этническим фактором — расселением отдельных народов, стоящих на разных ступенях социальной организации и различающихся по трудовым навыкам. В западной части Сенегамбии преобладающей отраслью хозяйственной деятельности было земледелие, тогда как для более засушливых восточных областей с глубоким залеганием подземных вод—основного источника водоснабжения местного населения — характерно кочевое скотоводство. У земледельческих народов в саванне, на богарных землях повсеместно господствовала переложная подсечно-огневая система земледелия, а в долинах рек участки пойменных земель обрабатывались из года в год.

В саванне выделялись два типа переложного земледелия. Волоф, мандинго, фульбе Верхнего Казаманса применяли подсечно-огневую систему с длительными перелогами (10—12 лет), а у народа серер в условиях той же типичной саванны было распространено трехполье. Первая система почти целиком основана на использовании естественного плодородия почв и естественном его восстановлении. Вторая система с зачатками севооборота, внесением в почву органических удобрений путем выпаса скота и с облесением определенными ви-

дам и растительности отражав* более высокую ступень в интенсификации земледелия². Лучшая приспособленность трудовых навыков у серер к местным природным условиям, видимо, объясняется более давним их появлением в пределах современной этнической территории, на что есть указания в литературе [352, стр. 35].

Интересно отметить, что в потребительском хозяйстве Сенегамбии мы не можем проследить прямой связи между степенью развития трудовых навыков, соответственно продуктивностью хозяйства у отдельных народов и уровнем их социальной организации. Например, серер и диола в доколониальный период находились на более ранних стадиях перехода от первобытного рода к классовому обществу, чем волоф и мандинго, отличавшиеся более примитивной агротехникой. Видимо, прогресс социальной организации в значительной мере зависит от контактов между отдельными народами, от развития торговли, на что обратил внимание Ж. Сюрэ- Каналь в своей книге о Западной и Центральной Африке [231, стр. 109]. Анализируя различия в социальном строе народов Сенегамбии, мы приходим к выводу, что эти различия подтверждают отмеченную Сюрэ-Каналем для всей Тропической Африки их зависимость от эконо- мико-географического положения отдельных этнических территорий по отношению к путям и центрам торговли в средневековом Западном Судане.

Наряду с торговыми связями на социальную организацию народов оказали влияние и практикуемые ими системы земледелия. Так, в долине Сенегала в XVI— XVIII вв. сформировалась частная собственность феодального типа на пойменные земли, в то время как другие народы Сенегамбии не знали подобного уклада. Феодальное землевладение скорее всего развивалось там, где процесс разложения первобытнообщинного строя под влиянием исторических факторов зашел наиболее далеко и где вместе с тем природная среда *•- открывала возможность ежегодной обработки одних и тех же участков в течение длительного времени³. На

² Подробную характеристику агротехнических систем у народов Сенегала читатель найдет в [390].

³ Существенную роль в формировании собственности на землю в долине р. Сенегал сыграл военно-феодальный характер государств фульбе, завоевавших долину в XVI в.

богарных землях в саванне фиксация частного землевладения затруднялась длительными сроками оборота культура — залежь. На связь общинного землевладения с переложной системой обработки земли как на характерную для Тропической Африки закономерность указывалось в документах ООН [420, стр. 147].

Этнические различия в агротехнике, общественноэкономических укладах потребительского хозяйства в дальнейшем оказали значительное влияние на формы колонизации Сенегамбии и на неравномерность процесса колонизации в отдельных частях страны.

Основным содержанием мелкотоварного этапа в экономической истории Сенегала было формирование района экспортного земледелия, специализированного на арахисе. Для выяснения факторов развития товарного производства интересный материал дает география культуры арахиса. Ее анализ позволил нам сделать следующие выводы.

Главную роль в размещении экспортной культуры играло транспортное положение отдельных земледельческих местностей по отношению к центрам и путям колонизации (морским портам, железным и шоссейным дорогам). Ведущим условием торговой экспансии было удобство вывоза арахиса. Под влиянием торговой колонизации район экспортного земледелия стремился принять форму сплошной зоны, располагающейся вдоль всего побережья от Сен-Луи до Казаманса. При сохранении традиционной агротехники существенные ограничения на зональное распространение экспортной культуры накладывались природными условиями. В приморской полосе Сенегала пространственные различия в климате и почвах обуславливают значительные вариации в урожайности арахиса. В окрестностях Сен-Луи доходы крестьян с 1 га арахиса были в 5—6 раз ниже, чем в Сине-Салуме и Кайоре. Однако экспортно-импортные компании, открывая новые фактории в сельских местностях, интересовались прежде всего не природными условиями, а транспортными издержками. Поэтому одним из основных очагов товарной культуры арахиса в XIX и в первой трети XX в. были окрестности Сен-Луи, Луги и Нижняя долина Сенегала. Позднее ареал производства арахиса сместился в более благоприятные для этой культуры области суданской 'Сананны.

Внутри района экспортного земледелия наблюдаются ощутимые различия в удельном весе арахиса в посевах у разных народов: у волоф, особенно в районе Диурбе-ля, арахис занимает более половины посевной площади, у серер — 20—30%. Эти различия в степени внедрения товарной культуры в крестьянское хозяйство связываются с особенностями социальной организации волоф и серер. Под влиянием колонизации хозяйство волоф трансформировалось быстрее, чем у других народов. Военно-феодалная аристократия волоф, возглавившая сопротивление колониальным захватам, была почти вся истреблена. Оставшаяся религиозно-феодалная аристократия — мусульманское духовенство — усмотрела в развитии экспортной культуры путь к обогащению. Главы мусульманских религиозных общин использовали свое влияние на верующих для расширения посевов арахиса, приносившего денежный доход. В районе Диурбе-ля и Тубы, где сильно влияние мусульманской секты мюридов [282], многие общины почти полностью переключились на производство товарного арахиса. В противоположность волоф, крестьяне серер больше времени уделяли культуре зерновых, предоставляя возделывать арахис женщинам и пришлым сезонникам [32, стр. 477]. Такое разделение труда ясно указывает на второстепенное значение товарной культуры для серер. Наконец, диола Нижнего Казаманса в течение десятилетий оставались слабо восприимчивыми к попыткам внедрения экспортной культуры. Товарная культура арахиса получает распространение у диола лишь в 50—60-х годах нашего века.

Ограничение рыночного спроса только одним продуктом местного хозяйства — арахисом — лежит в основе пространственной неравномерности развития в Сенегале мелкотоварного производства. За пределами ареала арахиса в условиях торговой колонизации товарное производство не развивалось. Так, примерно с 20-х годов нашего века район экспортного земледелия обособляется от окружающих его областей натурального производства.

Для понимания трансформации африканского хозяйства на мелкотоварном этапе интересен анализ миграций населения, их причин и результатов. Такой анализ был проделан нами в работе «Особенности размещения

Населения в Сенегале» [69]. Он показал, что пространственная неравномерность развития товарного производства вызвала к жизни устойчивые миграционные потоки из патриархальных областей в район экспортного земледелия. Отход из долины Сенегала, народы которой еще в доколониальный период выделялись по уровню социального развития, начался раньше и численно превосходил миграцию из Нижнего Казаманса, где подвижность населения сдерживалась пережитками родовых отношений, а торговая экспансия стала развиваться преимущественно в последние десятилетия. Приток переселенцев и сезонных отходников в район экспортного земледелия создал предпосылки для ускорения экономического развития (дополнительные рабочие руки для расширения посевов арахиса, рынок наемного труда для капиталистической эволюции земледелия, трансформация традиционных аграрных отношений и т. д.). В то же время в областях потребительского хозяйства отход трудоспособного населения, преимущественно мужчин, создавал дополнительные трудности для развития товарного производства.

На этапе мелкотоварного производства начался новый для Сенегамбии процесс урбанизации африканского населения. В приморской части Сенегамбии, вероятно, не существовало таких африканских городов, какие известны в средневековье, например, у хауса или йоруба. В Сенегале города возникали как центры колонизации, были сосредоточены в пределах района экспортного земледелия и росли за счет притока африканцев из сельских местностей. Городское население постоянно пополнялось мигрантами из областей потребительского хозяйства, а в годы экономических кризисов или неурожая города захлестывал поток крестьян арахисопроизводящей зоны. Торгово-административные центры района экспортного земледелия — Тиес, Каолак, Диур-бель, Луга и др. — в такие годы переживали упадок, как и окружающие их сельские местности. Поэтому основной поток мигрантов направлялся в Дакар, где разносторонняя экономическая активность давала надежду найти работу. В 1945 г. население Дакара насчитывало уже 132 тыс., тогда как население Сен-Луи — 50 тыс., Рюфиска — 43 тыс., Каолака — 30 тыс., Тиеса — 24 тыс. [262, стр. 93—94].

Как Известно, а Колониальный период Дакар сfa.fl главным торгово-финансовым центром Французской Западной Африки. Здесь находились конторы крупных экспортно-импортных компаний, многие из которых обосновались в Сенегале еще в прошлом веке. Анализ системы участия по [30] показывает связь ряда промышленных предприятий, возникших на Зеленом Мысе в 30—50-х годах, с торговыми и судовладельческими капиталами. К числу факторов, стимулировавших развитие обрабатывающей промышленности в Дакаре, относились сравнительно емкий местный рынок (большой город со значительной прослойкой европейского населения), удобство транспортных связей с другими колониями Французской Западной Африки, многочисленная резервная промышленная армия. Благоприятное сочетание факторов еще в условиях колониального режима привело к формированию в Дакаре промышленной группировки, включающей не только переработку местного сельскохозяйственного сырья —■ арахиса — для экспорта, но и предприятия, ориентирующиеся на местный спрос.

Процессы урбанизации и промышленного развития неизбежно вызывают углубление территориального разделения труда внутри страны, так как появляется спрос на продовольствие, технические культуры и прочие продукты сельского хозяйства, рыбной ловли, лесоразработок и т. д. В условиях колониального режима, пока рынок остается под контролем экспортно-импортных компаний, формирование новых специализированных ареалов идет очень медленно. Иностранный капитал предпочитает обеспечивать удовлетворение потребностей растущих городов и промышленности за счет импорта. Только политическая самостоятельность, переход внутренней торговли под контроль государства, государственная помощь крестьянским хозяйствам открывают простор развитию товарного производства за пределами ареалов экспортных культур, дают толчок территориальному разделению труда внутри страны.

В Сенегале в 60-х годах формируются новые очаги товарного производства в низовьях р. Сенегал (рисоводство), в Восточном Сенегале (хлопчатник). Успешно развивается возникшая еще в колониальный период пригородная специализация сельского хозяйства на Зеленом Мысе. Новыми отраслями дополняется дакарская

промышленная группировка. Эти явления отражают вступление сенегальской экономики в индустриальный этап своей истории.

В настоящей статье особое внимание обращалось на процесс развития товарного производства, его условия и результаты. Анализируя процесс, мы различали в нем внешнее влияние — колонизацию — и трансформацию африканского хозяйства. Закономерности трансформации африканского хозяйства в условиях различных форм экономической колонизации и на разных этапах развития товарного производства еще недостаточно изучены в нашей литературе. Один из возможных типов эволюции хозяйства, а именно торгово-потребительский, основанный на последовательной трансформации африканских патриархальных укладов и производительных сил в условиях торговой колонизации, мы рассмотрели в общих чертах на материалах Сенегала. Конечно, пример одной страны, пусть даже типичной, еще не позволяет с уверенностью судить о закономерностях данного типа развития; концепция торгово-потребительского типа формирования хозяйства имеет гипотетический характер и нуждается в проверке на материалах ряда стран. Тем не менее, [видимо, уже сейчас можно использовать ее для общей ориентации исследований экономической истории Африки. Из этой концепции вытекает, в частности, важность изучения местных особенностей производительных сил и социального строя доколониального африканского хозяйства. В решении такой задачи важна помощь этнографов. На мелкотоварном и индустриальном этапах возрастает роль территориального разделения труда в формировании африканского хозяйства. Соответственно, экономические исследования товарного производства должны сочетаться с экономико-географическими, раскрывающими факторы и тенденции образования экономических районов, особенности территориальной организации хозяйства на различных уровнях развития товарного производства. Поскольку особенности товарного производства оказывают существенное влияние на эволюцию социальных структур и наоборот, необходим тесный контакт географов и историков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения классиков марксизма-ленинизма* Документы КПСС, коммунистических и рабочих партий

1. М а р к с К- Наброски чтивета на письмо В. И Засулич,— т. 19.
2. М а р к с К- Капитал, т. I,— т. 23.
3. М а р к с К. Капитал, т. II,— т. 24.
4. М а р к с К. Капитал, т. III,— т. 25, ч. I.
5. М а р к с К- Капитал, т. III,— т. 25, ч. II.
6. М а р к с К. Теории прибавочной стоимости («Капитал», т. IV),— т. 26, ч. II.
7. М а р к с К. Теории прибавочной стоимости («Капитал», т. IV),— т. 26, ч. III.
8. М а р к с К. Формы, предшествующие капиталистическому производству,— т. 46, ч. I.
9. М а р к с К. Экономические рукописи 1857—1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»),— т. 46, ч. I.
10. Э н г е л ь с Ф. Развитие социализма от утопии к науке,— т. 19.
11. Э н г е л ь с Ф. Анти-Дюринг,— т. 20.
12. Э н г е л ь с Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства,— т. 21.
13. М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании,— т. 2.
14. М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Немецкая идеология,— т. 3.
15. М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Избранные письма, М., 1948.
16. Л е н и н В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках,— т. 1.
17. Л е н и н В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве,— т. 1.
18. Л е н и н В. И. Развитие капитализма в России,— т. 3.
19. Л е н и н В. И. Проект программы нашей партии,— т. 4.
20. Л е н и н В. И. Еще к вопросу о теории реализации,— т. 4.
21. Л е н и н В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии,— т. 27.
22. Л е н и н В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма,— т. 27.

* Труды В. И. Ленина даны по Полному собранию сочинений, К- Маркса и Ф. Энгельса — по 2-му изданию Сочинений.

23. Ленин В. И. Тетради по империализму,— т. 28.
24. Ленин В. И. II Конгресс Коммунистического интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля,— т. 41.
25. Ленин В. И. Материалы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала. Замечания на доклад А. Султан-Заде о перспективах социальной революции „на Востоке,— т. 41.
26. Ленин В. И. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала,— т. 41.
27. Ленин В. И.—А. М. Горькому. 3 января 1911 г.,—т. 48.
28. Коммунистический Интернационал, в документах (решения, тезисы, воззвания Конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ), 1919-1932 гг., М., 1933.
29. Шестой Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, М.—Л., 1929, вып. 6.

Официальные документы и издания

30. Annuaire des entreprises coloniales 1955—1956, Paris, 1957.
31. Bulletin de la statistique generale de l'A.O.F., Paris, 1956.
32. Bulletin du Comite de l'Afrique Fran^aise, Paris, 1932, № 8.
33. Bulletin statistique et economique mensuel, Supplement, Dakar, 1961, № 8.
34. Bulletin statistique et economique mensuel, Dakar, 1956—1957.
35. Ghana. Office of the Government Statistician. Survey of Population and Budgets of Cocoa Producing Families in the Oda — Swedry — Asamankese Area, 1955—1956, Accra, 1958.
36. Statistical Bulletin for Africa, UNECA, New York, 1967, № 2, pt 1.

Древние и средневековые источники

37. Арабские, источники X—XII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля, М.—Л., 1965.
38. Ал - Макризи. Книга ал-мава'из ва-л-и'тибар би зикр ал-хитат ва-л-асар ли Таки-ад-дин Ахмад ибн 'Али ал-Макризи, ал-Кахира, 1906.
39. Ал - Макризи, Книга ас-сулук ли ма'ряфат дувал ал-мулук, ли Таки-ад-дин Ахмад ибн 'Али ал-Макризи, ал-Кахира, 1934, т. I, ч. 2.
40. Платонов В. М. Краткая хроника алаки Лемлема по рукописи ЛОИНА Эф. 30,— «Africana. Культура и языки народов Африки», М.—Л., 1966 (ТИЭ, т. 90).
41. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря, пер. С. П. Кондратьева,— «Вестник древней истории», 1940, № 2.
42. Страбо н. География, М., 1964.
43. Тураев Б. А. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии, СПб., 1902, прил.
44. Тураев Б. А. Повествование о Дабра-Либаносском монастыре,— «Византийский временник», 1906, т. 17, вып. 2—3.

45. Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв., М.—Л., 1936.
46. Хенниг Р. Неизвестные земли, т. I, М., 1961.
47. Хенниг Р. Неизвестные земли, т. IV, М., 1963.
48. Bougiant U. Makrizi. Description topographique et historique de l'Egypte, Paris, 1900.
49. Conti-Rossini C. Il' Gadla Filpos ed il Gadla Yohannes di Dabra-Bizan,— «Atti della Reale Accademia dei Lincei», ser. V, vol. III, Roma, 1903.
50. Crawford O. G. S. Ethiopian Itineraries Circa 1400—1524, Cambridge, 1958.
51. Drewes A. J. Inscriptions de l'Ethiopie antique, Leiden, 1962.
52. Gaudio I. Annales Yohannis I, Iyasu I et Bakaffa, Paris, 1905.
53. Hillison E. David Reubeni, an Early Visitor to Sennar,— «Sudan Notes and Records», 1933, t. XVI.
54. Mantel-Necko M. Staroainharskie piesni krolewskie, — «Przegląd Orientalistyczny», Warszawa, 1957, № 3, (23).
55. Michael H. A History of the Arabs in the Sudan, vol. I—II, Cambridge, 1922.
56. [Minor sky V.] Hudud al-Alam (The Regions of the World),— Persian Geography 372 A. H.— 982 A. D., London, 1937.
57. [Monod Th., Teixeira da Mota A. et Mauny R.], Description de la cote occidentale d'Afrique (Senegal, Cap de Monte, Archipels) par Valentim Fernandes (1506—1510), Bissau, 1951,
58. Muller C. Fragmenta Historicorum Graecorum, t. IV, Parisiis, 1851.
59. [Quatremere E.] Makrizi, Histoire des sultans mamlouks de l'Egypte, Paris, 1837, t. I, pt 2.
60. Peruchon J. Les chroniques de Zar'a Ya'cqob et de Ba'eda Maryam, rois d'Ethiopie, Paris, 1893.
61. [Strelcyn S.] Kebra Nagast, czyli Chwala Krolow Abisynii, Warszawa, 1957.
62. [Winsted E. O.] The Christian Topography of Cosinas Indio-copleustes, Cambridge, 1909.

Литература

63. Авербух М. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций, М., 1967.
64. Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке, М., 1964.
65. Александровская Л. И. Гана, М., 1965.
66. Александровская Л. И. Африка: Экономические проблемы 60-х годов,— «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 5.
67. Александровская Л. И. Развитие товарно-денежных отношений в африканских колониях Англии,— «Мировая экономика и международные отношения», 1959, № 10.
68. Андриалов Б. В. и Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования,— «Советская этнография», 1972, № 2, стр. 3—16,

69. Анненков В. В. Особенности размещения населения в Сенегале,— «Страны и народы Востока», М., 1969, вып. IX.
70. Анненков В. В. Формирование приморских хозяйственных комплексов в Западной Африке,— «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке», — ч. II, М., 1969.
71. Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества, Л., 1966.
72. Артаиовский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, Л., 1967.
73. Африканский сборник (экономика), М., 1964.
74. Африка. Энциклопедический справочник, т. I, М., 1963.
75. Барбе Р. Общественные классы в Червой Африке, М., 1966.
76. Бахта В. М. К вопросу о структуре первобытного производства,— «Вопросы истории», 1960, № 7.
77. Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество,—* «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968.
78. Белоусова А. М. Диалектика производственных отношений социализма, М., 1970.
79. Берзина С. Я. Предпосылки образования древней Ганы,— «Народы Азии и Африки», 1970, № 1.
80. Бериар О. Северная и Западная Африка, М., 1949¹.
81. Блохин Л. Ф. Берег Слоновой Кости (экономико-географическая характеристика), М., 1967.
82. Брайант Л. Т. Зулусский народ до прихода европейцев, М., 1953.
83. Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии, М., 1964.
84. Буайон Ж. Гам. Рождение африканского государства, М., 1960.
85. Булатович А. [К] С войсками Менелика II, СПб., 1900.
86. Бутинцов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты),— «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968.
87. Бьерре Й., Затерянный мир Калахари, М., 1963.
88. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства, Пг., 1923.
89. Васильева В. Я. Распад колониальной системы империализма, М., 1958.
90. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность, Л., 1949.
91. Виноградова Л. В. Африка: вопросы интеграции экономики, М., 1968.
92. Возникновение и развитие земледелия, М., 1967.
93. Вульф Л. С. Экономический империализм в Азии и Африке, М.—Пг., 1923.
94. Выгодский С. Л. Современный капитализм. Опыт теоретического анализа, М., 1969.
95. Гаврилов Н. И. Западная Африка под гнетом Франции (1945-1959), М., 1961.
96. Гильфердинг Р., Финансовый капитал, М., 1959.
97. Глукман М., Племенной уклад в современной Центральной Африке,— «Советская этнография», 1960, № 6,

98. Гончаров Л. В. Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке, М., 1961.
99. Гордон Л. А., Фридман Л. А. Некоторые особенности социальной структуры развивающихся стран,— «Народы Азии и Африки», 1964, № 6.
100. Гордон Л., Фридман Л. Рабочий класс освободившихся стран,— «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 1.
101. Гордон Л. А., Фридман Л. А. Социальная структура общества и рабочий класс развивающихся стран Азии и Африки,— «Рабочий класс стран Азии и Африки», М., 1966.
102. Губер А. А. Возрастающие возможности успешной борьбы освободившихся стран за развитие национальной экономики,— «Новые явления в экономике современного империализма», М., 1967.
103. Гумилев Л. Н. Этнос как явление,— «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3. Этнография, Л., 1967.
104. Гумилев Л. Н. Этнос и категория времени,— «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 15. Этнография, Л., 1970.
105. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства, М., 1970.
106. Гумилев Л. Н. Внутренняя закономерность этногенеза (Ландшафт и этнос. XIV),—«Вестник ЛГУ», 1973, № 6.
107. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодальных отношений в Западной Европе, М., 1970.
108. Гуревич А. Я. История и сага, М., 1972.
109. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество, М., 1969.
110. Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», М., 1968.
111. Дворжак Л. Экономические основы неокOLONИализма, М., 1969.
112. Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тысячелетия до н. э., — «Вестник древней истории», 1968, № 4.
113. Дятел Е. П. Экономические проблемы зарождения и развития собственности первичных фирмаций. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. экон. наук, Ростов-на-Дону, 1969.
114. Дятел Е. П. Роль труда в историческом процессе возникновения отношений собственности,— в кн.: «Человек — труд — техника», Махачкала, 1969.
115. Дятел Е. П. К вопросу о методологии исследования отношений собственности. Сборник трудов научной конференции. Ротапринт, Хабаровск, 1969.
116. Дятел Е. П. Разделение труда и процесс присвоения в «охотничьем» обществе. Материалы IX научной конференции аспирантов (серия гуманитарных наук), издательству Ростовского университета, 1969.
117. Жаков М. П. Труд, техника и отношения производства возникающего общества,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6.
118. Зелин К. К. Исследование по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э., М., 1960,

119. **З и б е р Н. И.** Очерки Первобытной экономики и культуры, М., 1959.
120. **И в а н о в Ю. М.** Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии, М., 1970.
121. **И л ю ш е ч к и н В. П.** Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. На правах рукописи, М., 1970.
122. **И л ю ш е ч к и н В. П.** Рентный способ эксплуатации в добуру- жуазных обществах древности, средневековья и нового времени. На правах рукописи. Академия наук СССР, Институт востоковедения, М., 1971.
123. Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов, М., 1953.
124. **И о р д а н с к и й В. Б.** Стратегия борьбы за независимость, Гвинея в 1945—1958 гг., М., 1968.
125. **И о р д а н с к и й В. Б.** Расслоение африканского крестьянства,— «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 3.
126. **И о р д а н с к и й В. Б.** Социальные сдвиги в городах Тропической Африки,— «Мировая экономика и международные ОТНОше- ния», 1969, № 10.
127. **И о р д а н с к и й В. Б.** Тупики и перспективы Тропической Африки, М., 1970.
128. История экономической мысли, ч. III, М., 1970.
129. Итоги обсуждения вопроса об уровне социально-экономического развития стран Востока до их превращения в колонии и полуколонии капиталистических держав,— «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
- 130 **К а л е с н и к С. В.** Основы общего землеведения, М., 1955.
131. **К а ц н е л ь с о я И. С.** Сельское хозяйство Напаты и Мероз, -- «Палестинский сборник», Л., 1967, вып. 17(80).
132. **К а ц и е л ь с о я И. С.** Напата и Мероз — древние царства Судана, М., 1970.
133. **К а ш т а н о в С. М.** Феодалный иммунитет в свете марксистско- ленинского учения о земельной ренте,— «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма», М., 1970.
134. **К л е е р Е.** Анализ общественно-экономических структур стран «третьего мира», М., 1968.
135. **К о б и щ а и о в Ю. М.** Общественные отношения в Аксумском царстве,— «Африканский этнографический сборник, V», М.—Л., 1963 (ГИЭ, т. 76).
136. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Ранние известия об охотниках-собира- тях Эфиопии. VII Международный конгресс антропологических и этнрграфических наук, М., 1964.
137. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Золотоносная страна Сасу,—«Палестинский сборник», Л., 1964, вып. 11(74).
138. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Феодализм, рабство и азиатский способ производства,— «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966.
139. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Аксум, М., 1966.
140. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Африканские монеты рассказывают, — «Африка еще не открыта», М., 1967¹.
141. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Фольклорные мотивы в эфиопской литературе,— «Фольклор и литература народов Африки», М., 1970.
142. **К о б и щ а н о в Ю. М.** Доходы аксумских царей (К **Вопросу о**

- социально-экономическом строе Древних африканских государств), — «Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970.
143. Кобищанов Ю. М. К вопросу о социально-экономических отношениях в средневековой Нубии, — «Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970.
 144. Кобищанов Ю. М. «Полюдь» в Тропической Африке, — «Народы Азии и Африки», 1972, № 4.
 145. Ковалевский М. М. Генетическая социология, СПб., 1910.
 146. Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации, М., 1962.
 147. Колесов И. Д. Общественная собственность на средства производства — основное общественное отношение социализма, Л., 1967.
 148. Коллонтай В. М. Иностранные инвестиции в экономике слаборазвитых стран, М., 1960.
 149. Коллонтай В. Выступление на дискуссии о проблемах молодых государств, — «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 4.
 150. Коллонтай В. М. Пути преодоления экономической отсталости, М., 1967.
 151. [Коль-Ларсен Л.] Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи. Собраны Л. Коль-Ларсеном, М., 1962.
 152. Колычева Е. И. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В. И. Ленина и советской историографии, — сб. «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма», М., 1970.
 153. Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении, М., 1969.
 154. VI Конгресс Коминтерна против теории деколонизации, — «Коммунистический интернационал», 1923, № 33—34.
 155. Коирад Н. И. Запад и Восток, М., 1966.
 156. Коростовцев М. А. О характере древневосточного общества, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 3!
 157. Коцакова Н. Б. Города-государства йорубов, М., 1968.
 158. Крылов В. В. Основные тенденции развития аграрных отношений в Тропической Африке, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.
 159. Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев, М., 1967.
 160. Ксенофонт Н. А. О происхождении каменного строительства в Юго-Восточной Африке, — «Некоторые вопросы истории стран Африки», М., 1968.
 161. Ксенофонт Н. А. Машона. Традиционные социальные связи в общине, — «Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970.
 162. Ксенофонта Н. А. Народ Зимбабве (в печати).
 163. Куббель Л. Е. Из истории древнего Мали, — «Труды Института этнографии, т. XXVI. Африканский этнографический сборник», V, М.—Л., 1963.
 164. Куббель Л. Е. Сервильные поселения и их место в этнической истории средней дельты Нигера в XVI в. (по материалам «Тарих ал-фатташ»), VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.), М., 1964.
 165. Куббель Л. Е. К истории общественных отношений в За-

- ИаДном Судане в VIII—XVI вв.,—«Африка в советских исследованиях. Ежегодник», г. I, вып. 1, М., 1968.
166. Кулагин Г. Д. Основные задачи географических исследований зарубежных стран,— «Известия АН СССР, серия географическая», 1963, № 3.
 167. Кумаченко Я. С. Превращение социалистической собственности в коммунистическую собственность, М., 1970.
 168. Левковский А. И. Третий мир в современном мире, М., 1970.
 169. Левин М. Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», II, 1947.
 170. Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области,— «Советская этнография», 1955, № 4.
 171. Летнев А. Б. Деревня Западного Мали. Социально-экономический очерк. 1950—1960 гг., М., 1964.
 172. Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г., М., 1955.
 173. Львова Э. С. Социальная структура государств Куба и Луба (конец XIX в.),—«Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970.
 174. Люксембург Р. Введение в политическую экондию, Л., 1925.
 175. Массон В. М. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка),—«VII Международный конгресс историков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966.
 176. Матей Х. Пигмеи, Бухарест, 1966.
 177. Матвеев В. В. Сообщения ранних арабских авторов о народах банту («Мулук аз-зиндж» — «цари зинджей» в арабских источниках IX—X вв.),— «VII Международный конгресс антро- ш'логических и этнографических наук (Москва, 3—10 августа 1964 г.)», М., 1970, т. IX.
 178. Методологические проблемы экономической теории социализма, М., 1970.
 179. Мировая экономика, М., 1966.
 180. Мисюгин В. М. Суахильская хроника средневекового государства Пате,— «Africana. Культура и языки народов Африки», М.-Л., 1966 (ТИЭ, т. 90).
 181. Мисюгин В. М. Правила наследования престола царями Пате (по суахильской хронике XII—XIX вв.),— «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 3—10 августа 1964 г.)», 1970, т. IX.
 182. Младшая Эдда, М., 1970.
 183. Надь Г. Охотники и собиратели Восточной Африки,— «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе», Л., 197£
 184. Народы Африки, М., 1954.
 185. Национально-освободительное движение в Азии и Африке на новом пути, М., 1968.
 186. Независимые страны Африки, М., 1965.
 187. Нильсен Д. Библийская религия в свете новейших археологических раскопок,— «Вестник древней истории», 1937, № 1.

188. Новая история Стран Зарубежного Востока, М., 1961.
189. Новейшая история Африки, М., 1968, изд. 2.
190. О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX вв.), М., 1962.
191. Ольдерогге Д. А. Основные черты развития систем родства,— «Советская этнография», 1960, № 6.
192. Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры, М.—Л., 1960.
193. Ольдерогге Д. А. Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки,— «Africa. Этнография, история, лингвистика», Л., 1969.
194. Орлова А. С. История государства Конго (XVI—XVII века), М., 1968.
195. Осага Одак Д. Б. Современные этнические процессы в Западной Кении (историко-этнографическое исследование), М., 1971.
196. Основное производственное отношение социализма. Сборник статей под ред. И. И. Кузинова и В. А. Тряпилова, М., 1963.
197. Очерки методологии познания общественных явлений, М., 1970.
198. Иатнем Э. Восьмь лет среди пигмеев, М., 1961.
199. Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии, М., 1969.
200. Першиц А. И. Общественный строй туарегов в XIX в.,— «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968.
201. Петрушевский И. П. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье,— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.
202. Покрытая А. К., Касаткина В. И., Мазур В. К. Социалистическая собственность при переходе к коммунизму, М., 1964.
203. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, М., 1964.
204. Потехин И. И. Военная демократия матебеле,— «Родовое общество. Материалы и исследования», М., 1951.
205. Потехин И. И. Социально-экономический строй южных банту в начале XIX в., М., 1954 (XXIII Международный конгресс востоковедов. Доклады советской делегации).
206. Потехин И. И. О феодализме у ашанти,— «Советская этнография», 1960, № 6.
207. Потехин И. И. Становление новой Ганы, М., 1965.
208. Рабочий класс Африки, М., 1966.
209. Развивающиеся страны в борьбе за независимую национальную экономику (условия, факторы, перспективы), М., 1969.
210. Райт М. В. Народы Эфиопии, М., 1965.
211. [Розов А.] Христианская Нубия, ч. I. Источники для истории христианства в Нубии. Историко-критическое и церковно-археологическое исследование А. Розова, Киев, 1890.
212. Рунгов Л. В. «Юнайтед Африка Компани», М., 1966.
213. Рыбкина В. В. О структуре предмета социологии как системы наук,— «Социологические исследования. Вопросы методологии и методики», Новосибирск, 1966.
214. Сванидзе И. А. Сельское хозяйство Северной Родезии, М., 1963.

215. С в а н и д з е И. А. Королевство Бенин. История, экономика, социальные отношения,— «Некоторые вопросы истории стран Африки», М., 1968.
216. С е м е н о в Ю. И. Проблема становления классов и государства в странах Древнего Востока,— «Народы Азии и Африки», 1965. № 2.
217. С е м е н о в Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки,— «Вопросы истории», 1966, № 8.
218. С е м е н о в Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации,— «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968.
219. С е м е н о в а Л. А. Салах ад-дин и мамлюки в Египте, М.—Л., 1966.
220. С е и т е ш Т. Толкование экономической отсталости, Будапешт, 1967.
221. С к о р о в Г. Е. Французский империализм в Западной Африке, М., 1957.
222. С л е д з е в с к и й И. В. Современные хауса Северной Нигерии. Общественно-политический строй, М., 1966 (дисс.).
223. Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. Материалы научной конференции (февраль 1969 г.), Л., 1969.
224. С м и р н о в С. Р. История Судана (1821 — 1956), М., 1968.
225. С о л о д о в н и к о в В. Г. Вывоз капитала, М., 1957.
226. С о р қ к и н С. Р. Об одной ошибочной концепции в вопросе происхождения человечества,— «Советская этнография», 1958, № 1.
227. Социальные структуры доколониальной Африки, М., 1970.
228. С т е п а н о в Л. В. Проблема экономической независимости, М., 1965.
229. Строительство национальной экономики в странах Африки, М., 1968.
230. С у в о р о в а М. И. Коминтерн в борьбе с мелкобуржуазными экономическими теориями, М., 1969.
231. С ю р е - К а н а л ь Ж. Африка Западная и Центральная, М., 1961.
232. Тенденции экономического и социального развития стран Африки, вып. 1, ч. 2, М., 1967.
233. Теоретические и исторические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г., М., 1969.
234. Т о к а р е в С. А. Происхождение общественных классов на островах Тонга,— «Советская этнография», 1958, № 1.
235. Т о л с т о е С. П. Очерки первоначального ислама,— «Советская этнография», 1932, № 2.
236. Т о л с т о в С. П. Основы этнографии для исторических факультетов государственных университетов, М., 1949.
237. Т у м а н о в а Л. К. Формирование африканской буржуазии, М., 1969.
238. Т у р а е в Б. А. Две аксумские монеты имп. Эрмитажа — «Записки Восточного отделения имп. Русского географического общества», т. I, 1901.
239. Т ю л ь п а н о в С. И. Колониальная система империализма и ее распад, М., 1958.

240. Тюльпанов С. И. Очерки политической экономии (развивающиеся страны), М., 1969.
241. Тягуненко В. Выступление на дискуссии по проблемам индустриализации развивающихся стран, — «Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 5.
242. Усиление загнивания капитализма в условиях нового этапа общего кризиса, М., 1961.
243. Уоддис Дж. Африка. Причины взрыва, М., 1962.
244. Фадеев Л. А. Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо, — «Африканский этнографический сборник», IV, М.—Л., 1962 (ТИЭ, т. 72).
245. Френкель М. Племена — партии — бюрократия, — «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 11.
246. Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии, — «Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе», Л., 1972.
247. Хрустов Г. Категория скачка и проблема становления человеческого общества, — «Советская этнография», 1958, № 11.
248. Хрустов Г. Ф. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, — «Советская этнография», 1956, № 6.
249. Чебоксаров Н. Н. и Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры, М., 1971.
250. Чёрч Дж. Г. Западная Африка. Природная среда и ее хозяйственное использование, М., 1959.
251. Шейнис В. Л. Португальский империализм в Африке после второй мировой войны. Экономические проблемы последней колониальной империи, М., 1969.
252. Шкредов В. Г. Социалистическая земельная собственность, М., 1967.
253. Шмелев М. П. Идеологи империализма и проблемы слаборазвитых стран, М., 1962.
254. Шмелев М. П. Проблемы экономического, роста развивающихся стран, М., 1970.
255. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской Республике, М., 1964.
256. Экономика Африки. Сборник статей, М., 1965.
257. Юнкер В. В., Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886), М., 1949.
258. Юсифов Ю. Б. Элам. Социально-экономическая история, М., 1967.
259. Экономические и политические проблемы Африки (статьи польских ученых), М., 1969.
260. Элленбергер В. Трагический конец бушменов, М., 1956.
261. Янагида Кэндзюро, Философия истории, пер. с яп. М., 1969.
262. Afrique Occidentale Française 1957, Paris, 1958.
263. Amin S. Trois experiences africaines de developpement: le Mali, la Guinee et le Ghana, Paris, 1965.
- 263a. Amin S. Le developpement du capitalisme en Cote d'Ivoire, Paris, 1967.
264. Andreski S. The African Predicament. A Study in the Pathology of Modernisation, London, 1968.

- quatrième campagne de fouilles,— «Annates d'Éthiopie», 1965, t. 6.
266. Arkell A. J. Aixheological Research in West Africa, — «Antiquity», Qlochester, 1944, № 71.
 267. Arkell A. J. Early Khartoum, London, 1949.
 268. Arkell A. J. Gold Coast Copies of the V—VII-th Century Bronze Larapes,— «Antiquity», 1950, XXIV, № 93.
 269. Arkell A. J. Shaheinab, London—New York—Toronto, 1953.
 270. Arkell A. J. A History of Sudan from the Earliest Times to 1821 A. D., London, 1961.
 271. A u b e r t A. Coutume Bambara (cercle de Bougouni),— «Coutumiers juridiques de FAfrique Occidentale Frangaise. T. II. Soudan», Paris, 1939.
 272. B a i s a n F. Nouvelle approche de Bushmen au Kalahari,— «Ethnographie», Paris, 1958—1959, № 53.
 273. B a t t e n T. R. Africa Past and Present, London, 1959.
 274. B a u e r P. T. West African Trade, Cambridge, 1954.
 275. B a u e r P. T., Yamey B. S. The Economics of Under-Developed Countries, Chicago, 1957.
 276. B a u m a n n H. Zur Morphologie des Afrikanischen Ackergerates,— «Koloniale Volkerkunde», Wien, 1944, Bd I, Jg. 6.
 277. B e e c h M. W., The Suk: Their Language and Folklore, Oxford, 1911.
 278. B é z y F. Problemes structurels de l'économie congolaise, Paris, 1957.
 279. Bishop W. and Desmond Clark J. (eds.), Background to Evolution in Africa,— «Proceedings of the Symposium held at Burg Wartenstein, Austria. Jul.— Aug., 1965», Chicago—London, 1967.
 280. B i s s u e l H. Les Touareg de l'Ouest, Alger, 1888.
 281. B l o k h i n e L. F. Le probleme de la repartition de la population rurale par rapport à l'agriculture traditionnelle et l'explosion démographique en Afrique tropicale,— «II Congrès international des africanistes. Communications de la delegation de l'URSS», 1967.
 282. B o u r l o n A. Actualité des mourides et du mouridisme,— «Afrique et Asie», Paris, 1959, № 46.
 283. B r a d b u r y R. The Benin Kingdom and the Edo-Speaking Peoples of the South-Western Nigeria,— «Ethnographic Survey of Africa. Ed. by Darill Forde. Western Africa», pt XIII, London, 1957.
 284. B u c h a n a n N. S., Ellis H. S. Approaches to Economic Development, New York, 1955.
 285. B u c h a n a n K. and P u g h J. Land and People in Nigeria, London, 1955.
 286. B u d g e A. E. W. A History of Ethiopia, Nubia and Abyssinia, vol. II, London, 1928.
 287. B u l l A. The Nilotes of the Anglo-Egyptian Sudan and Uganda,— «Ethnographic Survey of Africa. Ed. by Darill Forde. East Central Africa», pt IV, London, 1952.
 288. C a p e t M. Traité d'économie tropicale. Les économies d'A.O.F.? Paris, 1958.
 289. C a i l l a u d F. Voyages à Meroe, Paris, 1926.
 290. C h a r d o n n e t J. Une Oeuvre nécessaire: l'industrialisation de l'Afrique, Genève—Paris, 1956.

291. Cerulli E. Studi Etiopici, vol. III, Roma, 1938.
292. Cerulli E. Note sul movimento Musulmano nella Somalia,— «Rassegna degli studi orientali», Roma, 1923.
293. Chapman S. A Sirikwa Hole on Mount Elgon,— «Azania», Nairobi—Addis Ababa—Lusaka, 1966, I.
294. Chilver E. M. «Feudalism» in the Interlacustrine Kingdoms,— «East African Chiefs», ed. by A. Richards, London, 1960.
295. Chittick N. The «Shirazi» Colonization of East Africa,— «The Journal of African History», 1965, VI, № 3.
296. Chittick N. Kilwa Excavations: a Preliminary Report,— «Azania», 1966, I.
297. Chittick N. Unguja Ukuu: the Earliest Imported Pottery and an Abbasi Dinar,— «Azania», 1966, I.
298. Chittick N. Six Early Coins from near Tanga,— «Azania», 1966, I.
299. Cline W. Mining and Metallurgy in Negro Africa,— «General Series in Anthropology», № 5, Menasha, 1937.
300. Colucci M. Principi di Diritto Consuetudinario della Somalia Italiana Meridionale. I Gruppi Sociali—La Propriety, Firenze, 1924.
301. Conti-Rossini C. I Mekano i Suro dell'Etiopia del Sud-Ovest e il loro linguaggio,— «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei», Roma, 1920, XXII, № 7—10.
302. Cucinotta E. Delitti, pena e giustizia presso i Somali del Benadir,— «Rivista Coloniale», Roma, 1921, vol. 16.
303. Cumming D. C. The History of Kassala and Province of Taka,— «Sudan Notes and Records», Khartoum, 1937, vol. XX.
304. The Distribution of Nation Income, New York, 1968.
305. Driberg J. II. The Lango, London, 1923.
306. Driberg J. H. Lafon Hills,— «Sudan Notes and Records», Khartoum, 1925, vol. X.
307. Dunham D. Royal Cemeteries of Kush, vol. IV. Royal Tombs at Meroe and Barkal, Boston, 1957.
308. Duveyrier li. Les Touareg du Nord, Paris, 1864.
309. Economic Transition, Evanston, 1964.
310. The Economics of Africa, London, 1969.
311. Evans-Pritchard E. E. A Preliminary Account of the In-gassana Tribe in Fung Province,— «Sudan Notes and Records», Khartoum, 1927, vol. X.
312. Evans-Pritchard E. E. The Political System of Anuak, London, 1940.
313. Fagan B. M. Early Iron Age Pottery in The East and South Africa,— «Azania», 1966, vol. I.
314. Ferrandi G. Lugh. Seconda spedizione di Bottego, Roma, 1903.
315. Firth R. We, the Tikopia, London, 1936.
316. Floyd B. Terrace Agriculture in Eastern Nigeria. An Example of a Community Maḳi,— «The Nigerian Geographical Journal», Lagos, 1964, № 4.
317. Forde D. C. The Joruba-Speaking Peoples of South-Western Nigeria,— «Ethnographic Survey of Africa. Ed. by Darill Forde. Western Africa», pt IV, London, 1951.
318. Fouche L. Mapungubwe: Ancient Bantu Civilization on the Lompopo, Cambridge, 1937.

319. Fourneau J. Sur les perles anciennes de pate de verre provenant de Zanaga (Moyen Congo),— «Bulletin de l'IFAN», Dakar, 1952, № 3.
320. Fourneau J. Recherche sur l'origine des perles de Zanaga,— «Bulletin de l'IFAN», 1954, № 1-2.
321. Freeman-Qrenville G. S. East African Coin Finds,— «Journal of African History», 1960, vol. 1, № 1.
322. Gallie R., Baldwin K. D. S., Dina I. O. Nigerian Cocoa Farmers, London, 1956.
323. Galloy P., Vincent Y. et Forget M. Nomades et paysans d'Afrique Noire occidentale. Etudes de geographie soudanaise publiees par les soins de Xavier de Planhol, Nancy, 1963.
324. Geography of Africa, London, 1970.
325. Gifford J. Tongan Society, Honolulu, 1929.
326. Grottanelli V. L. Missione etnografica nell'Vollaga Occidentale. 1. Mao, Roma, 1940.
327. Gluckman M. Economy of the Central Barotse Plain, Livingstone, 1941.
328. Grael P. B. Life in the Manor in Gisaka (Rwanda),— «Journal of African History», 1965, vol. VI, № 3.
329. Grauwet R. Une statuette egyptienne au Katanga,— «La revue coloniale beige», Bruxelles, 1954, vol. 9, № 214.
330. Guirart J. La chefferie en tant que forme primaire de l'Etat,— «Труды VI Международного конгресса антропологических и этнографических наук», М., 1967, т. 3.
- 330a. Guid'AOF 1966—1957, Dakar.
331. Gulliver P. and P. H. The Family Herds, London, 1955.
332. Guinde M. Die Twiden. Pygmaen und Pygmanoiden im tropischen Afrika, Wien — Stuttgart, 1956.
333. Haberland E. Zum Problem der Jager und besonderen Kasten in Nordost- und Ost-Africa, «Paideuma», 1962, H. 2.
334. Hayley T. I. S. The Anatomy of Lango Religion and Groups, London, 1947.
335. Hemptinne de M. «Les Mangeurs de citivre» du Katanga,— «Congo», Leopoldville, 1926, vol. 1, № 3.
336. Ha nee W. The Geography of Modern Africa, New York — London, 1964.
337. Hazlewood A. The Economy of Africa, London, 1961.
338. Herskovitz M. J. The Cattle Complex in East Africa, Washington, 1926.
339. Hill P. The Gold Coast Cocoa Farmer, London, 1956.
340. Hill P. Migrant Cocoa-Farmers of Southern Ghana, Cambridge, 1963.
341. Himmelheber H. U. Die Dan, ein Bauervolk im westafrikanischen Urwald, Stuttgart, 1958.
342. Hintze F. Preliminary Note on the Epigraphic Expedition to Sudanese Nubia,— «Kush», 1963, vol. 11.
343. Hirschberg W. Bemerkungen zur Frage einer primären Primitivität der Pygmaen,— «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1957, Bd 57.
344. Hole H. M. The Making of Rhodesia, London, 1926.
345. Hollis J. S. The Nandi: Their Language and Folklore, Oxford, 1909.

346. Hollis J. S. *The Masai: Their Language and Folklore*, Oxford, 1912.
347. Holy L. *Social Stratification in Rwanda*,—«*Social Stratification in Tribal Africa*», Praha, 1968.
348. [Huffnagel H. P.] *Agriculture in Ethiopia*, Rome, 1961.
349. Huntingford G. W. *The Northern Nilo-Hamites*,—«*Ethnographic Survey of Africa*. Ed. by Darill Forde. *East Central Africa*», pt VI, London, 1953.
350. Huntingford G. W. *The Southern Nilo-Hamites*,—«*Ethnographic Survey of Africa*. Ed. by Darill Forde. *East Central Africa*», pt VIII, London, 1953.
351. Huntingford G. W. *The Economic Life of the Dorobo*,—«*Anthropos*», 1955, Bd 50.
352. Jaire J. *La place des Wolofs dans l'ethnologie senegalaise*. Ire Conference Internationale des Africanistes de l'Ouest, Dakar, 1945.
353. Kandert J. *Social Stratification of the Zande*,—«*Social Stratification in Tribal Africa*», Praha, 1968.
354. Kirkm an J. S. *The Arab City of Gedi*, Oxford, 1954.
355. Kohl - Larsen L. *Kleiner grosser schwarzer Mann*, Eisenach und Kassel, 1956.
356. Kohl - Larsen L. *Wildbeuter in Ostafrika. Tindiga, ein Jager und Sammlervork*, Berlin, 1958.
357. Krig e E. J. *The Social System of the Zulu*, Johannesburg, 1936.
358. *La croissance de l'industrie mondiale 1938—1961. Tableaux par pays*, New York, 1963.
359. Lebeuf J. P. *Archeologie tchadienne. Les Sao du Cameroun et du Tchad*, Paris, 1962.
360. Lebez e i l e r V. *Eingeborenenkulturen in Sfldwest- und Sudafrika*, Leipzig, 1934.
361. Lewis I. M. *The Peoples of the Horn of Africa. Somali, Afar and Saho*—«*Ethnographic Survey of Africa*. Ed. by Darill Forde. *North-Eastern Africa*», pt I, London, 1955.
362. Lhote H. *La connaissance du fer en Afrique Occidentale*,—«*Bulletin de l'IFAN*», 1953, vol. XV, N° 2.
363. Lips J. *Die Erntevölker, ein wichtige Phase in der Entwicklung den menschlichen Wirtschaft*, Berlin, 1953.
364. Lloyd P. C. *Craft Organization in Yoruba Towns*,—«*Africa*», 1953, vol. XXIII, N° 1.
365. Logan M. H. *The Beir*,—«*Sudan Notes and Records*», 1918, vol. 1.
366. Lombard J. *Structures de type «feodal» en Afrique Noire*, Paris—La Haye, 1965.
367. Ma ir P. L. *Clientschip in East Africa*,—«*Cahiers d'etudes africaines*», 1961, t. 11.
368. Ma ir P. L. *Primitive Government*, Harmondsworth, 1964.
- 368a. Malinowski B. *Dynamics of Culture Change*, New Haven, 1945.
369. Mansfeld A. *Urwald-Dokumente*, Berlin, 1908.
370. Maquet J.-J. *Systeme des relations sociales dans le Ruanda ancien*, Tervuren, 1954.
371. Maquet J.-J. *The Premise of Inequality in Ruanda. A Study of Political Relations in a Central African Kingdom*, Oxford, 1961.

372. M a q u e t J.-J. Une hypothese pour l'etude des feodalites africaines,—«Cahiers d'etudes africaines», 1961, vol. IT.
373. M a s o n Ph. The Birth of Dilemma. The Conquest and Settlement of Rhodesia. London, 1958.
374. M a t t h e w s D. and M o r d i n i A. The Monastery of Debre-Damo, Ethiopia,—«Archaeologia», 1959, vol. XCVII.
375. M a u d u i t J. Kalahari. La vie des Bochimans, Paris, 1954.
376. M a u n y R. Decouverte a Gao d'un fragment de poterie email- lee du moyen age musulman,—«Hesperis», 1952, XXXIX.
377. M a u n y R. Monnaies anciennes d'Afrique occidentale,— «Notes africaines», 1949, N° 42.
378. M a u n y R. Notes d'archeologie au sujet de Gao,— «Bulletin de 1TFAN», 1951, XIII, N°3.
379. M a u n y R. Essai sur l'histoire des metaux en Afrique Occidentale,—«Bulletin de 1TFAN», 1952, vol. XIV, N° 2.
380. M c C u i l l o c h M., L i t t l e w o o d M., D u g a s t I. Peoples of the Central Cameroons,— «Ethnographic Survey of Africa. Ed. by Darill Forde. Western Africa», pt IX, London, 1954.
381. M e i l l a s s o u x C. Anthropologie economique des Gouro de la Cote d'Ivoire. De l'economie de subsistence a l'agriculture commerciale, Paris, 1964.
382. M e y e r F. Wirtschaft und Recht der Herero, Berlin, 1905.
- 382a. M u n z i g e r W. Uber die Sitten und das Recht der Bogos, Winterthur, 1859.
383. M u n z i g e r W. Ostafrikanische Studien, Schaffhausen, 1864.
384. N a d e l S. F. Black Byzantium. The Kingdom of Nupe in Nigeria, London, 1961.
385. N i p p o l d W. Die Anfange des Eigentums bei den Naturvol- kern und Entstehung des Privateigentums, 's-Gravenhage — La Haye, 1954.
386. N i p p o l d W. Indivduum und Gemeinschaft bei den Pygmaen, Buschmannern und Negrito-Volkern Siidost-Asiens, Braunschweig, 1960.
387. Notes et etudes documentaires, Paris, 1962, N° 2911.
388. O n n e k e n D. Die Konigskultur Kaffas, Stuttgart, 1953.
389. P a u l m e D. Structures sociales traditionnelles en Afrique Noire,— «Cahiers d'etudes africaines», 1960, N° 1.
390. P e l l i s s i e r P. Les paysans du Senegal, Saint-Irieix, 1966.
391. P e r h a m M. The Government of Ethiopia, London, 1948.
392. [P e t i t - P o n t M.] Structures traditionnelles et developpement, Paris, 1968.
393. P e t e r s D. Land Use in Barotseland, Lusaka, 1960.
394. P o r t e r e s R. Berceaux agricoles primaires sur le continent africain,— «Journal of African History», 1962, vol. III, N° 2.
395. P o z n a n s k y M. Prelude to the History of East Africa, Nairobi, 1967.
396. P h i l i p p a r t L. L'Organisation soeiale dans le Bas-Congo,— «Congo», Bruxelles, 1920, vol. I—II.
397. P h i l i p s o n D. W. A Stone Mortar from Northern Malawi,— «Azania», 1966, vol. I.
398. P r i n c e W. H. J. The Swahili-Speaking Peoples of Zanzibar and the East African Coast,—«Ethnographic Survey of Africa. Ed. by Darill Forde. East Central Africa», pt XII, London, 1961.

399. Rangeley W. H. Ancient Iron Working of the Nyika Plateau,— «Nyasaland Journal», 1960, t. XIII.
400. Raubin H. La Dynamique des techniques agraires en Afrique tropicale du Nord, Paris, 1967.
401. Ricard T. A. Mining and Civilization,— «Quarterly of the Colorado School of Mines», 1927, vol. XXII, № 3, July.
402. Ricard T. A. The Early Use of Metals,— «The Journal of the Institute of Metals», 1930, vol. XLIII.
403. Ricard T. A. Man and Metals, vol. I, New York — London, 1932.
404. Roscoe J. The Bakitara or Banyoro, Cambridge, 1923.
405. Roscoe J. The Bariyankole, Cambridge, 1923.
406. Rouch J. Contribution a l'Histoire des Songhay,— «Memoires de l'IFAN», № 29, Dakar, 1953.
407. Sassoon H. Engaruka: Excavations during 1964,— «Azania», 1966, vol. I.
408. Schebesta P. Die Bambuti-Pygmäen von Ituri, Bruxelles, 1941.
409. Seligman O. G. The Dinka,— «Journal of the Royal Anthropological Institute of the Great Britain and Ireland», 1922, vol. XLIII.
410. Seligman C. G. and B. Z. The Social Organization of the Lotuko,— «Sudan Notes and Records», 1925, vol. VIII.
411. Seligman C. G. and B. Z. Pagan Tribes of the Nilotic Sudan, London, 1932.
412. Schapera J. The Old Bantu Culture,— «Western Civilizations and the Natives of South Africa», London, 1934.
413. Schapera J. The Tswana, London, 1953.
414. Sik E. Histoire de l'Afrique Noire, Budapest, 1965.
415. Simoons F. J. Some Questions on the Prehistory of Ethiopia,— «Journal of African History», 1965, vol. VI, № 1.
416. Smith M. G. The Economy of Hausa Communities of Zaria, London, 1955.
417. Social Change. The Colonial Situation, New York, 1966.
418. Social Change in Modern Africa, London, 1961.
419. Southall A. W. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination, Cambridge, 1953.
420. Special Study on Social Conditions in Non-Self-Governing Territories. Analyses of Information Transmitted to the Secretary-General (1957-1958), New York, 1958.
421. Sterning D. J. Savannah Nomads. A Study of the Wosaabe Pastoral Fulani of Western Bornu Province, Northern Region, Nigeria, Oxford, 1959.
422. Stuchlik M. Social Stratification of the Herero,— «Social Stratification in Tribal Africa», Praha, 1968.
423. A Study of Contemporary Ghana, vol. I, II, London, 1967.
424. Sullivan J. E. G. A Review of Pottery from Kenya Highlands,— «South African Archeological Bulletin», Johannesburg, 1964, vol. XIX.
425. Sutton J. E. G. The Archeology and Early Peoples of the Highlands of Kenya and Northern Tanzania,— «Azania», Dar es Salaam, 1966, vol. I.
426. Sutton J. E. G. Ethiopian Echoes in East Africa: Fact and Fantasy, Addis Ababa, 1966.

427. Fheal G. and McCall J. Records of Southeastern Africa, vol. III, Cape Town, 1898-1903.
428. Thompson V., Adloff R. French West Africa, London, 1958.
429. Trapnell C. The Soils, Vegetation and Agriculture of North-Eastern Rhodesia, Lusaka, 1943.
430. Tricart J. Le café en Côte d'Ivoire,— «Les Cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1957, vol. 10, № 39.
431. Tobias Ph. V. Les Bochimans Auen et Naron de Ghanzi,— «Anthropologie», Paris, 1955, vol. 59, № 3—4.
432. Trillé R. P. Les Pygmées de la Forêt Equatoriale, Paris, 1932.
433. Ubooma J. A Socio-Economic Survey of a Rural Community in South-Eastern Nigeria, Oluwasanmi, Dema etc., London, 1966.
434. Van Hove J. Essai sur droit coutumier du Ruanda, Bruxelles, 1941.
435. Velten C. Sitten und Gebräuche der Suaheli,—MSOS, Jg 1, 1898.
436. Wagner G. The Political Organisation of the Bantu of Cavi-rondo,— «African Political Systems», London, 1941.
437. Wainright G. A. The Coming of Iron to Some African Peoples,— «Man», London, 1942, № 61; 1943, № 67.
438. Wainright G. A. The Founders of the Zimbabwe Civilization,— «Man», 1948, № 78; 1949, № 80.
439. Wainright G. A. The Coming of Iron to the Bantu,— «Man», 1950, № 116.
440. Wainright G. A. The Diffusion of UMA as a Name for Iron,— «Uganda Journal», 1954, vol. XVIII.
441. Wainright G. A. The Jada and Their Name for Iron,— «Man», 1955, № 62.
442. Walsh R. H. The Beri, or More Correctly Pari,— «Sudan Notes and Records», Khartoum, 1922.
443. Wang Yi-Tung, Slaves and Other Comparable Social Groups of the Northern Dynasties (386—618),— «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1953, vol. XVI, № 3—4.
444. Watson W. Tribal Cohesion in a Money Economy, Manchester, 1958.
445. Westermann D. The Schilluk People: Their Language and Folklore, Philadelphia, 1912.
446. Westermann W. The Slave System of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955.
447. Whiteley W., Sisk J. Bemba and Related Peoples of Northern Rhodesia. Peoples of the Luapula Valley,— «Ethnographic Survey of Africa. Ed. by Darill Forde. East Central Africa», pt II, London, 1951.
448. Wohlenberg H. und Jensen A. E. Im Lande Des Gada: Wanderungen zwischen Volkstümern Siidabessiniens, Stuttgart, 1936.

От авторов	3
<i>Ю. М. Корищанов.</i> Пространственно-временные структуры истории Африки	5
<i>Е. П. Дятел.</i> Присваивающее хозяйство у пигмеев, бушменов и тиндига: особенности воспроизводства и развития .	46
10. <i>М. Кобищанов.</i> Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития	85
<i>И. В. Следзевский.</i> Колониальные общества. Некоторые проблемы развития и воспроизводства многоукладности (на примере Западной Африки)	291
<i>В. В. Анненков.</i> Формирование товарного хозяйства в условиях торговой колонизации	427
Библиография	446

АФРИКА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОТСТАЛОСТИ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

*Утверждено к печати
Институтом Африки
Академии наук СССР*

*Редактор Н. В. Баринова
Младший редактор Н. А. Кочнева
Художник М. Р. Ибрагимов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Ш. Береславская
Корректоры Л. И. Письман и М. З. Шафранская*

Сдано в набор 5/XI 1973 г. Подписано к печати 13/III 1974 г.
А-07960. Формат 84 × 108^{1/32}. Бум. № 1. Печ. л. 14,5. Усл. п. л. 24,36
Уч.-изд. л. 25,99. Тираж 2100 экз. Изд. № 3273. Зак. № 942. Цена 2 р. 70 к.